

ISSN 0868-5169

Р 4(124)' 2024 РЕГИОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Журнал основан в 1963 г. Издавался под названием «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», в 1993 г. зарегистрирован как самостоятельное научное издание – «Регион: экономика и социология». Выходит четыре раза в год.

Издатель: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации
промышленного производства (ИЭОПП)
Сибирского отделения
Российской академии наук

Учредители: Сибирское отделение РАН,
ИЭОПП СО РАН,
Исполнительный комитет Межрегиональной
ассоциации «Сибирское соглашение»

Редакционная коллегия:

В.Е. Селиверстов (главный редактор), Т.Ю. Богомолова (заместитель главного редактора), В.И. Суслов (заместитель главного редактора), С.Р. Халимова (выпускающий редактор), Е.С. Копылова (ответственный секретарь), Е. Баньски (Польша), Б. Батбуян (Монголия), Дж. Батчлер (Великобритания), Н.Д. Вавилина, Т.С. Вертинская (Республика Беларусь), В.М. Геец (Украина), Б.С. Жихаревич, Е.А. Коломак, Н.А. Кравченко, Ж.А. Кулекеев (Казахстан), В.В. Кулешов, Ю.Г. Лаврикова, В.Н. Лексин, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.С. Новоселов, И. Пальне-Ковач (Венгрия), А.Н. Пилясов, Б.Н. Порфирьев, Б.Г. Санеев, С.В. Соболева, Ш. Табата (Япония), Г.А. Унтура, О.П. Фадеева

Адрес редакции: 630090, г. Новосибирск,
просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

**Региональная политика
и экономические проблемы федерализма**

<i>Буфетова А.Н.</i> О пространственной неоднородности и пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России . . .	3
<i>Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А.</i> Налоговые поступления в Российской Федерации: отраслевые и региональные структурные сдвиги	34
<i>Васильев Д.К., Лимонов Л.Э.</i> Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финансиализации	65
<i>Ершов Ю.С., Мельникова Л.В.</i> Сибирский периферийный округ: стабильность или стагнация?	90

**Экономические проблемы
развития регионов**

<i>Иванов П.А.</i> Оценка экономической специализации региона на основе метода TOPSIS	120
<i>Халимова С.Р.</i> Оценка вклада компаний разного возраста и размера в развитие региональных рынков	143
<i>Сысоева Н.М.</i> Укорененный сектор экономики в сибирских регионах	171
<i>Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А.</i> Обработывающая промышленность на Востоке России в условиях экономических шоков	192

**Социальные проблемы
регионального развития**

<i>Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.</i> Социально-экономические детерминанты консолидации городских сообществ в приграничных регионах Центрально-Черноземной России	222
<i>Осмоловская-Суслина А.Л., Борисова С.Р.</i> Покупательная способность работников в субъектах РФ по видам экономической деятельности	253
<i>Мерзлов А.В., Воронцова Н.В., Тимофеев Ю.В., Страхова М.А.</i> Сельская местность глазами туристов и новых жителей	282

**Региональные и межрегиональные аспекты
структурной и инвестиционной политики**

<i>Ягольницер М.А.</i> Особенности институциональных механизмов инновационного развития регионов России	300
<i>Кузавко А.С.</i> Актуальные аспекты трансформации экономики российско-белорусского приграничья в условиях межгосударственной интеграции	326
Содержание журнала за 2024 г.	355

**Regional Policy
and Economic Issues of Federalism**

<i>Bufetova, A.N.</i> Spatial Heterogeneity and Spatial Autocorrelation of Economic Activity Levels in Russian Regions	3
<i>Lavrovskii, B.L. and E.A. Goryushkina.</i> Tax Revenues in the Russian Federation: Sectoral and Regional Structural Shifts	34
<i>Vasiliev, D.K. and L.E. Limonov.</i> Uneven Development of the Russian Regions in Context of Infrastructure Financialization	65
<i>Ershov, Yu.S. and L.V. Melnikova.</i> Siberian Peripheral District: Stability or Stagnation?	90

**Economic Issues
of Regional Development**

<i>Ivanov, P.A.</i> Assessing Regional Economic Specialization Using the TOPSIS Method	120
<i>Khalimova, S.R.</i> Assessing the Contributions of Companies by Age and Size to Regional Market Development	143
<i>Sysoeva, N.M.</i> Embedded Sector of the Economy in Siberian Regions	171
<i>Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik and I.A. Zabelina.</i> Manufacturing Industry in Eastern Russia Amid Economic Shocks	192

**Social Issues
of Regional Development**

<i>Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova and Zh.A. Shapoval.</i> Socio-Economic Determinants of Urban Community Consolidation in the Border Central Black Earth Regions of Russia	222
<i>Osmolovskaya-Suslina, A.L. and S.R. Borisova.</i> Purchasing Power of Workers by Sectors in Russian Regions	253
<i>Merzlov, A.V., N.V. Vorontsova, Yu.V. Timofeenko and M.A. Strakhova.</i> The Countryside Through the Eyes of Tourists and New Residents	282

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

<i>Yagolnitser, M.A.</i> Features of Institutional Mechanisms in the Innovative Development of Russian Regions	300
<i>Kuzavko, A.S.</i> Current Aspects of Economic Transformation in the Russian-Belarusian Border Region under Interstate Integration	326
Contents over 2024	355

УДК 332.12

Регион: экономика и социология, 2024, № 4 (124), с. 3–33

А.Н. Буфетова

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АВТОКОРРЕЛЯЦИИ УРОВНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности проявления пространственных эффектов перелива в экономике России и их связь с уровнем экономической активности и степенью ее различия в регионах. Исследование опирается на анализ пространственной обусловленности динамики распределения региональных показателей с использованием методов, основанных на теории марковских процессов с дискретным временем и непрерывным пространством состояний. Показано, что не только низкий уровень экономической активности, но и сильное различие в ее уровне является препятствием для проявления положительных пространственных экстерналий: регионы, значительно отстающие от своих соседей, не демонстрируют ускорения развития и увеличивают отставание как от соседей, так и от среднего по всей совокупности. Напротив, небольшая степень различия соседних регионов и уровень экономической активности в них выше среднего способствуют проявлению пространственных эффектов перелива, сближению уровней экономической активности и, как следствие, положительной пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах. Наибольшее ускорение в этом случае получают регионы, догоняющие своих соседей, лидеры же несколько замедляют темпы развития. Таким образом, пространственная автокорреляция, отражающая степень сходства соседних регионов, может быть как следствием процессов пространственной

концентрации или дисперсии экономической активности, так и причиной, усиливающей эти процессы.

Ключевые слова: экономическая активность; регионы России; пространственные эффекты перелива; пространственные экстерналии; пространственная автокорреляция; динамика распределения; теория марковских процессов

Для цитирования: Буфетова А.Н. О пространственной неоднородности и пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 3–33. DOI: 10.15372/REG20240401.

ВВЕДЕНИЕ

Неоднородность пространственного развития является следствием действия объективных природно-географических факторов, внутренней и внешней экономики на масштабе, издержек коммуникации, работы рыночных механизмов, к которым можно отнести и пространственные эффекты перелива (пространственные экстерналии)¹. Последние представляют собой ситуации, когда изменения в каких-либо географических единицах (населенных пунктах, регионах или странах) влияют на процессы не только в них, но и в соседних с ними географических единицах.

Влияние это двоякое. С одной стороны, концентрация экономической активности в пределах той или иной территории может происходить за счет стягивания ресурсов других территорий. Например, экономический рост одних территорий, усиливающий их конкурентные преимущества, может приводить к снижению привлекательности других, пространственно близких территорий и, соответственно к сокращению инвестиций и снижению экономической активности в них. Точно так же концентрация экономической активности в пределах

¹ Поскольку эффекты перелива (спилловер-эффекты) представляют собой в чистом виде экстерналии (внешние эффекты), то термины «пространственные экстерналии» и «эффекты перелива» используются как эквивалентные.

каких-либо территорий формирует разнообразие предложения вакансий на рынке труда, повышает уровень заработной платы и стимулирует приток рабочей силы из других территориальных единиц. В результате территории, имеющие конкурентные преимущества и концентрирующие экономическую активность, стягивая ресурсы соседних территорий, тормозят развитие последних, что способствует усилению пространственного неравенства. В данном случае наблюдается проявление отрицательных пространственных экстерналий (эффектов перелива). При их преобладании развитые территории оказываются в окружении менее развитых, пространственное неравенство усиливается, а статистически такая схема пространственного распределения экономической активности будет отражаться отрицательной пространственной автокорреляцией².

С другой стороны, концентрация экономической активности может, напротив, способствовать развитию других территорий, оказывая стимулирующее воздействие через торговые отношения, перемены капитала, производственно-технологические связи, трансфер производственных и управленческих технологий, в результате распространения опыта, успешных практик, знаний, институционального заимствования и проч. В этом случае наблюдается положительный эффект перелива, называемый еще переливом роста, или положительные пространственные экстерналии. При преобладании положительных эффектов перелива различие между соседними территориями будет не столь велико, центры концентрации экономической активности будут содействовать развитию соседних территорий, развитые территории будут окружены развитыми, что статистически отражается положительной пространственной автокорреляцией.

Исследования пространственных эффектов перелива в России начались сравнительно недавно, и основные их результаты следующие.

² В пространственной эконометрике под пространственной автокорреляцией понимается мера того, в какой степени расположенные вблизи друг от друга объекты характеризуются тенденцией иметь сходные значения исследуемого показателя.

Пространственные переливы роста в России в целом проявляются для соседних регионов, быстрорастущие регионы в среднем находятся в окружении относительно быстрорастущих соседей, так же как и относительно богатые регионы находятся в окружении относительно богатых [5; 10]. Подтверждает эти выводы и выявленная конвергенция развитых регионов, соседствующих с развитыми, и более слабая конвергенция слаборазвитых регионов, соседствующих со слаборазвитыми [16].

Вместе с тем межрегиональные переливы роста в России слабы, неоднородны и асимметричны: в европейской части страны они сильнее, в азиатской – слабее или даже отрицательные; эффекты перелива, генерируемые западными регионами, оказывают влияние на восточные, но не наоборот; бедные и средние регионы испытывают влияние положительных пространственных экстерналий, если они соседствуют с растущими регионами, богатые испытывают негативное влияние соседних регионов [2; 7; 13; 17; 20].

Накопленный в мировой экономической науке опыт эмпирических исследований свидетельствует, что помимо расстояния существуют и иные барьеры на пути эффектов перелива, снижающие чувствительность территорий к пространственным экстерналиям.

Исследования чувствительности российских регионов к пространственным экстерналиям показали, что более высокую чувствительность к пространственным внешним эффектам имеют густонаселенные и урбанизированные регионы [3] и, кроме того, чем лучше институциональная среда и выше уровень деловой активности в регионе, тем выше восприимчивость региона к переливам роста, интенсивнее влияние соседних экономик на темпы его экономического роста [4].

Цель настоящего исследования – выявить особенности формирования пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России, отражающие зависимость характера влияния пространственного окружения на динамику региональных показателей экономической активности как от ее уровня, так и от степени ее дифференциации в соседних регионах.

ИНФОРМАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Экономическая активность обычно характеризуется показателями масштаба экономики, поэтому в исследовании использованы данные о величинах ВРП³ за период 2000–2021 гг., скорректированных на межрегиональные различия покупательной способности с помощью стоимости фиксированного набора товаров и услуг⁴.

Большинство исследований пространственных переливов выполняются с использованием инструментария пространственной эконометрики – расчета индексов пространственной автокорреляции и оценки уравнений регрессии с пространственными эффектами. Однако у каждого метода исследования есть «слепые зоны». У регрессионного анализа, описывающего поведение среднего объекта исследуемой совокупности, такой слепой зоной является невозможность отразить особенности поведения объектов, отличающихся от среднего. Эту слепую зону могут частично закрыть методы непараметрического анализа, основанные на теории марковских процессов с дискретным временем и непрерывным пространством состояний, которые позволяют увидеть и учесть в анализе поведение любого объекта совокупности, в том числе и в «хвостах» распределения. В исследовании пространственных эффектов перелива они дают возможность выявить тенденцию иметь схожие или, напротив, различающиеся показатели экономической активности, схожий или различающийся характер их изменения в расположенных близко регионах, даже если этот тренд только формируется и еще явно не проявляется, а также оценить влияние пространственного окружения на динамику распределения показателей регионов.

Новизна исследования в области методов анализа пространственного неравенства заключается в развитии подхода к изучению влияния пространственного окружения на динамику региональных показателей, предложенного С. Рейем и основанного на теории марковских процессов с дискретным пространством состояний [19]. Главный недостаток этого подхода – необходимость дискретизации

³ URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> .

⁴ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31052> .

распределения на основе субъективно принимаемых исследователем решений о количестве групп, выделяемых в совокупности субъектов, и критериях их выделения. В предлагаемом и используемом в данной работе подходе этот недостаток преодолевается за счет применения методов, предполагающих непрерывное пространство состояний, которые не требуют априорной дискретизации распределения, но позволяют выявить группы регионов, характеризующихся схожими тенденциями изменения показателей.

С использованием представленного здесь подхода предполагается выявить особенности формирования пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России, при этом ставится задача не только подтвердить существование пространственных эффектов перелива, в первую очередь между соседними регионами, но и проверить гипотезу о том, что для восприятия регионом эффектов перелива важны как уровень его экономического развития, так и степень его отличия от своих соседей, которая может отражать степень несходства регионов по совокупности характеристик (развитие человеческого капитала, институциональной среды, нормы и традиции и т.д.), влияющих на их чувствительность к переливам роста.

Исследование пространственной зависимости уровней и динамики показателей экономик начинается обычно с установления ее наличия. Для того чтобы выявить наличие пространственной обусловленности динамики региональных показателей, предлагается оценить и сравнить плотности распределения вероятностей значений двух относительных показателей: один из них получается делением показателя региона на среднее значение соответствующего показателя для всей рассматриваемой совокупности регионов (показатель Y), второй – делением на его среднее значение для регионов, которые могут, согласно предположениям исследования, оказывать влияние на динамику показателя данного региона (показатель X).

Для оценки плотности распределения каждого из этих показателей сначала выполняется оценка совместной плотности распределения их значений $g(x, y)$, которая находится с использованием непараметрической адаптивной процедуры ядерного оценивания плот-

ности, описанной в работе [21] и реализованной в пакете R `sparr` [12]. Оценки плотности распределения вероятностей значений показателей X и Y получаются численным интегрированием найденной $g(x, y)$:

$$f(x) = \int g(x, y) dy, \quad (y) = \int g(x, y) dx. \quad (1)$$

Если пространственное окружение оказывает влияние на величину показателя региона, эти плотности будут различаться. При этом если существует положительная пространственная автокорреляция, то плотность распределения показателя X должна быть симметричной относительно единицы, что означает бóльшую вероятность для экономик иметь схожий уровень показателя с экономиками, которые оказывают на них влияние. И чем больше эта вероятность, тем более островершинным должен быть график плотности вероятности. Если пространственная автокорреляция отрицательная, то максимум плотности распределения вероятности должен отличаться от единицы. Если же экономики регионов развиваются обособленно и независимо друг от друга, т.е. пространственная автокорреляция отсутствует, то графики плотностей распределения вероятностей значений двух относительных показателей Y и X будут близкими [15].

В качестве регионов, которые могут оказывать влияние на динамику ВРП конкретного региона, в данном исследовании рассматривались его ближайшие географические соседи, т.е. регионы, имеющие общую с ним границу. Среднее значение показателя соседних регионов рассчитывалось по формуле $\tilde{X} = WX$, где X – вектор значений показателя регионов; $\tilde{X}$ – вектор относительных показателей, нормированных по среднему взвешенному для соседних экономик; W – матрица пространственных весов, в качестве которой используется граничная матрица, элементы которой определяются по формуле (2), а затем матрица нормируется по строкам так, чтобы сумма элементов в каждой строке была равна единице:

$$w_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если территории } i \text{ и } j \text{ имеют общую границу;} \\ 0 & \text{в противном случае или если } i = j. \end{cases} \quad (2)$$

В случае наличия положительной пространственной автокорреляции, т.е. симметричности графика плотности распределения веро-

ястностей показателя X относительно единицы, или наличия локального максимума плотности в окрестности единицы можно получить информацию о том, какие именно регионы – с низким, средним или высоким уровнем показателя проявляют тенденцию иметь схожий его уровень с регионами – ближайшими географическими соседями. Для этого оценивается условная плотность распределения $g(x|y)$, показывающая для каждого значения показателя Y , нормированного относительно среднего значения для всей совокупности, плотность распределения вероятностей значений показателя X , нормированного относительно среднего значения показателя соседних экономик:

$$g(x|y) = \frac{g(x, y)}{f(y)}. \quad (3)$$

Если расположенные близко экономики имеют тенденцию характеризоваться схожими значениями рассматриваемого показателя, то график условной плотности распределения должен быть вытянут параллельно оси Y , на которой откладывается показатель, нормированный по среднему значению для совокупности экономик, и располагаться на уровне значения 1 по оси X , где откладывается показатель, нормированный по среднему взвешенному для соседних экономик.

Дополнительную информацию о динамике пространственной автокорреляции и ее особенностях можно получить из анализа динамики плотности распределения показателя X . Для этого оцениваются плотности распределения вероятностей значений показателя, нормированного относительно среднего соседних экономик в начале рассматриваемого периода $f(x)$ и в его конце $f(y)$, и условное распределение $g(y|x)$ согласно формулам (1) и (3), где x и y – значения относительного показателя в начале и в конце периода. В теории марковских случайных процессов условная плотность $g(y|x)$ является оператором, трансформирующим плотность распределения вероятностей значений показателя в момент t в плотность вероятности распределения его значений в момент t , и называется стохастическим ядром, которое представляет собой непрерывный аналог матрицы вероятностей переходов с бесконечным числом столбцов и строк [18]:

$$f_t = \int_0^1 g(y|x) f(x) dx. \quad (4)$$

На основе стохастического ядра можно оценить финальное (эргодическое) распределение – неизменное во времени, равновесное распределение регионального показателя, которое будет достигнуто в долгосрочном периоде при условии постоянства тенденций изменения показателей всех региональных экономик, т.е. выполнить экстраполяционный прогноз распределения. Финальное распределение показывает направление эволюции распределения показателя. Оценка плотности финального распределения вероятностей $f(y)$ получается численным решением уравнения (5) относительно $f(y)$ [14]:

$$f(y) = \int_0^1 g(y|x) f(x) dx. \quad (5)$$

Анализ стохастического ядра позволяет также определить диапазоны конвергенции – интервалы значений показателя, в пределах которых вероятность его изменения в направлении локального максимума финальной плотности распределения, принадлежащего к этому интервалу, превышает вероятность изменения показателя в противоположном направлении, выявить и охарактеризовать регионы, значения показателей которых попадают в разные диапазоны конвергенции, оценить и сравнить динамику распределения показателей регионов, принадлежащих к разным диапазонам конвергенции, и при различии в эволюции этих распределений сделать заключение о влиянии пространственного окружения на динамику региональных показателей (более подробно эти возможности применяемых методов будут рассмотрены далее).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности формирования пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России

Несовпадение графиков плотностей распределения вероятностей двух относительных показателей – ВРП, нормированного по среднему значению всей совокупности рассматриваемых регионов (отн. ВРП-1), и ВРП, нормированного относительно среднего значения

соседних регионов, имеющих общую границу (отн. ВРП-2), свидетельствует в пользу наличия пространственной зависимости величин показателя (рис. 1). Кроме того, плотность распределения показателя, нормированного относительно среднего значения соседних регионов (отн. ВРП-2), имеет локальный максимум в окрестности 1, что отражает положительную пространственную корреляцию значений ВРП, т.е. существование группы регионов, ВРП которых сопоставим со средним ВРП их соседей. Глобальный максимум плотности распределения вероятности показателя ВРП-2 находится в окрестности 0,5, что отражает отрицательную пространственную корреляцию значений ВРП, т.е. существование группы регионов, ВРП которых примерно в 2 раза ниже среднего ВРП их соседей.

Анализ графика условной плотности распределения двух относительных показателей ВРП (рис. 2) позволяет уточнить, регионы с ка-

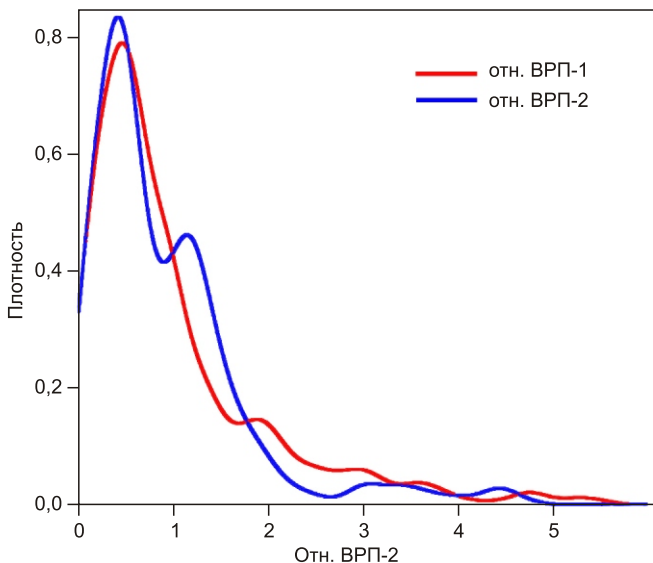


Рис. 1. Оценки плотности распределения вероятностей ВРП, нормированного относительно среднего значения всей совокупности регионов (отн. ВРП-1) и относительно среднего значения соседних регионов (отн. ВРП-2)

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

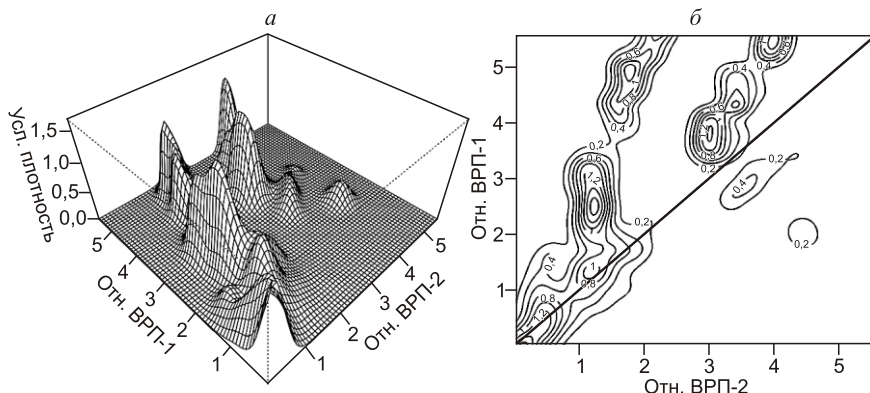


Рис. 2. Оценки условной плотности распределения вероятностей значений двух относительных показателей ВРП

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

ким уровнем экономической активности формируют тенденции положительной и отрицательной пространственной автокорреляции.

На рисунке 2а видна часть поверхности, вытянутая вдоль оси ВРП-1 в окрестности значения 1 по оси ВРП-2, что говорит о высокой вероятности близости значений показателей соседних регионов, но этот участок расположен в диапазоне значений ВРП-1, превышающих единицу, что отчетливо видно на рис. 2б, где поверхность плотности условного распределения представлена в виде линий уровней. Следовательно, тенденция иметь схожие значения ВРП характерна для регионов со средним и выше уровнем экономической активности.

Поверхность графика условной плотности распределения для показателей ВРП, которые в 2 раза и более ниже среднего значения как всей совокупности регионов, так и регионов-соседей (ВРП-1 и ВРП-2 меньше 0,5), вытянута вдоль диагонали (см. рис. 2а), линии уровней условной плотности распределения расположены достаточно симметрично вокруг диагонали (см. рис. 2б). Это означает, что плотности распределения вероятностей показателей ВРП, нормированных разными способами, близки, т.е. с большой вероятностью показатели ВРП в 2 раза и более ниже среднего примерно в той же степени

отстают и от среднего для соседних регионов, а географическое соседство не оказывает значимого влияния на распределение показателей из этого диапазона значений. Вероятнее всего, регионы, ВРП которых в 2 раза и более ниже среднего и которые соседствуют с более развитыми регионами, не получают импульсов развития за счет переливов роста.

В правой верхней части графика находятся регионы, ВРП которых значительно превышает как средний ВРП совокупности, так и средний ВРП их ближайших соседей.

Процесс формирования пространственной автокорреляции или изменения ее характера можно наблюдать по динамике распределения показателя, нормированного относительно среднего показателя соседних регионов.

На рисунке 3 показаны оценки плотности распределения вероятностей значений показателя ВРП-2 в начале и в конце рассматриваемого периода и плотности финального распределения. На графике полностью не показан правый «хвост» распределения, в котором находятся г. Москва, Краснодарский край, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург, Тюменская и Нижегородская области, ВРП которых превышает средний ВРП их географических соседей более чем в 2,5 раза. Все эти регионы, за исключением г. Москвы, в течение периода наращивают опережение своих соседей по величине ВРП. Преимущество г. Москвы несколько сокращается в результате быстрого роста ВРП Московской области, но по-прежнему остается более чем двукратным.

Плотность распределения значений ВРП-2 в течение рассматриваемого периода меняет свою форму и становится ярко выраженной бимодальной, т.е. формируются две группы регионов: значительно отстающие от своих более развитых соседей и имеющие с ними примерно сопоставимый уровень показателя. При этом глобальный максимум плотности распределения сдвигается в сторону более низких значений, т.е. отрыв отстающих регионов от соседей-лидеров усиливается, хотя и незначительно, что отражает продолжающийся процесс концентрации экономической активности в лидирующих регионах.

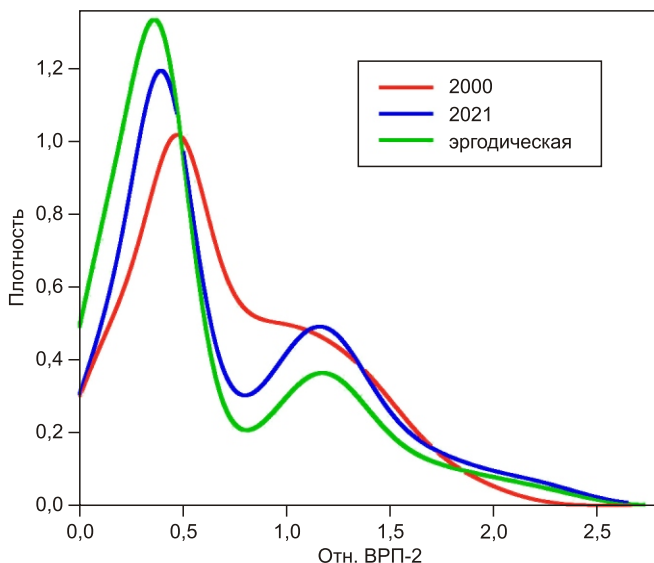


Рис. 3. Оценки плотности распределения вероятностей ВРП, нормированного относительного среднего ВРП соседних регионов (ВРП-2)

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

Анализ стохастического ядра (рис. 4) позволяет выявить непрерывающиеся чередующиеся интервалы значений показателя, в пределах которых вероятность его увеличения превышает вероятность его сокращения, или наоборот. Для этого график условной плотности распределения представляется в виде линий уровней, на него наносятся линия 45° — линия постоянства показателя и линия медианы — расчетное медианное значение показателя в момент t в зависимости от его значения в момент времени t .

Для экономик, показатель которых в исходном году t принадлежал к промежуткам значений, где линия медианы лежит ниже диагонали, вероятность более высокого его уровня через лет превышает вероятность более низкого его уровня. Для экономик, показатель которых в исходном году t принадлежал к промежуткам значений, где линия медианы лежит выше диагонали, вероятность более низкого

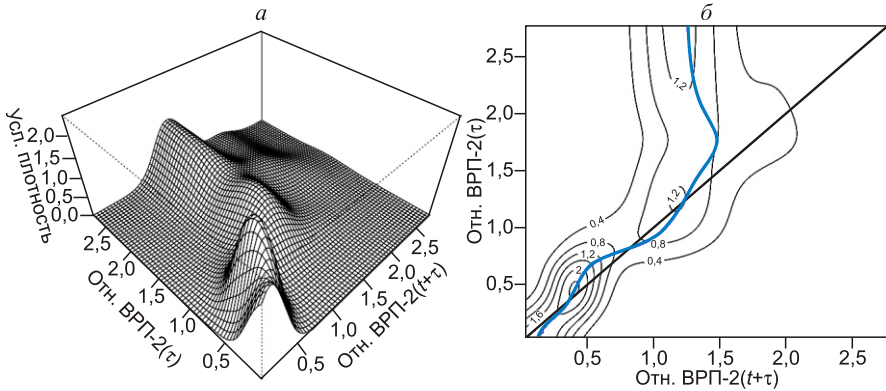


Рис. 4. Оценки условной плотности распределения вероятностей показателя ВРП, нормированного относительно среднего ВРП соседних регионов

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

его уровня через τ лет превышает вероятность более высокого уровня. Это означает, что в долгосрочном периоде при сохранении действующих тенденций изменения показателей экономик будут происходить концентрация плотности вероятности и формирование локальных максимумов плотности финального распределения в точках, где линия медианы пересекает диагональ снизу вверх, и «разрежение» плотности и формирование локальных минимумов плотности финального распределения в точках, где линия медианы пересекает диагональ сверху вниз. Таким образом, можно определить диапазоны значений,

Локальные максимумы	0,37		1,22	
Локальные минимумы	0,04	↗ ↘	0,82	↗ ↘ 2,77
Диапазоны конвергенции	I		II	

Рис. 5. Диапазоны конвергенции показателя ВРП, нормированного относительно среднего ВРП соседних регионов, локальные максимумы и минимумы плотности финального распределения вероятностей его значений

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

в пределах которых вероятность конвергенции показателей регионов превышает вероятность их дивергенции, а значит, и группы регионов, для которых вероятность конвергенции превышает вероятность их дивергенции по рассматриваемому показателю (рис. 5).

В группу регионов, усиливающих отставание от соседей, показатели которых принадлежат к первому диапазону конвергенции, вошли 45 регионов, а в группу регионов, показатели которых принадлежат ко второму диапазону конвергенции, – 28 регионов, не считая шести регионов, не отраженных на графике плотности (табл. 1).

Группа регионов первого диапазона конвергенции, ВРП которых значительно ниже, чем средний ВРП соседних регионов, устойчива

Таблица 1

**Регионы, значения показателя ВРП-2 которых принадлежат к разным
диапазонам конвергенции**

<i>Первый диапазон конвергенции</i>	
I ↗	Республика Адыгея, Республика Тыва, Республика Алтай, Чукотский АО, Карачаево-Черкесская Республика, Еврейская авт. обл., Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Магаданская обл., Курганская обл., Республика Марий Эл, Республика Хакасия, Костромская обл., Ивановская обл., Смоленская обл., Томская обл., Омская обл., Республика Коми
↖ I	Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Забайкальский край, Амурская обл., Чувашская Республика, Республика Мордовия, Калужская обл., Удмуртская Республика, Ульяновская обл., Республика Карелия, Кировская обл., Рязанская обл., Псковская обл., Республика Бурятия, Архангельская обл., Владимирская обл., Оренбургская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Орловская обл., Астраханская обл., Алтайский край, Тульская обл., Курская обл., Камчатский край, Новгородская обл., Ярославская обл.
<i>Второй диапазон конвергенции</i>	
II ↗	Пензенская обл., Брянская обл., Воронежская обл., Ставропольский край, Саратовская обл., Ленинградская обл., Свердловская обл., Челябинская обл., Республика Башкортостан, Пермский край, Вологодская обл., Республика Саха (Якутия)
↖ II	Республика Дагестан, Приморский край, Калининградская обл., Волгоградская обл., Хабаровский край, Белгородская обл., Новосибирская обл., Самарская обл., Кемеровская обл., Мурманская обл., Ростовская обл., Липецкая обл., Иркутская обл., Красноярский край, Московская обл., Сахалинская обл.

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

Таблица 2

Матрица вероятностей переходов для значений ВРП-2

		$I \nearrow$	$\nwarrow I$	$II \nearrow$	$\nwarrow II$
0,04–0,37	$I \nearrow$	0,966	0,034	0	0
0,37–0,82	$\nwarrow I$	0,03	0,947	0,023	0
0,82–1,22	$II \nearrow$	0	0,05	0,84	0,11
1,22–2,77	$\nwarrow II$	0	0	0,1	0,9

Примечание: оценка вероятностей переходов выполнена согласно [11].

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

по составу и характеризуется слабой динамикой относительного ВРП. Об этом свидетельствуют низкие вероятности переходов: вероятность покинуть первую группу составляет всего 2,3%, внутригрупповая мобильность тоже невысока (табл. 2), – а также форма поверхности условной плотности распределения: в указанном диапазоне значений линии уровней условной плотности вытянуты вдоль диагонали, а медиана лишь незначительно отклоняется от нее (см. рис. 4б). То есть степень отставания регионов от среднего ВРП их соседей меняется незначительно, и можно говорить о слабости пространственных переливов роста.

В группу значительно отстающих от соседей входят все регионы с уровнем развития ниже среднего, а также регионы со средним уровнем развития. Кроме того, в нее входят и несколько развитых регионов: Томская область, Омская область, Республика Коми, Оренбургская область, отставание которых от их высокоразвитых соседей – Тюменской области (с округами) и Республики Татарстан значительно (см. табл. 1).

Регионы второго диапазона конвергенции – это главным образом регионы с высоким и средним уровнями экономической активности, сопоставимые со своими соседями по уровню ВРП (см. табл. 1). Группа характеризуется относительно высокой внутригрупповой мобильностью (см. табл. 2). Для регионов, ВРП которых составляет 0,8–1,22 среднего ВРП их соседей, вероятность того, что их ВРП

будет расти быстрее ВРП соседей, выше, чем вероятность более медленного его роста, но в этом диапазоне значений медиана лишь незначительно отклоняется от диагонали вниз (рис. 4б), т.е. сближаться с соседними регионами по уровню ВРП они будут скорее невысокими темпами. ВРП регионов, где он превышает средний показатель соседей более чем на 22%, со значительно большей вероятностью будет расти медленнее среднего ВРП соседей: в этом диапазоне значений отклонение медианы от диагонали гораздо существеннее. То есть в этой группе превалирует тенденция сокращения разрыва между соседними регионами.

Влияние характера пространственной автокорреляции на динамику распределения региональных показателей экономической активности

Для выяснения особенностей динамики показателей каждой выделенной группы регионов была выполнена оценка плотностей распределения вероятностей показателей ВРП, нормированных относительно среднего по всей совокупности рассмотренных регионов (ВРП-1), финального распределения и проведен анализ условной плотности распределения (стохастического ядра).

Оценка плотностей распределения показателей ВРП-1 регионов, попавших в первый диапазон конвергенции, т.е. регионов, значительно отстающих от своих соседей по показателю ВРП (такое соседство отражается отрицательной пространственной автокорреляцией), показала неоднородность этой группы (рис. 6). Она состоит из двух подгрупп.

Во-первых, это 40 регионов, ВРП которых принадлежит к первому интервалу конвергенции со значениями ВРП ниже среднего для всей совокупности и сопоставимыми с ним (рис. 7). За период 2000–2021 гг. только в десяти из них относительный ВРП увеличился существенно, т.е. рос заметно более высокими темпами, нежели среднее значение (на рис. 7 отмечены маркерами), а в большинстве остальных изменения относительного показателя были незначительными. В тридцати пяти регионах ВРП в начале периода был ниже

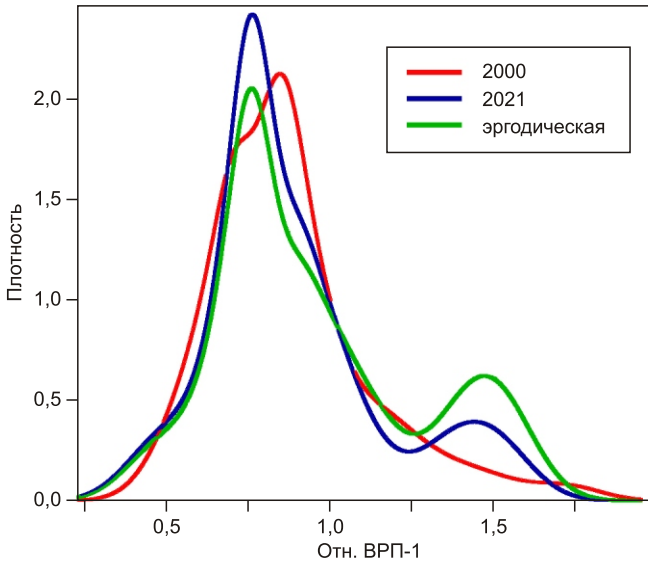


Рис. 6. Оценка плотностей распределения вероятности значений показателя ВРП, нормированного относительного среднего по всей совокупности (ВРП-1)

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

среднего, из них только в Астраханской, Новгородской областях и Республике Хакасии к концу периода он превысил среднее значение. В Смоленской и Ярославской областях ВРП в начале периода был равен среднему, но к концу периода стал также ниже среднего. В Республике Удмуртии и Республике Карелии в начале периода ВРП превышал среднее значение на 13,5 и 18,0% соответственно, но также рос медленнее среднего, т.е. относительный показатель сократился. И только ВРП Магаданской области превышал среднее значение более чем на 20% и рос быстрее среднего (см. рис. 7). Таким образом, в большинстве регионов этой группы степень отставания ВРП как от среднего по совокупности, так и от среднего соседних регионов менялась мало, лишь незначительно усиливаясь. Это показывает и эволюция плотности распределения вероятностей: ее глобальный максимум сдвигается в сторону более низких значений как к концу периода, так

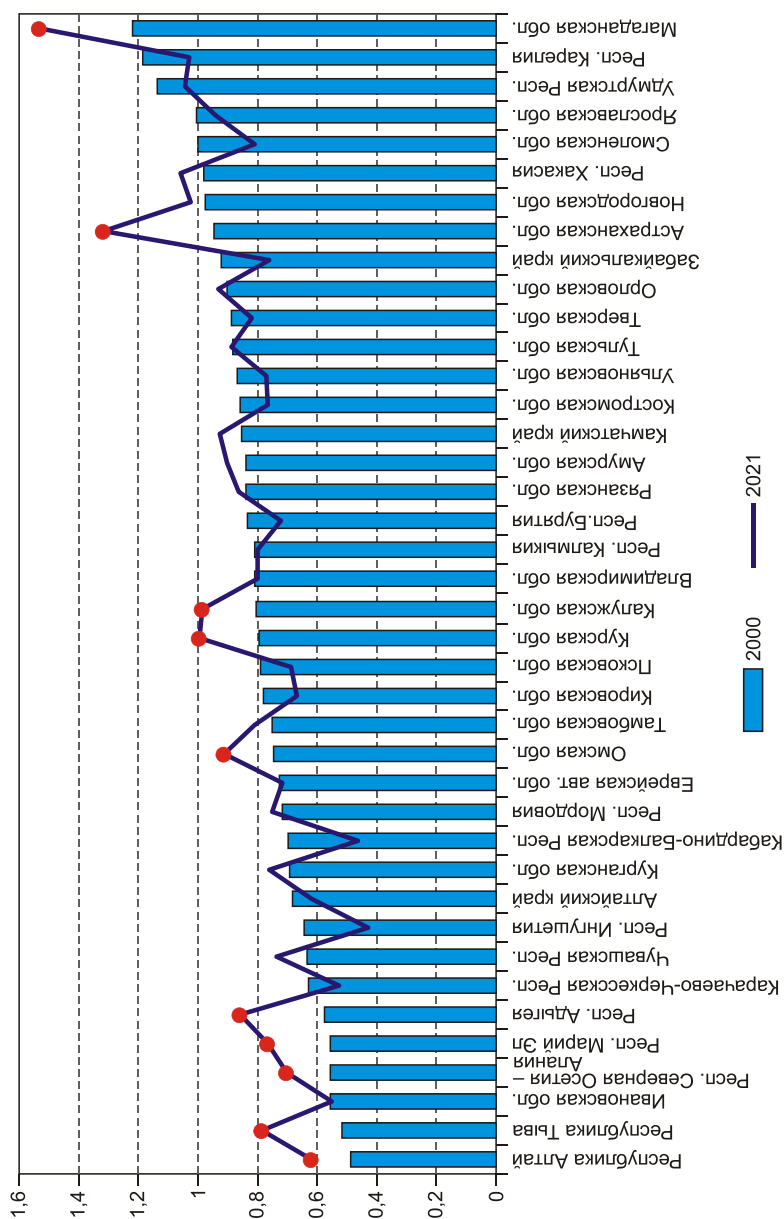


Рис. 7. ВРП, нормированный относительно среднего значения по всей совокупности регионов (ВРП-I)

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

и в долгосрочном равновесии (см. рис. 6). Слабая динамика обоих относительных показателей ВРП подтверждает незначительное влияние пространственных переливов роста на динамику региональных показателей и дальнейшую концентрацию экономической активности в небольшом числе регионов.

Во-вторых, это еще пять регионов, ВРП которых превышает среднее значение более чем на четверть и которые соседствуют со значительно более развитыми регионами. Динамика их показателей формирует локальный максимум плотности финального распределения в окрестности 1,34 (рис. 8). Их число невелико, это Оренбургская область, граничащая с Республикой Татарстан, Архангельская, Томская области и Республика Коми, соседствующие с Тюменской областью, Чукотский автономный округ, граничащий с Республикой Саха (Якутия). Но и у большинства из них (за исключением Оренбургской области и Чукотского АО) относительный ВРП снижается на протяжении периода. Для этих регионов вероятность увеличения относительного показателя превышает вероятность его снижения в очень узком диапазоне значений (от 1,24 до 1,34), а регионы, ВРП которых в начале периода превышал среднее более чем на 34% (Томская, Архангельская области и Республика Коми), снижают относительный показатель на протяжении всего периода.

Таким образом, независимо от уровня экономической активности ВРП регионов, значительно отстающих от своих соседей, с большей вероятностью растет медленнее, чем растет среднее значение ВРП

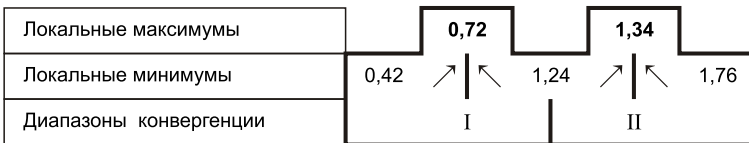


Рис. 8. Диапазоны конвергенции показателя ВРП, нормированного относительно среднего ВРП всей совокупности регионов (ВРП-1), локальные максимумы и минимумы плотности финального распределения вероятностей его значений

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

совокупности регионов, и усиливает отставание как от среднего по совокупности, так и от среднего соседних регионов. Этот результат дает основание считать пространственные экстерналии слабыми в случае значительных различий соседних регионов в уровне экономической активности, которые означают и различия других их характеристик, препятствующие распространению эффектов перелива. В этом случае устойчивая тенденция нарастания различий в уровне экономической активности между соседними регионами (отрицательная пространственная автокорреляция) является не только следствием, но и причиной слабости эффектов перелива.

Регионы второго диапазона конвергенции – это главным образом регионы с высоким и средним уровнями экономической активности, сопоставимые со своими соседями по величине ВРП (отражается положительной пространственной автокорреляцией – рис. 9). Эволюция распределения ВРП, нормированного относительно среднего по всей совокупности, для регионов этой группы имеет направленность, отличную от направленности эволюции распределения показателей регионов, значительно отстающих от своих соседей (первого диапазона конвергенции). Здесь, напротив, бимодальная форма плотности распределения в начале периода сменяется унимодальной с максимумом плотности финального распределения в окрестности 1,13, т.е. демонстрирует тенденцию конвергенции (рис. 10б). Конвергенция происходит за счет более быстрого роста ВРП регионов, у которых значение данного показателя в начале периода отстает от среднего значения по совокупности, причем чем сильнее это отставание, тем выше вероятность увеличения показателя (медиана сильнее отклоняется вниз от диагонали – линии постоянства показателя, рис. 10а). Большинство регионов, ВРП которых был выше среднего значения, демонстрируют в течение периода более медленный его рост, чем рост среднего значения, т.е. сокращение относительного показателя. На графике условной плотности вероятности (см. рис. 10а) медиана на протяжении достаточно большого диапазона значений заметно отклоняется от диагонали вверх, т.е. вероятность снижения показателя существенно превышает вероятность его роста.

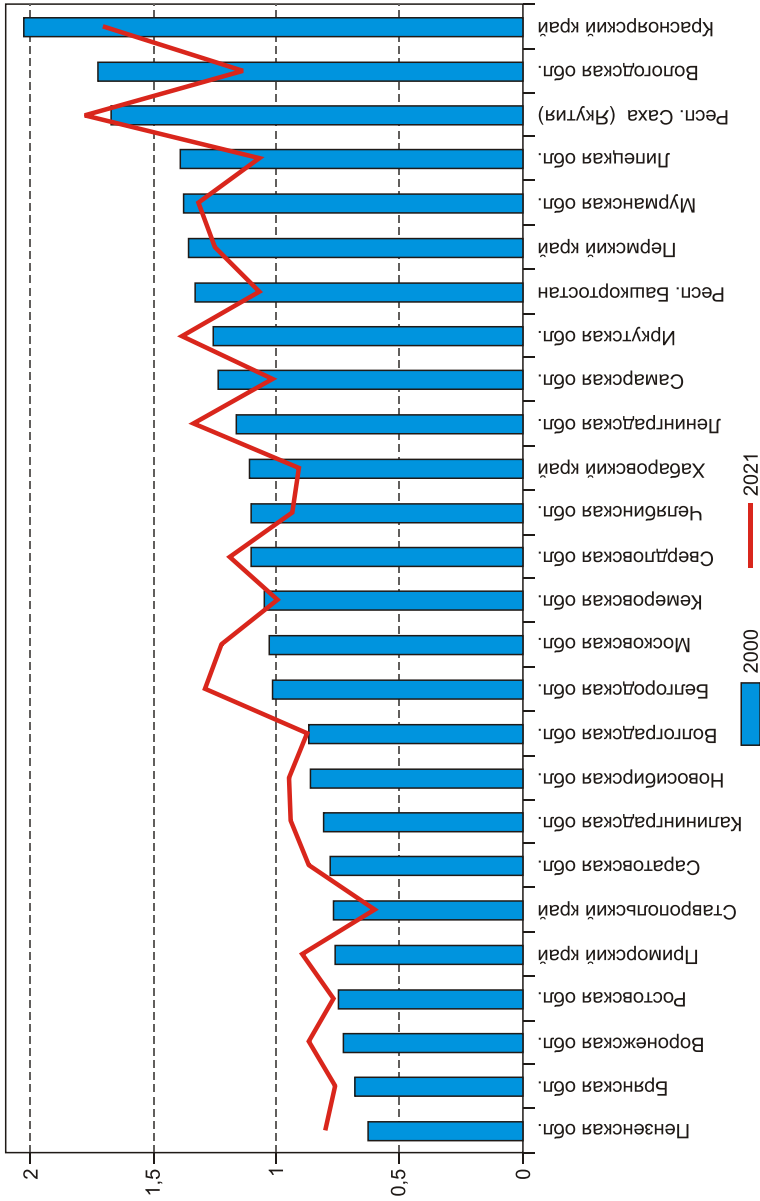


Рис. 9. Динамика ВРП, нормированного относительно среднего по совокупности (ВРП-I) регионов второй группы

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

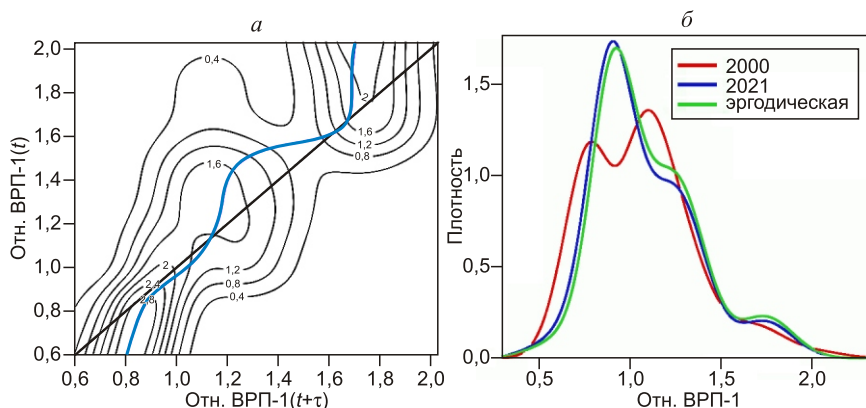


Рис. 10. Оценки условной плотности распределения (а) и плотностей
распределения вероятностей (б) показателей ВРП-1 регионов второй группы

Источник: оценка автора на основе данных 2000–2021 гг.

Итак, регионы, ВРП которых отстает от среднего ВРП их соседей не более чем на 20%, демонстрируют конвергенцию по уровню ВРП за счет ускоренного роста показателей регионов, где он ниже среднего, и более медленного роста показателей регионов, где он выше среднего по всей совокупности. То есть с большой вероятностью соседство с сопоставимыми по уровню экономической активности регионами благоприятно для развития регионов, ВРП которых меньше среднего, но может оказывать сдерживающее влияние на рост ВРП регионов, где он уже превышает среднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования подтверждают, что уровень экономической активности в регионе, безусловно, имеет значение для восприятия им эффектов перелива: регионы, ВРП которых существенно ниже среднего, демонстрируют слабую динамику, с большей вероятностью их отставание от более развитых соседей и в целом от среднего по совокупности сохраняется или незначи-

тельно увеличивается. Но независимо от уровня экономической активности в регионе динамика распределения показателей относительного ВРП различается у регионов, заметно отстающих от своих соседей, и регионов, показатель которых сопоставим со средним значением соседних регионов. Если для отстающих характерно медленное усиление (хотя и незначительное) отставания как от показателей соседей, так и от среднего показателя всей совокупности, то для регионов, ВРП которых сопоставим со средним показателем соседей, наблюдается сближение уровней экономической активности за счет более быстрого роста ВРП регионов, где он был ниже среднего (причем чем ниже, тем быстрее рост), и замедления роста ВРП регионов, где он опережал среднее. Таким образом, разрыв в уровне экономической активности может быть препятствием на пути распространения эффектов перелива, т.е. гипотезу о зависимости силы проявления пространственных экстерналий от степени неоднородности регионов по уровню экономической активности можно считать подтвержденной. Следовательно, пространственная автокорреляция, отражающая степень сходства соседних регионов, может быть как следствием процессов концентрации или, напротив, пространственной дисперсии экономической активности, так и причиной, усиливающей эти процессы.

Полученные выводы согласуются с выводами других исследований. Одним из каналов распределения эффектов перелива являются торговые отношения, но в российской экономике этот канал задействован незначительно⁵. К тому же, согласно рейтингу регионального протекционизма Счетной палаты Российской Федерации, уровень регионального протекционизма высок, и к нему более склонны «слабые» регионы [6].

Другим, очевидным и существенным, каналом распространения эффектов перелива является межрегиональное экономическое со-

⁵ Лишь около 20% регионов характеризуются ярко выраженной межрегиональной торговлей. У подавляющего большинства она не выражена, а для экспортно ориентированных регионов характерно преобладание внешнеторговых взаимодействий над межрегиональными [8].

трудничество, но оно, по всеобщему признанию, развито слабо. Причин тому множество. Прежде всего, это отсутствие серьезных традиций межрегионального сотрудничества и, как следствие, низкий уровень понимания необходимости сотрудничества даже между соседними субъектами РФ, низкая приоритетность таких проектов [1; 9]. Несмотря на то что Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации содержат рекомендации о включении в стратегию раздела, отражающего основные направления развития межрегиональных связей (п. 4.8), примеры межрегионального сотрудничества пока крайне редки. В стратегиях развития федеральных округов мероприятия, напрямую либо косвенно связанные с межрегиональным сотрудничеством, немногочисленны либо вовсе отсутствуют. Значимым препятствием для развития межрегионального сотрудничества являются финансовые ограничения, т.е. отсутствие в региональных бюджетах свободных средств, которые можно было бы выделить на реализацию программ межрегионального сотрудничества. Возникновение спорных или даже конфликтных ситуаций при определении долей участия субъектов РФ в проектах межрегионального значения тем вероятнее, чем меньше финансовые ресурсы регионов [9].

В 2019–2020 гг. в законодательство были внесены изменения, касающиеся возможности применения горизонтальных межбюджетных трансфертов (субсидий)⁶, однако методические основы данного инструмента пока остаются непроработанными, а практика применения ограничивается единичными случаями, которые демонстрируют, что предоставлять другим регионам субсидии могут пока только сверхобеспеченные субъекты Федерации, к которым относятся Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область [6]. Недостаточность регламентации межтерриториального сотрудничества в нормативно-правовых актах также тормозит его развитие [1; 6; 9].

⁶ См.: *Федеральный закон от 02.08.2019 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений»*. – URL: kremlin.ru/acts/bank/44623.

Но кроме перечисленных институциональных факторов, существуют и объективные экономические причины низкого развития межрегиональных взаимодействий. Так, результаты опросов, проводимых в течение ряда лет среди представителей власти, бизнеса и науки, показали, что наиболее существенным фактором, сдерживающим экономическое сотрудничество территорий, являются значимые различия в экономическом потенциале территорий [1], что подтверждают и выводы данного исследования.

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта Государственного задания 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов»

Список источников

1. Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сотрудничество территорий в современном экономическом пространстве // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 406–419. DOI: 10.17059/2020-1-6.
2. Демидова О. Пространственно-авторегрессионная модель для двух групп взаимосвязанных регионов (на примере восточной и западной части России) // Прикладная эконометрика. – 2014. – № 34 (2). – С. 19–35.
3. Демидова О.А., Иванов Д.С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // Экономический журнал ВШЭ. – 2016. – № 1. – С. 52–75.
4. Демидова О., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 34–59. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-34-591.
5. Иванова В. О динамике пространственного взаимодействия российских регионов // Экономика и география / Под ред. А.П. Заостровцева, Л.Э. Лимонова. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2013. – С. 96–102.
6. Климанов В.В., Казакова В.А., Яговкина В.А. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 2. – С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282.
7. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106.

8. *Котов А.В.* Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александро-ва «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034.

9. *Кузнецова О.В.* Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. – 2019. – № 1. – С. 16–25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2.

10. *Экономико-географические* и институциональные аспекты экономического роста в регионах / Дашкеев В., Луговой О., Мазаев И. и др. – М.: ИЭПП, 2007. – 164 с.

11. *Bosker M.* The spatial evolution of regional GDP disparities in the “old” and the “new” Europe // Papers in Regional Science. – 2009. – Vol. 88, No. 1. – P. 3–27. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2008.00183.x.

12. *Davies T., Marshall J., Hazelton M.* Tutorial on kernel estimation of continuous spatial and spatiotemporal relative risk // Statistics in Medicine. – 2018. – Vol. 37 (7). – P. 1191–1221.

13. *Demidova O.A.* Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich // Ekonomika regiona [Economy of Regions]. – 2021. – No. 17 (4). – P. 1151–1165. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-8.

14. *Johnson P.* A Continuous State Space Approach to “Convergence by Parts” / Vassar College Economics Working Paper No. 54. – 2004. – URL: <https://www.vassar.edu/sites/default/files/2021-07/economics-VCEWP54.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

15. *Johnson P.* A nonparametric analysis of income convergence across the US states // Economics Letters. – 2000. – No. 69. – P. 219–223. DOI: 10.1016/S0165-1765(00)00299-8.

16. *Kholodilin K.A., Oshchepkov A., Siliverstovs B.* The Russian regional convergence process: where does it go? / DIW Berlin Discussion Papers, No. 861. – Berlin, 2009. – 35 p.

17. *Perret J.K.* On the Importance of Growth Spillovers and Regional Clustering in the Russian Federation. – Wuppertal: University of Wuppertal, Schumpeter School of Business and Economics, 2011. – URL: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hbz:468-20110119-161054-8> (дата обращения: 10.03.2024).

18. *Quah D.* Empirics for growth and distribution: Stratification, polarization, and convergence clubs // Journal of Economic Growth. – 1997. – No. 2. – P. 27–59. DOI: 10.1023/A:1009781613339.

19. *Rey S.J.* Spatial empirics for economic growth and convergence // Geographical Analysis – 2001. – Vol. 33, No. 3. – P. 195–290. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00444.

20. *Russian Federation – Regional Development and Growth Agglomerations: the Longer Term Challenges of Economic Transition in the Russian Federation.* – Washington, DC: World Bank, 2009.

21. *Silverman B.* Density Estimation for Statistics and Data Analysis. – London: Chapman & Hall, 1986.

Информация об авторе

Буфетова Анна Николаевна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); профессор кафедры экономической теории Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: Bufetova@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240401

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 3–33

A.N. Bufetova

SPATIAL HETEROGENEITY AND SPATIAL AUTOCORRELATION OF ECONOMIC ACTIVITY LEVELS IN RUSSIAN REGIONS

The article examines the unique characteristics of spatial spillover effects in the Russian economy and their connection to the level of economic activity and its variability across regions. The study employs methods based on Markov chain theory with discrete time and continuous state space to analyze the spatial dynamics of regional indicators. The findings reveal that not only a commonly low level of economic activity but also significant disparities in its levels between regions hinder the emergence of positive spatial externalities. Regions that lag considerably behind their neighbors do not experience accelerated growth; instead, they fall even further behind both their neighbors and the national average. Conversely, regions with smaller differences in economic activity levels and those with above-average economic activity are more likely to experience positive spatial spillover effects. This leads to a convergence in economic activity levels and results in positive spatial autocorrelation across regions. In such cases, regions catching up with their neighbors benefit from

the greatest acceleration in development, while leading regions tend to slow down slightly. Thus, spatial autocorrelation, which reflects the degree of similarity among neighboring regions, can both result from and reinforce the processes of spatial concentration or dispersion of economic activity.

Keywords: economic activity; Russian regions; spatial spillover effects; spatial externalities; spatial autocorrelation; distribution dynamics; Markov chain theory

For citation: *Bufetova, A.N. (2024). O prostranstvennoy neodnorodnosti i prostranstvennoy avtokorrel'yatsii urovney ekonomicheskoy aktivnosti v regionakh Rossii [Spatial heterogeneity and spatial autocorrelation of economic activity levels in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 3–33. DOI: 10.15372/REG20240401.*

The research was carried out within the State Assignment Project 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) titled “Expert-analytical, organizational, and methodological components of the system for indicative planning of scientific-technological and balanced spatial development of Russia in the implementation of large investment projects”

References

1. *Vazhenina, I.S. & S.G. Vazhenin. (2020). Konkurentnoe sotrudnichestvo territoriy v sovremennom ekonomicheskom prostranstve [Competitive cooperation between territories in the modern economic space]. Ekonomika regiona [Economy of Regions], Vol. 16, No. 2, 406–419. DOI: 10.17059/2020-1-6.*
2. *Demidova, O. (2014). Prostranstvenno-avtoregressionnaya model dlya dvukh grupp vzaimosvyazannykh regionov (na primere vostochnoy i zapadnoy chasti Rossii) [Spatial-autoregressive model for the two groups of related regions (eastern and western parts of Russia)]. Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics], 34 (2), 19–35.*
3. *Demidova, O.A. & D.S. Ivanov. (2016). Modeli ekonomicheskogo rosta s neodnorodnymi prostranstvennymi effektami (na primere rossiyskikh regionov) [Models of economic growth with heterogenous spatial effects: The case of Russian regions]. Ekonomicheskii zhurnal VSHE [Higher School of Economics Economic Journal], 1, 52–75.*
4. *Demidova, O. & E. Kamalova. (2021). Prostranstvenno-ekonometricheskie modelirovanie ekonomicheskogo rosta rossiyskikh regionov: imeyut li znachenie instituty?*

[Spatial econometric modeling of economic growth in Russian regions: Do institutions matter?]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], Vol. 16, No. 2, 34–59. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-34-591.

5. *Ivanova, V.* (2013). O dinamike prostranstvennogo vzaimodeystviya rossiyskikh regionov [On the dynamics of spatial interaction of Russian regions]. In: A.P. Zaostrovtshev & L.E. Limonov (Eds.). *Ekonomika i geografiya* [Economy and Geography]. St. Petersburg, International Center for Social and Economic Research “Leontief Centre”, 96–102.

6. *Klimanov, V.V., V.A. Kazakova & V.A. Yagovkina.* (2021). Instrumenty mezhregionalnogo vzaimodeystviya v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Tools of interregional cooperation in the public administration system]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], Vol. 29, No. 2, 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282.

7. *Kolomak, E.A.* (2019). Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI v. [Spatial development of Russia in the 21st century]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 15, No. 4, 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106.

8. *Kotov, A.V.* (2021). Territoriya trebuetsya svyaznoy raboty: rol mezhregionalnykh vzaimodeystviy v vosstanovlenii ekonomiki (k 100-letiyu raboty I.G. Aleksandrova “Ekonomicheskoe rayonirovanie Rossii”) [The territory requires coherent work: The role of interregional interactions in economic recovery (To the 100th anniversary of I.G. Aleksandrov’s work “Economic Regionalization of Russia”)]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 17, No. 1, 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034.

9. *Kuznetsova, O.V.* (2019). Mezhregionalnoe sotrudnichestvo v Rossii: perspektivy kooperatsii regionalnykh vlastey [Interregional cooperation in Russia: Prospects of regional governments’ cooperation]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies], 1, 16–25. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2.

10. *Dashkeev, V., O. Lugovoy, I. Mazaev et al.* (2007). Ekonomiko-geograficheskie i institutsionalnye aspekty ekonomicheskogo rosta v regionakh [Geographical and Institutional Aspects of Regional Economic Growth in Russia]. Moscow, Gaidar Institute of Economic Policy, 164.

11. *Bosker, M.* (2009). The spatial evolution of regional GDP disparities in the “old” and the “new” Europe. *Papers in Regional Science*, Vol. 88, No. 1, 3–27. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2008.00183.x.

12. *Davies, T., J. Marshall & M. Hazelton.* (2018). Tutorial on kernel estimation of continuous spatial and spatiotemporal relative risk. *Statistics in Medicine*, Vol. 37, No. 7, 1191–1221.

13. *Demidova, O.A.* (2021). Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 17 (4), 1151–1165. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-8.

14. *Johnson, P.* (2004). A Continuous State Space Approach to “Convergence by Parts”. Vassar College Economics Working Paper No. 54. Available at: <https://www.vassar.edu/sites/default/files/2021-07/economics-VCEWP54.pdf> (date of access: 10.05.2022).
15. *Johnson, P.* (2000). A nonparametric analysis of income convergence across the US states. *Economics Letters*, 69, 219–223. DOI: 10.1016/S0165-1765(00)00299-8.
16. *Kholodilin, K.A., A. Oshchepkov & B. Siliverstovs.* (2009). The Russian regional convergence process: where does it go? DIW Berlin Discussion Papers, 861. Berlin, 35.
17. *Perret, J.K.* (2011). On the Importance of Growth Spillovers and Regional Clustering in the Russian Federation. Wuppertal, University of Wuppertal, Schumpeter School of Business and Economics. Available at: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:hbz:468-20110119-161054-8> (date of access: 10.03.2024).
18. *Quah, D.* (1997). Empirics for growth and distribution: stratification, polarization, and convergence clubs. *Journal of Economic Growth*, 2, 27–59. DOI: 10.1023/A:1009781613339.
19. *Rey, S.J.* (2001). Spatial empirics for economic growth and convergence. *Geographical Analysis*, Vol. 33, No. 3, 195–290. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00444.
20. *Russian Federation – Regional Development and Growth Agglomerations: the Longer Term Challenges of Economic Transition in the Russian Federation.* (2009). Washington, DC, World Bank.
21. *Silverman, B.* (1986). *Density Estimation for Statistics and Data Analysis.* London, Chapman & Hall.

About Author

Bufetova, Anna Nikolaevna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at the Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Professor at the Chair of Economic Theory, Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: Bufetova@gmail.com.

*Поступила в редколлегию 13.05.2024.
После доработки 01.07.2024.
Принята к публикации 03.07.2024.*

© Буфетова А.Н., 2024

Б.Л. Лавровский, Е.А. Горюшкина

НАЛОГОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ

В современной геополитической ситуации в связи с углублением рисков и повышением угроз, связанных с внешнеэкономической деятельностью, вопросы относительно источников налоговых поступлений, их территориальной структуры, отраслевой диверсификации приобретают особое значение. Наряду с динамикой продукта движение объема поступлений в бюджетную систему зависит от параметров налоговой нагрузки. Цель данного исследования – оценка эволюции, выявление факторов динамики и изменений отраслевой и территориальной структуры налоговых поступлений, администрируемых Федеральной налоговой службой.

Показано, в частности, что в течение рассматриваемого периода 2010–2022 гг. темп роста ВРП РФ, даже исчисленный в текущих ценах, последовательно снижался до 2020 г. включительно, движение объема налоговых поступлений с динамикой продукта в целом было синхронизировано. Опасная тенденция к резкому сокращению ресурсов бюджетной системы была преодолена заметным наращиванием параметров налоговой нагрузки с 2018 г. Рост доходной части бюджетной системы на 10% определяется увеличением налоговой нагрузки, на 90% – динамикой ВРП.

Фундаментальные структурные сдвиги, фактически определяющие масштабы и динамику бюджетных доходов страны, связаны со сравнительно узкой группой регионов. Примерно четверть регионов с наиболее высокой долей в общих доходах обеспечивают в совокупности (в среднем за 2010–2022 гг.) около 80% всех поступлений от ФНС. Торговля, ряд

подотраслей обрабатывающей промышленности отличаются, как правило, более высоким, чем в среднем по стране, значением рентабельности продаж и относительно низкой оценкой налоговой нагрузки. По-видимому, стоит «присмотреться» к этим видам деятельности под углом зрения наращивания массы налоговых поступлений в текущей и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Россия; регионы; пространственные сдвиги; бюджетная система; налоги; ВРП

Для цитирования: Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А. Налоговые поступления в Российской Федерации: отраслевые и региональные структурные сдвиги // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 34–64. DOI: 10.15372/REG20240402.

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Сила государства, его способность эффективно решать поставленные перед ним задачи, как известно, во многом определяются объемом располагаемых финансовых ресурсов. Поэтому внимание государства к своим доходным источникам никогда не ослабевает.

Принципиально новая геополитическая ситуация с неизбежностью предполагает заметные изменения в структуре доходов бюджетной системы Российской Федерации. Углубление рисков и усиление угроз в сфере внешнеэкономической деятельности объективно повышают роль и значение налогов и иных доходов, связанных с деятельностью внутри страны (рис. 1).

До 2014 г. доходы от деятельности внутри России и от внешнеэкономической деятельности были сопоставимы. В дальнейшем происходит последовательное интенсивное смещение доходов федерального бюджета в сторону доходов, связанных с деятельностью внутри страны. К концу рассматриваемого периода доля доходов от внешнеэкономической деятельности составляет менее 25%.

Негативные последствия возникающих в настоящее время рисков сокращения объемов добычи и экспорта углеводородов, охватывая

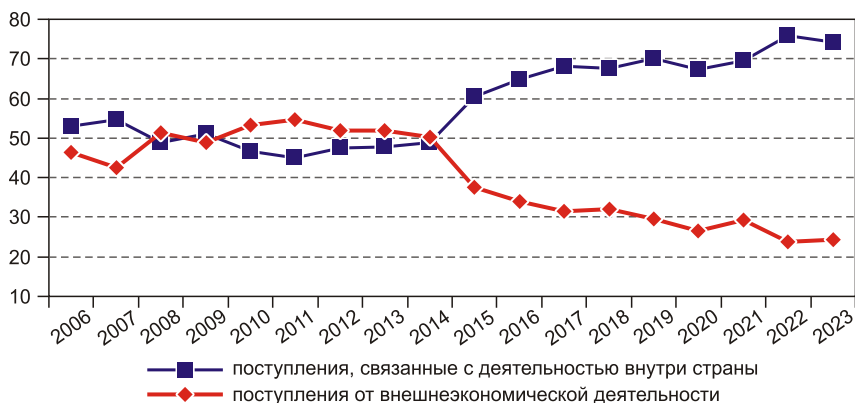


Рис. 1. Укрупненная структура доходов федерального бюджета РФ,
% к итоговым доходам федерального бюджета

Примечание: к поступлениям, связанным с деятельностью внутри страны, отнесены перечисления, администрируемые ФНС, а также неналоговые доходы (доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности, от продажи материальных и нематериальных активов, от оказания платных услуг государством, штрафы и др. – около 8–10% доходов федерального бюджета); поступлениями от внешнеэкономической деятельности являются налоги на товары, ввозимые на территорию РФ (НДС, акцизы), таможенные сборы и пошлины

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства

систему в целом, для ряда нефтедобывающих регионов могут быть достаточно существенными. Речь идет прежде всего о 16 регионах¹, в которых объем налоговых перечислений от добычи нефти и газа² составляет более половины всех перечислений с территории в бюджетную систему, а в ряде случаев – практически весь объем.

Доля добычи нефти и газа в суммарных перечислениях в бюджетную систему резко сократилась в 2020 г. во всех этих регионах. После некоторого восстановительного роста показателя в 2023 г. в большинстве случаев фиксируется новое его снижение. На этом

¹ Республики Коми, Башкортостан, Татарстан, Удмуртская и Саха (Якутия), Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Пермский и Красноярский края, Астраханская, Оренбургская, Самарская, Тюменская, Иркутская и Томская области.

² Вид экономической деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа».

фоне у некоторых регионов происходит заметное сокращение собственных (налоговых и неналоговых) доходов. На 2024 г. и плановые 2025–2026 гг. предусматривается сохранение собственных доходов консолидированных региональных бюджетов (по отношению к ВРП) на неизменном уровне при одновременном постепенном сокращении расходов и межбюджетных трансфертов, предоставляемых региональным бюджетам³. Аналогичные решения относительно расходов приняты и на федеральном уровне⁴.

Эти решения свидетельствуют о достигнутых пределах роста доходов бюджета. В этой ситуации вопросы относительно источников налоговых поступлений, их территориальной структуры, отраслевой диверсификации, роли конкретных регионов в формировании бюджетной системы страны приобретают особое значение. Фундаментальным основанием (условием) увеличения налоговых поступлений является рост продукта, в том числе в региональном разрезе. Наряду с динамикой продукта движение объема поступлений в бюджетную систему зависит от параметров налоговой нагрузки, значения которых уже не нейтральны по отношению к интересам бизнеса, в большей или меньшей степени мотивируя его активность. Поставленная в данной статье цель состоит в оценке эволюции, выявлении факторов динамики и изменений территориальной структуры налоговых поступлений, администрируемых Федеральной налоговой службой.

Дискуссии по коренным вопросам налогообложения ведутся, собственно говоря, все время с тех пор, как обложение стало упорядоченной цивилизованной системой, хотя их суть на удивление во многом осталась прежней. Современные налоговые и налогово-бюджетные теории описаны в большом числе работ, включая обзоры⁵. Известным синтезом, аккумулярованием идей, по-видимому, можно

³ См.: *Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов* / Министерство финансов РФ. – М., 2023.

⁴ См.: *В правительстве одобрили сокращение незащищенных расходов бюджета*. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/19/985930-v-pravitelstve-odobrili-sokraschenie-nezaschischennih-rashodov-byudzheta>.

⁵ См., например: [5; 7–10; 13; 14].

считать теорию и политику так называемого «оптимального налогообложения», базирующиеся на основополагающих работах Ф. Рэмси [12] и Дж.А. Миррлиса [11].

Несколько лет назад видными российскими экспертами проведена значительная работа, связанная с исследованием методологии и практики налогообложения в России. В опубликованной по ее результатам монографии наряду с элементами обзора рассматривается фундаментальный вопрос о соответствии российской налоговой системы критериям «оптимальной налоговой системы». Сделанные выводы внушают известный оптимизм: налоговые условия для реализации инвестиционных проектов в экономике России как минимум не хуже, чем в большинстве стран – членов ОЭСР и БРИКС, по сравнению с другими странами налоговая система России выглядит если не «идеальной», то вполне конкурентоспособной, во многом соответствует критериям «оптимальной налоговой системы» [4, с. 2, 37, 44]⁶.

В послании Федеральному собранию президент России призвал к более справедливому распределению налогового бремени в зависимости от уровня доходов. На конец мая 2024 г. было известно, что Министерство финансов разработало и внесло в правительство пакет поправок, включая законопроект об изменениях в налоговой системе. Новации коснутся прямых налогов. Предполагается, в частности, увеличение налога на прибыль до 25%, а также пятиступенчатая шкала НДФЛ: от 13% при доходах до 200 тыс. руб. в месяц (2,4 млн руб. в год) до 22% при доходах свыше 4,17 млн руб. в месяц (50 млн руб. в год). По информации Минфина России от 10 июля 2024 г., Закон о совершенствовании налоговой системы принят Госдумой и одобрен Советом Федерации⁷.

Стоит обратить внимание на определенную коллизию: известная благостность некоторых оценок образа налоговой системы России, с одной стороны, и весьма специфическое реальное состояние бюджетной системы на ее нижнем этаже – с другой. До сих пор федеральному центру удавалось за счет межбюджетных трансфертов строить консолидированные региональные бюджеты таким образом,

⁶ См. также: [1–3].

⁷ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409246782/>.

что вся их совокупность сводилась с профицитом, близким к нулю. При этом у значительного числа регионов неизменно наблюдался серьезный недостаток собственных налоговых ресурсов для выполнения ими своих обязательств (расходных полномочий). Ситуация с неизбежностью будет обостряться. Достаточно сказать, что доля межбюджетных трансфертов в структуре доходов регионов в среднем последовательно сократится с 19% в 2022 г. до 12% в 2025 г.⁸

В условиях глубокой естественной контрастности российской территории, непреодолимых (за счет рыночных механизмов) существенных региональных различий налогово-экономического потенциала говорить о налоговой системе страны как рациональной без учета ее пространственных аспектов, на наш взгляд, преждевременно.

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Начнем исследование с выявления связи между агрегированными (сводными) показателями динамики продукта и поступлений в бюджетную систему со стороны ФНС в целом по РФ начиная с 2011 г.⁹ (рис. 2).

Показатель динамики ВРП, даже исчисленный в текущих ценах, в тенденции ухудшался до 2020 г. включительно. Движение объема поступлений в целом с ним синхронизировано. На качественном уровне это свидетельствует о закономерной связи объемов продукта и масштабов налогов. Вместе с тем в течение рассматриваемого периода происходят заметные изменения в соотношении анализируемых показателей. В первой его половине преимущественная динамика поступлений относительно продукта систематически ослаблялась, и к 2016 г. кумулятивные темпы выравнились. Одновременно

⁸ См.: *Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов* (утв. Минфином России). – С. 63. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/.

⁹ Вовлечение в анализ сведений, относящихся к предыдущим годам, по нашему мнению, нецелесообразно – слишком разные условия развития.

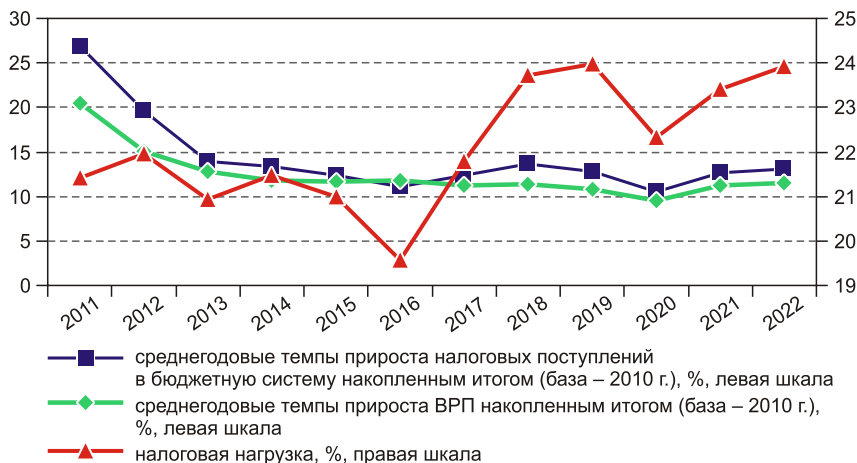


Рис. 2. Показатели динамики ВРП, налоговых поступлений в бюджетную систему РФ и налоговой нагрузки (в текущих ценах), %

Примечание: здесь оцениваются не сами по себе темпы роста, а их соотношение для разных показателей; в данной постановке использование текущих цен не является существенным препятствием

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Росстата

с этим налоговая нагрузка¹⁰ хотя и незначительно, но снижалась. С 2018 г. преимущество в темпах роста налоговых поступлений в бюджетную систему восстановлено. Преодолеть опасную тенденцию к резкому сокращению ресурсов бюджетной системы удалось за счет заметного наращивания объема собираемых налогов в расчете на один рубль производимого продукта.

В соответствии с индексом Херфиндаля – Хиршмана¹¹ увеличение налоговой нагрузки в целом по стране происходит на фоне усиления отраслевой налоговой специализации регионов, все боль-

¹⁰ Под налоговой нагрузкой в статье, если не оговаривается специально, понимается отношение поступивших в бюджетную систему налогов с территории региона к его ВРП, исчисленное в процентах.

¹¹ Индекс Херфиндаля – Хиршмана является одним из показателей, используемых для оценки уровня отраслевой специализации регионов. В нашем случае

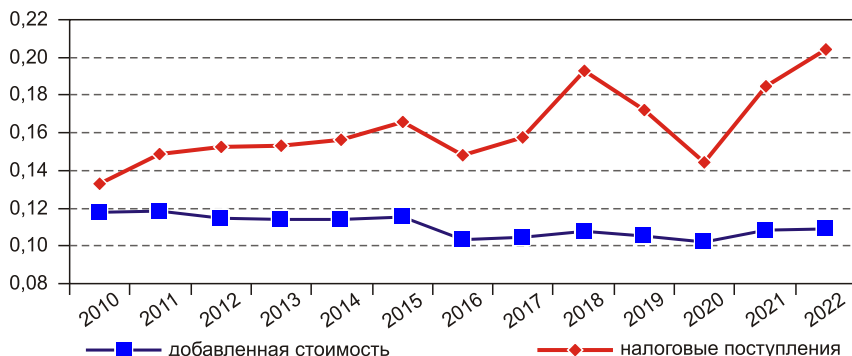


Рис. 3. Индекс Херфиндала – Хиршмана для РФ в целом на базе добавленной стоимости и налоговых поступлений по 14 видам экономической деятельности

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Росстата

шей концентрации налоговых перечислений в меньшем количестве видов деятельности. Любопытно, что динамика значений индекса Херфиндала – Хиршмана, рассчитанного на основе добавленной стоимости, демонстрирует противоположную тенденцию. Уровень концентрации налоговых поступлений на всем временном промежутке выше показателя по добавленной стоимости (рис. 3). Различие тенденций свидетельствует, по-видимому, о неравномерном увеличении налоговой нагрузки по видам деятельности.

Изменения в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости и налоговых поступлений в течение рассматриваемого периода представлены в табл. 1. Видно, что в большинстве случаев отраслевая структура рассматриваемых показателей в 2018–2022 гг. не претерпела существенных изменений относительно предыдущего периода.

индекс рассчитан по всем регионам страны в целом для 14 высокоагрегированных видов экономической деятельности; его минимальное значение составляет (теоретически) $1/14 = 0,07$. Это означает, что экономика (налоговые поступления) представлена всеми видами деятельности, создаваемый в регионе продукт (объем собираемых на территории региона налогов) равномерно распределен по видам деятельности. Если индекс принимает максимальное значение, равное 1, то соответствующий показатель формируется полностью за счет одного вида деятельности.

Таблица 1

**Отраслевая структура налоговых поступлений в бюджетную систему
и добавленной стоимости (в среднегодовом выражении), %***

Вид экономической деятельности	Добавленная стоимость		Налоговые поступления	
	2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,7	4,3	0,6	0,7
Добыча полезных ископаемых	10,9	13,2	28,4	33,8
Обрабатывающие производства	17,0	16,9	18,4	16,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,9	3,2	3,2	3,6
Строительство	6,7	5,4	4,9	4,1
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	18,0	14,4	10,7	11,1
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,0	0,9	0,7	0,6
Транспортировка и хранение. Деятельность в области информации и связи	10,0	10,1	6,8	6,9
Деятельность финансовая и страховая	0,5	0,5	4,8	5,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом**	11,6	10,5	9,0	3,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	5,5	5,4	2,7	2,1
Образование	3,1	2,9	2,0	1,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,9	3,8	1,6	1,5

Окончание табл. 1

Примечания: * Все данные приведены в среднегодовом выражении, поэтому различие в длительности сопоставляемых периодов 2010–2017 гг. и 2018–2022 гг. не является препятствием для корректной интерпретации результатов. Выбор самих этих отрезков времени также не является случайным: именно на границе 2017–2018 гг. произошли качественные изменения в соотношении динамики продукта и налоговых поступлений. ** До 2017 г. – «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг».

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Росстата.

Исключением являются ВЭД «Добыча полезных ископаемых», где увеличение доли добавленной стоимости составило 2,3 п.п., а налоговых поступлений – 5,4 п.п., и «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов», где доля в налоговых поступлениях незначительно возросла при сокращении добавленной стоимости на 3,6 п.п. Результатом преимущественного роста налоговых поступлений относительно добавленной стоимости по данным видам деятельности является увеличение показателя налоговой нагрузки. Этот показатель в соответствии с методикой ФНС измеряется «как соотношение суммы уплаченных налогов по данным отчетности налоговых органов и оборота (выручки) организаций по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата)»¹². Данные относительно налоговой нагрузки по некоторым видам экономической деятельности за период 2010–2022 гг. представлены в табл. 2.

Величина налоговой нагрузки в целом выросла (в среднегодовом выражении) с 9,8% в 2010–2017 гг. до 10,7% в 2018–2021 гг. и 11,3% в 2022–2023 гг. Рост коснулся большинства рассматриваемых видов экономической деятельности. В двух видах деятельности наблюдается существенный рост нагрузки. Речь идет о ВЭД «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» (с 39,2% в 2010–2017 гг.

¹² Приложение № 1 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp/3897151/.

Налоговая нагрузка по некоторым высокоагрегированным

Вид экономической деятельности	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
По всем ВЭД	9,4	9,7	9,8	9,9	9,8	9,7	9,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство*	4,2	3,6	2,9	2,9	3,4	3,5	3,5
Добыча полезных ископаемых, всего	30,3	33,2	35,2	35,7	38,5	37,9	32,3
В том числе добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	33,2	36,3	39,0	39,6	42,6	41,5	35,6
Обрабатывающие производства	7,2	7,1	7,5	7,2	7,1	7,1	7,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды**	5,3	4,8	4,2	4,6	4,8	5,4	6,1
Строительство	11,3	12,2	13,0	12,0	12,3	12,7	10,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования***	2,4	2,4	2,8	2,6	2,6	2,7	2,8
Гостиницы и рестораны****	12,9	12,5	9,9	8,9	9,0	9,0	9,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг*****	19,7	22,2	18,6	17,9	17,5	17,2	15,4

Примечания: * 2017–2021 – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, кондиционирование воздуха; *** 2017–2021 – Торговля оптовая и розничная; ремонт и предприятий общественного питания; ***** 2017–2021 – Деятельность по операциям

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы.

до 50% в 2018–2021 гг. и дальнейший рост до 52,7% в 2022–2023 гг.) и «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (здесь налоговая нагрузка возросла с 18,7 до 22,5%, затем несколько сократилась). Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, обеспечивая длительное время наибольшую долю относительно всех поступлений налоговых платежей в консолидирован-

Таблица 2

видам экономической деятельности, % (по методике ФНС)

2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Средняя за период		
							2010–2017	2018–2021	2022–2023
10,8	11,0	11,2	10,0	10,4	10,7	12,0	9,8	10,6	11,3
4,3	4,1	4,5	3,8	4,7	4,1	4,6	3,5	4,3	4,3
36,7	43,5	41,4	35,2	40,4	42,2	43,5	34,9	40,0	42,8
45,4	52,5	50,9	46,5	50,2	53,0	52,4	39,0	50,0	52,7
8,2	7,1	7,6	8,1	7,4	6,8	8,9	7,4	7,5	7,8
6,8	6,7	7,1	7,3	6,9	6,7	7,7	5,2	7,0	7,2
10,2	10,4	11,9	10,7	10,1	11,1	13,0	11,8	10,8	12,0
3,2	2,9	2,8	3,0	2,8	3,7	4,1	2,7	2,9	3,9
9,5	10,1	10,5	10,3	9,0	9,6	9,2	10,0	10,0	9,4
21,3	20,5	25,0	22,5	21,8	21,0	19,9	18,6	22,4	20,4

рыбоводство; ** 2017–2021 – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; автотранспортных средств и мотоциклов; **** 2017–2021 – Деятельность гостиниц с недвижимым имуществом.

ный бюджет РФ со стороны ФНС, является в этом смысле ключевой отраслью. Последовательный рост налоговой нагрузки, превысивший половину всего оборота (выручки), связан прежде всего с проводимым с 2015 г. налоговым маневром в нефтяной отрасли – постепенным снижением (вплоть до нуля к 2024 г.) ставок экспортных пошлин при увеличении налога на добычу полезных ископаемых. При этом,

как подчеркивают некоторые эксперты, бюджет недополучает доходы, так как экспортные пошлины снижаются больше, чем растет НДПИ¹³. В связи с этим Минфин России, констатируя к середине 2023 г., что «в нефтегазовом секторе... уже практически достигнут потолок потенциала роста налоговой нагрузки», оставляет за собой свободу маневра: «неиспользованный потенциал в целом в отрасли еще остался»¹⁴.

В 2023–2025 гг. предполагается существенное увеличение налоговой нагрузки на нефтегазовую отрасль. Полученные в результате налоговые отчисления, связанные с добычей и переработкой нефти, смогут увеличить доходы бюджета за три года на 1,29 трлн руб. Одновременно отмечается, что повышение НДПИ, запланированное на 2023–2025 гг., «никак не связано с проведением налогового маневра и не затрагивает порядок расчета таможенных пошлин»¹⁵. Кроме того, с 1 января 2023 г. при добыче горючего природного газа повышается ставка НДПИ и для расчета налога вводится специальный поправочный коэффициент. В результате сумма налоговых поступлений в бюджет увеличится на 2 трлн руб. за три года¹⁶.

При всей очевидной необходимости увеличения бюджетных доходов видны и серьезные риски снижения инвестиционной деятельности (в связи с осуществляемыми мероприятиями) со всеми вытекающими отсюда среднесрочными и долгосрочными последствиями для объемов добычи, выручки и... величины налогов.

¹³ См.: *Минфин* не увидел рисков для завершения налогового маневра в нефтянке. – URL: <https://www.interfax.ru/business/867457> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁴ См.: *Минфин* РФ считает, что в нефтегазовом секторе уже практически достигнут потолок роста налоговой нагрузки. – URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/785161-minfin-rf-schitaet-cto-v-neftegazovom-sektore-uzhe-prakticheski-dosti-gnut-potolok-rosta-nalogovoy-n/> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁵ См.: *Налоги на нефть и газ: изменения в налогообложении нефтегазового сектора в 2023 году*. – URL: <https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/nalogi-na-neft-i-gaz-izmeneniya-v-nalogooblozhenii-neftegazovogo-sektora-v-2023-godu/> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁶ Там же.

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА И РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА

В соответствии с критериями самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемыми налоговыми органами, основанием для предпроверочного анализа компании, а в последующем, возможно, и для выездной налоговой проверки могут явиться заметные отклонения ряда ее показателей от «нормативов» – среднеотраслевых значений, в частности, налоговой нагрузки и уровня рентабельности¹⁷. При таком взгляде (сопоставлении) сравнительно низкие значения показателей компании не обязательно, но могут быть интерпретированы как признак незаконной налоговой оптимизации и стать поводом «присмотреться» к ней. Поэтому стоит обратить внимание на существенные отличия самих этих среднеотраслевых значений друг от друга.

Предварительно выделим среди видов деятельности (относительно которых публикуются сведения о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов) небольшой перечень тех, что концентрируют в совокупности подавляющую (около трех четвертей) часть доходов бюджетной системы. Очевидно, что структурные сдвиги в рамках этих отраслей во многом определяют объем и динамику совокупных доходов. На рисунке 4 представлены соответствующие данные, касающиеся пяти укрупненных видов экономической деятельности.

Налоговые поступления в отрасли «Добыча полезных ископаемых», составляя около четверти всех поступлений в консолидированный бюджет в начале рассматриваемого периода, достигают в конце его трети всех поступлений. Заметные перепады по годам обуслов-

¹⁷ См.: Приложение № 2 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp/3897151/.

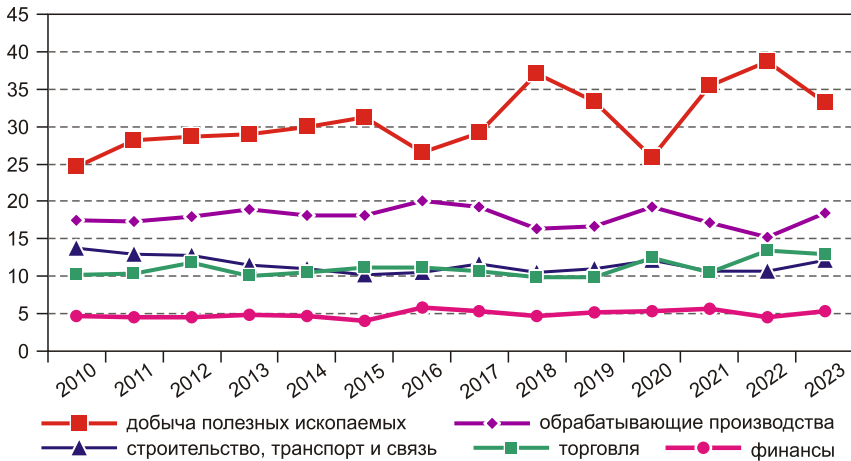


Рис. 4. Доля ряда отраслей в доходной части бюджетной системы РФ, %

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Электронного бюджета

лены преимущественно динамикой цен на нефть¹⁸. В других рассмотренных отраслях вариация в течение периода гораздо менее ощутима.

Повышательный тренд в отрасли «Обрабатывающие производства» продолжался примерно до середины периода. В дальнейшем наблюдается неустойчивая динамика, пиковые значения в 2017, 2020, 2023 гг. достигают примерно 19%. В отраслях «Строительство», «Транспорт» и «Связь», наоборот, тренд, заметно убывающий до 2015 г., в дальнейшем сменил знак, достигнув пика в 13% в 2020 г. Удельный вес отрасли «Торговля»¹⁹ стабильно составляет около 10–13%, «Финансы»²⁰ – 4–5%.

Выше мы уже обращали внимание на особенности исчисления налоговой нагрузки Федеральной налоговой службой. При этом ФНС

¹⁸ По данным Агентства нефтегазовой информации и Минфина России, цена нефти марки Urals, например, в 2016 г. составляла 41,9 долл. США за баррель, в 2018 г. – 70,01 долл. США за баррель.

¹⁹ «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования».

²⁰ «Деятельность финансовая и страховая».

публикует сведения по видам экономической деятельности о налоговой нагрузке, как правило, в паре с данными о рентабельности продаж, подчеркивая этим, по-видимому, их неразрывную связь²¹. Обратимся к анализу этой пары по данным за 2021 г. по видам деятельности, где вариация показателей нагрузки этого года несущественна (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о налоговой нагрузке и рентабельности продаж по ряду видов экономической деятельности (согласно ОКВЭД-2) за 2021 г.

Вид экономической деятельности	Налоговая нагрузка, %	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	Отношение налоговой нагрузки к рентабельности
По всем ВЭД	10,4	14,5	0,72
Обрабатывающие производства, всего	7,4	16,7	0,44
В том числе:			
производство кокса и нефтепродуктов	4,9	14,0	0,35
производство химических веществ и химических продуктов	3,6	43,0	0,08
производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	8,6	51,6	0,17
обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	5,0	33,6	0,15
Строительство	10,1	7,1	1,43
Транспортировка и хранение	6,0	8,0	0,75

²¹ Рентабельность проданных товаров определяется как соотношение между величиной сальдированного финансового результата (прибыль минус убыток) от продажи товаров и себестоимостью проданных товаров с учетом коммерческих и управленческих расходов.

Окончание табл. 3

Вид экономической деятельности	Налоговая нагрузка, %	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	Отношение налоговой нагрузки к рентабельности
Деятельность в области информации и связи	14,7	13,6	1,08
Торговля	2,8	8,8	0,31
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	21,8	28,9	0,75

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы.

Видно, что по укрупненным ВЭД «Транспортировка и хранение», а также «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом» соотношение налоговой нагрузки и рентабельности сопоставимо со среднеотраслевой оценкой, по ВЭД «Деятельность в области информации и связи» и особенно «Строительство» – заметно выше.

Подотрасли обрабатывающей промышленности, представленные в табл. 3, отличаются весьма льготным характером налогообложения: более высоким, как правило, чем в среднем по стране, значением рентабельности и относительно низкой оценкой налоговой нагрузки. Однако, являясь стратегическими с точки зрения развития отечественной промышленности и импортозамещения, эти отрасли в настоящий момент вряд ли могут рассматриваться в качестве источников наращивания налоговых поступлений.

Выделяется ВЭД «Торговля», где рассматриваемое соотношение много меньше среднего по стране показателя. Именно здесь, по-видимому, содержались заметные резервы наполнения доходной части бюджетной системы (в текущей и среднесрочной перспективе). Это соображение не является ни новым²², ни дискриминационным по отношению к отрасли, будучи всего лишь отражением принципа меж-

²² Причина высокой рентабельности оптовой торговли заключается в низкой эффективности государственной налоговой политики. Целесообразно резкое увеличение налогообложения отрасли [6].

отраслевой соразмерности (справедливости). В самом деле, доля отрасли в добавленной стоимости в 2018–2021 гг. составила 14,2%, а в бюджетных доходах – только 10,6%. Между тем, скажем, в обрабатывающей промышленности, в обеспечении электрической энергией, газом и паром эти показатели сопоставимы.

Государство, судя по всему, «присмотрелось» в 2022–2023 гг. к этому виду деятельности под углом зрения наращивания массы налоговых поступлений. В 2023 г. отношение налоговой нагрузки к рентабельности сопоставимо со средним по стране показателем, значение налоговой нагрузки выросло с 2,8 до 4,1%.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАЛОГОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ

В отличие от оценок региональной дифференциации продукта, сведений общего характера относительно территориального разброса налоговых и иных перечислений в бюджетную систему страны, как и относительно соответствующих структурных изменений, много меньше. Этот пробел стоит восполнить.

Роль отдельных территорий в формировании доходов бюджетной системы заметно разнится. На 40 регионов (с минимальным участием каждого) в совокупности приходится ежегодно примерно 6,5–8,0% их общей величины. В редких случаях удельный вес того или иного региона из этой совокупности в общих бюджетных доходах растет, а чаще всего сокращается либо стабилен. Значение этой половины регионов страны во времени в рассматриваемом аспекте в тенденции падает.

Фундаментальные структурные сдвиги, фактически определяющие масштабы и динамику бюджетных доходов страны, связаны со сравнительно узкой группой регионов. Два региона с наиболее высокой долей в общих доходах обеспечивают в совокупности (в среднем за 2010–2022 гг.) примерно 40% всех поступлений, пять регионов – более половины, 10 регионов – около двух третей. Наконец, поступления от 22 регионов с долей каждого более 1% составляют в совокупности около 80% общего притока от ФНС.

Применительно к поставленным в статье задачам эту примерно четверть регионов можно рассматривать как ядро всей территориальной системы. Основной вопрос – характер эволюции территориальной структуры поступлений (2018–2022 гг. относительно 2010–2017 гг.). Соответствующие данные представлены в табл. 4. В этой таблице регионы сгруппированы в три дивизиона. Целью классификации является качественная оценка роли налоговой нагрузки в общем объеме налоговых поступлений уже во внутриядерном комплексе. Практически во всех случаях налоговая нагрузка выросла, хотя и в разной степени.

Таблица 4

**Некоторые усредненные характеристики регионов из ядра
территориальной системы**

Дивизион	№	Регион	Доля в совокупных поступлениях		Доля в российском ВРП		Налоговая нагрузка		Индекс Херфиндаля – Хишмана*	
			2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022
I	1	Тюменская обл.	20,8	22,4	8,9	9,4	49,3	56,2	0,68	0,76
	2	г. Москва	18,9	16,8	21,3	20,7	18,7	19,0	0,16	0,16
		<i>Всего</i>	<i>39,7</i>	<i>39,2</i>	<i>30,2</i>	<i>30,1</i>	<i>27,7</i>	<i>30,6</i>	–	–
II	3	Самарская обл.	2,4	2,6	1,9	1,8	27,1	35,1	0,23	0,30
	4	Республика Башкортостан	2,0	1,5	2,0	1,8	20,4	20,6	0,26	0,33
	5	Пермский край	1,8	2,1	1,6	1,5	23,5	32,6	0,26	0,35
	6	Свердловская обл.	1,9	1,8	2,9	2,6	14,0	16,0	0,15	0,17
	7	Краснодарский край	1,9	1,7	3,0	2,8	13,2	14,0	0,11	0,12
	8	Оренбургская обл.	1,6	1,9	1,2	1,1	28,0	38,7	0,57	0,64
	9	Нижегородская обл.	1,5	1,5	1,7	1,7	18,6	20,6	0,20	0,26

Налоговые поступления в Российской Федерации:
отраслевые и региональные структурные сдвиги

Окончание табл. 4

Дивизион	№	Регион	Доля в совокупных поступлениях		Доля в российском ВРП		Налоговая нагрузка		Индекс Херфиндаля – Хишмана*	
			2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022	2010–2017	2018–2022
II	10	Челябинская обл.	1,2	1,2	1,7	1,7	14,9	16,8	0,22	0,23
	11	Ростовская обл.	1,2	1,0	1,8	1,7	14,9	13,6	0,16	0,15
	12	Сахалинская обл.	1,1	1,2	1,2	1,1	19,5	23,9	0,39	0,38
	13	Республика Коми	1,1	1,2	0,9	0,7	26,2	40,2	0,27	0,43
	14	Новосибирская обл.	1,1	0,9	1,5	1,4	15,8	15,4	0,13	0,14
	15	Томская обл.	1,1	0,9	0,7	0,6	31,6	35,9	0,42	0,44
		<i>Всего</i>	<i>19,9</i>	<i>19,5</i>	<i>22,1</i>	<i>20,5</i>	<i>19,0</i>	<i>22,3</i>		
III	16	г. Санкт-Петербург	5,4	5,4	5,0	6,7	22,8	19,2	0,20	0,23
	17	Московская обл.	4,8	4,8	5,0	5,5	20,1	20,3	0,15	0,18
	18	Республика Татарстан	3,1	3,7	2,8	2,9	23,1	29,6	0,30	0,39
	19	Красноярский край	2,5	2,9	2,5	2,6	21,2	25,6	0,26	0,31
	20	Иркутская обл.	1,5	3,0	1,5	1,6	20,3	43,6	0,20	0,37
	21	Ленинградская обл.	1,6	1,5	1,3	1,3	25,8	27,7	0,40	0,38
		<i>Всего</i>	<i>18,8</i>	<i>21,3</i>	<i>18,1</i>	<i>20,6</i>	<i>21,9</i>	<i>24,2</i>	–	–
		Итого	78,4	79,9	70,3	71,3	23,5	26,4	–	–

Примечание: * отношение объема налогов к ВРП, %.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Росстата.

Регионы дивизиона I (Тюменская область и г. Москва), обладая чрезвычайной спецификой, в совокупности на протяжении всего периода обеспечивают около 40% налоговых поступлений в бюджетную систему страны и чуть более 30% российского ВРП. Здесь в целом незначительное относительное сокращение производства в 2018–2022 гг. сопоставительно с 2010–2017 гг. компенсировано ростом нагрузки.

Регионы дивизионов II и III упорядочены в соответствии с характером динамики продукта. В дивизионе II представлены регионы, доля каждого из которых в российском ВРП в 2018–2022 гг. относительно 2010–2017 гг. понизилась. Сократилась и их совокупная доля в налоговых поступлениях страны (с 19,9 до 19,5%). Удержать «налоговую квоту» на достигнутом ранее уровне не удалось, несмотря на впечатляющий рост налоговой нагрузки почти на 3 п.п. Вместе с тем некоторые из регионов (Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Республика Коми) повысили долю налоговых поступлений. Рывок налоговой нагрузки на этих территориях связан с существенным ростом в структуре их платежей той части, которая обусловлена добычей нефти и газа. Например, удельный вес отрасли «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» в общем объеме налоговых платежей в консолидированный бюджет РФ в Самарской области возрос с 33,9% в среднем за 2010–2017 гг. до 45,0% в 2018–2022 гг., в Пермском крае – с 43,6 до 54,0% и т.д.

В дивизионе III представлены регионы, доля которых в российском ВРП в 2018–2022 гг. относительно 2010–2017 гг. повысилась. В целом все они, естественно, заметно увеличили свою долю в совокупных налоговых поступлениях (с 18,8 до 21,3% соответственно). Выделяется г. Санкт-Петербург, где повышение доли поступлений достигнуто исключительно за счет ускоренного роста продукта.

В целом регионы, входящие в ядро территориальной системы, характеризуются в последние четыре года рассматриваемого периода преимущественной динамикой ВРП и налоговых поступлений относительно средних показателей по России.

РОЛЬ РЕГИОНОВ В НАПОЛНЕНИИ ДОХОДНОЙ ЧАСТИ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Рассматриваемый в статье период охватывает значительный отрезок времени – более 10 лет. Имеет смысл внимательнее взглянуть на субъекты РФ, которые в течение этого времени заметно расширили свое участие в совокупных доходах бюджетной системы страны. Кроме того, представляет немалый интерес вопрос о способах этого расширения, точнее, о его отраслевых источниках.

Обратимся к регионам, которые удовлетворяют следующим условиям: доля перечислений в бюджетную систему в 2021 г. составляет не менее 0,5%, прирост доли относительно 2010 г. – не менее 0,1 п.п. (за одним исключением)²³. Перечисленным требованиям отвечает выборка из 19 субъектов РФ (табл. 5). Прежде чем анализировать характеристики полученной выборки (19), остановимся предварительно на одном вопросе, требующем специального обсуждения.

Пополнение бюджетной системы за счет роста продукта и за счет налоговой нагрузки имеет в контексте экономического роста существенно разное значение. В связи с этим целесообразно рассчитать количественную меру влияния как того, так и другого фактора на показатели налоговых перечислений. Для этого воспользуемся следующим известным приемом. Представим динамику налоговых перечислений за период в виде произведения двух факторов:

$$I_{\text{пер}} = I_{\text{пр}} \cdot I_{\text{нагр}}, \quad (1)$$

где $I_{\text{пер}}$ – индекс налоговых перечислений; $I_{\text{пр}}$ – индекс ВРП; $I_{\text{нагр}}$ – индекс налоговой нагрузки.

Для случая непрерывного времени разложим динамику $I_{\text{пер}}$ на составляющие. Логарифмируя уравнение (1), получаем

$$\ln I_{\text{пер}} = \ln I_{\text{пр}} + \ln I_{\text{нагр}}. \quad (2)$$

²³ Введение этих количественных ограничений (снизу) призвано придать полученным результатам, их интерпретации большую определенность, по возможности снять представление об их случайном (конъюнктурном) характере.

Некоторые характеристики

Регион	Доля региона в общих поступлениях, РФ = 100		Налоговая нагрузка	
	2010	2021	2010	2021
А	1	2	3	4
Российская Федерация	100	100	0,20	0,23
Белгородская обл.	0,64	0,77	0,12	0,16
Липецкая обл.	0,29	0,47	0,09	0,16
Республика Коми	1,05	1,48	0,23	0,49
Калининградская обл.	0,64	0,71	0,25	0,30
Ленинградская обл.	1,28	1,48	0,20	0,28
г. Санкт-Петербург	4,49	4,81	0,20	0,14
Краснодарский край	1,85	1,98	0,14	0,17
Астраханская обл.	0,30	0,68	0,16	0,29
Республика Татарстан	2,76	3,77	0,21	0,31
Удмуртская Республика	0,96	1,06	0,27	0,35
Оренбургская обл.	1,48	2,11	0,25	0,42
Пермский край	1,76	2,27	0,22	0,37
Самарская обл.	2,36	2,74	0,26	0,36
Тюменская обл. без АО	1,06	1,56	0,15	0,29
Челябинская обл.	1,22	1,34	0,14	0,18
Ямало-Ненецкий АО	4,26	6,72	0,42	0,45
Красноярский край	2,15	2,85	0,16	0,26
Иркутская обл.	0,82	2,13	0,12	0,31
Республика Саха (Якутия)	0,85	1,06	0,17	0,18

Примечания: * Чтобы не перегружать таблицу сравнительно второстепенными случаями, когда темпы роста налоговых поступлений в отраслях (столбцы 7–11) выше, области налоговые поступления от добычи нефти и газа в 2010 г. равнялись нулю.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной налоговой службы и Росстата.

Таблица 5

выборки (19)

Значение фактора ВРП в динамике перечислений в целом за период 2010–2021 гг., %, %	Индекс роста налоговых перечислений в 2021, 2010 = 1,0 (в текущих ценах)*					
	Всего	Добыча нефти и газа	Обрабаты- вающая промыш- ленность	Строи- тельство, транспорт и связь	Торговля	Финансы
5	6	7	8	9	10	11
90,0	3,66	5,21	3,60	2,81	3,77	4,32
83,1	4,36	+	–	–	–	–
68,1	6,01	**	+	–	–	–
53,9	5,16	+	+	–	+	–
88,7	4,04	–	+	–	+	–
76,4	4,25	+	+	–	+	–
125,5	3,92	+	+	+	–	+
83,2	3,91	+	–	–	+	–
71,3	8,33	+	+	–	+	–
77,0	4,99	+	–	+	–	–
80,1	4,05	+	–	–	–	–
67,6	5,19	+	–	–	–	–
66,0	4,74	+	+	–	–	–
77,0	4,26	+	–	–	–	–
61,4	5,37	+	+	–	–	–
82,2	4,00	–	+	–	–	+
95,3	5,77	+	–	–	+	+
67,4	4,86	+	–	–	–	–
55,9	9,51	+	–	–	–	–
94,2	4,56	+	–	–	+	–

данными, рельефнее выразить определенные закономерности, знак «+» ставится в тех
чем в целом по региону (столбец 6); знак «–» – когда темпы ниже. ** В Липецкой

В качестве характеристики относительного влияния, скажем, динамики продукта на динамику налоговых перечислений исходя из уравнения (2) может быть предложен индикатор :

$$\frac{\ln I_{\text{пр}}}{\ln I_{\text{пер}}}.$$

Сосредоточимся теперь на характеристиках полученной выборки (19) (см. табл. 5). Все эти 19 регионов являются (по построению) лидерами в том смысле, что их налоговые перечисления в доходную часть бюджетной системы в течение рассматриваемого периода росли быстрее, чем в среднем по стране. В результате совокупная доля выборки в общих доходах увеличилась примерно с 30% в 2010 г. до 40% в 2021 г. (например, в Белгородской области – с 0,64 до 0,77 соответственно).

Налоговая нагрузка в каждом из регионов выборки (за одним исключением) и в целом по стране выросла, в последнем случае – с 0,20 до 0,23. Это означает преимущественный рост в течение периода налоговых перечислений относительно продукта²⁴. Для ответа на вопрос о том, за счет каких именно видов экономической деятельности было достигнуто отмеченное преимущество, следует сопоставить данные столбца 6 и столбцов 7–11. Понятно, что темпы роста налоговых поступлений в одних отраслях выше, в других – ниже, чем динамика общего их объема. Интерес представляет конкретный состав тех и других отраслей. Например, в целом по стране темпы заметно выше в отрасли «Добыча нефти и газа», несколько выше в отраслях «Финансы» и «Торговля», чем динамика общего их объема, в остальных рассмотренных отраслях они ниже. Поэтому неудивительно, что и в подавляющем большинстве регионов (17 ед.) основным (но не всегда единственным) источником существенного прироста налоговых поступлений является нефтегазовая отрасль. Везде, где к 2010 г. уже существовали или только зарождались добывающие мощности, в течение рассматриваемого периода наблюда-

²⁴ В этом разделе статьи все оценки, касающиеся динамики налоговых перечислений и ВРП, рассчитываются в текущих ценах.

лось активное их развитие. Так, в Астраханской области налоговые поступления, связанные с нефтегазовой отраслью, во всех поступлениях региона в 2010 г. составляли менее 40%, а в 2021 г. – уже более двух третей. Еще более впечатляющие данные зафиксированы для Иркутской области.

В целом по стране доходная часть бюджетной системы выросла на 90% за счет динамики ВРП и только на 10% благодаря увеличению налоговой нагрузки. В регионах выборки (19) роль нагрузки (за одним исключением) больше 10%, в некоторых (Липецкая, Оренбургская, Тюменская без автономных округов, Иркутская области, Пермский и Красноярский края, Республика Коми) – превышает 30%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные приблизительно к середине 2010-х годов (в связи с ослаблением экономической динамики) риски недостаточного роста или даже сокращения доходной части бюджетной системы были купированы методами налоговой политики. Налоговая нагрузка в целом по стране последовательно выросла с 21,8% в 2017 г. до 23,4% в 2021 г. и 23,9% в 2022 г. Осуществляемые налоговые мероприятия коснулись прежде всего добывающих отраслей промышленности. В структуре добавленной стоимости доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в среднем за 2018–2021 гг. составляла 12,9%, в налоговых поступлениях – 32,7% (в 2010–2017 гг. – 10,9 и 28,4% соответственно). В целом благодаря увеличению налоговой нагрузки доходная часть бюджетной системы за период 2010–2021 гг. увеличилась на 10%, за счет динамики ВРП – на 90%.

Фундаментальные структурные сдвиги, фактически определяющие масштабы и динамику бюджетных доходов страны, связаны со сравнительно узкой группой регионов. Два региона с наиболее высокой долей в общих доходах обеспечивают в совокупности (в среднем за 2010–2021 гг.) примерно 40% всех поступлений, пять регионов – более половины, 10 регионов – около двух третей. Наконец, поступления от 22 регионов с долей каждого более 1% составляют в совокупности около 80% общего притока от ФНС.

Отрасль «Торговля» до последнего времени отличалась весьма льготным характером налогообложения: более высоким, как правило, чем в среднем по стране, значением рентабельности и относительно низкой оценкой налоговой нагрузки. Государство в течение 2022–2023 гг., имея в виду наращивание массы налоговых поступлений, исправило эту отраслевую особенность.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН,
проект «Инструменты, технологии и результаты анализа,
моделирования и прогнозирования пространственного развития
социально-экономической системы России и ее отдельных территорий»,
№ 121040100262-7*

Список источников

1. Аналитическая оценка фискальной (налоговой) нагрузки в российской экономике. – М., 2015. – URL: <https://rspp.ru/document/1/f/d/fd55d077c7bc90fafdb0a3de8643c07c.docx> (дата обращения: 21.12.2023).
2. Андропова О.А., Изряднова О.И., Казакова М.В. Современная налоговая система России: основные принципы, реформы и роль в обеспечении экономической безопасности страны // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1365–1386. DOI: 10.18334/eo.10.4.110920.
3. Налоговая реформа в России: проблемы и решения: В 2 т. – М.: ИЭПП, 2003. – Т. 1. – 395 с.
4. Перспективы налоговой политики: Существует ли «идеальная налоговая система» для России? / Алексеев М.В., Белев С.Г., Громов В.В., Дерюгин А.Н., Дробышевский С.М., Каукин А.С., Кнобель А.Ю., Корытин А.В., Леонов Е.А., Малинина Т.А., Милоголов Н.С., Синельников-Мурылев С.Г. – М.: Дело, 2019. – 126 с.
5. Танзи В., Зи Х. Налоговая политика для развивающихся стран. 2001. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues27/rus/issue27r.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
6. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Оптовая торговля в современной России // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 5. – С. 42–61.
7. Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. – OECD Publishing, 2014. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en.html (дата обращения: 20.12.2023).

8. *Baker A., Murphy R.* Modern Monetary Theory and the Changing Role of Tax in Society. 2019. – URL: <https://doi.org/10.1017/S1474746420000056> (дата обращения: 24.12.2023).

9. *Blundell R., Preston I.* Principles of tax design, public policy and beyond: The ideas of James Mirrlees, 1936–2018 // *Fiscal Studies*. – 2019. – Vol. 40, No. 1. – P. 5–18. – URL: <https://ideas.repec.org/a/wly/fistud/v40y2019i1p5-18.html> (дата обращения: 20.12.2023).

10. *Mankiw N.G., Weinzierl M., Yagan D.* Optimal taxation in theory and practice // *Journal of Economic Perspectives*. – 2009. – Vol. 23, No. 4. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.23.4.147> (дата обращения: 20.12.2023).

11. *Mirrlees J.A.* An exploration in the theory of optimal income taxation // *The Review of Economic Studies*. – 1971. – Vol. 38, Iss. 2. – P. 175–208. DOI: 10.2307/2296779.

12. *Ramsey F.* A contribution to the theory of taxation // *Economic Journal*. – 1927. – No. 37. P. 47–61. – URL: <https://gwern.net/doc/economics/1927-ramsey-2.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

13. *Stephanyan V.* Reforming Tax Systems: Experience of the Baltics, Russia, and Other Countries of the Former Soviet Union / IMF Working Paper 03 (173). – Washington, DC: International Monetary Fund, 2003.

14. *Stiglitz J.E.* The General Theory of Tax Avoidance / Working Paper No. 1868. – Cambridge, MA, 1986. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w1868/w1868.pdf (дата обращения: 24.12.2023).

Информация об авторах

Лавровский Борис Леонидович (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, профессор Новосибирского государственного технического университета (630073, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20); ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: boris.lavrovski@gmail.com.

Горюшкина Екатерина Алексеевна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1). E-mail: e.goryushkina@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240402

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 34–64

B.L. Lavrovskii, E.A. Goryushkina

TAX REVENUES IN THE RUSSIAN FEDERATION: SECTORAL AND REGIONAL STRUCTURAL SHIFTS

In the current geopolitical climate, with heightened risks and threats related to foreign economic activity, the importance of understanding tax revenue sources, their regional distribution, and sectoral diversification has increased significantly. Along with economic development, the movement of revenues to the budget system is influenced by the level of the tax burden. This study aims to assess the evolution of tax revenues and identify the factors driving their dynamics and changes in sectoral and territorial structures, as administered by the Federal Tax Service.

The analysis reveals that from 2010 to 2022, the growth rate of Russia's gross regional product (GRP), even when measured in current prices, steadily declined until 2020. Tax revenue trends closely mirrored this economic performance. A sharp decline in budget system resources was averted after 2018 due to a marked increase in the tax burden. Of all the growth in the budget system's revenue, 10% was attributed to the increased tax burden, while GRP dynamics drove 90%.

Significant structural shifts that shape the scale and trajectory of the country's budget revenues are concentrated in a relatively small group of regions. About a quarter of the regions with the highest share of total revenues account for around 80% of Federal Tax Service revenues (on average from 2010 to 2022). Sectors such as trade and certain manufacturing sub-sectors typically demonstrate a higher-than-average return on sales and relatively low tax burden assessments. These sectors, therefore, warrant closer scrutiny to explore opportunities for increasing tax revenue in both the short and medium term.

Keywords: Russia; regions; spatial shifts; budget system; taxes; GRP

For citation: Lavrovskii, B.L. & E.A. Goryushkina. (2024). Nalogovye postupleniya v Rossiyskoy Federatsii: otraslevye i regionalnye strukturnye sdvigi [Tax revenues in the Russian Federation: Sectoral and regional structural shifts]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 34–64. DOI: 10.15372/REG20240402.

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Tools, technologies and results of analysis, modeling and forecasting of spatial development of Russia’s socio-economic system and its particular territories”, No. 121040100262-7

References

1. *Analiticheskaya otsenka fiskalnoy (nalogovoy) nagruzki v rossiyskoy ekonomike* [Analytical Assessment of the Fiscal (Tax) Burden in the Russian Economy]. (2015). Moscow. Available at: <https://rspp.ru/document/1/f/d/fd55d077c7bc90fafdb0a3de8643c07c.docx> (date of access: 21.12.2023).
2. *Andronova, O.A., O.I. Izryadnova & M.V. Kazakova.* (2020). *Sovremennaya nalogovaya sistema Rossii: osnovnye printsipy, reformy i rol v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti strany* [Russia’s modern tax system: Basic principles, reforms, and role in ensuring the country’s economic security]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Journal of International Economic Affairs], Vol. 10, No. 4, 1365–1386. DOI: 10.18334/eo.10.4.110920.
3. *Nalogovaya reforma v Rossii: problemy i resheniya: V 2 t.* [Tax Reform in Russia: Problems and Solutions: In 2 vols.]. (2003). Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy, Vol. 1, 395.
4. *Alekseev, M.V., S.G. Belev, V.V. Gromov, A.N. Deryugin, S.M. Drobyshevskiy, A.S. Kaukin, A.Yu. Knobel, A.V. Korytin, E.A. Leonov, T.A. Malinina, N.S. Milogolov & S.G. Sinelnikov-Murylev.* (2019). *Perspektivy nalogovoy politiki: Sushchestvuet li “idealnaya nalogovaya sistema” dlya Rossii?* [Perspectives of tax policy: Is there “an ideal tax system” for Russia?]. Moscow, Delo Publ., 126.
5. *Tanzi, V. & H. Zee.* (2001). *Nalogovaya politika dlya razvivayushchikhsya stran* [Tax Policy for Developing Countries]. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues27/rus/issue27r.pdf> (date of access: 12.12.2023).
6. *Khanin, G.I. & D.A. Fomin.* (2007). *Optovaya trgovlya v sovremennoy Rossii* [Wholesale trade in modern Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 5, 42–61.
7. *Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project.* (2014). OECD Publishing. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy_9789264218789-en.html (date of access: 20.12.2023).
8. *Baker, A. & R. Murphy.* (2019). *Modern Monetary Theory and the Changing Role of Tax in Society.* Available at: <https://doi.org/10.1017/S1474746420000056> (date of access: 24.12.2023).
9. *Blundell, R. & I. Preston.* (2019). *Principles of tax design, public policy, and beyond: The ideas of James Mirrlees, 1936–2018.* *Fiscal Studies*, Vol. 40, No. 1,

5–18. Available at: <https://ideas.repec.org/a/wly/fistud/v40y2019i1p5-18.html> (date of access: 20.12.2023).

10. Mankiw, N.G., M. Weinzierl & D. Yagan. (2009). Optimal taxation in theory and practice. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 23, No. 4. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.23.4.147> (date of access: 20.12.2023).

11. Mirrlees, J.A. (1971). An exploration in the theory of optimal income taxation. *The Review of Economic Studies*, Vol. 38, Iss. 2, 175–208. DOI: 10.2307/2296779.

12. Ramsey, F. (1927). A contribution to the theory of taxation. *Economic Journal*, 37, 47–61. Available at: <https://gwern.net/doc/economics/1927-ramsey-2.pdf> (date of access: 20.12.2023).

13. Stephanyan, V. (2003). Reforming Tax Systems: Experience of the Baltics, Russia, and Other Countries of the Former Soviet Union. IMF Working Paper 03 (173). Washington, DC, International Monetary Fund.

14. Stiglitz, J.E. (1986). The General Theory of Tax Avoidance. Working Paper No. 1868. Cambridge, MA. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w1868/w1868.pdf (date of access: 24.12.2023).

About Authors

Lavrovskii, Boris Leonidovich (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russia); Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: boris.lavrovski@gmail.com.

Goryushkina, Ekaterina Alekseevna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: e.goryushkina@mail.ru.

Поступила в редколлегию 13.05.2024.

После доработки 16.07.2024.

Принята к публикации 19.07.2024.

© Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., 2024

Д.К. Васильев, Л.Э. Лимонов

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ

Влияние государственных и частных инвестиций в инфраструктуру на сокращение региональных неравенств пока еще не получило достаточного научного внимания, особенно в контексте стран БРИКС, в том числе в России (несмотря на важность проблемы и ее исследования в ряде стран, в частности в Китае). Восполняя этот пробел, настоящая статья посвящена вопросам оценки влияния инфраструктурной финансирования на неравномерность регионального развития в России. С использованием регрессионной модели Тобита и панельных данных за период с 2005 по 2019 г. в исследовании измеряются характеристики неравномерного регионального развития в России. Инфраструктурная финансовая поддержка задается в качестве основной объясняющей переменной. Полученные результаты показывают, что развитие инфраструктурной финансовой поддержки ведет к снижению неравномерности регионального развития в России. Несмотря на то что российская экономика полностью ориентирована на государственное управление, необходимо увеличивать объемы регионально пропорциональных частных инвестиций в инфраструктуру для конвергенции регионов. При этом настоящее исследование отличается от предыдущих, проведенных в других странах с использованием аналогичной методологии, что подчеркивает спорный характер данной темы.

Ключевые слова: инфраструктурная финансовая поддержка; развитие регионов; Россия

Для цитирования: *Васильев Д.К., Лимонов Л.Э.* Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финансовализации // *Регион: экономика и социология.* – 2024. – № 4 (124). – С. 65–89. DOI: 10.15372/REG20240403.

Инфраструктура играет важнейшую роль в урбанизации, экономическом росте и повышении благосостояния населения [20]. Однако затраты на строительство объектов инфраструктуры часто превышают финансовые возможности местных органов власти [21]. Нехватка средств на развитие инфраструктуры – общая проблема, с которой сталкиваются правительства во всем мире [4]. Для решения этой проблемы стали использоваться методы финансовализации, что породило динамичное и разностороннее явление [18].

Инфраструктурную финансовализацию можно понимать как процесс, в котором доля финансового капитала в источнике финансирования инфраструктурного строительства постоянно увеличивается, а роль и влияние финансовых институтов, инструментов и специалистов в инфраструктурном строительстве возрастают [14]. Тем не менее финансовализация сопряжена с определенными рисками, например возможно возникновение чрезмерной закредитованности, которая может привести к кризису местных органов власти [5; 22]. Поэтому крайне важно систематически оценивать инфраструктурную финансовализацию и создавать механизмы для устойчивого развития инфраструктуры. Кроме того, большинство существующих теоретических подходов и исследований, посвященных финансированию городов, сосредоточено на контексте развитых западных стран, но при этом недостаточно работ, изучающих специфические проблемы, с которыми сталкиваются страны со средним уровнем дохода, в частности Россия [14].

Российский контекст становится более интересным в связи с тем, что правительство признало проблему неравномерного развития регионов и реализует различные меры по ее решению. К применяемым мерам относятся инвестиционные программы, налоговые льготы, создание особых экономических зон в менее развитых регионах для привлечения инвестиций и стимулирования экономического роста.

Однако сокращение региональных диспропорций все еще остается для России сложной и актуальной задачей [13].

Целью настоящего исследования является оценка влияния инфраструктурной финансовализации на неравномерность регионального экономического развития в России. С учетом доступности необходимого массива данных для анализа рассматривается период 2005–2019 гг.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стремительный рост финансовых рынков привел к выходу финансового капитала за традиционные рамки и ориентации на максимизацию прибыли. Явление, известное как «финансиализация», означает усиление влияния финансовых рынков, акторов и институтов как на национальную, так и на глобальную экономику [12]. Финансиализация – это сложная и постоянно меняющаяся концепция, берущая свое начало в экономической сфере и демонстрирующая уникальные характеристики в отношении урбанизации и городского развития [14]. Более того, инфраструктурную финансовализацию можно рассматривать в качестве инструмента государственной политики. Выбор конкретного инструмента может оказывать значительное влияние на акторов [8].

Существует не так много исследований, в которых инфраструктурная финансовализация изучается с точки зрения экономической географии, в сравнении с исследованиями в области экономики и менеджмента. Имеющиеся теоретические основы, касающиеся финансовализации городов, как отмечалось выше, в значительной степени опираются на западный контекст, и лишь в немногих работах проводится анализ уникальных проблем, с которыми сталкиваются страны со средним уровнем дохода и развивающиеся страны [11]. В последние годы ученые проявляют все больший интерес к процессу накопления бюджета за счет финансовых средств, а не за счет традиционной торговли или товарного производства [14]. Последствия финансовализации для общества и экономики до сих пор остаются предметом дискуссий [16].

Между тем Г. Кларком [5] описан парадокс, заключающийся в том, что растущие институциональные инвесторы, такие как пенсионные фонды и государственные банки, сталкиваются с нехваткой финансово выгодных возможностей для инвестиций в регионы, что препятствует региональному росту. Для того чтобы решить эту проблему, рыночные посредники (market-makers) связывают институциональных инвесторов с инфраструктурными активами для получения финансирования. По мнению Д. Ангелова [2], Кларк упускает из виду роль общественных организаций в посредничестве, характерную для стран с развивающейся экономикой. В странах с развивающейся экономикой зачастую отсутствуют инфраструктурные рынки и соответствующая нормативно-правовая база, что еще больше отличает их от развитых стран Запада. Банки развития стремятся создать рыночные системы обеспечения инфраструктуры, привлекая международных инвесторов, стремящихся получить более высокую прибыль.

Кроме того, в современной литературе понятие инфраструктурной финансиализации все чаще применяется в контексте стран БРИКС. С. Демюрге [9] исследовала взаимосвязь между инвестициями в инфраструктуру и экономическим ростом в Китае, используя модель экономического роста. Й. Феддерке, Дж. Луис и П. Перкинс [9] провели оценку взаимосвязи инфраструктурной финансиализации и экономического роста в ЮАР, подтвердив положительное влияние строительства объектов инфраструктуры на экономический рост. Однако инфраструктурная финансиализация имеет и негативные последствия. Например, значительные инвестиции в финансирование инфраструктуры наряду с субсидиями могут привести к увеличению долгового риска для местных органов власти, что известно, как «инфраструктурная ловушка» [14]. Последствия финансиализации инфраструктуры сложны и многообразны. Так, Ю. Ли с соавторами [14] подчеркивают, что неудержимая тенденция к финансиализации провинций в Китае является предметом дискуссий. Несовершенство финансовой системы не только негативно влияет на урбанизацию и влечет за собой неравномерность развития территорий, но и оказывает существенное влияние на задолженность местных органов власти.

Россия – федеративное государство, состоящее из регионов. Доходные источники субнациональных бюджетов в России определяются федеральными законами, которые также регулируют различные аспекты бюджетного процесса. В годы после распада СССР широкое распространение получили двусторонние договорные отношения между федеральными и региональными властями, которые обеспечивали дифференцированный подход к отдельным регионам. Однако к концу 1990-х годов этот подход был отменен [13]. Разнообразие способов взимания налогов и расходования государственных средств является важным аспектом системы государственных финансов в России. Центральным элементом бюджетной системы каждого государства выступает государственный бюджет, к которому в России относятся центральный и местные бюджеты. Однако существуют и дополнительные фискальные и квазифискальные институты, такие как Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования, Пенсионный фонд, – это лишь некоторые из государственных фондов в России, которые официально называются «государственными внебюджетными фондами» [17].

Неравномерность регионального развития является общей проблемой урбанизации и экономического роста [16]. Неравенство в региональном развитии наблюдается практически во всех странах, в том числе и в России. По мнению некоторых экономистов, основной причиной неравномерного развития регионов является разрыв в их доходах [7]. В частности, неравенство в обеспеченности капиталом относят к факторам, наиболее сильно влияющим на неравномерность регионального развития.

Влияние финансовализации инфраструктуры на неравенство регионального развития многогранно. К примеру, существует возможность привлекать средства из развитых регионов для ускорения развития слаборазвитых регионов, не имеющих средств на развитие инфраструктуры, и уменьшения неравенства. Однако погоня за прибылью может привести к росту инвестиций в инфраструктурные проекты, реализуемые в наиболее перспективных и уже относительно развитых регионах, что увеличит разрыв в региональном развитии. Кроме того, инвестиции в инфраструктуру вызывают пространст-

венно коррелированный эффект распространения, эффект обратной волны, при этом особенно сильно влияя на соседние регионы [19]. Эти эффекты сосуществуют, и для их оценки требуются эмпирический анализ и тематические исследования. Оценка влияния инфраструктурной финансиализации на городское и региональное развитие с помощью индикаторов и количественных измерений позволяет отслеживать проблемы, которые могут возникнуть в результате финансиализации, и достигать более глубокого теоретического понимания этого явления [14].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе региональных панельных данных в России была проведена количественная оценка влияния финансиализации инфраструктуры на неравномерность регионального развития. В основу методологии положена работа Ю. Ли и др. [14], авторы которой предположили, что разработанные ими методы и сделанные выводы будут интересны и для других стран. В этом исследовании были построены системы индикаторов неравномерного регионального развития, к которым относятся абсолютный разрыв, относительный разрыв и комплексный разрыв. Кроме того, был рассчитан коэффициент инфраструктурной финансиализации (IFR).

Абсолютный разрыв рассчитывается как разность между максимальным и минимальным значениями общей величины единичной переменной: $Absolute\ gap = X_{\max} - X_{\min}$, где $X_{\max}$ – максимальное значение ВРП на душу населения; $X_{\min}$ – минимальное значение ВРП на душу населения.

Относительный разрыв рассчитывается как отношение максимального значения к минимальному значению среди аналогичных показателей:

$Relative\ gap = \frac{X_{\max}}{X_{\min}} - 100\%$, где $X_{\max}$ – максимальное значение ВРП на душу населения; $X_{\min}$ – минимальное значение ВРП на душу населения.

Под комплексным разрывом понимается общее отношение различий между значениями переменных, дающее оценку общей тенденции неравенства. Взвешенный коэффициент вариации считается обоснованным и эффективным методом:

$Comprehensive\ gap = \frac{1}{\bar{X}} \sqrt{\frac{n}{i=1} (x_i - \bar{x})^2 \frac{p_i}{p} - 1}$, где $Comprehensive$

gap – взвешенный коэффициент вариации; $\bar{X}$ – среднее значение ВРП на душу населения; $\sqrt{\frac{n}{i-1} (x_i - \bar{x})^2}$ – стандартное отклонение ВРП на душу населения.

Показатель уровня финансиализации инфраструктуры (IFR) измеряет долю совокупных частных финансовых средств в общем объеме инвестиций в инфраструктурные проекты. Формула расчета IFR выглядит следующим образом: $IFR = \frac{F_r}{W_r}$, где F_r – общий объем частного финансового капитала в инфраструктурных инвестициях за определенный период; W_r – общий объем инвестиций в инфраструктуру за определенный период.

Затем на основе панельных данных провинций Китая было количественно оценено влияние финансиализации инфраструктуры на неравномерность регионального развития.

В нашем исследовании после применения теста Хаусмана было принято решение использовать модель с фиксированными эффектами. Влияние IFR на неравномерность развития регионов (HPP) оценивается следующим образом:

$$URD_i = \alpha_0 + \alpha_1 IFR_i + \alpha_2 UrbanLvl_i + \alpha_3 GovIntervention_i + \alpha_4 RoadDensity_i + \epsilon_i$$

где URD – коэффициент сходимости (конвергенции) регионов, рассчитанный для каждого региона в каждом году; IFR – уровень инфраструктурной финансиализации. В качестве контрольных переменных использовались: $GovIntervention$ – доля безвозмездных поступлений в консолидированные бюджеты регионов; $UrbanLvl$ – уровень урбанизации; $RoadDensity$ – плотность автомобильных дорог (километров путей на 1000 кв. км территории).

В качестве объясняемой переменной для характеристики HPP нами выбран коэффициент конвергенции (индекс сходимости). В работе Ю. Ли и др. [14] использовались годовые данные суммарно по всем регионам, а в настоящем исследовании учитываются значения для каждого региона и каждого года, ввиду чего расчет зависимой переменной был модифицирован. Расчет основывался на данных по

56 регионам РФ*, остальные были исключены как выбросы. Формула расчета коэффициента конвергенции следующая:

$$URD_{r,y} = \frac{GRP_{r,y} - GRPmean_y}{GRPstdev_y},$$

где $URD_{r,y}$ – коэффициент сходимости для региона r в году y ; $GRP_{r,y}$ – валовый региональный продукт на душу населения для региона r в году y ; $GRPmean_y$ – средний ВРП для регионов в году y ; $GRPstdev_y$ – стандартное отклонение ВРП для регионов в году y . Предварительно переменная ВРП на душу населения была логарифмизирована и очищена от выбросов.

Уровень инфраструктурной финансиализации выбран в качестве основной объясняющей переменной для проведения комплексного анализа влияния этого показателя на НРР. Контрольные переменные – уровень урбанизации, степень государственного вмешательства и уровень государственных сервисов. Уровень урбанизации отражает комплексное развитие страны или региона с точки зрения производительности, технологий и промышленной структуры. Этот показатель измерялся через долю городского населения в общей численности населения. Государственное влияние играет важную роль в экономическом росте и развитии каждого региона. Этот показатель измерялся как доля безвозмездных поступлений в консолидирован-

* Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская области, Республика Башкортостан, Брянская область, Республика Бурятия, Челябинская область, Республика Чувашия, Иркутская область, Ивановская область, Еврейская автономная область, Калужская область, Республика Карелия, Кемеровская область, Хабаровский край, Республика Хакасия, Кировская область, Республика Коми, Костромская область, Краснодарский край, Красноярский край, Курганская, Курская, Ленинградская области, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Орловская, Оренбургская, Пензенская области, Пермский край, Приморский край, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Смоленская области, Ставропольский край, Свердловская область, Тамбовская область, Республика Татарстан, Томская, Тульская, Тверская области, Республика Удмуртия, Ульяновская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ярославская области.

ный бюджет субъекта РФ за каждый год. Использовались данные официальной государственной бюджетной статистики. Для измерения уровня государственных сервисов применялся прокси-показатель в виде общей протяженности автодорог в регионе.

В настоящей статье используются панельные данные за период с 2005 по 2019 г., представленные Федеральной службой государственной статистики. Согласно описательной статистике переменных в текущих данных отсутствуют выбросы. Все значения данных колеблются в пределах нормального диапазона стандартных отклонений от среднего значения. Выборка составила 840 наблюдений. Базовое представление о данных получено в ходе описательного анализа характеристик (табл. 1).

В современной России после распада Советского Союза в 1991 г. неравномерность регионального развития остается актуальной проблемой. Переход от централизованной плановой экономики к рыночной привел к возникновению значительных диспропорций между регионами. А.Г. Гранберг [2] отмечает, что одной из основных трансформационных тенденций стало продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации. Этот процесс происходил на фоне общего экономического спада и был связан

Таблица 1

Описательная статистика переменных

Переменная	Среднее	Ст. откл.	Мин.	Макс.	1%	99%	Асимметрия	Эксцесс
URD	0,00	0,99	–2,48	2,69	–2,15	2,31	0,31	2,56
IFR	0,57	0,14	0,18	0,96	0,27	0,89	0,05	2,66
UrbanLvl	0,71	0,08	0,53	0,93	0,54	0,92	–0,10	2,57
GovIntervention	0,26	0,12	0,00	0,61	0,06	0,54	0,51	2,52
RoadDensity	165,77	111,04	5,50	0,48	6,40	0,44	0,43	2,39

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

с включением механизмов рыночной конкуренции, разными возможностями у регионов по адаптации к рыночным условиям, ослаблением регулирующей роли государства и неравными отношениями между федеральным центром и различными субъектами РФ. Попав в группу риска, регионы за редким исключением не могут из нее выбраться. Таким образом, усиление межрегиональной дифференциации сопровождается расширением зон особой депрессивности, отсталости и бедности.

А.Г. Гранберг [2] выделил старопромышленные регионы в отдельную категорию отстающих регионов, которые имеют свои уникальные особенности, такие как развитая промышленная база, наличие крупных предприятий и высокий уровень технической оснащенности. Однако, как отмечает исследователь, в условиях меняющейся экономической ситуации старопромышленные регионы могут столкнуться с проблемами, связанными с устаревшими технологиями, отсутствием инноваций и низкой конкурентоспособностью.

Более того, А.Г. Гранберг [2] рассматривает очагово-рассеянное расселение (наличие небольших поселений на большой территории) в России как одну из основных причин неравенства между регионами. Такая модель расселения приводит к неравномерному распределению ресурсов и экономических возможностей. В регионах с низкой плот-

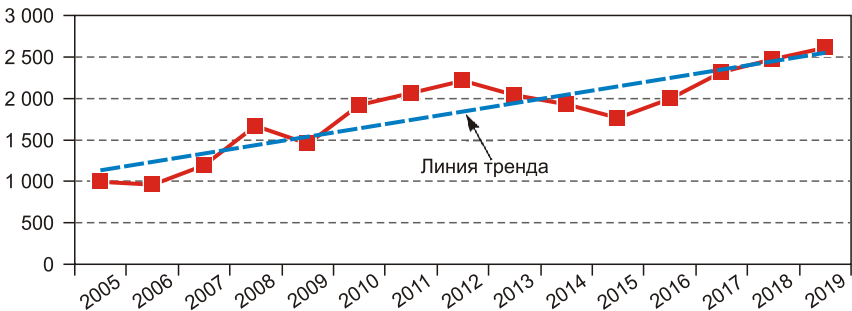


Рис. 1. Абсолютный разрыв ВРП на душу населения в России с 2005 по 2019 г., тыс. руб.

Источник: построено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики

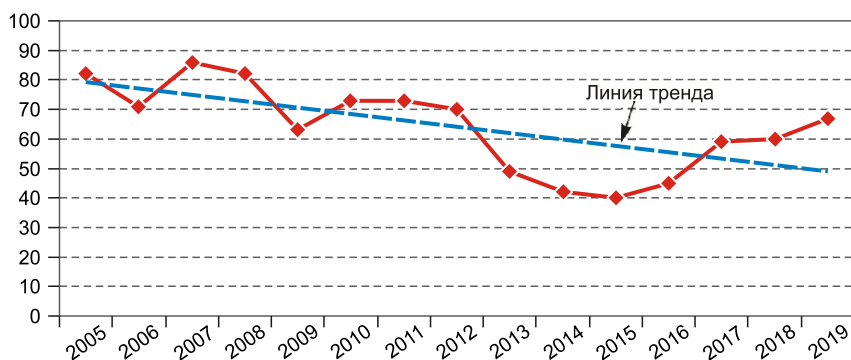


Рис. 2. Относительный разрыв ВРП на душу населения в России с 2005 по 2019 г., %

Источник: построено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики

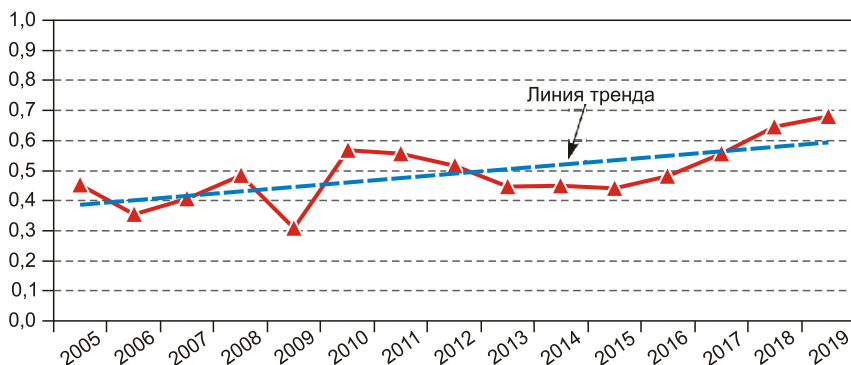


Рис. 3. Комплексный разрыв ВРП на душу населения в России с 2005 по 2019 г.

Источник: построено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики

ностью населения и удаленных от центральных территорий ограничен доступ к социальным и экономическим услугам, инфраструктуре, образованию и здравоохранению.

Анализируя диаграммы, приведенные на рис. 1–3, можно заметить тенденцию увеличения диспропорций между регионами. При-

чем периоды сокращения неравенства связаны с кризисными явлениями: мировым финансовым кризисом 2008 г. и кризисом 2014 г., когда произошла резкая девальвация российского рубля из-за снижения цен на нефть и введения санкций. Однако можно отметить увеличение неравенства и в период экономического роста страны. Данные тенденции объясняются тем, что экономический рост происходил за счет наиболее развитых регионов, при этом именно они больше всего страдали во время кризисов, в результате чего отрыв от отстающих регионов происходил более медленными темпами.

Первоначально модель была подвергнута анализу на валидность, как показано в табл. 2. Проверялась гипотеза о том, является ли качество модели постоянным независимо от включения ранее описанной объясняющей переменной IFR. Полученное значение p оказалось меньше 0,05, что свидетельствует об отклонении первоначальной гипотезы. Таким образом, включение переменной IFR признано валидным, на что указывают в том числе и значения показателей AIC и BIC.

Далее был проведен регрессионный анализ данных с использованием модели с фиксированными эффектами. Из таблицы 3 следует, что объясняющими переменными являются инфраструктурная финансиализация (IFR), плотность автодорог (километров путей на 100 кв. км территории, RoadDensity), доля безвозмездных бюджетных поступлений (GovIntervention) и уровень урбанизации (UrbanLvl), а объясняемой переменной – коэффициент конвергенции (URD).

Таблица 2

Оценка валидности модели

Модель	Хи-квад- рат	p	AIC	BIC
Ограниченная, без IFR (restricted)	19,6	0,00	-133,62	-114,69
Неограниченная (unrestricted)			-151,25	-127,59

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа (n = 840)

URD	Коэффициент	Ст. ошибка	<i>t</i>	<i>p</i>	95%-й доверит. интервал		Уровень значимости
IFR	0,40	0,09	4,29	0,00	0,22	0,58	***
UrbanLvl	–1,71	0,78	–2,21	0,03	–3,23	–0,19	**
GovIntervention	–0,59	0,16	–3,73	0,00	–0,90	–0,28	***
RoadDensity	0,00	0,00	3,40	0,00	0,00	0,00	***
Константа	1,04	0,56	1,87	0,06	–0,05	2,14	*
Среднее завис. переменной			–0,00	Ст. откл. завис. переменной		0,99	
Псевдо-г-квадрат			0,05	Кол-во наблюдений		840,00	
Хи-квадрат			10,62	Prob > chi2		0,00	
AIC			–151,26	BIC		–127,59	

Примечание: *** – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, * – $p < 0,1$.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коэффициент инфраструктурной финансиализации оказывает статистически значимое положительное влияние на конвергенцию регионов, т.е. с развитием инфраструктурной финансиализации уменьшается региональное неравенство. Данный вывод необходимо интерпретировать крайне осторожно, поскольку это возможно сделать по-разному. Развитие инфраструктурной финансиализации, больший объем инвестиций частного финансового капитала в инфраструктуру может снижать региональное неравенство в разных возможных случаях.

Первым вариантом является слабое развитие инфраструктурной финансиализации в России, когда частные инфраструктурные инвестиции неравномерно распределены по регионам. В таком случае увеличение инфраструктурной финансиализации в отстающих регионах позволяет снизить неравенство.

Этот вывод необходимо проверить на имеющихся исторических данных, для чего следует увидеть общую картину развития регионов. В таблице 4 показано, как изменилась десятка регионов – лидеров по объему валового регионального продукта в период с 2005 по 2019 г. Видно, что список лидеров практически не изменился и регионы почти полностью сохранили свои позиции. Следует отметить, что среди лидеров есть производственные центры страны, которые, несмотря на относительно небольшую численность населения, демонстрируют чрезвычайно высокий уровень валового регионального продукта. Например, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа являются крупнейшими нефтегазовыми ресурсными

Таблица 4

Десять регионов, лидирующих по объему ВРП, 2019 г.

Регион	Скорректир. ВРП*, млн руб.	Население, тыс. чел.	Скорректир. ВРП на душу населения, руб.	Изменение позиции в рейтинге (2005–2019)
г. Москва	6 026 222	12 678	475 325	–
Ханты-Мансийский АО	1 671 224	1 674	997 924	1
Московская обл.	1 409 258	7 690	183 237	1
г. Санкт-Петербург	1 383 920	5 398	256 372	1
Ямало-Ненецкий АО	1 314 528	544	2 414 636	1
Республика Татарстан	960 533	3 902	246 108	1
Красноярский край	885 677	2 866	309 008	1
Краснодарский край	798 915	5 675	140 766	4
Свердловская обл.	749 815	4 310	173 943	–
Республика Башкортостан	605 978	4 038	150 065	1

Примечание: * ВРП был скорректирован на индекс потребительских цен с целью привести к реальным значениям относительно уровня 2005 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

центрами, а кроме того, они имеют развитую нефтегазовую промышленность. Лидирующие позиции других регионов объясняются высокой численностью населения.

Необходимо также проанализировать 10 отстающих регионов, чтобы понять, удалось ли кому-либо из отстающих подняться выше в списке (табл. 5). Среди лидеров в группе отстающих регионов можно отметить несколько субъектов Дальневосточного федерального округа (Чукотский АО, Магаданская область), наименее населенного в силу его географического положения. В остальных регионах преоб-

Таблица 5

Десять регионов, наиболее отстающих по объему ВРП, 2019 г.

Регион	Скорректир. ВРП*, млн руб.	Население, тыс. чел.	Скорректир. ВРП на душу населения, руб.	Изменение позиции в рейтинге (2005–2019)
Еврейская авт. обл.	17 936	158	113 302	4
Республика Алтай	18 787	220	85 316	–
Республика Ингушетия	20 139	507	39 714	2
Республика Калмыкия	23 181	271	85 506	–
Карачаево-Черкесская Республика	24 754	465	53 178	2
Республика Тыва	25 347	327	77 420	3
Чукотский АО	31 100	50	618 285	1
Республика Адыгея	37 759	463	81 534	2
Республика Северная Осетия – Алания	45 380	696	65 117	1
Кабардино-Балкарская Республика	46 676	868	53 749	1

Примечание: * ВРП был скорректирован на индекс потребительских цен с целью привести к реальным значениям относительно уровня 2005 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

ладают представители Южного федерального округа. На отсталость этих регионов могут влиять географические и природные условия, например расположение в горных и отдаленных районах. Также сказывается наличие большого количества малочисленных национальных меньшинств, что может создавать трудности при интеграции этих групп и реализации различных программ развития. Многие из представленных регионов зависят от одного или нескольких секторов экономики, например от сельского хозяйства. Зависимость от ограниченного числа отраслей влечет за собой уязвимость и может лимитировать возможности для развития других секторов экономики.

Список 10 самых отстающих регионов также остался практически неизменным, вырваться никому не удалось. Такой результат свидетельствует о том, что инвестиции получали в основном наиболее развитые регионы. Необходимо оценить зависимость между уровнем развития регионов и инвестициями в эти регионы.

Корреляционный анализ (табл. 6) показывает, что существует статистически значимая положительная линейная связь между наличием основных фондов и капитальными вложениями, как частными (банковские кредиты), так и государственными. Следовательно, можно отметить тенденцию инвестирования в уже более благополучные и экономически развитые регионы.

Таким образом, первая интерпретация результатов регрессионного анализа относительно того, что развитие инфраструктурной финансирования сокращало неравенство регионов из-за того, что частные инвестиции направлялись преимущественно в неразвитые регионы, не подтверждается. При этом можно сделать вывод, что существует проблема кредитования бедных регионов.

Второй интерпретацией того, что развитие инфраструктурной финансирования позволяет снизить уровень регионального неравенства, является тот факт, что добавился и усилился новый драйвер регионального развития в виде частных инвестиций со стороны различных фондов и банков. В контексте России важно понимать, что основными частными инвесторами являются институциональные

Таблица 6

Корреляционный анализ, 2019 г.

Переменные	Переменные			
	ВРП	ОФ	КВ	Кредиты
ВРП	1,000			
ОФ	0,988 (0,000)	1,000		
КВ	0,977 (0,000)	0,973 (0,000)	1,000	
Кредиты	0,850 (0,000)	0,864 (0,000)	0,897 (0,000)	1,000

Примечание: ВРП – валовой региональный продукт; ОФ – основные фонды (постоянные активы); КВ – капитальные вложения; Кредиты – привлеченные банковские кредиты; (0,xxx) – р-значение.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

банки развития, такие как Внешэкономбанк (ВЭБ), Российский аграрный банк (РАБ), Газпромбанк и Российский банк развития (РБР). В то же время эти банки имеют тесные связи либо с государством, либо с государственными корпорациями, что делает их инвестиции квази-частными.

Данный факт необходимо рассматривать с точки зрения ранее обозначенной проблемы слабого кредитования бедных регионов России, где одной из основных причин этого является недостаточная для развития местного бизнеса и инфраструктуры финансовая база. В бедных регионах часто отсутствуют крупные предприятия и иные источники дохода, что затрудняет предоставление кредитов. Другая проблема – отсутствие надежной залоговой базы. Бедные регионы часто не располагают ценными активами, которые можно было бы использовать в качестве залога при получении кредита. Банки не-

охотно идут на риск кредитования без надежного залога, что еще больше затрудняет доступ бедных регионов к кредитам.

Помимо финансово-экономических причин отказа от инвестиций в те или иные регионы, существуют и законодательные. На большинство частных кредитов распространяется общее ограничение, согласно которому при получении кредита дефицит бюджета субъекта РФ не должен превышать общий объем его доходов на 15%. Также получение частного кредита осложняется правилом об общем предельном сроке предоставления такового в пять лет. Кроме того, действует ограничительный принцип в отношении общего (совокупного) покрытия расходов, объема государственного долга и долговой устойчивости региона, а также высвобождения ранее привлеченных кредитов в результате реструктуризации (см. Бюджетный кодекс РФ, ст. 18, 19, 26, 29–31, 40, 48, 49, 52, 93).

Выявлено, что регламентированные правила реализации анализируемых инструментов слабо учитывают реальные потребности регионов в средствах на развитие инфраструктуры. Кроме того, отложенный характер начала погашения основной части бюджетных кредитов (через три года) и заложенные в нормативную базу ограничения для регионов по проведению долговой политики создают долгосрочные риски бюджетной устойчивости для большинства субъектов Российской Федерации из-за резкого роста расходов на обслуживание долга и вероятного недополучения доходов от реализуемых проектов [1]. Следовательно, регионы с более благополучной экономической ситуацией являются более приоритетным объектом для банков, и им легче получить разрешение на кредитование. В подтверждение этого можно заметить, что регионы, входящие в первую десятку по объему ВРП, получают наибольшие объемы частных кредитов, как показано в табл. 7.

Поскольку частное кредитование направляется в более благополучные регионы, оно способствует усилению регионального неравенства, что перекладывает бремя выравнивания экономической ситуации на государство. Однако государство не всегда ставит во главу угла сокращение регионального неравенства и может принимать ре-

Таблица 7

Десять регионов, лидирующих по привлечению частных инвестиций, 2019 г.

Регион	Привлеченные частные кредиты, млн руб., 2019	Место в рейтинге регионов по ВРП
г. Москва	268 552	1
Ямало-Ненецкий АО	188 544	5
Московская обл.	110 756	3
Челябинская обл.	69 978	12
Ханты-Мансийский АО	61 025	2
Амурская обл.	60 508	57
Республика Татарстан	55 450	6
г. Санкт-Петербург	47 660	4
Краснодарский край	46 601	7

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

пления в пользу эффективности инвестиций. Например, в 2021 г. треть бюджета государственных инфраструктурных кредитов была распределена между пятью регионами (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Ростовская область), входящими в десятку наиболее развитых (см. отчет Министерства финансов РФ).

Таким образом, возникает парадокс: если во главу угла ставится экономическая эффективность, то неравенство между регионами имеет тенденцию к увеличению. В то же время когда во главу угла ставится задача сокращения неравномерности регионального развития, велик риск снижения эффективности инвестиций. В конечном итоге крайне затрудняется решение государством задачи выравнивания социально-экономического развития регионов.

Большая часть частных инвестиций приходится на государственные банки, что делает данные инвестиции в инфраструктуру квази-

частными. Поэтому наиболее подходящей интерпретацией полученных в исследовании результатов является то, что инфраструктурная финансиализация в России не развита и ее необходимо совершенствовать. С увеличением регионально пропорциональных частных инвестиций в инфраструктуру неравенство между регионами уменьшится.

Переменная, отвечающая за безвозмездные поступления в консолидированные бюджеты регионов, является статистически значимой и оказывает негативное влияние на конвергенцию регионов. Данные результаты могут быть обусловлены разными факторами: неравномерным распределением дотаций, субсидий и субвенций среди регионов, неэффективным использованием бюджетных средств или же снижением стимулов для самостоятельного развития региона. Причины неравномерного распределения безвозмездных поступлений могут стать предметом дальнейших исследований.

ВЫВОДЫ

Влияние финансиализации инфраструктуры на городское и региональное развитие многообразно и охватывает такие аспекты, как неравенство развития регионов и риск закредитованности местных органов власти. В данном исследовании основное внимание уделено влиянию инфраструктурной финансиализации на неравномерность развития регионов. В России большая часть частных инвестиций осуществляется государственными банками, следовательно, такие инвестиции в инфраструктуру являются квазичастными. Можно заключить, что инфраструктурная финансиализация в России не развита и требует развития. Необходимо увеличивать объемы регионально пропорциональных частных инвестиций в инфраструктуру, что будет снижать региональное неравенство. Взаимосвязь инфраструктурной финансиализации и развития регионов остается дискутируемой темой и основой для дальнейших исследований.

Список источников

1. Абдулаев А.М., Землянский Д.Ю., Медведникова Д.М., Чуженкова В.А. Особенности применения кредитных инструментов «инфраструктурного меню» и их возможное влияние на бюджетную ситуацию в регионах России // Региональные исследования. – 2023. – № 1. – С. 42–55. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4.
2. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1. – С. 57–81.
3. Anguelov D. Banking “development”: the geopolitical–economy of infrastructure financing // Area Development and Policy. – 2021. – Vol. 6, No. 3. DOI: 10.1080/23792949.2020.1799717.
4. Cheng Z., Wang H., Xiong W., Zhu D., Cheng L. Public–private partnership as a driver of sustainable development: Toward a conceptual framework of sustainability-oriented PPP // Environment, Development and Sustainability. – 2021. – Vol. 23 (S1). – P. 1043–1063.
5. Christophers B. The limits to financialization // Dialogues in Human Geography. – 2015. – Vol. 5 (2). – P. 183–200.
6. Clark G. Financial intermediation, infrastructure investment and regional growth // Area Development and Policy. – 2017. – Vol. 2, No. 3. DOI: 10.1080/23792949.2017.1345641.
7. Czudec A., Kata R., Wosiek M. Reducing the development gaps between regions in Poland with the use of European Union funds // Technological and Economic Development of Economy. – 2019. – Vol. 25 (3). – P. 447–471.
8. Dabrowski M. “Doing more with less” or “doing less with less”? Assessing EU cohesion policy’s financial instruments for urban development // Regional Studies, Regional Science. – 2015. – Vol. 2, No. 1. – P. 73–96. DOI: 10.1080/21681376.2014.999107.
9. Démurger S. Infrastructure development and economic growth: An explanation for regional disparities in China? // Journal of Comparative Economics. – 2001. – Vol. 29 (1). – P. 95–117.
10. Fedderke J., Luiz J., Perkins P. Infrastructural investment in long-run economic growth: South Africa 1875–2001 // World Development. – 2006. – Vol. 34 (6). – P. 1037–1059.
11. Furlong K. Geographies of infrastructure 1: Economies // Progress in Human Geography. – 2020. – Vol. 44 (3). – P. 572–582.
12. Ioannou S., Wójcik D. On financialization and its future // Environment and Planning A. – 2019. – Vol. 51 (1). – P. 263–271.
13. Kadochnikov D. Fiscal decentralization and regional budgets’ changing roles: a comparative case study of Russia and China // Area Development and Policy. – 2020. – Vol. 5, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1705171.

14. *Li Y., Xu M., Dai J., Yang Z., Cheng Z.* Examining the impact of infrastructure financialization on uneven regional development: evidence from China // *Land*. – 2023. – No. 12. – Art. 641. DOI: 10.3390/land12030641.
15. *Lin G.* Making sense of the uneven geography of urban and regional growth in the era of financialization: Financial intermediation, institutions and markets // *Area Development and Policy*. – 2017. – Vol. 2, No. 3.
16. *Lin G., Smart A., Li X., Hu Z.* Financializing Chinese cities: state–capital nexus and the uneven geography of housing speculation // *Area Development and Policy*. – 2019. – Vol. 4, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1625277.
17. *Liu Z.* Land-based finance and property tax in China // *Area Development and Policy*. – 2019. – Vol. 4, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1610333.
18. *O'Neill P.* The financialisation of urban infrastructure: A framework of analysis // *Urban Studies*. – 2019. – Vol. 56 (7). – P. 1304–1325. DOI: 10.1177/0042098017751983.
19. *Peón D., Rodríguez-Álvarez J., López-Iglesias E.* Spread or backwash: The impact on population dynamics and business performance of a new road in a rural county of Galicia (Spain) // *Papers in Regional Science*. – 2019. – Vol. 98 (6). – P. 2479–2502.
20. *Pokharel R., Bertolini L., te Brömmelstroet M., Acharya S.R.* Spatio-temporal evolution of cities and regional economic development in Nepal: Does transport infrastructure matter? // *Journal of Transport Geography*. – 2020. – Vol. 90 (5). – Art. 102904.
21. *Wang D., Zhang L., Zhang Z., Zhao S.* Urban infrastructure financing in reform-era China // *Urban Studies*. – 2011. – Vol. 48 (14). – P. 2975–2998.
22. *Wu F.* The long shadow of the state: Financializing the Chinese city // *Urban Geography*. – 2021. – Vol. 44 (4). – P. 37–58.

Информация об авторах

Васильев Дмитрий Кириллович (Россия, Санкт-Петербург) – аспирант Департамента экономики НИУ «Высшая школа экономики» (194100, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3, корп. 1, лит. А). E-mail: dkvasilev@hse.ru.

Лимонов Леонид Эдуардович (Россия, Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Санкт-Петербургской школы социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» (190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16); генеральный директор АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр». E-mail: limonov@leontief.ru.

DOI: 10.15372/REG20240403

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 65–89

D.K. Vasiliev, L.E. Limonov

UNEVEN DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS IN CONTEXT OF INFRASTRUCTURE FINANCIALIZATION

This article addresses the insufficient scientific attention given to the impact of public and private infrastructure investments on reducing regional inequalities, especially within the BRICS countries, and particularly Russia. Despite the importance of this issue, it has been under-researched there, unlike in other countries such as China. To bridge this gap, the article evaluates how infrastructural financialization influences uneven regional development in Russia. Using a Tobit regression model and panel data from 2005 to 2019, the study analyzes regional development disparities, with infrastructural financialization as the main explanatory variable. The findings indicate that advanced infrastructural financialization contributes to reducing regional inequality in Russia. Although Russia's economy focuses on public administration, the article emphasizes the need for increased regionally proportional private investment in infrastructure to achieve regional convergence. Notably, the study's conclusions differ from those of studies using similar methodology abroad, highlighting the controversial nature of the topic.

Keywords: infrastructure financialization; regional development; Russia

For citation: Vasiliev, D.K. & L.E. Limonov. (2024). Neravnomernoe razvitie regionov Rossii v kontekste infrastrukturnoy finansializatsii [Uneven development of the Russian regions in context of infrastructure financialization]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 65–89. DOI: 10.15372/REG20240403.

References

1. Abdulaev, A.M., D.Yu. Zemlyanskii, D.M. Medvednikova & V.A. Chuzhenkova. (2023). Osobennosti primeneniya kreditnykh instrumentov “infrastrukturnogo menyu”

i ikh vozmozhnoe vliyanie na byudzhetnuyu situatsiyu v regionakh Rossii [Features of “infrastructure menu” credit instruments and their potential impact on budget situation in Russian regions]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies], 1, 42–55. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-4.

2. *Granberg, A.G.* (2004). *Regionalnaya ekonomika i regionalnaya nauka v Rossii: desyat let spustya* [Regional economics and regional science in Russia: ten years later]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1, 57–81.

3. *Anguelov, D.* (2021). Banking “development”: the geopolitical–economy of infrastructure financing. *Area Development and Policy*, Vol. 6, No. 3. DOI: 10.1080/23792949.2020.1799717.

4. *Cheng, Z., H. Wang, W. Xiong, D. Zhu & L. Cheng.* (2021). Public–private partnership as a driver of sustainable development: Toward a conceptual framework of sustainability-oriented PPP. *Environment, Development and Sustainability*, 23 (S1), 1043–1063.

5. *Christophers, B.* (2015). The limits to financialization. *Dialogues in Human Geography*, 5 (2), 183–200.

6. *Clark, G.* (2017). Financial intermediation, infrastructure investment and regional growth. *Area Development and Policy*, Vol. 2, No. 3. DOI: 10.1080/23792949.2017.1345641.

7. *Czudec, A., R. Kata & M. Wosiek.* (2019). Reducing the development gaps between regions in Poland with the use of European Union funds. *Technology, Economics, and Development Economics*, 25 (3), 447–471.

8. *Dabrowski, M.* (2015). “Doing more with less” or “doing less with less”? Assessing EU cohesion policy’s financial instruments for urban development. *Regional Studies, Regional Science*, Vol. 2, No. 1, 73–96. DOI: 10.1080/21681376.2014.999107.

9. *Démurger, S.* (2001). Infrastructure development and economic growth: An explanation for regional disparities in China. *Journal of Comparative Economics*, 29 (1), 95–117.

10. *Fedderke, J., J. Luiz & P. Perkins.* (2006). Infrastructural investment in long-run economic growth: South Africa 1875–2001. *World Development*, 34 (6), 1037–1059.

11. *Furlong, K.* (2020). Geographies of infrastructure 1: Economies. *Progress in Human Geography*, 44 (3), 572–582.

12. *Ioannou, S. & D. Wójcik.* (2019). On financialization and its future. *Environment and Planning A*, 51 (1), 263–271.

13. *Kadochnikov, D.* (2020). Fiscal decentralization and regional budgets’ changing roles: A comparative case study of Russia and China. *Area Development and Policy*, Vol. 5, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1705171.

14. *Li, Y., M. Xu, J. Dai, Z. Yang & Z. Cheng.* (2023). Examining the impact of infrastructure financialization on uneven regional development: Evidence from China. *Land*, 12, Art. 641. DOI: 10.3390/land12030641.

15. *Lin, G.* (2017). Making sense of the uneven geography of urban and regional growth in the era of financialization: Financial intermediation, institutions and markets. *Area Development and Policy*, Vol. 2, No. 3.

16. *Lin, G., A. Smart, X. Li & Z. Hu.* (2019). Financializing Chinese cities: state–capital nexus and the uneven geography of housing speculation. *Area Development and Policy*, Vol. 4, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1625277.
17. *Liu, Z.* (2019). Land-based finance and property tax in China. *Area Development and Policy*, Vol. 4, No. 4. DOI: 10.1080/23792949.2019.1610333.
18. *O'Neill, P.* (2019). The Financialisation of urban infrastructure: A framework of analysis. *Urban Studies*, 56 (17), 1304–1325. DOI: 10.1177/0042098017751983.
19. *Peón, D., J. Rodríguez-Álvarez & E. López-Iglesias.* (2019). Spread or backwash: The impact on population dynamics and business performance of a new road in a rural county of Galicia (Spain). *Papers in Regional Science*, 98 (6), 2479–2502.
20. *Pokharel, R., L. Bertolini, M. te Brömmelstroet & S.R. Acharya.* (2020). Spatio-temporal evolution of cities and regional economic development in Nepal: Does transport infrastructure matter? *Journal of Transport Geography*, 90 (5), Art. 102904.
21. *Wang, D., L. Zhang, Z. Zhang & S. Zhao.* (2011). Urban infrastructure financing in reform-era China. *Urban Studies*, 48 (14), 2975–2998.
22. *Wu, F.* (2021). The long shadow of the state: Financializing the Chinese city. *Urban Geography*, 44 (4), 37–58.

About Authors

Vasiliev, Dmitry Kirillovich (St. Petersburg, Russia) – postgraduate student at the Department of Economics, Higher School of Economics (bldg. 1, 3A, Kantemirovskaya St., St. Petersburg, 194100, Russia). E-mail: dkvasilev@hse.ru.

Limonov, Leonid Eduardovich (St. Petersburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia); General Director of the ANO IC SER Leontief Center. E-mail: limonov@leontief.ru.

Поступила в редколлегию 12.09.2023.

После доработки 09.04.2024.

Принята к публикации 11.04.2024.

© Васильев Д.К., Лимонов Л.Э., 2024

Ю.С. Ершов, Л.В. Мельникова

СИБИРСКИЙ ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОКРУГ: СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

В статье рассмотрены структурные и институциональные факторы, определявшие уровень и динамику макропоказателей в Сибирском федеральном округе в течение последних 20 лет. Выявлена тенденция к периферизации, проявляющаяся в отставании округа по большинству социально-экономических показателей от национального уровня. Показаны причины изменений пространственной структуры регистрируемых статистикой итогов экономической деятельности и доходов, обусловившие концентрацию доходов в столичном регионе и снижение формальных показателей участия в общих результатах у большинства нестоличных регионов. Сформировавшийся разрыв между реальной структурой размещения производительных сил и результирующими макропоказателями определяет фактическое межрегиональное перераспределение финансовых ресурсов, которое является одним из важнейших факторов сильной дифференциации уровней жизни. В статье подчеркнута роль отраслевой реструктуризации в формировании отставания экономики СФО по уровню производительности труда. Рассмотрены возможности и ограничения экономического роста в СФО со стороны трудовых и инвестиционных ресурсов.

Ключевые слова: пространственная структура экономики; динамика экономических показателей; Сибирский федеральный округ; субъекты Федерации; столичный регион; ограничения и ресурсы регионального роста; периферия и периферизация

Для цитирования: Ершов Ю.С., Мельникова Л.В. Сибирский периферийный округ: стабильность или стагнация? // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 90–119. DOI: 10.15372/REG20240404.

ВВЕДЕНИЕ

Популярная литература о советской Сибири немало способствовала созданию представления о ней как о территории высоких темпов роста. Но поскольку в советской статистике региональный разрез макроэкономических показателей (валового общественного продукта и национального дохода) отсутствовал, то оценки роста возможны только по неполным и косвенным данным, таким как численность населения и занятых в экономике, объемы промышленного производства, строительных работ, розничного товарооборота, капитальных вложений. На основе косвенных оценок можно утверждать, что по крайней мере с 60-х годов экономика Сибири¹ росла темпами, лишь немного превышающими средние по РСФСР. При этом действовали ограничители роста: так, спрос на рабочую силу рос опережающими темпами, и многие регионы Сибири считались трудодефицитными.

С конца прошлого века и до наших дней динамика производства и потребления Сибири в целом уступает среднероссийской. Эта проблема находится в фокусе постоянного внимания ученых, вынужденных констатировать, что, вопреки предвидению Д.И. Менделеева о смещении хозяйственной деятельности в восточном направлении, Сибирь начинает «тормозить» в своем развитии [1]. Оценки, выставляемые исследователями Сибирскому федеральному округу, варьируют от «срединного» уровня в ряду прочих округов [3] до положения «аутсайдера» экономического развития [1] и территории, которая скатывается «на обочину развития страны» [6]. Среди причин обсуждаются как географические факторы (удаленность и зональность) [6], так и политические, в частности низкий приоритет Сибири как объекта региональной политики [3] и недостатки самой системы стратегического планирования на национальном и межрегиональном уровнях [2]. Весомый вклад в отставание вносят структурные и институциональные факторы.

Динамика многих социально-экономических показателей Сибирского региона в течение последних десятилетий вынуждает констатировать, что происходила его постепенная периферизация. Перифе-

¹ В советское время рост экономики определялся динамикой только материального производства (производства товаров и материальных услуг).

рийный статус региона не сводится к статическим характеристикам, таким как континентальность или недонаселенность Сибири. Физическая удаленность хотя и задана, но неуклонно сокращается в ходе развития средств транспорта и связи, а миграция населения реагирует на стимулы. Но когда происходит динамическое ухудшение позиции региона по многим показателям, говорят о его периферизации – процессе, являющемся оборотной стороной централизации [11]. В ходе централизации столичные регионы привлекают к себе человеческие и финансовые ресурсы и увеличивают свой вес во властных отношениях. Поэтому периферия как опустевшее место, удаленное от центров принятия решений, может быть порождена общественными отношениями в любой области пространства.

В настоящей статье периферизация рассматривается как многомерный динамический процесс снижения статуса региона по сравнению с другими регионами, измеряемый отрицательной динамикой доли региона в экономических и других показателях. Цель статьи – проанализировать роль структурных и институциональных факторов в этом процессе. Сначала мы продемонстрируем, как менялась позиция Сибирского федерального округа на фоне средних по стране показателей производства добавленной стоимости за период 2001–2022 гг. с учетом особенностей ее статистического учета и отраслевой структуры. Далее с помощью структурного анализа исследуем влияние отраслевой структуры экономики СФО на замедление роста производительности труда и экономического роста в целом. И наконец, рассмотрим ресурсные ограничения регионального роста, которые в части трудовых ресурсов создаются демографическими и миграционными трендами, а в части финансовых ресурсов – конкуренцией за федеральные средства и доходами населения округа.

ПОЗИЦИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Экономику Сибирского федерального округа мы рассматриваем в границах, установленных в 2018 г., что, строго говоря, не соответствует географическому понятию Сибири как российской территории за Уралом, ограниченной горными хребтами Тихоокеанского

водораздела². Изменения сначала в экономическом районировании, а затем в административно-территориальном делении независимо от их обоснований привели к тому, что теперь Сибирь отождествляется с Сибирским федеральным округом, занимающим лишь 45% территории бывших Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов. Была бы жизнь в СФО лучше, если бы в его границах остались Тюменская область и Якутия? Усредненные по округу показатели, безусловно, оказались бы выше, но поскольку относительно благополучные субъекты Федерации не обязаны делиться своими доходами даже с соседями по округу, а федеральные представительства в округах не имеют ни финансовых ресурсов, ни полномочий для такого перераспределения, то экономическое положение субъектов, входящих в современный СФО, осталось бы без заметных изменений.

В советский период Сибирь и большинство субъектов на территории современного СФО отличались повышенными темпами роста экономики и численности населения. Ученые-сибиряки объясняли этот факт прежде всего наличием здесь больших запасов разнообразных природных ресурсов [5]. И на качественном уровне, и на основе расчетов по межрегиональным межотраслевым моделям доказывалось, что и в перспективе опережающие темпы экономического роста сибирских регионов выгодны не только для них самих, но и в первую очередь для всей страны [7]. При этом добыча нефти и газа была не единственным видом деятельности, с которым связывались проектируемые темпы роста, обосновывались также перспективы развития крупнейшего Ангаро-Енисейского территориально-производственного комплекса как территории относительно компактного размещения и добывающих производств, и отраслей глубокой переработки сырья. Необходимость перехода к экономической политике, которая могла бы исправить, хотя бы частично, сложившиеся пространственные диспропорции в отношении Сибири, и в частности СФО, регу-

² Максимально близким к географическому определению Сибири был состав Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов в 1956 г., включавший Курганскую и Тюменскую области, Бурятию, Забайкалье и Якутию [4].

лярно обосновывается и поныне [8; 9]. Помимо его целесообразности в части позитивного воздействия на экономику всей страны, констатируется и необходимость перехода к более справедливому (в пространственном аспекте) распределению итогов экономической деятельности [10].

В начале рыночных реформ позиции Сибири представлялись выигрышными: с учетом экспортного потенциала и низкого курса рубля по отношению к паритету покупательной способности субъекты современного СФО должны были увеличить свою совокупную долю в экономических результатах страны, что, по косвенным данным (динамике заработной платы и промышленного производства), и имело место по 1995 г. за счет опережающего роста номинальных показателей в Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях. Но в дальнейшем, после 1995 г., субъекты СФО потеряли треть своего суммарного удельного веса в российском ВРП – он снизился с 15,3 до 9,3%. Помимо фактора ресурсной обеспеченности, стали действовать более сильные институциональные и структурные факторы. То, что обычно называют пространственной структурой производства, фактически стало пространственной структурой регистрации доходов, тогда как размещение производственного аппарата, т.е. зданий и сооружений, машин и оборудования, равно как и результатов производства, измеряемых в тоннах, кубометрах и т.д., оставалось прежним. Произошедшие позже изменения в пространственной структуре доходов, разумеется, обусловили и определенные изменения в реальном размещении производительных сил, прежде всего в сфере услуг и инфраструктуры.

Институциональные факторы внесли решающий вклад в радикальное изменение пространственной структуры экономики страны в конце прошлого века и первом десятилетии текущего. Всего за пять лет доля Москвы в суммарном ВРП выросла с 9,7% в 1995 г. до 20,1% в 2000 г. и достигла своего пика (24,3%) в 2008 г. В то время начались процессы территориального перераспределения доходов внутри вертикально интегрированных компаний между непосредственными производителями и управляющими структурами на фоне продолжительного и значительного улучшения внешнеэкономической конъюнктуры.

юнктуры. Соответственно, произошли значительные улучшения в бюджетной обеспеченности столицы и некоторых субъектов с доминированием нефтегазовой промышленности.

Доходы головных контор крупных корпораций концентрировались не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях. После 2008 г. пространственная структура экономики стабилизировалась в соотношении 1:2, т.е. около 33% ВРП относились на счет «столичного региона» (в составе двух столиц и окружающих их областей) и 67% – на счет остальных субъектов. В 2022 г. доля добавленной стоимости, зафиксированной на территории столичного региона, достигла 34,9% от суммы региональных объемов ВДС, вдвое превысив соответствующую долю 1995 г., но на перспективу дальнейшая ее концентрация здесь представляется маловероятной даже в условиях продолжающегося роста численности его жителей. Самое последнее значимое изменение пространственной структуры экономики произошло в 2021 г. и было следствием смены прописки «Газпрома». В итоге доля Санкт-Петербурга в суммарном ВРП подскочила до 7,7% против 5,6% годом ранее.

Изменение пространственной структуры доходов – это объективный для современной экономики процесс. Для осуществления инвестиций необходима прежде всего концентрация финансовых ресурсов, что и выполняют головные офисы корпораций. И по совокупности очевидных причин наиболее удобным местом их расположения являются Москва и Санкт-Петербург. Это трудно оспаривать, но недовольство периферии вызывает не сам факт концентрации ресурсов и управления в центрах, а ее последствия, такие как межрегиональная дифференциация уровня жизни, недостаточная обеспеченность региональных бюджетов и принадлежность большинства субъектов Федерации к так называемым регионам-реципиентам.

Чтобы нивелировать фактор регистрации добавленной стоимости не по месту производства, оценим вклад СФО в национальные показатели и в показатели «нестоличной» России как суммы субъектов за вычетом вышеперечисленных четырех. Так, если рассматривать долю СФО в российском ВРП, то она уменьшилась на 1,7 п.п. (с 11%

в 2000 г. до 9,3% в 2022 г.), в то время как относительно нестоличной России – на 0,9 п.п. (с 15,2 до 14,4%)³.

Изменение территориальных пропорций распределения ВДС следовало из различающихся темпов экономического роста в регионах. Как показано на рис. 1, индексы физического объема ВРП СФО заметно уступали показателям по России в целом. Рост объемов ВРП РФ за 22 года составил 210%, рост ВРП СФО – 197%, а рост суммы ВРП нестоличных регионов – 200%. Таким образом, хотя после учета фактора столичной регистрации ВДС динамика роста экономики СФО оказывается малоотличимой от динамики в прочих нестоличных регионах, признаки отставания сохраняются.

В целом замедление темпов роста экономики СФО следовало общенациональному тренду. После 2008 г. рост российской экономики сдерживался следующими ограничениями.

1. Как и во всем мире, в России сохранялась долговременная тенденция снижения рождаемости и темпов роста численности населения, а также старения населения с соответствующими последствиями для динамики численности трудовых ресурсов.

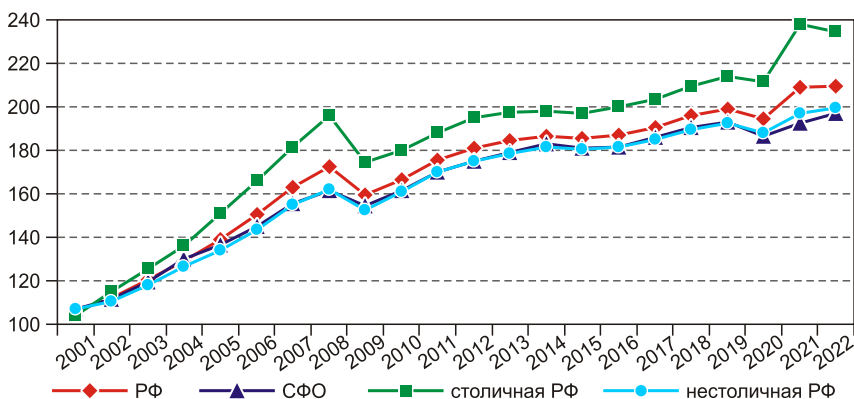


Рис. 1. Индексы физического объема ВРП РФ и ВРП СФО в 2001–2022 гг., % к 2000 г.

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx

³ В сопоставимой территориальной сетке без учета Крыма и Севастополя.

2. Вследствие общего роста доходов структура конечного спроса и, соответственно, структура производства менялись в пользу отраслей услуг, включающих и такие виды деятельности, где рост производительности труда либо невозможен, либо происходит очень медленно.

3. Была достигнута высокая степень товарности производства, а та часть производства, которая осуществляется населением в режиме самообслуживания и по этой причине не включается статистикой в границы производства, заметно уменьшилась. Данный резерв фиктивного по своей сути роста производства есть в регионах с высокой долей сельского населения, но таких в России немного.

4. В условиях международной политической турбулентности цепочки поставок перестраивались, локализуясь внутри клубов «дружественных» стран. Однако стабильность поставок и снижение критической зависимости от импорта достигаются ценой снижения эффективности производства и роста цен, что замедляет глобальный рост и инновации.

В таблице 1 приведены среднегодовые темпы прироста ВРП по периодам, разделенным кризисами разного происхождения (глобальным финансовым, геополитическим и пандемийным). Очевидно, что темпы 2001–2008 гг. недостижимы: в течение последующих 10 лет экономика РФ росла среднегодовым темпом 1,3%, и лишь после-

Таблица 1

Среднегодовые индексы физического объема ВРП в РФ и регионах по периодам в 2001–2022 гг., %

Регион	2001–2008	2009–2014	2015–2019	2020–2022
Россия	7,0	1,3	1,3	1,7
Столичная Россия	8,8	0,2	1,6	3,1
Несточичная Россия	6,2	1,9	1,1	1,3
Сибирский ФО	6,2	2,1	1,1	0,8

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx.

пандемийное восстановление придало ей больший динамизм. Столичный регион, напротив, выделялся повышенными темпами роста. В отличие от него, в Сибирском федеральном округе каждый период характеризуется более низкими темпами по сравнению с предыдущим. Такая же динамика наблюдается и в целом по всей нестоличной России.

Лидером роста за период 2001–2022 гг. в СФО оказалась Новосибирская область (индекс физического объема ВРП составил 263% на фоне 197% по округу), на втором месте была Иркутская область (247%). Вместе они в равных долях обеспечили 42% абсолютного прироста ВРП округа (в сопоставимых ценах), превысив свою долю в ВРП СФО в 1,4 раза (рис. 2). На последнем месте по темпам роста

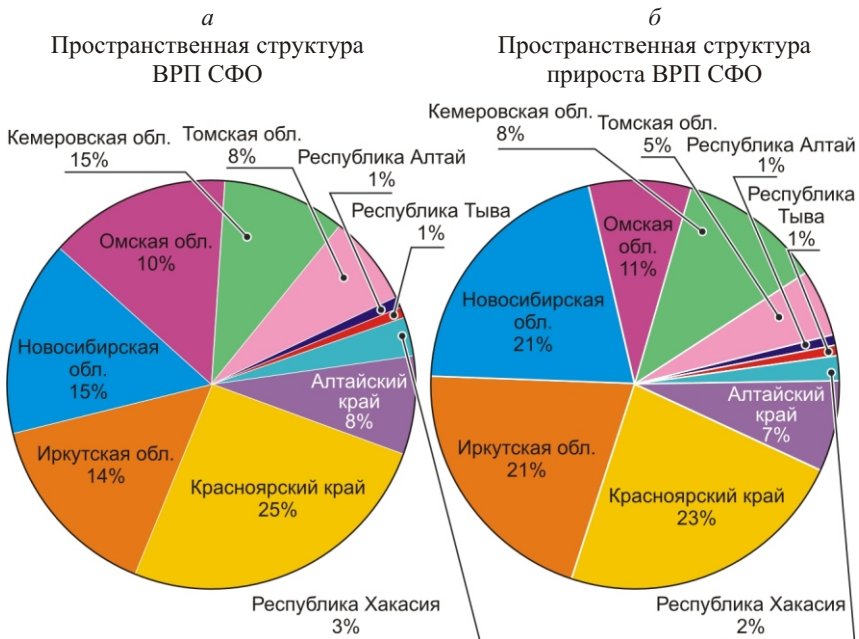


Рис. 2. Вклады субъектов в ВРП СФО в среднем за период 2000–2022 гг. (а) и в прирост ВРП СФО за период 2000–2022 гг. (б) (СФО = 100%)

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s1998.xlsx

ВРП осталась Кемеровская область (143%), вклад которой в рост оказался в 1,8 раза меньше ее веса в ВРП округа. Соответствующие вклады Красноярского края, Томской области, Тувы и Хакасии также были менее чем пропорциональны их удельному весу в ВРП СФО.

Итак, в течение 22 лет СФО медленно терял свои позиции даже на фоне нестоличной России, т.е. с учетом фактора регистрации доходов. Это можно с лихвой объяснить переходом от советской экономики расширенного воспроизводства к современной, в которой территория округа перестала быть местом сосредоточения крупных новостроек. Кроме того, перестали играть значимую роль региональные коэффициенты к заработной плате. В сельскохозяйственном производстве исчезла такая форма косвенного дотирования, как зональные закупочные цены, которые в Сибири были более высокими, чем в европейской части России.

Наряду с названными выше общенациональными и институциональными ограничениями регионального роста, существенный вклад вносили *структурные факторы*, в частности отраслевое наполнение региональной экономики, влияющее на ее способность отвечать на изменения внешнего спроса. Специализация экономики СФО на добыче полезных ископаемых усилилась: если в 2004 г. на территории округа было произведено 7,7% общероссийской ВДС в добыче в текущих ценах, то в 2022 г. – 13,7%. Это было связано с разработкой и вводом в действие нефтегазовых месторождений и созданием соответствующей инфраструктуры в Красноярском крае и, позже, в Иркутской области. По сравнению с советским периодом округ перестал быть топливодефицитным, объемы производимого топлива стали значительно превосходить внутрирегиональное потребление⁴. Сохраняется высокая роль СФО в обеспечении страны электроэнергией (18,5% валовой выработки по стране в целом). В то же время значительно уменьшилась роль округа в национальном сельском хозяйстве (с 15,7% ВДС РФ в 2004 г. до 10,2% в 2022 г.) и обрабатывающей промышленности (с 16,3 до 9,4% соответственно).

⁴ Добыча нефти в 1990 г. (около 10 млн т) была в разы меньше потребностей сибирских нефтезаводов, а к концу 2010-х годов превысила 50 млн т. Добычи газа в прошлом практически не было, в настоящее время она превышает 21 млрд куб. м.

Таблица 2

**Оценки динамики отраслевой структуры, объемов и дефляторов ВДС
в некоторых отраслях РФ и СФО в 2004–2022 гг.**

Отрасль	Доля отрасли в сумме ВДС СФО, %		Индекс физичес- кого объема ВДС за период 2005–2022, раз		Индексы-дефля- торы за период 2005–2022, раз	
	2004	2022	РФ	СФО	РФ	СФО
Всего по ВЭД	100,0	100,0	1,6	1,5	6,2	5,7
Сельское, лесное и рыбное хозяйство, охота	8,7	4,6	1,8	1,4	3,7	3,3
Добыча полезных ископаемых	8,1	21,4	1,5	1,8	8,7	12,7
Обрабатывающие производства	30,8	16,5	1,7	1,2	4,8	3,9
Строительство	4,7	5,8	1,7	2,0	5,4	5,3

Источник: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Нефтегазовый драйвер, равно как и угольный, оказался не столь сильным, чтобы обеспечить опережающий рост экономики СФО на длительную перспективу. Он тормозил отставание округа в 2010-х годах, но уже в 2020–2022 гг. перестал помогать. При этом опережающий рост цен на продукцию добывающих производств СФО повышал вклад данной отрасли в ВДС округа в значительно большей степени, чем превосходство в динамике физических объемов, как это видно из табл. 2. В то же время в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности региональные цены росли медленнее, чем в среднем по экономике, усиливая отставание названных отраслей от национальных трендов.

ВЛИЯНИЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СФО НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

За 20 лет с 2003 по 2022 г. производительность труда в экономике РФ выросла по меньшей мере в 1,7 раза, что явилось результатом как роста производительности внутри отраслей, так и сдвигов в распределении ресурсов между отраслями с разной производительностью.

Оценить относительный вклад этих факторов позволяет разложение годовых приростов производительности труда в соответствии с тождеством (*), в правой части которого выделяются эффект внутриотраслевого роста производительности, статический и динамический эффекты структурных изменений:

$$\Delta \ln Y_i^t = \Delta \ln Y_i^0 + \left(\frac{t}{i} \right) s_i^0 \Delta \ln Y_i^t + \left(\frac{t}{i} \right) (s_i^t - s_i^0) \Delta \ln Y_i^t, \quad (*)$$

где $\Delta \ln Y_i^t$ – прирост производительности труда за период $[0, t]$; $\frac{t}{i}$ и $\frac{t}{i}$ – производительность труда в отрасли i ; s_i^0 и s_i^t – доля отрасли i в национальной экономике на начало и конец периода соответственно. В качестве оценки производительности труда используем объем ВДС на одного занятого в сопоставимых ценах за период 2002–2022 гг.

Расчеты показали, что среднегодовой темп роста производительности труда на 2,7% был обусловлен ростом внутриотраслевой производительности, увеличивавшейся в среднем на 2,5% ежегодно (рис. 3). Статический эффект структурных сдвигов вносил минимальный вклад (в среднем 0,2%), а динамический был отрицательным и близким к нулю. Полученные результаты указывают на незначительные масштабы межотраслевой реструктуризации.

В период 2002–2010 гг. в РФ между отраслями переместилось 5,4% занятых в экономике и в 2010–2022 г. – 4,6%. При этом около 80% прироста численности занятых пришлось на отрасли с уровнем производительности ниже среднего: с 2010 по 2022 г. доля строительства, торговли, транспорта, гостиниц и общепита и административной деятельности в национальной занятости выросла на 3,8 п.п. В то же время уменьшился на 0,4 п.п. удельный вес отраслей, в которых объем ВДС на занятого оставался выше национального, – электроэнергетики и профессиональной и научно-технической деятельности. С другой стороны, происходили и структурные изменения в пользу отраслей с более высокой производительностью: в добыче полезных ископаемых доля занятых выросла на 0,2 п.п., в информации и связи – на 0,4 п.п., но уменьшилась в сельском хозяйстве на 2,2 п.п. и в обрабатывающей промышленности на 0,7 п.п. В итоге российский индекс производительности труда непрерывно снижался и уже никогда не достигал значений, близких к достигнутому в 2002–2008 гг. 146,5%. В большинстве регионов СФО индексы про-

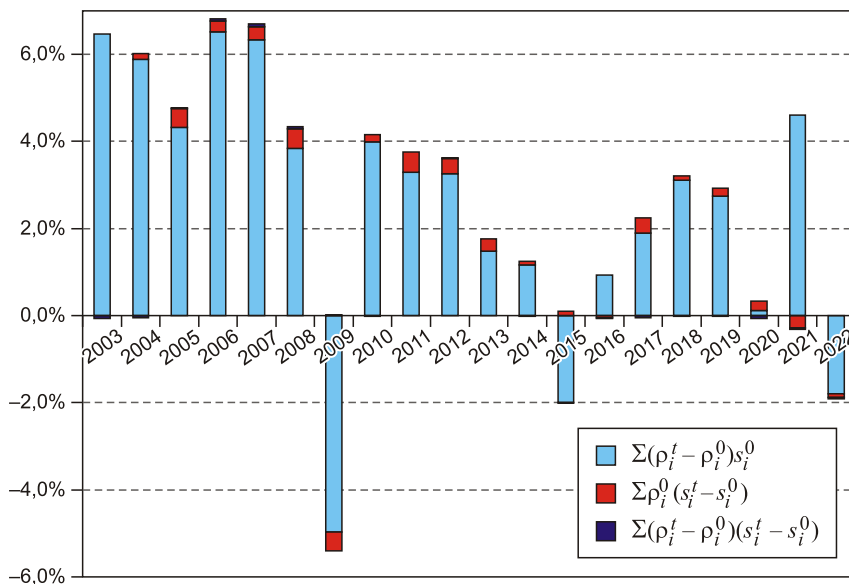


Рис. 3. Структурное разложение годовых приростов ВДС на занятого в экономике РФ в 2002–2022 гг., % к предыдущему году

Источник: расчеты авторов

изводительности труда опережали среднероссийские, но рост их также замедлялся, за исключением Новосибирской области.

В 2022 г. производительность, измеренная объемом ВДС на одного занятого, в СФО составляла 85% к российскому уровню. Лишь в двух субъектах – в Красноярском крае и Иркутской области уровень производительности оказался выше среднероссийского на 22 и на 9% соответственно благодаря продолжению сырьевых, энергетических и инфраструктурных проектов. Ни один из субъектов СФО не выделяется повышенной производительностью в видах деятельности по обслуживанию рынка⁵.

⁵ К таковым относятся гостиничные, информационно-коммуникационные, финансово-страховые, профессиональные и научно-технические, административные услуги.

Интенсивность реструктуризации в СФО была ниже, чем по РФ в целом: в 2010–2022 гг. на фоне общего снижения занятости по округу на 305 тыс. чел. между отраслями переместились 3,5% занятых. В отличие от экономики в целом, в СФО на 1,5% уменьшилась занятость в добывающей промышленности (за счет Кемеровской области и Алтайского края). Увеличилась занятость в строительстве (на 8,8%), на транспорте (на 5,1%), в торговле (на 4,4%), но более всего, на 15,7%, в обслуживающих рынок отраслях услуг (где более половины прироста пришлось на Новосибирскую область и Красноярский край). В целом, изменения в структуре занятости округа не помогали росту производительности труда.

Структурный анализ экономического роста в разрезе субъектов СФО⁶ подтверждает, что определяющий (преимущественно отрицательный) вклад в дифференциацию регионов округа по темпам роста вносил фактор собственной конкурентоспособности региона. Основным фактором, влиявшим на общую динамику роста производства в субъектах СФО, оставался фактор общенациональных условий. Пространственный структурный анализ выявил регионы, которые выигрывают в межрегиональной конкуренции. Это Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области. Среди субъектов СФО высокая или низкая собственная конкурентоспособность региона формируется скорее его успехами или проигрышами в локальной конкуренции на основе сравнительных преимуществ, чем взаимодействиями с более успешными соседними регионами или тормозящим влиянием отстающих соседей. При этом существующий потенциал пространственного перелива роста сосредоточен в Европейской России. Поскольку экономики субъектов округа исторически и до настоящего времени связаны в большей степени с регионами европейской части страны и внешним рынком, чем друг с другом, то существенная часть мультипликативного эффекта отраслевых проектов уходит за его пределы.

⁶ Методика описана в работе: Мельникова Л.В. Пространственный анализ динамики структурных сдвигов в экономике российских регионов в 2004–2019 гг. // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 54–79.

ОГРАНИЧЕНИЯ РОСТА СО СТОРОНЫ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Серьезным ограничением экономического роста являются трудовые ресурсы, наличие которых зависит от демографической обстановки в регионе и от его способности конкурировать с другими регионами с точки зрения привлекательности для работников. На 01.01.2024 на территории СФО постоянно проживало 16,6 млн чел., или 11,3% населения РФ, – это на 2,2 млн чел. меньше, чем в 1992 г. Как видно из рис. 4, определяющую роль в формировании динамики населения играл естественный прирост. Миграционное движение населения в основном действовало в одном направлении с естественным.

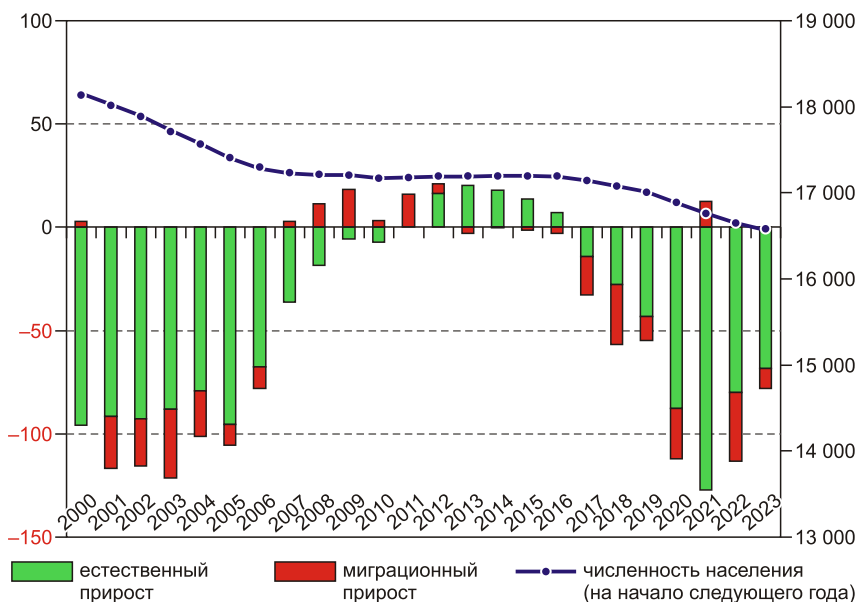


Рис. 4. Изменение численности населения СФО (правая ось) за счет естественного и миграционного движения населения (левая ось) в 2000–2024 гг., тыс. чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/46045,~/61749,~/31557>

Естественное движение населения определялось как общими для страны демографическими факторами, такими как длительный период уменьшения смертности (2003–2019 гг.) и волнообразные изменения численности женщин детородного возраста, так и культурными различиями регионов. Смертность от всех причин в СФО устойчиво снижалась до начала пандемии, но с 2011 г. стала превышать среднероссийскую. Коэффициенты рождаемости в СФО снижались с 2013 г., но на протяжении 2001–2015 гг. превышали среднероссийские значения, хотя к 2021 г. это преимущество исчезло. Соответственно, хотя ожидаемая продолжительность жизни в СФО за период 2000–2023 гг. выросла с 62,8 до 71,0 года, она всегда была в среднем на два года меньше среднероссийского показателя.

Перспективы естественного роста населения связаны с увеличением численности женщин детородного возраста. В настоящее время численность наиболее перспективной с точки зрения деторождения группы женщин в возрасте 20–29 лет в 1,6 раза меньше численности группы в возрасте 30–39 лет. Когорта 20–29 лет находится на дне демографической волны, следовательно, в ближайшие годы ее численность начнет восстанавливаться, тогда как самая многочисленная когорта 30–39 лет прошла свой пик. Уже растет численность когорты в возрасте 15–19 лет, которая по мере перехода в следующие возрастные категории будет способствовать росту рождаемости спустя 7–10 лет (рис. 5).

Положительный миграционный прирост по СФО в целом пришелся на период 2007–2012 гг. (рис. 6). Ранее этого периода и позднее отток населения с территории округа превышал приток. Такая динамика явилась результатом сложения постоянного оттока в другие регионы РФ и волны притока международной миграции, которая начала ослабевать еще до наступления пандемии. Устойчивое положительное сальдо миграции на протяжении всего периода 2007–2023 гг. было характерно лишь для Новосибирской области и Красноярского края. В Томской области знак сальдо сменился с положительного на отрицательный начиная с 2017 г., а в Кемеровской еще раньше – с 2011 г. Остальные субъекты СФО испытывали большей частью отток населения.

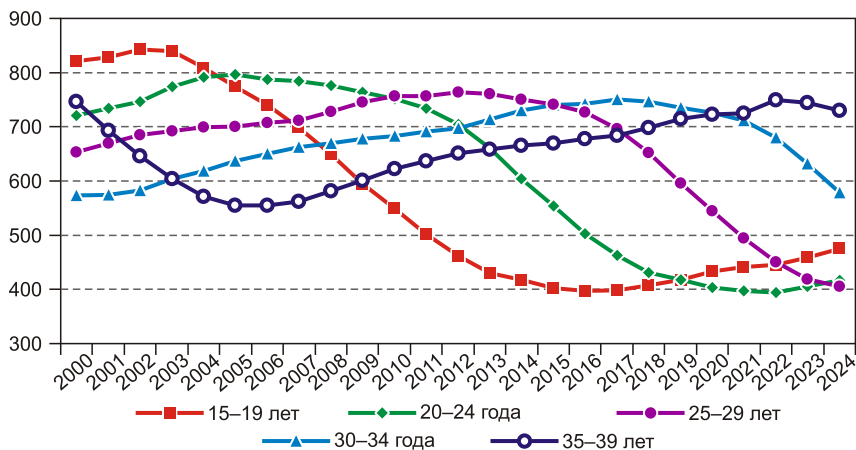


Рис. 5. Численность женщин в СФО по возрастным когортам на 1 января в 2000–2024 гг., тыс. чел.

Источник: <https://showdata.gks.ru/finder/descriptors/278938>

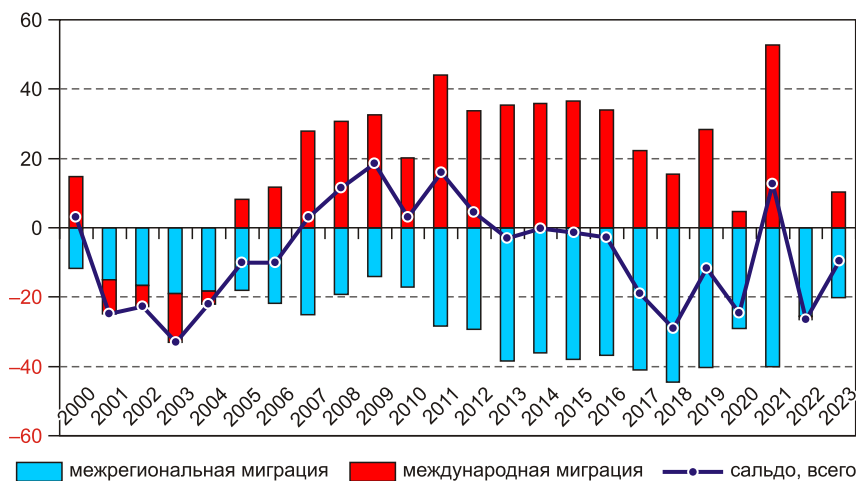


Рис. 6. Компоненты миграционного прироста в СФО в 2000–2023 гг., тыс. чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513,~/43514>; расчеты авторов

Под воздействием описанных факторов сформировалась несколько более «молодая» по сравнению с РФ структура населения СФО. В 2023 г. доля жителей моложе трудоспособного возраста составила 20,2% населения, а доля жителей старше трудоспособного возраста – 23,5% (в РФ – 18,5 и 24,5% соответственно). Отсюда и средний возраст жителя СФО (39,7 года) остается на год меньше, чем по РФ в среднем (40,7 года). Это устойчивое различие: с 2000 по 2023 г. население в СФО и в России постарело в среднем на 3,8 и 3,6 года соответственно.

Тем не менее численность занятых в экономике СФО начиная с середины 2010-х годов уменьшалась, и значительно быстрее, чем в национальной экономике (рис. 7). При этом изменение в 2016 г. методологии учета занятых, которое при ретропересчете добавило в экономику РФ в 2010 г. сразу 4 млн чел., Сибирскому федеральному округу (как и Дальневосточному) не помогло. Сопоставимые цифры за период 2011–2023 г. показывают, что если по РФ в целом занятость выросла на 2%, то в СФО она уменьшилась на 4%, или на 326 тыс. чел.

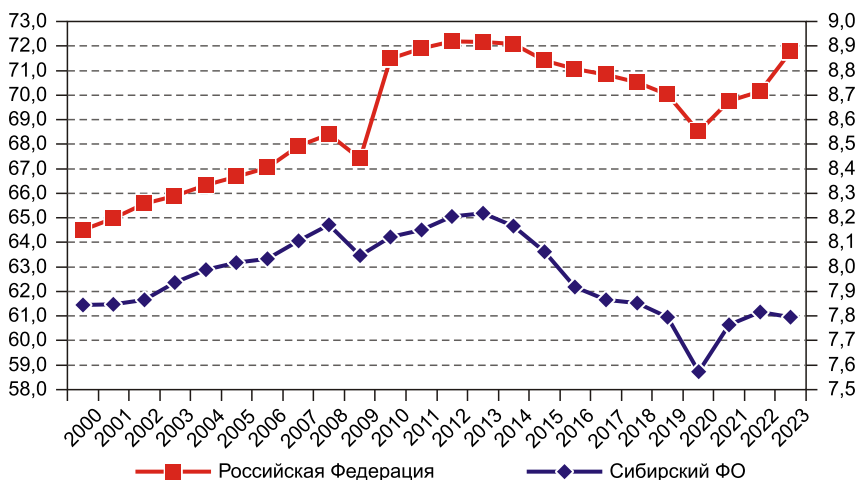


Рис. 7. Динамика среднегодовой численности занятых в РФ (левая ось) и СФО (правая ось) в 2000–2023 гг., млн чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>

Уровень безработицы в СФО в 2022 г., как и в России, достиг минимума за последние 30 лет, но оставался выше среднероссийского. Хронически высокими, двузначными значениями показателей безработицы до недавнего времени отличались республики Алтай и Тыва. Повышенный уровень безработицы (более 5%) также был в Омской, Томской и Иркутской областях. Сочетание абсолютного уменьшения численности занятых и снижения уровня безработицы подтверждает отток работников из региона.

Интенсивность межрегиональной трудовой миграции невелика. Число лиц, выезжающих на работу из субъектов СФО, в 2023 г. составило 2,2% числа занятых в экономике, тогда как по РФ в целом – 3,5%. Число въезжающих в субъекты СФО на работу еще меньше – 1,2% занятых. Баланс въезжающих и выезжающих в большинстве субъектов СФО был отрицательным, за исключением Красноярского края, Иркутской области и, до недавнего времени, Томской области. На добывающих производствах этих трех регионов зачастую используется вахтовый метод. Наибольшее отрицательное сальдо трудовой миграции характерно для Омской области и Алтайского края.

Степень использования иностранной рабочей силы в СФО была ниже, чем по РФ в целом, и с точки зрения привлекательности для иностранных трудовых мигрантов выделяются Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области. В 2022 г. доля иностранцев в общей численности трудовых ресурсов СФО составляла 2,6%, тогда как по России в целом – 3,8%. В Иркутской области их доля составила 5,1%, в Новосибирской – 4,0%, в Красноярском крае – 3,3%. Минимальными значениями этого показателя отличались республики Алтай, Тыва, Хакасия и Алтайский край (менее 1%).

В целом, несмотря на продолжающийся отток населения, демографическая обстановка в Сибирском федеральном округе представляется более благополучной, чем во многих других нестоличных регионах. Для сравнения, в Центральном федеральном округе в его нестоличных областях суммарная численность населения в настоящее время почти на 4 млн меньше, чем была по переписи 1959 г., эти области непривлекательны для мигрантов, и средний возраст жителей

там очень высокий – более 42 лет. По показателям воспроизводства населения СФО уступает только южным регионам.

Миграционный отток населения можно отчасти объяснить тем, что ушли в прошлое те меры поддержки экономики востока и севера, которые имели место в советский период, подобные ранее упомянутым зональным ценам или реально работающим районным коэффициентам. Но главная причина – объективные структурные преимущества столичных регионов, позволяющие им привлекать основную часть сибирских мигрантов. К этим преимуществам относятся не высокая квалификация работников и не совершенство технологий производства (образовательные стандарты и используемая техника у нас практически одинаковы во всех регионах), а специализация на самых выгодных видах экономической деятельности, прежде всего на финансах и оптовой торговле, и сосредоточение здесь головных офисов крупных корпораций. Последние являются источниками привлекательных зарплат и поступлений в региональный бюджет, что позволяет обеспечить максимальное количество социальных льгот для пенсионеров, доступность качественной медицины и качественного школьного образования. Миграция граждан сопровождается покупкой или арендой жилья в столице, что одновременно создает один из каналов миграции капитала, т.е. перетока денег не в пользу Сибири.

В перспективе ограничения по труду будут несколько ослабевать, поскольку в течение ближайших 14–15 лет будет ежегодно возрастать приток в экономику молодых кадров – поколения, родившегося до 2016 г. Ежегодно в основной трудоспособный возраст (примерно 21–22 года) будет вступать все больше людей. Это самая мобильная часть трудовых ресурсов. Есть основания ожидать, что масштабы оттока населения из СФО уменьшатся, в частности в последние годы наблюдается замедление притока в столичный регион.

ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ РОСТА

Финансовые ресурсы региона – это некая статистическая условность, поскольку прямое отношение к его экономике имеют лишь средства, находящиеся в распоряжении консолидированных бюджетов субъектов Федерации. Они практически полностью расходуются

на территории своего субъекта. В соответствии с логикой перераспределения денежных средств между субъектами Федерации трансферты из федерального бюджета должны быть направлены на выравнивание уровней развития экономик, т.е. доля регионов с пониженными душевыми показателями производства и потребления в суммарных доходах региональных бюджетов должна быть выше их доли в суммарном ВРП. Но этот механизм поддержки работает очень слабо: в 2022 г. доля бюджетных доходов субъектов СФО в общероссийских бюджетных доходах составила только 10,5%, что лишь на 1,2 п.п. больше соответствующей доли в ВРП. Тем не менее это больше, чем доля округа в суммарных по стране налогах, которая в 2021–2023 гг. находилась в интервале от 9 до 8%.

Большинство субъектов СФО в части межбюджетных отношений являются регионами-реципиентами. В четырех из них – в республиках Алтай, Тыва, Хакасия и в Алтайском крае – необходимые для обеспечения нынешнего уровня доходов регионального бюджета средства не могут быть получены в нужных объемах даже в случае, если бы все собираемые на их территории налоги и сборы оставались в региональных бюджетах. Реципиентами являются, по сути, Новосибирская и Кемеровская области: лишь в отдельные годы суммарный сбор налогов на их территории превышал доходы бюджетов, но не намного и явно был меньше объемов получаемого ими прямого финансирования из федерального бюджета. Промежуточное положение занимает Омская область. Регионы-доноры – это Красноярский край, Иркутская и Томская области. В перспективе высокий уровень межрегиональных различий в части возможности самообеспечения социальных нужд сохранится.

На относительное благополучие регионов существенное влияние оказывает такой фактор, как объем прямого финансирования из федерального бюджета, которое имеет место для учреждений науки, высшего образования, территориальных подразделений федеральных органов власти, прокуратуры, налоговой службы, органов правопорядка и военнослужащих, а также для строительства и содержания объектов федеральной собственности. Масштабы такого финансирования нигде не публикуются в пространственном разрезе, но с боль-

шой вероятностью можно сказать, что лидером здесь является Новосибирская область как самый большой вузовский центр, научный центр и столица округа. В целом же СФО явно проигрывает по этому показателю, так как в предыдущем десятилетии и в настоящее время самые масштабные финансируемые из федерального бюджета инвестиционные проекты реализовывались в европейской части страны (спортивные сооружения, Крымский мост и иные объекты, обусловленные крымским фактором, модернизация и развитие автодорог, строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей).

Важнейший источник финансирования экономики – средства населения. Это прямые расходы граждан на территории региона и их сбережения. И здесь положение СФО еще более неблагоприятное, чем по производственным показателям: доля округа в суммарном потреблении домохозяйств к 2021 г. снизилась до 7,6%. Еще ниже доля сбережений населения округа в суммарных сбережениях граждан России – около 7% суммы вкладов физических лиц в рублях и валюте.

Одним из факторов такого снижения стала отличительная и ставшая почти хронической особенность населения округа – повышенная склонность к заимствованиям. Впервые она привела к превышению общей задолженности по кредитам над суммой всех вкладов во всех субъектах СФО в 2008 г.: на начало 2009 г. это превышение составило 173 млрд руб. В целом по стране имело место противоположное соотношение: сумма вкладов превосходила общую задолженность в 1,5 раза. Второй раз такое соотношение проявилось к 2013 г. и достигло локального пика в 2015 г., когда суммарная задолженность сибиряков превысила объем их вкладов на 235 млрд руб. И начиная с 2021 г. сибиряки вновь были должны кредиторам больше, чем имели на своих вкладах (к 2023 г. – на 469 млрд руб.). Как видно на рис. 8, склонность к заимствованиям усиливалась в кризисные годы по всей стране, но превышение объемов кредитов над депозитами было характерно более всего для жителей СФО. Начиная с 2014 г. это явление проявилось в Северо-Кавказском федеральном округе, а с 2022 г. распространилось на Уральский и Дальневосточный округа.

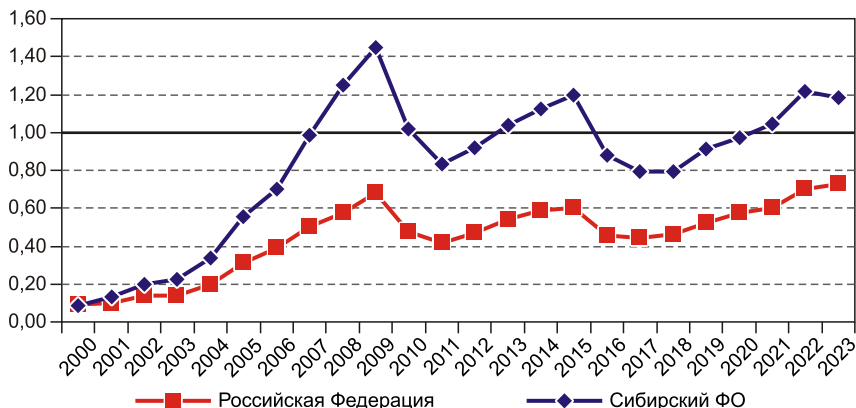


Рис. 8. Отношение задолженности по кредитам к вкладам физических лиц в РФ и СФО в 2000–2023 гг.

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

В последующем ограничение доступности новых кредитов обусловило снижение показателей потребления в СФО в большей степени, чем в среднем по России. В частности, после 2014 г. и до настоящего времени оборот розничной торговли на душу населения округа в среднем составлял 76% от среднего значения по России, а объем платных услуг на душу – 73%. С 2010-х годов усиливается отставание по удельным показателям ввода жилья: так, в 2023 г. в среднем по России было введено 755 кв. м общей площади жилых домов на 1000 чел. населения, а в СФО – 602 кв. м. Отмеченные явления отражают увеличивающийся разрыв между уровнем денежных доходов на душу населения в СФО и среднероссийским уровнем. Преимущества добывающих регионов (Красноярского края, Иркутской, Кемеровской и Томской областей) в обеспечении повышенных доходов населения исчезли к концу 2000-х годов, в дальнейшем сибирский уровень среднедушевых денежных доходов населения колебался около отметки 78% к среднему по стране.

Причины повышенной склонности населения СФО к заимствованиям требуют специального исследования, но если население округа в целом в долгах, это ограничивает его покупательную способность

на местных потребительских рынках, особенно в периоды взлета процентных ставок по кредитам, ограничивающих, в свою очередь, новые заимствования в условиях необходимости погашать прежние долги. В этих обстоятельствах рассчитывать на высокие показатели объемов производственных инвестиций можно только за счет внешних инвесторов со всеми вытекающими отсюда последствиями для будущих межрегиональных потоков получаемых ими доходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение последних 20 лет продолжалась периферизация экономики Сибирского федерального округа, что отразилось в негативной динамике его экономических показателей, лишь отчасти объясняемой особенностями статистической регистрации доходов. Более значимым фактором спада в экономике региона стала реструктуризация, в ходе которой возрастала роль отраслей с уровнем производительности ниже среднего. В постсоветский период регион перестал быть местом нового масштабного строительства в тех объемах, которых требовала ушедшая в прошлое экономика расширенного воспроизводства. Исключением стали проекты в области добычи и формирования сопряженной инфраструктуры, что незначительно усилило специализацию округа на добыче, тем более что современные методы освоения месторождений не ведут к созданию диверсифицированных экономик. Ни в Красноярском крае, ни в Иркутской области в районах добычи нефти и газа и строительства трубопроводов не появилось ни одного нового поселка с постоянным населением, что ограничивает емкость локальных рынков с негативными последствиями для отраслей, обслуживающих население. Степень диверсификации экономики СФО, измеренная по занятости, оставалась ниже среднероссийского уровня, но была достаточна для того, чтобы делать округ менее уязвимым к конъюнктурным колебаниям цен и спроса.

Другой фактор экономического спада – масштабы инвестиций. В перспективе дефицит федеральных и сопряженных с ними частных инвестиций для СФО может усилиться. Если в прошлом десятилетии в пользу европейской части страны работали такие факторы, как

крупномасштабные инвестиции в спортивные объекты, в Крымский мост и Крым вообще, то в ближайшей перспективе таким, и еще более значимым, фактором может стать восстановление новых регионов России. В таком соревновании федеральных приоритетов СФО безусловно проигрывает. С другой стороны, расширение сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона может смягчить негативное действие названного фактора.

Человеческий капитал также мигрирует из СФО в западном направлении, снижая его рыночный потенциал. В настоящее время проживание в округе не дает гражданам преимуществ с точки зрения уровня жизни. Денежные доходы на душу населения в СФО неуклонно снижались относительно среднероссийского уровня, закрепляя отставание и по душевым показателям конечного потребления. Отставание по доходам сужает возможности населения сберегать и инвестировать.

Основная форма инвестиций населения и признанный драйвер регионального роста – приобретение жилья. По душевым показателям ввода жилья СФО отстает от среднероссийского уровня, а по закредитованности населения по ипотеке и потребительским кредитам – превосходит. Расширение ипотечного кредитования обычно подталкивает темпы жилищного строительства, но дальнейшее его увеличение маловероятно по причине исчерпания высоких темпов роста кредитования и меньшей доходности инвестиционного жилья по сравнению с банковскими вкладами. С другой стороны, уже в ближайшей перспективе увеличение численности закончившей образование молодежи может повысить спрос на жилье. Положительное влияние на рост инвестиций могут оказать также продолжение реализации идеи перехода к обучению в школах в одну смену и завершение программы полного обеспечения дошкольников местами в детских садах.

Одним из тормозов развития периферийных регионов, которые в качестве поставщиков товаров включены в сети отношений за пределами своих границ, являются слабая роль прямых связей между производителями и конечными потребителями и гипертрофированная роль посредничества, торгового и финансового. Забирая средства как у региональных производителей, так и у конечных покупателей

региона, посредничество сокращает потребительский и инвестиционный спрос. Возможности региональных властей по обеспечению прямого доступа производителей к покупателям ограничены и недоиспользуются. Более радикальные меры, направленные на обеспечение регистрации доходов в основном там, где осуществляются реальные процессы производства, – это прерогатива федеральных властей. Большинство крупных отечественных инвесторов юридически расположены за пределами СФО, что обрекает округ на отрицательное сальдо доходов от собственности.

В межбюджетных отношениях большинство субъектов СФО имеют статус реципиента. В перспективе высокий уровень межрегиональных различий в возможностях самообеспечения социальных нужд сохранится в силу устойчивости структурных различий между региональными экономиками. В то же время относительно благополучию регионов в существенной степени способствует прямое финансирование из федерального бюджета, направляемое в учреждения науки, высшего образования, государственного управления. Наличие крупных вузовских городов в СФО позволяет ожидать, что приток федерального финансирования в систему образования округа будет стабилен и по мере ожидаемого роста численности студентов может возрасти, но, с другой стороны, невысокий приоритет науки в бюджете и отток кадров из нее действуют в противоположную сторону.

Периферизация экономики СФО происходила по многим направлениям: это и отставание в производительности, и замедление динамики производства, и отток жителей, и проигрыши в конкуренции приоритетов федеральной политики. При этом следует помнить, что позиция округа в национальной экономике и в системе власти является лишь средневзвешенной позиций субъектов, включенных в его состав (федеральный округ не является участником экономических и властных отношений, не распоряжается финансовыми ресурсами и не является субъектом принятия решений). Процессы периферизации в экономиках сибирских субъектов РФ идут с разной скоростью, с разных уровней и в различающихся масштабах – достаточно сравнить Новосибирскую область с менее благополучными соседями. Более того, периферизация может поменять направление на противопо-

ложное, приводящее к созданию новых центров на территории. Останется ли регион в статусе периферии или сможет изменить свою судьбу, зависит не только от структуры экономики и наличия ресурсов.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00409
«Пространственное развитие России: инструменты моделирования,
оценки и прогнозирование структурно-технологических сдвигов»*

Список источников

1. Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 5. – С. 46–60.
2. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22–40.
3. Кузнецова О.В. Сибирь в федеральной политике пространственного развития // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: Мат. конф. ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Россия, Московская область, 22–24 марта 2023 г.) / Отв. ред. А.А. Шилов, А.О. Баранов; ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН. – М.: Наука, 2023. – Т. 5. – С. 68–72.
4. Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. / Статистическое управление РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1957. – 371 с.
5. Орлов Б.П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. – М.: Мысль, 1974. – 208 с.
6. Пилясов А.Н. Сибирь: поиски новой модели развития // Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер; Русское географическое общество. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. – С. 28–59. – (Вопросы географии; № 154).
7. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М.К. Бандман, В.А. Калмык, Б.П. Орлов, З.Р. Цимдина; ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск: Наука, 1980. – 336 с.
8. Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1999. – 296 с.
9. Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / Под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 326 с.
10. Суслов В.И., Еришов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Макроэкономические взаимодействия в пространстве России // Экономические стратегии. – 2016. – № 5 (139). – С. 64–71.
11. Kühn M. Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities // European Planning Studies. – 2015. – Vol. 23, Iss. 2. – P. 367–378.

Информация об авторах

Ершов Юрий Семенович (Россия, Новосибирск) – старший научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: erylus@mail.ru.

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20240404

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 90–119

Yu.S. Ershov, L.V. Melnikova

SIBERIAN PERIPHERAL DISTRICT: STABILITY OR STAGNATION?

The article considers the structural and institutional factors that have determined the levels and dynamics of macroeconomic indicators in the Siberian Federal District (SFD) over the past 20 years. A trend of peripheralization is revealed, manifested in the fact that most of the district's socio-economic indicators lag behind the national average. We highlight the reasons behind changes in the structure of economic activity and income, as recorded by official statistics, which have led to income concentration in capital regions. At the same time, non-capital regions show reduced formal participation in overall outcomes. The resulting gap between the actual distribution of productive forces and the macroeconomic indicators reflects an inter-regional redistribution of financial resources, contributing to strong disparities in living standards. The article also underscores the role of sectoral restructuring in the SFD's lagging labor productivity. Lastly, the opportunities and limitations for economic growth in the district, in relation to labor and investment resources, are analyzed.

Keywords: spatial structure of the economy; dynamics of economic indicators; Siberian Federal District; federal constituent entities; capital region; regional growth limitations and resources; periphery and peripheralization

For citation: *Ershov, Yu.S. & L.V. Melnikova. (2024). Sibirskiy periferiynyy okrug: stabilnost ili stagnatsiya? [Siberian peripheral district: stability or stagnation?]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 90–119. DOI: 10.15372/REG20240404.*

*The article was prepared with the support of the RNF grant
“Spatial development of Russia: modeling tools, assessment,
and forecasting of structural and technological shifts”, No. 23-18-00409*

References

1. Kryukov, V.A., B.L. Lavrovskii, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov. (2020). Sibirskiy vektor razvitiya: v osnove kooperatsiya i vzaimodeystvie [Siberian development vector: based on cooperation and interaction]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 5, 46–60.
2. Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov. (2022). Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy [Strategic planning of spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal], 5, 22–40.
3. Kuznetsova, O.V. (2023). Sibir v federalnoy politike prostranstvennogo razvitiya [Siberia in the federal spatial development policy]. In: A.A. Shirov, A.O. Baranov (Eds.). Ekonomicheskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii: Mat. konf. INP RAN i IEOPP SO RAN po mezhotraslevomu i regionalnomu analizu i prognozirovaniyu (Rossiya, Moskovskaya oblast, 22–24 marta 2023 g.) [Economic Policy of Russia in the Intersectoral and Spatial Dimension: Proceedings of the 5th Conference of IEF RAS and IEIE SB RAS on Intersectoral and Regional Analysis and Forecasting (Russia, Moscow Oblast, March 22–24, 2023)], Vol. 5. Institute of Economic Forecasting RAS and Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. Moscow, Nauka Publ., 68–72.
4. *Narodnoe khozyaystvo RSFSR: Stat. sb.* [The National Economy of the RSFSR: Statistical Collection]. (1957). Statistical Administration of the RSFSR. Moscow, Gosstatizdat Publ., 371.
5. Orlov, B.P. (1974). Sibir segodnya: problemy i resheniya [Siberia Today: Problems and Solutions]. Moscow, Mysl Publ., 208.

6. *Pelyasov, A.N.* (2022). Sibir: poiski novoy modeli razvitiya [Siberia: in search for new model of development]. In: V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper (Eds.). Preodolenie “kontinentalnogo proklyatya”: budushchee Sibiri [Overcoming the “Continental Curse”: The Future of Siberia]; Russian Geographical Society. Moscow, Media-PRESS Publ., 28–59. (Voprosy geografii [Problems of Geography]; 154).
7. *Bandman, M.K., V.A. Kalmyk, B.P. Orlov & Z.R. Tsimdina* (Eds.). (1980). Sibir v edinom narodnokhozyaystvennom komplekse [Siberia in the Unified Complex of the National Economy]. Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. Novosibirsk, Nauka Publ., 336.
8. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (1999). Sibir na poroge novogo tysyacheletiya [Siberia on the Threshold of the New Millennium]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 296.
9. *Kuleshov, V.V.* (Ed.). (2014). Sovremennaya rol ekonomiki Sibiri v narodnokhozyaystvennom komplekse Rossii [Contemporary Role of Siberia's Economy in the National Economy Complex of Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 326.
10. *Suslov, V.I., Yu.S. Ershov & N.M. Ibragimov.* (2016). Makroekonomicheskie vzaimodeystviya v prostranstve Rossii [Macroeconomic interactions in the space of Russia]. Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies], 5 (139), 64–71.
11. *Kühn, M.* (2015). Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities. European Planning Studies, Vol. 23, Iss. 2, 367–378.

About Authors

Ershov, Yuriy Semenovich (Novosibirsk, Russia) – Senior Researcher at Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: eryus@mail.ru.

Melnikova, Larisa Victorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at Territorial Systems Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: melnikova@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 22.05.2024.

После доработки 02.09.2024.

Принята к публикации 12.09.2024.

УДК 332.1:336.1

Регион: экономика и социология, 2024, № 4 (124), с. 120–142

П.А. Иванов

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ МЕТОДА TOPSIS

В статье на примере обрабатывающей промышленности Республики Башкортостан представлены результаты оценки экономической специализации региона, анализируемые в привязке к результативности общественных финансов субъекта РФ. В качестве инструментального обеспечения был использован метод TOPSIS, позволивший выявить виды экономической деятельности рассматриваемого региона, являющиеся наиболее перспективными для финансовой поддержки в целях повышения результативности использования общественных финансов территории. По результатам исследования установлено, что, во-первых, в 2021–2022 гг. на фоне воздействий на экономику региона ковидных и санкционных ограничений произошло повышение значимости показателя общественных финансов (объем поступлений в бюджетную систему с территории субъекта РФ в расчете на одного занятого) в системе оценки экономической специализации региона, во-вторых, несмотря на изменение наиболее предпочтительного направления поддержки с деревообрабатывающей отрасли (2019–2020 гг.) на деятельность по производству лекарственных средств (2021–2022 гг.), ядро экономической специализации республики практически не изменилось. В качестве приоритетных направлений дальнейшей поддержки выявлены химическое производство, производство прочих транспортных средств, производство бумаги, производство электрического оборудования и производство прочей неметаллической минеральной продукции. Поддержка данных отраслей позволит обеспечить наиболее высокий уровень результативности использования общественных финансов в обрабатывающей промышленности Республики Башкортостан.

Ключевые слова: общественные финансы; экономическая специализация; бюджет; регион; результативность; инвестиции; стратегическое планирование; TOPSIS

Для цитирования: *Иванов П.А.* Оценка экономической специализации региона на основе метода TOPSIS // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 120–142. DOI: 10.15372/REG20240405.

ВВЕДЕНИЕ

Общественные финансы являются значимым инструментом проведения эффективной социальной и экономической политики, в том числе на региональном уровне, путем перераспределения через бюджет финансовых потоков для поддержки различных секторов экономики в целях обеспечения устойчивости социально-экономического развития территории. Исходя из этого результативность общественных финансов, на наш взгляд, должна определяться прежде всего на основе динамики показателей конечных результатов социально-экономического развития, уровня достижения ими целевых параметров в рамках реализации стратегических приоритетов региона.

В настоящее время относительно невысокое общее качество прогнозирования показателей, представленных в различных документах стратегического планирования регионов (в том числе по причине недостаточного использования возможностей инструментов математического моделирования [8]), ведет к систематическому недостижению установленных ориентиров социально-экономического развития территорий, распространению управленческой культуры формализации планирования и выполнения предусмотренных мероприятий¹. Кроме того, по нашему мнению, при оценке эффективности реализации документов стратегического планирования зачастую в недостаточной степени учитывается изначальная более высокая значимость самих результирующих показателей по сравнению с другими

¹ См.: *Иванов П.А.* Проблемы повышения качества системы стратегического планирования в субъектах РФ // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 652–672. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-4-652-672.

составляющими оценки, которые являются, по сути, обеспечивающими факторами для достижения результата (уровень освоения бюджетных средств, доля выполненных мероприятий от общего их числа), что ведет к несбалансированности компонентов и не совсем корректной общей оценке результативности общественных финансов².

Существенное влияние на результативность общественных финансов оказывает экономическая специализация региона, определяющая структуру экономики, налоговых поступлений в бюджет, особенности движения финансовых потоков между секторами и уровень социально-экономического развития территории в целом. В связи с этим важное значение имеет проведение оценки экономической специализации региона, поскольку это позволяет более детально изучать результативность общественных финансов в разрезе различных видов экономической деятельности, а также более обоснованно подходить к определению наиболее перспективных направлений дальнейшей государственной поддержки экономики.

Исследованию различных аспектов проблематики оценки экономической специализации территорий посвящено значительное число научных публикаций как отечественных [2; 5; 14; и др.], так и зарубежных [18; и др.] авторов. Экономическая специализация территорий рассматривается в различных плоскостях, в том числе с точки зрения ее влияния на экономический рост [7; 11], в контексте поиска перспективных экономических специализаций [3; 10], с позиции соответствия отраслевой специализации приоритетам развития территорий посредством контент-анализа документов стратегического планирования регионов [4], в плане особенностей реализации кластерной политики в регионах [6], через кластерные взаимосвязи (the concept of related specialization [15]), цикличность технологий [16] и т.д. Однако в контексте рассмотрения вопросов результативности общественных финансов экономическая специализация региона остается все еще мало исследованной областью знаний.

² См.: Диваева Э.А., Иванов П.А. Результативность региональных общественных финансов: понятие и оценка // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 204–207. DOI: 10.18411/doi-code-2023.105.

В одних работах по данной тематике рассматривается результативность государственной поддержки со стороны отдельных институтов развития [11], которые составляют лишь часть региональных общественных финансов. В других исследованиях эффективность мер государственной поддержки, в частности поддержки малых и средних предприятий [9], анализируется с точки зрения уровня освоения выделенных средств, а также с позиции необходимости привязки их получения к обеспечению выполнения показателей устойчивости финансового состояния бизнеса – получателя поддержки. На наш взгляд, такой подход целесообразен, но в то же время не позволяет в полной мере раскрыть результативность оказываемой поддержки с точки зрения достижения конечных результатов социально-экономического развития территории (динамику долей малых и средних предприятий в ВРП и в численности занятых, количества малых предприятий относительно численности населения как индикатор степени сформированности сектора МСП и т.д.).

С учетом вышесказанного представляется актуальным проведение исследований в области результативности общественных финансов субъектов РФ в целях выявления наиболее перспективных направлений ее повышения с помощью анализа основных показателей инвестиционного, социально-экономического и бюджетного развития территорий по видам экономической деятельности, характеризующих экономическую специализацию региона. Новизна настоящего исследования заключается в применении метода TOPSIS, позволяющего оценить степень близости параметров отраслей экономической специализации региона к наилучшему решению.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка экономической специализации региона проводилась на примере Республики Башкортостан (РБ) по кодам раздела С «Обрабатывающие производства» ОКВЭД 2 за период 2019–2022 гг. многокритериальным методом анализа решений TOPSIS, который был впервые рассмотрен в 1981 г. в работе [17]. Наглядно механизм рас-

чета по данному методу представлен в статье [13]. Для целей нашего исследования в качестве показателей оценки были взяты

- инвестиции в основной капитал на одного занятого (поскольку данный показатель имеет высокую волатильность, а также в целях учета временного лага проявления экономического эффекта инвестиционных вложений в расчетах использовались усредненные значения за предыдущие три года относительно расчетного года, кроме 2019 г., для которого взяты значения за 2017–2018 гг. в связи с отсутствием данных за 2016 г. по ОКВЭД 2) – показатель X_1 , тыс. руб.;
- объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на одного занятого (данный показатель был выбран вместо ВРП из-за запаздывания статистической информации по структуре добавленной стоимости экономик регионов) – показатель X_2 , тыс. руб.;
- объем налогов, сборов и иных обязательных платежей, поступивших с территории Республики Башкортостан в бюджетную систему РФ, на одного занятого – показатель X_3 , тыс. руб.;
- степень износа основных фондов – показатель X_4 , %.

Оценка экономической специализации региона методом TOPSIS позволяет определить степень близости решений по различным видам деятельности относительно наилучшего решения (оптимального сочетания параметров рассматриваемых показателей с учетом их экономического значения среди всех анализируемых видов деятельности) и выполняется в рамках следующих этапов:

- 1) формирование нормализованной матрицы решений по показателям в разрезе видов экономической деятельности;
- 2) определение весов показателей и расчет взвешенной нормализованной матрицы решений;
- 3) расчет наилучшего и наихудшего решений по каждому виду экономической деятельности;
- 4) определение коэффициента относительной близости (изменяется от 0 до 1) к наилучшему решению (равен 1), показывающего

в нашем случае, в какой степени текущее решение по тому или иному виду экономической деятельности удалено от наилучшего решения. Наиболее перспективными можно признать те виды деятельности, которые имеют наибольшие значения коэффициента.

При этом необходимо отметить, что в настоящем исследовании оценка экономической специализации производится по фактическим данным, доступным в официальной статистике, что, по нашему мнению, позволяет в целом выявить перспективность поддержки предприятий той или иной отрасли на ближайшие несколько лет (в рамках трехлетнего планирования государственных и муниципальных бюджетов). Информационной базой для исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат)³, ее территориального органа по Республике Башкортостан (Башкортостанстат)⁴, а также Федеральной налоговой службы⁵.

В то же время для повышения качества метода TOPSIS и его применения для целей стратегического планирования в выявлении перспективных направлений государственной поддержки на более долгосрочный период соответствующие министерства и ведомства могут использовать агрегированную статистическую информацию подведомственных им институтов развития о планируемых основных показателях поддержанных инвестиционных проектов. Например, согласно методическим рекомендациям Фонда развития промышленности для рассмотрения возможности получения поддержки предприятие должно представить бизнес-план, включающий ожидаемые значения (по годам) по таким показателям, как создаваемая добавленная стоимость и дисконтированные налоговые поступления в бюд-

³ См.: *Регионы России: Социально-экономические показатели* / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ См.: *Промышленность Республики Башкортостан* / Башкортостанстат. – Уфа, 2023. – 158 с.

⁵ См.: *Статистика и аналитика* / Федеральная налоговая служба. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn02/related_activities/statistics_and_analytics/ (дата обращения: 28.02.2024).

жеты бюджетной системы РФ при реализации проекта (при построении финансовой модели с разбивкой по каждому виду платежей)⁶.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы не перегружать статью расчетными данными, рассмотрим более подробно значения показателей только для 2022 г. Результаты за 2019–2021 гг., сравнение с которыми покажет, как изменилась экономическая специализация, будут представлены в итоговом виде в конце этого раздела статьи. Для анализа были выбраны те виды деятельности, по которым за период 2018–2022 гг. темпы роста промышленного производства опережали средний рост по обрабатывающей промышленности РБ в целом. При этом ряд направлений не был включен в список по следующим причинам.

Во-первых, имели место однократные сильные всплески роста (измеряемые в разгах), без учета которых динамика производства продукции по данным видам деятельности за анализируемый период была на уровне или ниже среднего по обрабатывающей промышленности (производство одежды, производство бумаги и бумажных изделий, производство прочих готовых изделий).

Во-вторых, зафиксированы устойчивые отрицательные налоговые поступления вследствие особенностей налогового законодательства для данных сфер деятельности. Например, деятельность по производству нефтепродуктов, несмотря на весомый вклад в обрабатывающую промышленность республики по объему инвестиций и отгруженной продукции, по поступлениям в бюджетную систему в целом имеет отрицательные значения в результате применения текущего демпфирующего механизма в рамках налогового маневра.

⁶ См.: *Методические рекомендации по подготовке бизнес-плана и финансовой модели для включения инвестиционного проекта в Перечень проектов в рамках постановления Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. № 295 «О государственной поддержке организаций, реализующих инвестиционные проекты, направленные на производство приоритетной продукции»* / Фонд развития промышленности. – URL: <https://bod.fprf.ru/public/documents/rekomendacii-po-sostavleniyu-biznes-plana-i-finansovoj-modeli-kip> (дата обращения: 02.05.2024).

Также была исключена деятельность по производству напитков, которая хотя при расчете и показывала наиболее высокую степень близости к наилучшему решению (во многом благодаря акцизным поступлениям в бюджет от алкогольных напитков), не может служить общественно полезной целевой установкой в качестве одного из приоритетных направлений государственной поддержки и вступает в противоречие с другими приоритетами развития (здоровьесбережение населения, снижение уровня преступности и др.).

В-третьих, статистические данные за ряд лет не раскрываются как в целях обеспечения конфиденциальности первичных данных, так и в результате различного (более укрупненного или, наоборот, более подробного) их представления по кодам ОКВЭД в разные отчетные периоды. Например, «Производство мебели» (С 31) входит в более укрупненную группировку «Прочие производства» (С 31–33). Данные налоговой отчетности по коду С 31 доступны только для 2022 г. Кроме того, не по всем годам есть данные по объему инвестиций в основной капитал. Все это не позволяет использовать указанный код ОКВЭД для анализа.

В-четвертых, отсутствуют существенные значения в абсолютном выражении по рассматриваемым показателям относительно других кодов ОКВЭД (деятельность полиграфическая и копирование носителей информации).

В рамках первого этапа оценки экономической специализации РБ на основе исходных данных (X_1 – X_4) была сформирована нормализованная матрица решений (R_1 – R_4) (табл. 1).

Для учета вклада показателей далее были рассчитаны весовые коэффициенты по методу энтропии, построена взвешенная нормализованная матрица решений (V_{1-4}), определены значения расстояний альтернативных решений (S^+ , S^-) от наиболее позитивного (A^+) и наиболее негативного (A^-) решений и проведено ранжирование видов деятельности по степени их относительной близости (С) к наилучшему решению (табл. 2).

Согласно расчетам, наибольший вес имеет показатель поступлений в бюджет ($X_3 = 0,489$), и это свидетельствует о том, что для повышения результативности общественных финансов важно определять

Таблица 1

Исходные данные и нормализованная матрица решений за 2022 г.

Вид экономической деятельности	X_1	X_2	X_3	X_4	R_1	R_2	R_3	R_4
	Тыс. руб.			%	Ед.			
Производство пищевых продуктов	151	8359	79	43,3	0,132	0,292	0,032	0,241
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	240	7565	283	31,5	0,210	0,264	0,115	0,175
Производство бумаги и бумажных изделий	86	12615	1436	57,9	0,075	0,440	0,583	0,322
Производство химических веществ и химических продуктов	684	11241	326	45,2	0,598	0,392	0,132	0,251
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	648	14883	1636	36,6	0,567	0,519	0,664	0,204
Производство резиновых и пластмассовых изделий	170	4273	313	57,0	0,149	0,149	0,127	0,317
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	354	5681	361	49,3	0,310	0,198	0,146	0,274
Производство металлургическое	134	7972	37	58,8	0,117	0,278	0,015	0,327
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	35	3228	252	56,8	0,030	0,113	0,102	0,316
Производство электрического оборудования	176	3391	778	49,7	0,154	0,118	0,316	0,276
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	124	4078	419	47,0	0,108	0,142	0,170	0,261
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	44	4416	248	59,3	0,038	0,154	0,100	0,330
Производство прочих транспортных средств и оборудования	332	3980	74	46,4	0,290	0,139	0,030	0,258

Источник: разработано и составлено автором.

Таблица 2

Взвешенная нормализованная матрица решений и рейтинг относительной близости отраслей промышленности РБ к наилучшему решению за 2022 г., ед.

Вид экономической деятельности	V_1	V_2	V_3	V_4	S^+	S^-	C
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	0,198	0,075	0,325	0,004	0,011	0,373	0,972
Производство бумаги и бумажных изделий	0,026	0,064	0,285	0,006	0,187	0,282	0,601
Производство химических веществ и химических продуктов	0,209	0,057	0,065	0,004	0,260	0,210	0,447
Производство электрического оборудования	0,054	0,017	0,154	0,005	0,237	0,153	0,392
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	0,108	0,029	0,072	0,005	0,276	0,117	0,298
Производство прочих транспортных средств и оборудования	0,101	0,020	0,015	0,005	0,332	0,091	0,215
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	0,073	0,038	0,056	0,003	0,303	0,082	0,214
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,038	0,021	0,083	0,005	0,301	0,081	0,211
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,052	0,022	0,062	0,006	0,310	0,069	0,181
Производство пищевых продуктов	0,046	0,042	0,016	0,004	0,351	0,045	0,113
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,011	0,016	0,050	0,006	0,344	0,043	0,110
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	0,013	0,022	0,049	0,006	0,342	0,042	0,110

Вид экономической деятельности	V_1	V_2	V_3	V_4	S^+	S^-	C
Производство металлургическое	0,041	0,040	0,007	0,006	0,360	0,039	0,097
Идеально позитивное решение (A^+)	0,209	0,075	0,325	0,003	–	–	–
Идеально негативное решение (A^-)	0,011	0,016	0,007	0,006	–	–	–

Источник: разработано и составлено автором.

перспективные направления поддержки промышленного производства, которые обеспечат наиболее высокие удельные отчисления в бюджет территорий. Как отмечалось ранее, результативность общественных финансов, на наш взгляд, должна определяться по уровню достижения конечных показателей, отражающих реализацию целей и задач стратегического планирования как в отношении определенного сектора экономики, так и в отношении стратегических приоритетов социально-экономического развития региона в целом. Поэтому при анализе результативности общественных финансов в рамках реализации конкретного документа стратегического планирования не менее важное значение имеют другие конечные показатели, которые определены в документе (например, в государственной программе Республики Башкортостан по развитию промышленности⁷ в качестве целевых индикаторов выступают индекс промышленного производства, объем отгруженных товаров, сальдированный финансовый результат промышленных предприятий и др., при этом показатель налоговых поступлений в бюджет среди целевых индикаторов отсутствует).

Однако при более широком рассмотрении результативности общественных финансов реализация их доходного потенциала является, с одной стороны, важнейшим условием устойчивого долгосрочного

⁷ См.: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12 марта 2018 года № 98 «Об утверждении государственной программы “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан”». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/446662381> (дата обращения: 06.05.2024).

обеспечения расходных обязательств региональных бюджетов, в том числе в сфере поддержки промышленности (например, посредством докапитализации институтов развития), а с другой – отражением экономических результатов в различных отраслях в виде динамики объемов бюджетных поступлений. В то же время увеличение значений данного индикатора, на наш взгляд, не является самоцелью государственной финансовой политики (в этом случае требуемый объем может быть получен не в результате повышения производительности труда, создания производств с высокой добавленной стоимостью, а за счет увеличения налоговой нагрузки), но скорее выступает как важный, однако дополняющий показатель результативности общественных финансов, формирующий финансовую основу для достижения целевых значений по ключевым конечным показателям социально-экономического развития (валовая добавленная стоимость, ожидаемая продолжительность жизни, качество среды проживания, реальные доходы населения и др.).

Несмотря на то что доля и объемы расходов на развитие промышленности в консолидированном бюджете Республики Башкортостан неуклонно снижаются (в 2022 г. – 0,7%, или 2,3 млрд руб., в 2023 г. – 0,4%, или 1,4 млрд руб., на 2024 г. заложено 0,4%, или 1,3 млрд руб.⁸), основной объем поддержки приходится на институты развития федерального и регионального уровней. По итогам 2023 г. через федеральный и региональный фонды развития промышленности обрабатывающим предприятиям республики была оказана поддержка в размере 3,8 и 0,9 млрд руб. соответственно, что с учетом частных средств позволило привлечь в экономику региона инвестиций на сумму 7,5 млрд руб.⁹ Ввиду наличия множества других институтов развития и отсутствия агрегированной информации об их деятельности оценка объема всей поддержки, оказываемой промышленности, представляется затруднительной. Результативная составляющая деятельности обрабатывающих производств характеризуется устойчивым ростом индекса промышленного производства в этом секторе (по дан-

⁸ Расчеты автора на основе данных Министерства финансов РБ.

⁹ См.: *Оперативное* совещание в Правительстве Республики Башкортостан: прямая трансляция 5 февраля 2024 года. – URL: <https://pravitelstvorb.ru/news/22910/> (дата обращения: 06.05.2024).

ным Башкортостанстата, в 2023 г. – 108,5%) и сохранением высокой доли бюджетных поступлений от обрабатывающих производств в бюджетную систему РФ (около 20% всех бюджетных поступлений региона без учета поступлений по производству нефтепродуктов), которая выше, чем в большинстве других экономически развитых регионов Приволжского федерального округа.

На втором месте инвестиции в основной капитал ($X_1 - 0,349$), затем идет показатель объема отгруженной продукции ($X_2 - 0,145$), и наименьший вес у показателя износа основных фондов ($X_4 - 0,017$). С учетом такого весового распределения, а также экономического смысла показателей были определены идеально позитивное и идеально негативное решения по каждому из показателей среди всех исследуемых видов деятельности. Расчет по каждому виду деятельности нормализованного евклидова расстояния S^+ и S^- от наилучшего и наихудшего решений определяется по формулам (1) и (2):

$$S_j^+ = \sqrt{\sum_{i=1}^n (v_i^+ - v_{ij})^2}; \quad (1)$$

$$S_j^- = \sqrt{\sum_{i=1}^n (v_i^- - v_{ij})^2}, \quad (2)$$

где v_i^+ – значение i -й отрасли с максимальной ценностью по j -му показателю (соответствует A^+); v_i^- – значение i -й отрасли с минимальной ценностью по j -му показателю (соответствует A^-); v_{ij} – значение ценности i -й отрасли по j -му показателю; n – число показателей.

Чем меньше (больше) значения S^+ и S^- , тем ближе (дальше) i -я отрасль находится к идеально позитивному и идеально негативному решениям соответственно.

В завершение по формуле (3) был проведен расчет коэффициента относительной близости (C) по отраслям обрабатывающей промышленности РБ:

$$C_i = \frac{S_j^-}{S_j^+ + S_j^-}. \quad (3)$$

Его ранжирование показало, что наиболее перспективными с точки зрения поддержки являются такие виды деятельности, как про-

изводство лекарственных средств, производство бумаги, производство химических веществ, производство электрического оборудования и производство прочей неметаллической минеральной продукции. Анализ динамики коэффициента C за предыдущие три года показывает, что до 2021 г. наиболее активно развивалась отрасль деревообработки (табл. 3).

Таблица 3

Динамика коэффициента относительной близости к наилучшему решению за 2019–2022 гг., ед.

Вид экономической деятельности	Код ОКВЭД	2019	2020	2021	2022	Изменение за период
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	С 21	0,260	0,349	0,971	0,972	+0,712
Производство бумаги и бумажных изделий	С 17	0,233	0,179	0,246	0,601	+0,368
Производство химических веществ и химических продуктов	С 20	0,287	0,482	0,273	0,447	+0,159
Производство электрического оборудования	С 27	0,136	0,154	0,108	0,392	+0,256
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	С 23	0,124	0,141	0,115	0,298	+0,174
Производство прочих транспортных средств и оборудования	С 30	0,207	0,293	0,133	0,215	+0,008
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	С 16	0,782	0,880	0,261	0,214	–0,569
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	С 28	0,118	0,123	0,059	0,211	+0,093
Производство резиновых и пластмассовых изделий	С 22	0,101	0,134	0,074	0,181	+0,080

Окончание табл. 3

Вид экономической деятельности	Код ОКВЭД	2019	2020	2021	2022	Изменение за период
Производство пищевых продуктов	С 10	0,077	0,081	0,059	0,113	+0,036
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	С 25	0,083	0,075	0,029	0,110	+0,027
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	С 29	0,057	0,112	0,040	0,110	+0,053
Производство металлургическое	С 24	0,044	0,053	0,068	0,097	+0,053

Источник: разработано и составлено автором.

Наступление в 2020 г. пандемии коронавируса существенно повысило спрос на медицинские препараты и материалы. Увеличение инвестиционных вложений в расширение производства, рост объемов отгруженной продукции и отчислений в бюджет региона позволили этой отрасли выйти на лидирующие позиции в 2021–2022 гг. В то же время ковидные ограничения и санкции западных стран в отношении России осложнили ведение хозяйственной деятельности для предприятий других отраслей, у многих из которых наблюдалось снижение коэффициента C , в том числе наиболее сильно он снизился в деревообрабатывающей промышленности.

Данная экономическая реальность в определенной мере повлияла на изменение структуры распределения весов показателей, которые отражают уровень энтропии показателей, что, в свою очередь, привело к изменению рейтинговых позиций отраслей. Если в 2019–2020 гг. наибольший вес был у показателя «инвестиции в основной капитал» (0,642 и 0,651 соответственно против 0,236 и 0,192 у показателя «бюджетные поступления»), то в 2021–2022 гг. ситуация изменилась: вес бюджетного показателя составил 0,522 и 0,489 против 0,288 и 0,349 у инвестиционного показателя. Поскольку именно отрасль

деревообработки была в 2019–2020 гг. наиболее инвестируемой в расчете на одного занятого, изменение структуры весовых коэффициентов в 2021–2022 гг. в сторону показателя бюджетных поступлений наиболее негативно отразилось на этой сфере деятельности.

В то же время оперативные данные по поступлениям платежей в бюджетную систему страны по РБ за 2023 г. (данные по другим показателям за 2023 г. пока недоступны) показывают следующее:

1) в большинстве отраслей промышленности наблюдается положительная тенденция роста объемов налоговых поступлений после некоторого их снижения в 2022 г. вследствие введения санкций в отношении России. Так, если по разделу С 20 ОКВЭД в 2022 г. объем платежей, поступивших в консолидированный бюджет РФ с территории республики, составил 1,24 млрд руб. (в 2021 г. – 1,91 млрд руб.), то в 2023 г. – 2,52 млрд руб. Аналогичная ситуация наблюдается по другим разделам;

2) по разделу С 16 после провала в 2022 г. до 960,6 млн руб. в следующем году динамика бюджетных поступлений выросла до 1,70 млрд руб., что все же меньше, чем в 2021 г. (2,08 млрд руб.). Таким образом, деревообрабатывающая отрасль демонстрирует пока еще слабые, но положительные сигналы, указывающие на выход из сложившегося положения в данном виде деятельности;

3) в отрасли-лидере (С 21), напротив, ситуация ухудшается. Если после бурного роста в 2021 г. отрасль собрала в консолидированный бюджет страны платежей на сумму более 12 млрд руб. (более чем в 20 раз выше, чем годом ранее), то в 2022 г. – уже 5,07 млрд руб. В 2023 г. эта тенденция продолжилась: объем бюджетных поступлений составил 1,76 млрд руб., что, однако, втрое больше, чем было собрано в 2020 г. (571,2 млн руб.). Исходя из выявленных трендов значительного снижения объемов бюджетных поступлений в 2023 г. данная отрасль может потерять лидерские позиции в качестве наиболее предпочтительного для поддержки вида деятельности. Вместе с тем в силу своего важного значения для достижения стратегических приоритетов развития территории, состоящих в увеличении ожидаемой продолжительности жизни, снижении заболеваемости и в реализации других направлений в области обеспечения здоровьесбереже-

ния населения, эта отрасль с учетом имеющихся в регионе компетенций (наличие высших учебных заведений, институтов и научных организаций медицинского профиля) по-прежнему будет входить в структуру экономической специализации территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо отметить, что рассмотренный подход на базе метода TOPSIS является не исчерпывающим, а дополняющим инструментом для принятия более обоснованных управленческих решений по распределению бюджетных средств для оказания предприятиям государственной поддержки с учетом приоритетности тех или иных направлений экономической специализации региона и требует учета всего комплекса мер государственного регулирования (прежде всего в области налогового законодательства).

По результатам анализа оценки экономической специализации обрабатывающей промышленности РБ можно сделать следующие выводы.

1. В условиях влияния на экономику ковидных ограничений и санкций повышается значимость общественных финансов как источника поддержки промышленного производства и фактора обеспечения устойчивости социально-экономического развития территорий в целом. Об этом свидетельствует увеличение весового коэффициента по показателю объема поступлений платежей в бюджет на одного занятого в 2021–2022 гг.

2. Несмотря на смену наиболее предпочтительного вида деятельности с деревообрабатывающей промышленности на производство лекарственных средств, ядро экономической специализации региона в целом не изменилось. К традиционным отраслям помимо вышеперечисленных относятся химическое производство, производство прочих транспортных средств (прежде всего производство деталей для авиадвигателей) и производство бумаги. Значительно повысилась привлекательность таких видов деятельности, как производство электрического оборудования и прочей неметаллической минеральной продукции. Полученные в исследовании результаты коррелируют с данными Стратегии пространственного развития Российской

Федерации на период до 2025 года, где отмеченные отрасли также выделены как перспективные или критически важные для экономики РБ (обработка древесины)¹⁰.

3. Рост коэффициента относительной близости к наилучшему решению в 2022 г. по сравнению с 2019 г. практически по всем отраслям обрабатывающей промышленности республики говорит о восстановлении экономики до доковидных значений и ее дальнейшем развитии (в 2021 г. только в трех из 13 видов деятельности наблюдался рост относительно 2019 г.).

4. Изменения в структуре бюджетных поступлений в 2023 г. в сторону снижения дифференциации между отраслями по сравнению с 2022 г. (с 39 до 9 раз) при сохранении общей положительной динамики показателя практически по всем анализируемым разделам ОКВЭД (за исключением отраслей-лидеров С 21 и С 17, где падение составило 65 и 19% соответственно) позволяют сделать предположение об укреплении позиций других отраслей и даже о возможной смене наиболее предпочтительного для оказания поддержки вида деятельности (в случае сохранения негативных тенденций в дальнейшем и при отсутствии критической зависимости экономики региона в целом от данного вида деятельности). Но это не означает полный отказ от оказания государственной поддержки предприятиям, относящимся к менее привлекательным видам деятельности. Речь идет скорее о перераспределении объемов поддержки в пользу тех обрабатывающих производств, которые, во-первых, позволяют обеспечить реализацию проектов в области приоритетных стратегических направлений развития государства и, во-вторых, имеют более высокий потенциал для наращивания удельных поступлений в бюджет.

Оказание поддержки по названным выше перспективным направлениям, в том числе с помощью инструментов государственной поддержки (субсидирование затрат, предоставление налоговых льгот

¹⁰ См.: *Распоряжение* Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – С. 36–37. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 07.03.2024).

и т.д.) и институтов развития (через программы федерального и регионального фондов развития промышленности и др.), механизмов поддержки экспорта инновационной продукции [1], посредством инструментов анализа пространственных зависимостей цен [12], будет способствовать росту налоговых поступлений в консолидированный бюджет региона и повышению результативности использования общественных финансов территорий в целом.

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

Список источников

1. Ахметов Т.Р. Инструментарий выбора методов и механизмов поддержки экспорта инновационной продукции региона // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2023. – № 3. – С. 82–88. DOI: 10.31040/2222-8349-2023-0-3-82-88.
2. Блаженкова Н.М., Царенко И.В. Современная система отраслевой структуры и специализации регионов России как показатель устойчивого экономического развития // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. – 2022. – № 3 (141). – С. 85–91. DOI: 10.17122/2541-8904-2022-3-41-85-91.
3. Данилова И.В., Правдина Н.В., Салимоненко Е.Н. Центры отраслевого развития моноспециализированных регионов: диагностика перспективных специализаций // Экономика устойчивого развития. – 2021. – № 2. – С. 46–57.
4. Козоногова Е.В., Дубровская Ю.В., Русинова М.Р., Иванов П.В. Оценка соответствия приоритетов стратегического развития регионов их отраслевой специализации на основе Text Mining // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 106–133. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133.
5. Кудрявцева Т.Ю., Схведиани А.Е. Эконометрический анализ региональной отраслевой специализации (на примере обрабатывающей промышленности России) // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19, № 9. – С. 1765–1790. DOI: 10.24891/ea.19.9.1765.
6. Куценко Е.С., Абашикин В.Л., Исланкина Е.А. Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89.
7. Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4 (92). – С. 196–217.
8. Низамутдинов М.М., Орешиников В.В. Подход к формированию целевых индикаторов стратегии регионального развития с применением алгоритмов нечеткой логики // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – № 1. – С. 461–467.

9. Пионткевич Н.С., Шеина Е.Г. Финансовые аспекты обеспечения устойчивого развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях новых вызовов // *Journal of New Economy*. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 105–130. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-1-6.
10. Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5.
11. Стариков Е.Н., Евсеева М.В., Наумов И.В. Промышленный рост и отраслевая специализация: влияние инструментов государственной поддержки // *Journal of New Economy*. – 2022. – Т. 23, № 3. – С. 86–108. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-3-5.
12. Тимирьянова В.М., Лакман И.А., Красносельская Д.Х., Столь А.В. Динамика пространственной корреляции цен на овощи и фрукты // *Пространственная экономика*. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 94–125. DOI: 10.14530/se.2023.2.094-125.
13. Халицкая К. Выбор технологий с помощью метода TOPSIS // *Форсайт*. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 85–96. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.1.85.96.
14. Шварц Р.С., Шатохин М.В., Анциферова И.В. Оценка показателей отраслевой специализации региона // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. – 2014. – № 9. – С. 20–22.
15. Auerwald P., Dani L. Entrepreneurial opportunity and related specialization in economic ecosystems // *Research Policy*. – 2022. – Vol. 51, No. 9. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104445.
16. Han J., Lee K. Heterogeneous technology and specialization for economic growth beyond the middle-income stage // *Economic Modelling*. – 2022. – No. 112. DOI: 10.1016/j.econmod.2022.105853.
17. Hwang C.L., Yoon K. Methods for multiple attribute decision making // *Multiple Attribute Decision Making: Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems*. – Berlin; Heidelberg: Springer, 1981. – P. 58–191. DOI: 10.1007/978-3-642-48318-9_3.
18. Varga A., Szabo N., Sebestyen T. Economic impact modelling of smart specialization policy: Which industries should prioritization target? // *Papers in Regional Science*. – 2020. – Vol. 99, No. 5. – P. 1367–1389. DOI: 10.1111/pirs.12529.

Информация об авторе

Иванов Павел Андреевич (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, заведующий сектором региональных финансов и бюджетно-налоговой политики Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН (450054, Уфа, просп. Октября, 71). E-mail: ivanov-ran@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240405

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 120–142

P.A. Ivanov

ASSESSING REGIONAL ECONOMIC SPECIALIZATION USING THE TOPSIS METHOD

This article presents an assessment of the regional economic specialization, using the Republic of Bashkortostan and its manufacturing industry as a case study, analyzed in relation to public finance performance in this constituent entity of the Russian Federation. The TOPSIS method was employed as a tool to identify the most promising economic activities for financial support, aiming to enhance the performance of public finance utilization in the region. The study has found that in 2021–2022, amid the impacts of COVID-19 and sanctions on the regional economy, the significance of the public finance indicator (revenue collected per employee in the region) increased in the evaluation of economic specialization. What is more, despite a shift in the preferred area of support from the woodworking industry (2019–2020) to pharmaceutical production (2021–2022), the core of the region's economic specialization remained virtually unchanged. Priority industries for continued financial support include chemical production, vehicle manufacturing, paper production, electrical equipment manufacturing, and non-metallic mineral products. Supporting these sectors is expected to maximize the performance of public finance use in the Republic of Bashkortostan's manufacturing industry.

Keywords: public finance; economic specialization; budget; region; performance; investment; strategic planning; TOPSIS

For citation: *Ivanov, P.A. (2024). Otsenka ekonomicheskoy spetsializatsii regiona na osnove metoda TOPSIS [Assessing regional economic specialization using the TOPSIS method]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 120–142. DOI: 10.15372/REG20240405.*

This study was carried out within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences” No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

References

1. *Akhmetov, T.R.* (2023). Instrumentariy vybora metodov i mekhanizmov podderzhki eksporta innovatsionnoy produktsii regiona [Tools for selecting methods and mechanisms to support the export of innovative products in the region]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre], 3, 82–88. DOI: 10.31040/2222-8349-2023-0-3-82-88.
2. *Blazhenkova, N.M. & I.V. Tsarenko.* (2022). Sovremennaya sistema otraslevoy struktury i spetsializatsii regionov Rossii kak pokazatel ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiya [The modern system of sectoral structure and specialization of Russian regions as an indicator of sustainable economic development]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy], 3 (141), 85–91. DOI: 10.17122/2541-8904-2022-3-41-85-91.
3. *Danilova, I.V., N.V. Pravdina & E.N. Salimonenko.* (2021). Tsentry otraslevogo razvitiya monospetsializirovannykh regionov: diagnostika perspektivnykh spetsializatsiy [Centers of industry development of monospecialized regions: Diagnostics of perspective specializations]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], 2, 46–57.
4. *Kozonogova, E.V., Yu.V. Dubrovskaya, M.R. Rusinova & P.V. Ivanov.* (2022). Otsenka sootvetstviya prioritetov strategicheskogo razvitiya regionov ikh otraslevoy spetsializatsii na osnove Text Mining [Assessment of compliance of strategic development priorities of regions with their industry specialization based on Text Mining]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2, 106–133. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133.
5. *Kudryavtseva, T.Yu. & A.E. Skhvediani.* (2020). Ekonometricheskii analiz regionalnoy otraslevoy spetsializatsii (na primere obrabatyvayushchey promyshlennosti Rossii) [An econometric analysis of the regional industrial specialization: The Russian manufacturing industry case study]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], Vol. 19, No. 9, 1765–1790. DOI: 10.24891/ea.19.9.1765.
6. *Kutsenko, E.S., V.L. Abashkin & E.A. Islankina.* (2019). Fokusirovka regionalnoy promyshlennoy politiki cherez otraslevuyu spetsializatsiyu [Focusing regional industrial policy via sectorial specialization]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89.
7. *Mikheeva, N.N.* (2016). Diversifikatsiya struktury regionalnogo khozyaystva kak strategiya rosta: za i protiv [The diversification of regional economic structure as a growth strategy: pros and cons]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (92), 196–217.
8. *Nizamutdinov, M.M. & V.V. Oreshnikov.* (2015). Podkhod k formirovaniyu tselevykh indikatorov strategii regionalnogo razvitiya s primeneniem algoritmov nechetkoy logiki [Approach to the formation of the target indicators of regional development strategy using fuzzy logic algorithms]. *Audit i finansovyy analiz* [Audit and Financial Analysis], 1, 461–467.
9. *Piontkovich, N.S. & E.G. Sheina.* (2021). Finansovye aspekty obespecheniya ustoychivogo razvitiya subyektov malogo i srednego predprinimatelstva v usloviyakh novykh vyzovov [Financial aspects of ensuring sustainable development of small and medium-sized businesses in the face of new challenges]. *Journal of New Economy*, Vol. 22, No. 1, 105–130. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-1-6.

10. *Rumyantsev, N.M., E.G. Leonidova & E.S. Gubanova.* (2022). Opredelenie otraslevykh prioritetov strukturnoy transformatsii regiona na osnove poiska perspektivnykh ekonomicheskikh spetsializatsiy [Defining sectoral priorities of the region's structural transformation by searching for promising economic specializations]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], Vol. 15, No. 6, 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5.

11. *Starikov, E.N., M.V. Evseeva & I.V. Naumov.* (2022). Promyshlennyy rost i otraslevaya spetsializatsiya: vliyaniye instrumentov gosudarstvennoy podderzhki [Industrial growth and specialisation: The impact of the government support tools]. *Journal of New Economy*, Vol. 23, No. 3, 86–108. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-3-5.

12. *Timiryanova, V.M., I.A. Lakman, D.Kh. Krasnoselskaya & A.V. Stol.* (2023). Dinamika prostranstvennoy korrelyatsii tsen na ovoshchi i frukty [Dynamics of spatial dependences of prices for vegetables and fruits]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 19, No. 2, 94–125. DOI: 10.14530/se.2023.2.094-125.

13. *Halicka, K.* (2020). Vybory tekhnologiy s pomoshchyu metoda TOPSIS [Technology selection using the TOPSIS method]. *Forsayt* [Foresight and STI Governance], Vol. 14, No. 1, 85–96. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.1.85.96.

14. *Shvarts, R.S., M.V. Shatokhin & I.V. Antsiferova.* (2014). Otsenka pokazateley otraslevoy spetsializatsii regiona [Assessment of indicators of sectoral specialization of the region]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of Kursk State Agricultural Academy], 9, 20–22.

15. *Auerswald, P. & L. Dani.* (2022). Entrepreneurial opportunity and related specialization in economic ecosystems. *Research Policy*, Vol. 51, No. 9. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104445.

16. *Han, J. & K. Lee.* (2022). Heterogeneous technology and specialization for economic growth beyond the middle-income stage. *Economic Modelling*, No. 112. DOI: 10.1016/j.econmod.2022.105853.

17. *Hwang, C.L. & K. Yoon.* (1981). Methods for multiple attribute decision making. In: *Multiple Attribute Decision Making. Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems*. Berlin & Heidelberg, Springer, 58–191. DOI: 10.1007/978-3-642-48318-9_3.

18. *Varga, A., N. Szabo & T. Sebestyen.* (2020). Economic impact modelling of smart specialization policy: Which industries should prioritization target? *Papers in Regional Science*, Vol. 99, No. 5, 1367–1389. DOI: 10.1111/pirs.12529.

About Author

Ivanov, Pavel Andreevich (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Regional Finance and Fiscal Policy Section, Institute of Social and Economic Research UFRC RAS (71, Oktybrya Ave., Ufa, 450054, Russia). E-mail: ivanov-ran@mail.ru.

Поступила в редколлегию 25.03.2024.

После доработки 27.05.2024.

Принята к публикации 30.05.2024.

© Иванов П.А., 2024

С.Р. Халимова

ОЦЕНКА ВКЛАДА КОМПАНИЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА И РАЗМЕРА В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ

Следуя за теориями, изучающими причины и факторы роста компаний, данная статья фокусирует внимание на выделении растущих компаний как важного элемента в развитии высокотехнологичного бизнеса. В статье разрабатывается методика, позволяющая идентифицировать ключевые для регионального рынка категории компаний, определяющие его динамику. Региональный рынок понимается здесь как совокупность компаний, находящихся в данном регионе. Категоризация компаний проводится на основе группировки компаний по размеру (четыре уровня) и возрасту (четыре уровня), так что компании каждого региона объединяются в 16 размерно-возрастных групп. Разработанная методика проверяется на примере развития высокотехнологичного бизнеса в восточных регионах России. Показано, что несмотря на то что структура выручки высокотехнологичного бизнеса различается по регионам, доминирующими во всех регионах являются крупные зрелые компании. Оценка вклада различных размерно-возрастных групп в динамику общей региональной выручки позволила выделить группы, являющиеся локомотивами роста в каждом регионе. Представляется, что государственная поддержка этих групп компаний может оказать большее влияние на развитие экономики региона. Предложенная методика может быть использована для анализа динамики развития других отраслей и регионов.

Ключевые слова: высокотехнологичный бизнес; высокотехнологичные компании; наукоемкие компании; размер компаний; возраст компаний; рост; восточные регионы России

Для цитирования: Халимова С.Р. Оценка вклада компаний разного возраста и размера в развитие региональных рынков // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 143–170. DOI: 10.15372/REG20240406.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, связанные с ростом компаний, находятся в фокусе внимания исследователей на протяжении длительного времени, поскольку являются чрезвычайно важными для понимания глубинных механизмов, обеспечивающих успешное долгосрочное экономическое развитие. Именно растущие компании, предъявляя спрос на необходимые им ресурсы, способствуют расширению деятельности компаний-партнеров, а также вовлечению в экономику дополнительных ресурсов, содействуя в конечном итоге росту добавленной стоимости [7]. Кроме того, растущие компании способствуют появлению новых товаров и услуг и качественному улучшению в различных сферах. При этом факторы и причины роста отдельных компаний должны различаться для разных отраслей и типов компаний, и чаще всего исследования фокусируются на отдельных отраслях или типах компаний. Более того, факторы роста часто имеют и региональную специфику. Если объединить разрозненные результаты, то можно сформировать общую картину экономического развития, однако она будет походить на лоскутное одеяло, так как вопрос сопоставимости получаемых результатов остается открытым. Поэтому разработка универсального алгоритма анализа, который мог бы применяться для различных отраслей или регионов, представляется актуальной задачей.

Кроме того, эффективность государственной поддержки компаний определяется точностью вырабатываемых мер, которая зависит от полноты представления о характеристиках того или иного отраслевого или регионального рынка и о факторах, влияющих на его развитие. Большинство исследований, в которых анализируется динамика развития отраслевых или региональных рынков, можно разделить на две большие категории. В одних в качестве единицы анализа рассматривается рынок и при моделировании и расчетах используются агрегированные показатели, т.е. в таких исследованиях анализ проводится на мезоуровне. При этом агрегирование не позволяет увидеть ни дифференциацию между компаниями [3], ни то, что отдельные категории компаний могут демонстрировать противоположную динамику развития, таким образом, за рамками получаемых результатов оказываются компании, развивающиеся в направлении,

противоположном динамике рынка. В других исследованиях (например, [2; 5]) в качестве объекта выбирается отдельная компания, т.е. анализ проводится на микроуровне, и выявляются закономерности развития усредненной типовой компании, а выбросы, как лидеры, так и аутсайдеры, остаются вне поля зрения. В обоих случаях возникает проблема учета неоднородности любого отраслевого или регионального рынка, которая может быть выражена в каждом конкретном случае в большей или меньшей степени. Безусловно, использование специальных методов позволяет отчасти нивелировать эти проблемы, однако в любом методе существуют свои белые пятна, и какая-то часть наблюдаемой динамики развития и факторов, ее определяющих, остается за пределами исследовательского взгляда.

Отраслевой или региональный рынок можно представить как совокупность компаний разного размера и разного возраста, занимающихся определенным видом деятельности или зарегистрированных на определенной территории. В литературе широко развиваются направления, изучающие малые компании и крупный бизнес, особенности развития компаний в зависимости от стадии их развития. Специфика выбранного объекта исследования, будь то компании определенного размера или определенной стадии развития, определяет используемые методы исследования, которые не всегда могут быть распространены на другие объекты, затрудняя построение общей картины путем объединения отдельных фрагментов [1]. С этой точки зрения определение общей структуры анализируемого рынка по размеру компаний и выявление вклада отдельных групп компаний в его динамику будут способствовать формированию более полной картины развития выбранного рынка, не имеющей белых пятен и охватывающей все категории компаний. На решение именно этой задачи и направлена данная статья.

С учетом особого интереса, который вызывает анализ роста компаний и его природы и, шире, динамики развития отдельных отраслей и регионов, становится важным понимать, какие типы компаний являются драйверами развития своих отраслей и регионов, а какие, наоборот, тормозят отраслевой и региональный рост. Цель настоящего исследования – предложить методику оценки вклада отдельных

категорий компаний в динамику отраслевого и регионального развития и опробовать ее на примере высокотехнологичного бизнеса (ВТБ) восточных регионов России. Исследование основывается на данных СПАРК-Интерфакс, анализируемая выборка включает 51 252 компании.

РАСТУЩИЕ КОМПАНИИ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА

Рост компании представляется комплексным нелинейным процессом, объединяющим взаимодействия гетерогенных факторов различной природы [8]. Изменчивость развития общества приводит к тому, что подходы к анализу роста компании не являются статичными, а требуют постоянных обновлений в связи с возникающими возможностями для проведения новых исследований, которые позволяют ответить на новые и уже существовавшие вопросы. Выполненное обобщение основных направлений исследований роста фирмы [4] выявило четыре группы факторов роста компании: это влияние личных характеристик предпринимателя, влияние различного типа ресурсов, влияние внутрифирменных характеристик и влияние факторов внешней среды. Поскольку одновременное рассмотрение всех возможных факторов роста в рамках одного анализа вряд ли возможно технически, исследователи обычно фокусируются на каком-то одном направлении, уделяя особое внимание детальному рассмотрению отдельных факторов.

Первоочередным вопросом является выбор индикатора измерения роста компании. Этот вопрос имеет дискуссионный характер, и одним из наиболее распространенных индикаторов выступает объем выручки компании. Несмотря на его недостатки, этот показатель можно считать объективным измерителем масштабов деятельности компании, поэтому в рамках данного анализа будет использоваться именно он.

Выбор конкретных факторов, анализируемых в том или ином исследовании, определяется в том числе особенностями рассматриваемой выборки и возможностью получения необходимой информации о входящих в нее компаниях. Наиболее объективными измеряемыми показателями, которые можно получить при анализе больших выборок, являются местонахождение компании, ее возраст и размер,

и именно на эти факторы направлено внимание в данной статье. Местонахождение компании определяет ее внешнюю среду, тогда как возраст и размер компании являются внутрифирменными характеристиками. Таким образом, настоящий анализ находится в русле двух направлений исследования роста фирмы.

Местонахождение компании обуславливает ее принадлежность к определенной институциональной среде, а также ее географическое положение. Географическое положение является важным фактором, формирующим те или иные конкурентные преимущества, возникающие из-за близости к источникам ресурсов или рынкам сбыта либо из-за удаленности от них. Городские компании растут быстрее сельских [12], а компании, расположенные в периферийных регионах, сталкиваются с трудностями в доступе к рынкам [10]. Качество институциональной среды измеряется силой формальных институтов, наличием государственной поддержки, культурными особенностями. Институциональный контекст способствует наиболее полному извлечению преимуществ из использования имеющихся в распоряжении компаний факторов роста. Институциональная среда низкого качества негативно сказывается на росте компаний [4]. В данной статье фактор местонахождения компании рассматривается лишь косвенно в рамках сравнения динамики развития ВТБ в разных регионах восточной части России.

Размер компании имеет существенное значение в анализе роста фирмы (см., например, [6]). Во-первых, сам процесс роста различается для разных компаний: для крупных фирм рост является показателем устойчивости, тогда как для малых он в большей мере отражает способность к выживанию. Во-вторых, размер рассматривается в качестве важного фактора роста. С одной стороны, размер компании негативно сказывается на темпах ее роста, с другой стороны, более крупные компании имеют больше возможностей для привлечения необходимых ресурсов, а также являются более устойчивыми.

Свой вклад в динамику развития компании вносит и ее возраст. В многочисленных исследованиях показывается, что в общем случае его влияние негативное [4].

Обобщая приведенные закономерности, можно сделать вывод, что быстрее растут молодые и маленькие компании, находящиеся в развитой институциональной среде и имеющие выгодное географическое положение. Сказанное справедливо для отдельно взятой компании. Вместе с тем встает вопрос, какие именно компании вносят наибольший вклад в общую динамику рынка, т.е. какие именно категории компаний определяют развитие рынка и являются локомотивами роста. Оценка вклада компаний разного размера в отраслевую динамику показывает, что для разных отраслей ключевыми являются компании разного размера [1].

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ВКЛАДА ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП КОМПАНИЙ В ДИНАМИКУ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО РЫНКА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В соответствии с целью исследования в работе оценивается динамика отдельных групп компаний, идентифицируемых по размеру и возрасту компаний. Для каждого из этих признаков выделяется четыре уровня, таким образом, вся выборка компаний разбивается на 16 групп. С течением времени компания может переходить из одной группы в другую в зависимости от индивидуальной динамики развития.

В качестве границ размерных интервалов используются границы для выделения малого, среднего и крупного бизнеса, устанавливаемые законодательно. В течение рассматриваемого периода эти границы не менялись, и в зависимости от размера получаемой в текущих ценах выручки компании считаются¹:

- при выручке менее 120 млн руб. – микропредприятиями;
- от 120 до 800 млн руб. – малыми предприятиями;
- от 800 млн до 2 млрд руб. – средними предприятиями;
- свыше 2 млрд руб. – крупными предприятиями.

¹ См.: *Постановление* Правительства РФ от 13.07.2015 № 702 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182963/.

Возрастные границы были выбраны следующим образом:

- до 3 лет – стартапы (эта граница часто используется как точка отсечения при получении государственной поддержки);
- от 3 до 5 лет – молодые компании (по статистике около половины компаний не доживают до пяти лет);
- от 5 до 10 лет – средний возраст (10 лет – срок во многих отраслях, позволяющий компании полностью реализовать и окупить достаточно крупные инвестиционные проекты с нуля и оценить ее устойчивость);
- старше 10 лет – зрелые компании.

Анализ длительного периода времени требует учета фактора инфляции, чтобы получаемые оценки отражали реальную динамику развития. Поскольку изменения цен имеют отраслевую и региональную специфику, в рамках данного исследования используются различные дефляторы для перехода к постоянным ценам для разных видов деятельности, расположенных в разных регионах².

Для оценки вклада каждой размерно-возрастной группы в динамику развития рассматриваемой отрасли в рассматриваемом регионе предлагается следующая методика, состоящая из трех шагов:

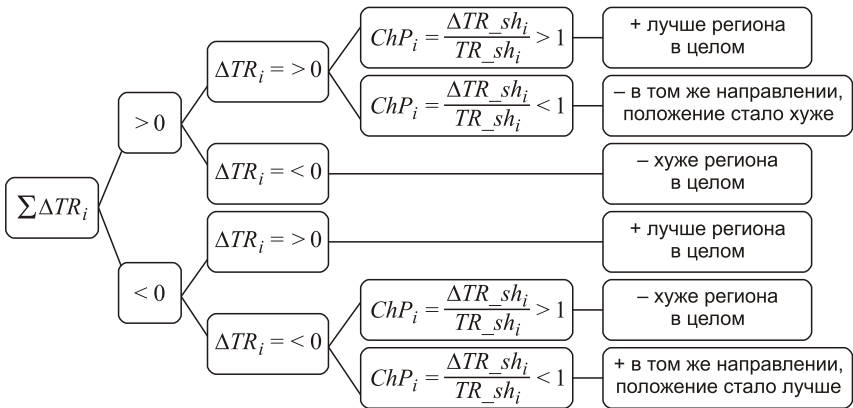
1) определение доли группы i в суммарной выручке данного вида деятельности в данном регионе в исходный момент времени (TR_sh_i);

2) определение вклада группы i в общее изменение суммарной выручки в данном регионе (TR_sh_i). Здесь необходимо учитывать, что разные группы могут демонстрировать разную динамику: одни растут, другие переживают спад, при этом общая динамика складывается

² ВТБ, на примере которого производится проверка предложенной методики, включает в себя высокотехнологичные и наукоемкие виды деятельности. Поскольку высокотехнологичные виды деятельности относятся к отраслям обрабатывающей промышленности, для компаний, связанных с этими видами деятельности, использовался индекс цен производителей (для обрабатывающей промышленности) в региональном разрезе в зависимости от места регистрации компании. Для наукоемких видов деятельности, поскольку существенную часть расходов этих компаний составляют расходы на оплату труда, – индекс потребительских цен, который также берется в региональном разрезе.

вается из соединения этих отдельных разнонаправленных изменений. Доля группы определяется как отношение абсолютного значения прироста группы к сумме абсолютных значений приростов всех групп³. На следующем шаге также будет учитываться направление изменений относительно общей динамики;

3) оценка изменения положения группы i в общей структуре суммарной выручки в данном регионе (ChP_i) как отношение TR_sh_i



Алгоритм определения изменения положения размерно-возрастной группы в структуре суммарной выручки в анализируемом регионе

Источник: составлено автором

³ Здесь следует привести условный пример, иллюстрирующий определение TR_sh_i . Пусть на рассматриваемом рынке выделяются четыре размерные группы компаний, общая выручка которых в начальном периоде составляет 15, 20, 10 и 35 ден.ед. соответственно, общий объем рынка в этом случае равняется 80 ден.ед. В следующем периоде общая выручка каждой группы составила 10, 25, 20 и 30 ден.ед. соответственно, теперь общий объем рынка составляет 85 ден.ед., т.е. наблюдается рост рынка, хотя отдельные группы демонстрируют отрицательную динамику. Приросты выручки каждой из групп составили -5, 5, 10 и -5 ден.ед. соответственно. Если применить предложенный алгоритм, вклады групп в общее изменение выручки составят: $TR\_sh_1 = |-5| / (|-5| + |5| + |10| + |-5|) = 0,2$; $TR\_sh_2 = |5| / (|-5| + |5| + |10| + |-5|) = 0,2$; $TR\_sh_3 = |10| / (|-5| + |5| + |10| + |-5|) = 0,4$; $TR\_sh_4 = |-5| / (|-5| + |5| + |10| + |-5|) = 0,2$.

к TR_{sh_i} . В самом общем случае, когда все группы развиваются в одном направлении (растут), если для группы полученное отношение оказалось больше единицы, ее вклад в суммарную выручку выше ее начальной доли, т.е. положение группы становится более заметным. На основе этой логики предлагается алгоритм определения изменения положения размерно-возрастных групп в структуре региональной выручки (см. рисунок).

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ БИЗНЕС В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Объектом настоящего исследования выступают компании ВТБ. В контексте отраслевого подхода отнесение конкретной компании к сектору ВТБ определяется принадлежностью к выделенному кругу высокотехнологичных и наукоемких отраслей с опорой на методику Росстата⁴. Такой формальный подход дает возможность проводить межрегиональные и межстрановые сравнения, обеспечивает сопоставимость получаемых различными исследователями результатов.

Настоящее исследование охватывает 14 видов высокотехнологичной и наукоемкой деятельности (из анализа исключаются некоторые виды деятельности из перечня)⁵. Выборка формируется на основе базы данных СПАРК-Интерфакс, в которой представлена ин-

⁴ См.: Приказ Росстата от 15.12.2017 № 832 (ред. от 17.01.2019) «Об утверждении Методики расчета показателей “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте” и “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации”». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285510/.

⁵ *Отрасли высокого технологического уровня*: производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования. *Отрасли высокого среднетехнологического уровня*: производство химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных

формация о деятельности компаний (данные бухгалтерской отчетности). В рамках анализа рассматривается деятельность высокотехнологичных и наукоемких компаний на региональном уровне, т.е. все компании, зарегистрированные на территории отдельного региона, объединяются в один исследовательский объект.

Методика анализа, предлагаемая в этой статье, может быть применена для любых регионов. Здесь же внимание сосредоточено на восточной части страны и рассматриваются регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. На эти регионы (21 субъект Федерации) приходится около 5% общей выручки российского ВТБ (1,37 из 27,09 трлн руб.).

В рамках анализа ВТБ чаще всего рассматриваются лидеры технологического развития – наиболее успешные компании или региональные практики. Однако представляется, что несколько отстающие компании также требуют отдельного анализа, с тем чтобы выявлять особенности их развития и оценивать возможность конвергенции. Данная статья вносит вклад в этот блок исследования ВТБ, предлагая анализ динамики развития высокотехнологичных и наукоемких компаний на востоке страны, которые если обычно и включаются в анализ, то теряются на общем фоне.

Проводимый анализ охватывает 2016–2022 гг., что позволяет отследить не только отдельные взлеты и падения, но и среднесрочные тенденции развития ВТБ. Анализируются данные о компаниях как действующих, так и ликвидированных, которые осуществляли свою деятельность на отдельных отрезках обозначенного периода. Сформированная таким образом выборка включает 51 252 компании.

Восточные регионы, как и Россия в целом, характеризуются неравномерностью распространения ВТБ. На компании восьми регионов в 2016–2022 гг. приходилось 80–86% всей выручки высокотехно-

средств и оборудования, исключая производство летательных аппаратов; производство медицинских инструментов и оборудования. *Наукоемкие отрасли:* деятельность в сфере телекоммуникаций; разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги; деятельность в области информационных технологий; деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, технических испытаний, исследований и анализа; научные исследования и разработки.

логичных и наукоемких компаний востока страны. Это Новосибирская область, Красноярский край, Кемеровская, Иркутская, Томская области, Алтайский и Приморский края, Омская область. Подвыборка компаний этих регионов включает 40 148 компаний. Далее будут рассмотрены именно эти регионы. Ограничение анализируемого множества не противоречит высказанному ранее тезису о необходимости составления полной картины развития ВТБ. Однако не включенные в анализ оставшиеся 13 восточных регионов существенно отличаются от выбранных восьми по масштабам развития ВТБ и требуют особого подхода.

Отраслевую структуру ВТБ анализируемых регионов нельзя назвать диверсифицированной (табл. 1): во всех этих регионах, кроме

Таблица 1

Отраслевая структура высокотехнологичного бизнеса анализируемых регионов, 2022 г.

Регион	Доминирующие отрасли ВТБ (более 10% в структуре общей выручки)	Суммарная доля доминирующих отраслей в общей выручке ВТБ в регионе, %	Суммарная выручка 14 видов ВТБ в регионе, млрд руб.
Новосибирская обл.	Инженерно-техническое проектирование (23,4%), разработка ПО (19,6%), химическая промышленность (10,6%), машиностроение (10,4%)	64,0	297,075
Красноярский край	Инженерно-техническое проектирование (42,8%), химическая промышленность (18,4%), машиностроение (10,9%)	72,1	179,203
Кемеровская обл.	Инженерно-техническое проектирование (39,6%), машиностроение (18,6%), химическая промышленность (17,7%)	75,9	169,690
Иркутская обл.	Химическая промышленность (32,1%), инженерно-техническое проектирование (18,6%), разработка ПО (12,4%), производство электрооборудования (13,5%)	76,5	131,016

Окончание табл. 1

Регион	Доминирующие отрасли ВТБ (более 10% в структуре общей выручки)	Суммарная доля доминирующих отраслей в общей выручке ВТБ в регионе, %	Суммарная выручка 14 видов ВТБ в регионе, млрд руб.
Томская обл.	Производство электрооборудования (38,6%), химическая промышленность (17,7%), разработка ПО (12,1%)	68,3	106,889
Алтайский край	Машиностроение (26,4%), фармацевтическая промышленность (13,8%), химическая промышленность (12,1%), инженерно-техническое проектирование (11,5%), производство прочих транспортных средств (11,0%), производство электрооборудования (10,9%)	85,6	99,842
Приморский край	Инженерно-техническое проектирование (45,0%), автомобильная промышленность (15,0%)	60,0	99,155
Омская обл.	Химическая промышленность (44,8%), машиностроение (16,5%), инженерно-техническое проектирование (13,3%), разработка ПО (12,6%)	87,1	87,332

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

Алтайского края, всего на две-четыре отрасли приходится более 70% общей выручки регионального ВТБ. Ключевыми видами деятельности являются инжиниринг, который присутствует во всех регионах, и химическая промышленность, занимающая заметное место в отраслевой структуре ВТБ половины рассматриваемых регионов.

Несмотря на то что доминирующими в анализируемых регионах оказались ограниченное число видов высокотехнологичной и наукоемкой деятельности, отраслевая структура ВТБ выбранных регионов разнородна. Это заставляет предположить, что в разных регионах ключевыми категориями компаний окажутся компании разных размерно-возрастных групп.

СТРУКТУРА ОБЩЕЙ ВЫРУЧКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ И НАУКОЕМКИХ КОМПАНИЙ В АНАЛИЗИРУЕМЫХ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Прежде чем переходить к реализации предложенного алгоритма анализа, следует обратиться к структуре множества компаний ВТБ по размеру и возрасту. В целом по анализируемым регионам в 2022 г. 92% компаний были микропредприятиями и на них приходилось 17% суммарной выручки. Бóльшая же часть выручки (46%) была получена крупными компаниями, которые занимали всего 1% среди всех компаний. Количество зрелых компаний в 2022 г. составило 40%, а их доля в суммарной выручке – 65%. Стартапы сгенерировали 11% суммарной выручки, занимая 22% общего числа компаний. При этом необходимо отметить, что структура числа компаний по размеру по сравнению с 2016 г. изменилась несущественно (тогда в целом по анализируемым регионам микропредприятиями были 95% компаний, а крупными – менее 1%), в то время как возрастная структура ощутимо изменилась: в 2016 г. 34% компаний были стартапами и 26% – зрелыми. Структура же суммарной выручки изменилась не столь существенно ни по размеру компаний, ни по возрасту: 51% выручки получали крупные компании, тогда как на микропредприятия приходилось 18%, зрелые компании давали 61% суммарной выручки, а доля стартапов составляла 8%.

В соответствии с описанным алгоритмом на первом шаге анализируется структура общей выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний в выделенных регионах (табл. 2). Для оценки общего направления происходящих изменений рассматриваются крайние точки периода: 2016 и 2022 гг. Рассмотрение граничных точек периода позволяет нивелировать отдельные случайные выбросы, когда рост компании в одном периоде не связан с достижением высоких темпов роста в последующих, что не учитывают существующие модели оценки роста фирм, и это является их недостатком [9; 11].

Несмотря на то что в количественном измерении крупных компаний не так много, они формируют основную выручку ВТБ, при этом возраст крупных компаний различается по регионам. В большинстве

Таблица 2

Структура общей выручки высокотехнологичных и наукоемких компаний в анализируемых регионах

Регион	2016			Коэфф. вариации струк-туры	2022			Коэфф. вариации струк-туры
	Размерно-возрастные группы, занимающие наибольшую долю в структуре общей выручки (доля, %)				Размерно-возрастные группы, занимающие наибольшую долю в структуре общей выручки (доля, %)			
	1-е место	2-е место	3-е место		1-е место	2-е место	3-е место	
Новосибир-ская обл.	Крупные зрелые (18,0)	Малые зрелые (16,7)	Средние зрелые (9,9)	0,75	Крупные зрелые (19,7)	Малые зрелые (13,4)	Средние зрелые (10,3)	0,74
Краснояр-ский край	Крупные зрелые (30,9)	Средние зрелые (15,9)	Крупные среднего возраста (15,4)	1,03	Крупные зрелые (46,4)	Малые зрелые (10,7)	Крупные стартапы (7,8)	1,64
Кемеров-ская обл.	Крупные зрелые (50,9)	Средние зрелые (14,6)	Малые зрелые (11,1)	1,77	Крупные зрелые (51,6)	Средние зрелые (12,3)	Малые зрелые (8,7)	1,93
Иркутская обл.	Крупные зрелые (50,7)	Малые зрелые (13,4)	Микро- и средние зрелые (по 5,2)	1,72	Крупные зрелые (47,8)	Малые зрелые (11,4)	Микро-зрелые (7,6)	1,76
Томская обл.	Крупные зрелые (38,1)	Крупные среднего возраста (17,6)	Малые зрелые (8,1)	1,31	Крупные зрелые (37,3)	Малые зрелые (14,0)	Средние зрелые (10,7)	1,35
Алтайский край	Крупные зрелые (42,4)	Малые зрелые (14,0)	Средние зрелые (10,9)	1,28	Крупные зрелые (36,9)	Малые зрелые (14,8)	Средние зрелые (11,5)	1,26
Примор-ский край	Крупные молодые (37,0)	Крупные зрелые (21,0)	Малые зрелые (9,2)	1,41	Крупные зрелые (21,7)	Крупные стартапы (14,3)	Малые зрелые (7,7)	0,80
Омская обл.	Крупные зрелые (59,0)	Малые зрелые (6,9)	Средние зрелые (4,7)	2,01	Крупные зрелые (48,3)	Малые зрелые (12,9)	Микро-зрелые (8,9)	1,50

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

рассматриваемых регионов в 2016 г. наибольшая доля (30–60%) приходилась на зрелые крупные компании, что сопоставимо со среднероссийской структурой, в которой эта группа занимает 51%. Кроме того, в Красноярском крае и Томской области заметной является группа крупных компаний среднего возраста. В ряду исследуемых регионов особо выделяются два: Новосибирская область и Приморский край. В Приморском крае доминирующей группой выступают молодые крупные компании, при этом заметными также являются зрелые крупные компании, однако их доля в общей структуре выручки несколько ниже. В Новосибирской области наиболее равномерная структура общей выручки ВТБ по сравнению с другими регионами, и лидирующие позиции здесь занимают группы зрелых компаний малого и крупного размеров, доли которых практически равны. Привлекают внимание и зрелые компании: среднего размера в Красноярском и Алтайском краях, малые – в Кемеровской и Иркутской областях и Алтайском крае. Таким образом, чем старше и крупнее высокотехнологичные и наукоемкие компании, тем больший вклад они вносят в генерируемую выручку сектора, даже несмотря на немногочисленность этих групп компаний.

В 2022 г. лидирующей во всех рассматриваемых регионах стала группа крупных зрелых компаний, хотя абсолютное значение ее доли скорее немного снизилось, как и в целом по России. Зрелые компании также продолжают выделяться: малые – в Новосибирской, Иркутской, Томской и Омской областях, в Красноярском и Алтайском краях, средние – в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях и Алтайском крае. Особый интерес вызывает кейс Приморского края, где на втором месте в структуре общей выручки ВТБ оказались крупные стартапы, причем их отставание от группы крупных зрелых компаний не столь существенно.

Наблюдаемое доминирование одной размерно-возрастной группы не подтверждает выдвинутое ранее предположение о том, что в разных регионах ключевыми должны быть разные категории компаний, основанное на различиях отраслевой структуры ВТБ анализируемых регионов, хотя полностью и не опровергает его.

Следует также отметить неравномерность структуры общей выручки ВТБ в восточных регионах как в 2016, так и в 2022 г. Высокая неравномерность структуры общей выручки, измеренная коэффициентом вариации, означает, что выделяются одна или две размерно-возрастные группы, которые и генерируют практически всю выручку, а остальные группы вносят лишь небольшой вклад. При этом наименее неравномерной является структура общей выручки в Новосибирской области, где практически всегда были представлены все выделенные группы. В течение рассматриваемого периода времени неравномерность структуры общей выручки практически не менялась, исключением здесь являются Красноярский край, где неравномерность выросла, Омская область и Приморский край, где структура стала более равномерной. В Красноярском крае сильнее всего выросла и отраслевая концентрация, но ключевые виды деятельности при этом остались теми же. В Омской области и Приморском крае, в отличие от остальных рассматриваемых регионов, значительно изменилась отраслевая структура регионального ВТБ. Так, в Омской области в 2016 г. двумя ключевыми высокотехнологичными отраслями были машиностроение и химическая промышленность, и вклад их в суммарную выручку ВТБ региона находился на одном уровне, но в 2022 г. доля химической промышленности была уже почти в три раза выше. В Приморском крае сменился доминирующий вид ВТБ — с автомобилестроения в 2016 г. на инженерно-технологическое проектирование в 2022 г. Описанные изменения отраслевой структуры последних двух регионов можно рассматривать в русле движения к большей представленности более мелких компаний, что и подтверждается снижением неравномерности структуры суммарной выручки.

Представленный анализ динамики общей выручки отражает изменения ее структуры, при этом вопрос о том, из-за чего происходят эти изменения, остается за рамками анализа. Описанный выше алгоритм как раз позволяет ответить на этот вопрос и выделить группы компаний, которые демонстрировали динамику лучше или хуже общерегиональной.

Прежде чем переходить непосредственно к результатам анализа, необходимо отметить, что состав размерно-возрастных групп меня-

ется в течение периода. Во-первых, компании могут расти или становиться меньше, перемещаясь тем самым из одной размерной группы в другую. Во-вторых, с учетом того, что анализируемый период охватывает семь лет, а первые две возрастные группы включают в себя компании моложе пяти лет, по крайней мере они, если продолжают деятельность, перешли в 2022 г. в следующие возрастные группы по сравнению с 2016 г. Таким образом, как минимум группы стартапов и молодых компаний всех размеров полностью обновились. Однако если выручка этих групп компаний стабильно регистрируется в данном регионе, это означает, что существующая в нем среда благоприятствует появлению новых компаний.

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕЙ ВЫРУЧКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ И НАУКОЕМКИХ КОМПАНИЙ В АНАЛИЗИРУЕМЫХ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

За анализируемый период в половине рассматриваемых регионов общая выручка ВТБ выросла в реальном измерении, а в половине – сократилась. Поскольку в предложенном выше алгоритме направление общей динамики важно, успешные и неуспешные регионы будут рассмотрены отдельно.

В таблице 3 приведены приросты выручки каждой размерно-возрастной группы в регионах, где в реальном выражении ВТБ вырос за анализируемый период, а также изменения долей групп, рассчитанные так, как предложено на третьем шаге представленного алгоритма. Несмотря на общий рост, в каждом регионе есть группы, выручка которых сократилась.

В Новосибирской области компании среднего возраста и зрелые в большинстве своем демонстрируют положительную динамику. Ситуация со стартапами противоречивая: в целом компании этого возраста увеличили свою выручку, однако это произошло только за счет крупных стартапов, все остальные стартапы уменьшились в размере. Наблюдаемые результаты говорят о том, что стартапы в Новосибирской области создаются и успешны, при этом возникающие стартапы

Таблица 3

Динамика развития отдельных категорий компаний в анализируемых регионах, демонстрирующих прирост общей выручки ВТБ в реальном выражении в 2016–2022 гг.

Размер компаний	Прирост общей выручки группы, млн руб.				ChP_i			
	Старт-апы	Молодые	Средние	Зрелые	Старт-апы	Молодые	Средние	Зрелые
<i>Новосибирская обл., прирост общей выручки: 36 391 млн руб.</i>								
Микро-	-7 147	-1 591	2 240	3 303	-1,28	-0,70	0,55	0,73
Малые	-2 127	126	6 222	-467	-0,64	0,05	1,32	-0,04
Средние	-410	-157	5 548	4 436	-0,30	-0,27	3,70	0,71
Крупные	13 923	3 876	-1 350	9 968		2,09	-0,50	0,88
<i>Красноярский край, прирост общей выручки: 15 585 млн руб.</i>								
Микро-	-2 037	-1 085	304	2 495	-0,60	-0,54	0,08	0,56
Малые	1 679	771	923	4 425	1,40	1,15	0,20	0,67
Средние	666		-514	-11 038			-0,15	-0,87
Крупные	10 026	1 591	-17 439	24 818			-1,42	1,01
<i>Кемеровская обл., прирост общей выручки: 20 039 млн руб.</i>								
Микро-	-1 408	-254	191	1 894	-1,40	-0,57	0,21	1,40
Малые	-505	780	3 096	-643	-1,26	3,08	3,58	-0,21
Средние	-851	545	171	302	-3,57	0,99	0,43	0,08
Крупные	1 766	1 965	1 991	11 000				0,79
<i>Алтайский край, прирост общей выручки: 4 171 млн руб.</i>								
Микро-	-1 190	-100	-150	2 100	-1,63	-0,33	-0,21	2,86
Малые	1 559	-1 321	528	1 122	3,97	-3,00	0,76	0,60
Средние	809		379	862			0,98	0,59
Крупные	1 457			-1 884				-0,33

Примечание: – компаний, относящихся к размерно-возрастной группе, не было в 2016 г.

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

могут сразу оказаться и крупными компаниями, здесь речь идет о компаниях, занятых разработкой ПО. Именно эта группа крупных стартапов является лидером по абсолютному увеличению прироста выручки. Следует отметить, что группа микростартапов демонстрирует отрицательную динамику во всех регионах.

В Красноярском крае, несмотря на то что меньшее число размерно-возрастных групп столкнулись с сокращением выручки, общее увеличение суммарной выручки в регионе оказалось меньше, чем в Новосибирской области. Это связано тем, что падение в этих группах было существенным. Наименее успешными здесь оказались крупные компании среднего возраста, а также средние зрелые компании. При этом показатели этих групп упали сильнее всего во всех успешных восточных регионах.

В Кемеровской области также только пять групп демонстрируют отрицательную динамику, при этом падение здесь небольшое, что и отражается в достаточно высоких общих показателях роста.

В Алтайском крае наблюдается самый низкий общий прирост суммарной выручки среди компаний ВТБ в анализируемых восточных регионах. Все группы здесь демонстрируют примерно равный рост, хотя в некоторых и наблюдается падение, но также не столь существенное. Здесь нет ни явных лидеров, ни явных аутсайдеров роста.

Зеленым цветом в табл. 3 выделены группы компаний, которые улучшили свой вклад в структуру общей выручки в регионе. Жирным зеленым шрифтом выделены группы, показавшие наибольший абсолютный прирост выручки, а жирным красным – наибольшее падение. Следует отметить, что за рассматриваемый период появились отдельные группы компаний, которых не было в его начале. В первую очередь здесь речь идет о крупных стартапах. Таких компаний не было ни в одном успешном регионе, но к концу периода они появились и вносят заметный вклад в общую выручку региона в Новосибирской области и Красноярском крае. Несмотря на то что численно таких компаний единицы, они выделяются среди компаний ВТБ. Феномен возникновения крупных стартапов находится за рамками настоящей статьи, однако следует отметить, что все они относятся к той части ВТБ, которая занята предоставлением наукоемких услуг.

Как было показано выше, ключевой в структуре общей выручки была группа крупных зрелых компаний. Ее положение ухудшилось во всех успешных регионах, кроме Красноярского края. Причем в Алтайском крае происходит абсолютное сокращение выручки, а в Новосибирской и Кемеровской областях, несмотря на рост реальной выручки таких компаний, вклад данной группы в общий рост оказался ниже ее доли в изначальной структуре, что и привело к относительному ухудшению положения этих компаний.

В остальных четырех рассматриваемых регионах наблюдается сокращение общей выручки компаний ВТБ (табл. 4). Здесь также ситуация неравномерна по группам компаний: несмотря на общую отрицательную динамику, отдельные размерно-возрастные группы демонстрируют рост выручки. Общая отрицательная динамика в этих регионах складывается потому, что успешных групп меньше, чем тех, кто столкнулся с падением выручки (исключение здесь составляет Приморский край).

Ситуация в Иркутской области близка к ситуации в Алтайском крае, где нет явно быстро растущих или резко снижающих свои показатели групп компаний, при этом общая сумма выручки здесь оказалась все же отрицательной.

В Томской области примерно в половине групп общая выручка сократилась, а в половине – выросла, однако падение оказалось более существенным, чем рост, поэтому фиксируется сокращение общей выручки. Наименее успешными здесь являются крупные компании, наиболее успешными – средние.

Абсолютным аутсайдером оказалась Омская область. Здесь в большинстве групп фиксируется падение общей выручки, причем падение достаточно серьезное. Хуже всего себя чувствовали крупные зрелые компании: они не просто столкнулись с падением выручки, но часть из них перестала существовать (это компании, занятые производством компьютеров и производством летательных аппаратов). Кроме того, некоторые машиностроительные компании перестали раскрывать данные, что может трактоваться как уход с открытого рынка.

Приморский край ближе к успешным регионам, здесь падение общей выручки наблюдается только в пяти размерно-возрастных

Таблица 4

Динамика развития отдельных категорий компаний в анализируемых регионах, демонстрирующих падение общей выручки ВТБ в реальном выражении в 2016–2022 гг.

Размер компаний	Прирост общей выручки группы, млн руб.				ChP_i			
	Старт-апы	Молодые	Средние	Зрелые	Старт-апы	Молодые	Средние	Зрелые
<i>Томская обл., падение общей выручки: –11 406 млн руб.</i>								
Микро-	–1 639	–499	–1 607	2 465	–1,06	–0,63	–0,77	1,24
Малые	–1 198	–1 503	885	3 416	–1,39	–1,90	0,67	1,10
Средние	641	646	2 153	3 139			3,02	1,48
Крупные		–3 491	–9 844	–4 968		–2,24	–1,47	–0,34
<i>Иркутская обл., падение общей выручки: –993 млн руб.</i>								
Микро-	–1 490	–847	148	1 968	–1,88	–1,95	0,18	1,99
Малые	663	16	1 011	–1 857	3,26	0,03	1,58	–0,73
Средние	916	1 684	–379	–2 439			–1,02	–2,47
Крупные		1 987	560	–2 934		4,14	0,94	–0,31
<i>Приморский край, падение общей выручки: –3 769 млн руб.</i>								
Микро-	–385	93	1 086	1 791	–0,17	0,09	0,47	0,71
Малые	4 900	1 752	2 496	–1 366	9,89	17,08	2,72	–0,26
Средние	4 047	973	195	2 121			0,20	0,76
Крупные	7 068	–26 584	–1 613	–342	3,36	–1,27	–0,51	–0,03
<i>Омская обл., падение общей выручки: –20 971 млн руб.</i>								
Микро-	–1 884	–481	15	1 783	–1,23	–0,70	0,01	1,08
Малые	–794	–1 484	2 745	2 256	–1,13	–1,51	2,40	0,90
Средние	–1 680		–480	821	–2,30		–0,96	0,49
Крупные			–2 804	–18 985			–2,30	–0,89

Примечание: – компаний, относящихся к размерно-возрастной группе, не было в 2016 г.

Источник: расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс.

группах. Однако поскольку молодые крупные компании столкнулись с существенным падением выручки, общий итог – падение суммарной выручки в регионе. Здесь следует еще раз отметить, что падение выручки крупных молодых компаний, которые занимали наибольшую долю в структуре общей выручки Приморского края, не обязательно означает, что конкретно эти организации стали настолько менее успешными. Те компании, которые входили в группу крупных молодых на старте периода, в конце его стали зрелыми компаниями. Поскольку общая выручка крупных зрелых компаний в Приморском крае, как практически везде, все же сократилась, следует предположить, что крупные молодые компании, успешные в 2016 г., все-таки сталкиваются с существенными проблемами в своем развитии.

В таблице 4 также зеленым цветом выделены группы компаний, которые улучшили свое положение относительно старта. Здесь это группы компаний, выручка которых выросла в противовес общерегиональному падению. Жирным зеленым шрифтом выделены группы, показавшие наибольший абсолютный прирост выручки, а жирным красным – наибольшее падение. Несмотря на то что крупные зрелые компании в неуспешных восточных регионах столкнулись с сокращением общей выручки, в целом их доля в общей структуре региональной выручки не уменьшилась, поскольку падение их выручки оказалось в относительных показателях меньше, чем общерегиональное.

В таблице 5 приводится сводная оценка динамики выручки по размерно-возрастным группам высокотехнологичных и наукоемких компаний анализируемых восточных регионов России. В каждом регионе выделяются группы-локомотивы, которые определяют общерегиональную динамику и вклад которых в рост больше их доли в первоначальной структуре выручки для растущих регионов и меньше – для регионов с падающими показателями. Кроме того, выделены группы компаний, демонстрирующих максимальный абсолютный и относительный рост доли в структуре общей выручки. Именно компании, относящиеся к выделенным размерно-возрастным группам, и определяют динамику развития ВТБ в рассматриваемых регионах восточной части страны.

Таблица 5
Ключевые размерно-возрастные группы компаний высокотехнологичного бизнеса в анализируемых регионах

Регион	Изменение выручки в одном направлении с региональными изменениями	Локомотивы роста	Максимальный относительный рост доли в структуре общей выручки	Максимальный абсолютный рост доли в структуре общей выручки
Новосибирская обл. (+)	В основном среднего возраста и зрелые	Малые и средние среднего возраста, молодые крупные	Средние среднего возраста	Крупные стартапы
Красноярский край (+)	Малые всех возрастов, микро- среднего возраста и зрелые	Малые стартапы и молодые	Малые стартапы	Крупные стартапы
Кемеровская обл. (+)	Крупные всех возрастов, средние, кроме стартапов, малые молодые и среднего возраста, микро- среднего возраста и зрелые	Малые молодые и среднего возраста, зрелые микро-	Малые среднего возраста	Малые среднего возраста
Алтайский край (+)	Стартапы больше малых, малые и средние среднего возраста, зрелые от микро- до средних	Малые стартапы, зрелые микро-	Малые стартапы	Зрелые микро-
Иркутская обл. (-)	Микро- стартапы и молодые, средние старше среднего возраста и зрелые крупнейшие малых	Зрелые малые и крупные	Крупные молодые	Крупные молодые, зрелые микро-
Томская обл. (-)	Микро- от стартапов до среднего возраста, малые стартапы, молодые и крупные	Микро- молодые и среднего возраста, крупные зрелые	Средние среднего возраста	Зрелые малые
Приморский край (-)	Микро- стартапы, крупные старше молодых, малые зрелые	Микро- стартапы, малые зрелые, крупные старше среднего возраста	Молодые малые	Крупные стартапы
Омская обл. (-)	Стартапы и молодые всех размеров, среднего возраста крупнейшие средних, крупные зрелые	Молодые микро-, средние среднего возраста, крупные зрелые	Малые среднего возраста	Малые зрелые

Примечание: «+» – рост общей выручки ВТБ в регионе, «-» – падение общей выручки ВТБ в регионе.

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление факторов роста компаний чрезвычайно важно для определения направлений государственной поддержки бизнеса. При этом надо не только понимать причины, лежащие в основе развития отдельных компаний, но и идентифицировать группы компаний, которые вносят наибольший вклад в региональную или отраслевую динамику. Методика, разработанная в рамках представленного исследования, позволяет определять, какие категории компаний являются локомотивами роста в рассматриваемых регионах.

На первом шаге компании, действующие на территории каждого из анализируемых регионов, группируются в соответствии с их размером и возрастом, таким образом формируются размерно-возрастные группы компаний. Далее определяется доля каждой группы в структуре общей выручки рассматриваемого региона. Затем определяются доли каждой группы в общем изменении выручки региона. И наконец, оценивается изменение положения каждой размерно-возрастной группы в структуре региональной выручки.

Предложенная методика позволяет выделять наиболее и наименее динамично развивающиеся типы компаний, а также оценивать их вклад в формирование отраслевой или региональной динамики. Проводимая оценка в дальнейшем может быть использована для более глубокого дифференцированного анализа факторов и барьеров роста компаний, с тем чтобы выявить наиболее уязвимые точки на этапах жизненного цикла компании.

Проверка разработанной методики на примере ВТБ в восточных регионах России показала, что на старте анализируемого периода (2016 г.) ключевыми размерными группами практически во всех регионах, за исключением Приморского края, были крупные зрелые компании, а в Приморском крае на первом плане оказались крупные молодые компании. В конце периода, в 2022 г., доминирующей группой во всех регионах стали крупные зрелые компании.

В анализируемый период времени динамика развития ВТБ в рассматриваемых регионах была разнонаправленной: в части регионов наблюдался рост суммарной выручки высокотехнологичных и науко-

емких компаний в реальном измерении, тогда как в отдельных регионах зафиксировано падение суммарных объемов ВТБ. Разработанная методика позволила выделить категории компаний, обеспечивших основной прирост общей выручки в своих регионах. В Новосибирской области и Приморском крае это крупные компании среднего возраста, в Красноярском крае и Кемеровской области – крупные зрелые компании, в Иркутской области – крупные молодые, в Томской области – малые зрелые, в Алтайском крае – зрелые микропредприятия и в Омской области – малые компании среднего возраста. При этом лучше рынка в целом развиваются средние компании среднего возраста в Новосибирской и Томской областях, малые стартапы в Красноярском и Алтайском краях, малые компании среднего возраста в Кемеровской и Омской областях, крупные молодые в Иркутской области и малые молодые в Приморском крае. В условиях ограниченности ресурсов для поддержки развития высокотехнологичного бизнеса именно эти выделенные категории компаний могут стать опорой, на которую следует обратить первоочередное внимание для достижения устойчивых темпов роста регионального ВТБ.

В фокусе данной статьи восточные регионы России и компании, относящиеся к ВТБ. Вместе с тем предложенная методика не является специфичной и может быть использована для анализа и других примеров. Универсальность методики обеспечивает сравнимость результатов исследования развития других отраслей и регионов.

*Статья подготовлена в рамках выполнения проекта
Государственного задания 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001)
«Экспертно-аналитические, организационные и методические
составляющие системы индикативного планирования
научно-технологического и сбалансированного пространственного
развития России при реализации крупных инвестиционных проектов»*

Список источников

1. Блохин А.А., Головань М.В., Гридин Р.В. Вклад крупных, средних и малых компаний в отраслевую динамику // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 1 (196). – С. 78–89. DOI: 10.47711/0868-6351-196-78-89.

2. Земцов С.П., Маскаев А.Ф. Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // *Инновации*. – 2018. – № 6 (236). – С. 30–38.
3. *Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз*: Научный доклад / Под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широва. – М.: Артик Принт, 2022. – 296 с. DOI: 10.47711/sr2-2022.
4. Широкова Г.В., Скалецкий Е.В. Основные направления исследований роста фирмы: анализ литературы // *Современная конкуренция*. – 2016. – № 2 (56). – С. 77–106.
5. Юданов А.Ю., Яковлев А.А. «Неортодоксальные» быстрорастущие фирмы-«газели» и порядок ограниченного доступа // *Вопросы экономики*. – 2018. – № 3. – С. 80–101.
6. Aldrich H., Auster E. Even dwarfs started small: Liabilities of size and age and their strategic implications // *Research in Organizational Behavior*. – 1986. – Vol. 8. – P. 165–198.
7. Anyadike-Danes M., Bjunggren C.M., Gottschalk S., Hotzl W., Johansson D., Maliranta M., Myrann A. An international cohort comparison of size effects on job growth // *Small Business Economics*. – 2015. – Vol. 44, No. 4. – P. 821–844.
8. Audrestch D., Coad A., Segarra A. Firm growth and innovation // *Small Business Economics*. – 2014. – Vol. 43, No. 4. – P. 743–749.
9. Federico J.S., Capelleras J. The heterogeneous dynamics between growth and profits: the case of young firms // *Small Business Economics*. – 2015. – Vol. 44, No. 2. – P. 231–254.
10. Felzensztein C., Gimmon E., Aqueveque C. Entrepreneurship at the periphery: Exploring framework conditions in core and peripheral locations // *Entrepreneurship Theory and Practice*. – 2013. – Vol. 37, No. 4. – P. 815–835.
11. Headd B., Kirchhoff B. The growth, decline and survival of small businesses: An exploratory study of life cycles // *Journal of Small Business Management*. – 2009. – Vol. 47, No. 4. – P. 47–57.
12. Loof H., Nabavi P. Survival, productivity and growth of new ventures across locations // *Small Business Economics*. – 2014. – Vol. 43, No. 2. – P. 477–491.

Информация об авторе

Халимова София Раисовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: sophiakh@academ.org.

DOI: 10.15372/REG20240406

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 143–170

S.R. Khalimova

ASSESSING THE CONTRIBUTIONS OF COMPANIES BY AGE AND SIZE TO REGIONAL MARKET DEVELOPMENT

This article, building on theories that explore the causes and factors of company growth, focuses on identifying growing companies as a key element in developing high-tech businesses. It presents a methodology for categorizing companies that influence regional market dynamics, where the regional market is defined as the set of companies within a specific region. The categorization is based on company size (four levels) and age (four levels), grouping companies from each region into 16 distinct size and age categories. This methodology is tested against high-tech business development in Russia's eastern regions. Despite regional variations in the revenue structure of high-tech businesses, large mature companies are found to dominate across all regions. Analyzing the contribution of different size and age groups to overall regional revenue growth reveals the groups driving growth in each region. Targeted state support for these key groups could have a more significant impact on regional economic development. The proposed methodology can also be applied to assess growth dynamics in other industries and regions.

Keywords: high-tech business; high-tech companies; knowledge-intensive companies; company size; company age; growth; Russia's eastern regions

For citation: Khalimova, S.R. (2024). Otsenka vklada kompaniy raznogo vozrasta i razmera v razvitie regionalnykh rynkov [Assessing the contributions of companies by age and size to regional market development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 143–170. DOI: 10.15372/REG20240406.

The research was carried out within the State Assignment Project 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) titled “Expert-analytical, organizational, and methodological components of the system for indicative planning of scientific-technological and balanced spatial development of Russia in the implementation of large investment projects”

References

1. *Blokhin, A.A., M.V. Golovan & R.V. Gridin.* (2023). Vklad krupnykh, srednikh i malykh kompaniy v otraslevuyu dinamiku [The contribution of large, medium and small companies to industry dynamics]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1 (196), 78–89. DOI: 10.47711/0868-6351-196-78-89.
2. *Zemtsov, S.P. & A.F. Maskaev.* (2018). Bystrorastushchie firmy v Rossii: kharakteristiki i faktory rosta [Fast-growing firms in Russia: Characteristics and growth factors]. *Innovatsii* [Innovations], 6 (236), 30–38.
3. *Shirov, A.A.* (Ed.). (2022). Potentsialnye vozmozhnosti rosta rossiyskoy ekonomiki: analiz i prognoz: Nauchnyy doklad [Potential Growth Opportunities for the Russian Economy: Analysis and Forecast. Scientific Report]. Moscow, Artik Print Publ., 296. DOI: 10.47711/sr2-2022.
4. *Shirokova, G.V. & E.V. Skaletskii.* (2016). Osnovnye napravleniya issledovaniy rosta firmy: analiz literatury [The main directions of firm growth research: Findings from literature review]. *Sovremennaya konkurentsia* [Journal of Modern Competition], Vol. 10, No. 2 (56), 77–106.
5. *Yudanov, A.Yu. & A.A. Yakovlev.* (2018). “Neortodoksalnye” bystrorastushchie firmy–“gazeli” i poryadok ogranichenogo dostupa [“Unorthodox” fast-growing firms (gazelles) and North’s limited access order]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 3, 80–101.
6. *Aldrich, H. & E. Auster.* (1986). Even dwarfs started small: Liabilities of size and age and their strategic implications. *Research in Organizational Behavior*, 8, 165–198.
7. *Anyadike-Danes, M., C.M. Bjunggren, S. Gottschalk, W. Hotzl, D. Johansson, M. Maliranta & A. Myrann.* (2015). An international cohort comparison of size effects on job growth. *Small Business Economics*, Vol. 44, No. 4, 821–844.
8. *Audretsch, D., A. Coad & A. Segarra.* (2014). Firm growth and innovation. *Small Business Economics*, Vol. 43, No. 4, 743–749.
9. *Federico, J.S. & J. Capelleras.* (2015). The heterogeneous dynamics between growth and profits: the case of young firms. *Small Business Economics*, Vol. 44, No. 2, 231–254.
10. *Felzensztein, C., E. Gimmon & C. Aqueveque.* (2013). Entrepreneurship at the periphery: Exploring framework conditions in core and peripheral locations. *Entrepreneurship Theory and Practice*, Vol. 37, No. 4, 815–835.
11. *Headd, B. & B. Kirchoff.* (2009). The growth, decline and survival of small businesses: An exploratory study of life cycles. *Journal of Small Business Management*, Vol. 47, No. 4, 47–57.
12. *Loof, H. & P. Nabavi.* (2014). Survival, productivity and growth of new ventures across locations. *Small Business Economics*, Vol. 43, No. 2, 477–491.

About Author

Khalimova, Sofiya Raisovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: sophiakh@academ.org.

Поступила в редколлегию 21.05.2024.

После доработки 10.09.2024.

Принята к публикации 16.09.2024.

© Халимова С.Р., 2024

Н.М. Сысоева

УКОРЕНЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ

Для выявления внутренних ресурсов развития территории на основе человеческого капитала в данной работе выделен сектор регионального хозяйства, связанный с экономической активностью местного населения. Для характеристики сектора использовано понятие укорененности экономических действий в региональном сообществе. Критерием укорененности экономики предложено считать долю доходов местного населения от предпринимательства и собственности, отражающую степень вовлеченности в рыночные отношения регионального сообщества как субъекта экономических процессов. Рассматриваются пространственные различия в степени укорененности с выделением ресурсных регионов Сибири, где основу экономики составляет деятельность внешних для этих регионов корпораций по добыче и первичной переработке сырья. Степень развития укорененного сектора, особенно в сферах, связанных с интеллектуальной деятельностью, влияет на закрепление наиболее активной и образованной части населения в восточных районах. Результаты исследования могут быть применены в региональном социально-экономическом планировании, которое должно сместить акценты с ресурсного потенциала на человеческий потенциал через приоритетное развитие укорененного сектора экономики.

Ключевые слова: укорененность экономики; ресурсный регион; собственность; предпринимательство; интеллектуальная деятельность; региональное планирование

Для цитирования: Сысоева Н.М. Укорененный сектор экономики в сибирских регионах // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 171–191. DOI: 10.15372/REG20240407.

ВВЕДЕНИЕ

Новые геополитические условия усиливают необходимость активизации внутренних ресурсов территорий для стимулирования экономического развития. Бюджетная реформа 2004–2005 гг. значительно сузила возможности регионов проводить самостоятельную экономическую политику, и долгое время суть региональной политики на федеральном уровне составляло перераспределение средств в той или иной форме. Однако очевидно, что реализуемость такого подхода ограничивается с сокращением бюджетных возможностей, и на повестке дня стоит поиск новых форм и стимулов для территориального развития.

В последние годы говорится о необходимости опоры на человеческий капитал как фактор благополучия регионов. Обсуждаются понятие человеческого капитала как основы инновационного развития, активизация человеческого потенциала на конкретных территориях [5; 14]. Население региона всегда фигурирует в стратегиях и программах развития, однако не в качестве главного актора, а как пассивный источник рабочей силы и потребитель произведенных товаров и услуг, для которого в программах предполагается создать рабочие места и улучшить социальную сферу. Поиски внутренних резервов в стратегиях социально-экономического развития всех уровней начинаются с природных ресурсов. Основу планирования составляют отрасли специализации, производящие торгуемую в рамках межрегиональных потоков продукцию и выступающие ядром хозяйственного комплекса. При этом одной из первоочередных задач региональных и местных органов власти, показателем их работоспособности и эффективности рассматривается развитие предпринимательства, расширение малого и среднего бизнеса.

Однако ставка на предпринимательство невозможна без восприятия местного сообщества как субъекта экономической деятельности, а не как источника одного из факторов производства. Проблема субъектности местных сообществ, включая региональные, рассматривается с разных сторон – социокультурной, политической и т.д. [1; 2; 4], что определяет характер влияния этих сообществ на экономическое

развитие территории. Это важно еще и потому, что пассивное участие в экономической деятельности накапливает потенциал отчужденности от происходящих процессов, который может формировать значительные слои населения, считающего себя обделенным при данных экономических отношениях, и в кризисные периоды эти явления могут приводить к социальным протестам и столкновениям.

В настоящей работе особое внимание уделяется регионам Сибири с ресурсной специализацией, большая часть из которых испытывает отток населения, что усугубляет проблему реализации «восточного вектора» в экономической политике страны.

МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Для осознания субъектности регионального сообщества в социально-экономическом развитии территории необходимо выделение той части ее экономики, которая зависит от действий резидентов региона, их потенциала и сложившихся сетей взаимодействия.

Система планирования социально-экономического развития субъекта Федерации, основанная на производственном принципе, пришла из планового хозяйства, когда государство являлось собственником производственных мощностей. Но в рыночных условиях право собственности на активы отраслей специализации перестало связываться с территориями базирования производства, эти предприятия «ушли из регионов». Сосредоточение активов во внешних для регионов корпорациях начало сказываться на инвестиционной деятельности, распределении прибыли и побудительных мотивах расширения, диверсификации и модернизации существующих предприятий. Особенно это характерно для регионов, где преобладают добыча и первичная переработка полезных ископаемых и где велика концентрация капитала вследствие эффективности функционирования крупных корпораций.

Остальная часть хозяйственного комплекса к настоящему времени даже не обрела единого обозначения в рамках региональной экономики и рассматривается как антитеза деятельности корпораций.

В работах, где исследуются взаимоотношения крупного бизнеса с территориями, противопоставляются главным образом два типа экономических агентов. Например, В.И. Нефедкин называет их экстерриториальными и локальными агентами и указывает, что у последних хозяйственная деятельность и основные экономические интересы непосредственно связаны с территорией [7]. В.А. Цветков в противовес вертикально интегрированным корпорациям выделяет региональные, т.е. интегрированные во внутреннюю среду территории [13]. Подобная связанность хозяйственной деятельности агента с территорией должна быть конкретизирована, чтобы можно было отграничить местный сектор экономики соответствующего уровня целиком и получить возможность дать его количественную характеристику.

Первым и наиболее важным критерием отнесения производственной деятельности к региональной «компетенции» является регистрация субъектов экономической деятельности в регионе. Вторым критерий – принадлежность активов, связанных с осуществлением экономической деятельности, также резидентам территории. В этих позициях могут выступать и организации отраслей специализации в том случае, если контрольным пакетом владеют жители территории. Далее, принятие решений по экономической деятельности должно осуществляться в регионе, т.е. управление активами не исходит от внешних структур более высокой иерархии, либо интересы резидентов данной территории должны определять эти решения в большей степени, чем другие факторы. Последнее условие связано с первыми двумя, хотя и не явно, поскольку такие отношения с территорией могут возникать и у «экстерриториальных» агентов. То есть внутренним двигателем развития для региона являются какие-либо активы его резидентов, которыми они могут распоряжаться, и их предпринимательская активность.

Собственность и предпринимательство – эти два фактора как носители экономической свободы привязывают к территории самую активную часть местного сообщества, формируя резидентский сектор региональной экономики. Наиболее важное свойство данного сектора, а именно связанность с местным сообществом, удобнее назвать

укорененностью, что перекликается с термином, используемым в институциональном направлении экономической социологии. Принцип укорененности (embeddedness) был введен в научный оборот К. Поланьи [10] для характеристики экономического поведения людей, обусловленного их социальными связями и отношениями, и далее развит М. Грановеттером [16] через понятие сетевых структур. М. Хесс, обобщая широкий спектр работ последователей Поланьи и Грановеттера, выделил так называемую территориальную укорененность, подчеркивая значение локальности или территориальности в проявлении зависимости экономического поведения от социальной среды [17]. Концепция укорененности получила распространение в странах Восточной Европы при анализе трансформации хозяйства в постсоветский период и стимулировала исследования проблем взаимосвязи территорий с внешними владельцами, развития новых производств на местах, поощрения креативных и инновационных устремлений местного предпринимательства [15; 18]. В российской научной литературе понятие укорененности используется среди прочих в исследованиях региональной идентичности и сетевых взаимодействий как социального капитала [3; 9; 11; и др.].

В целом понятие укорененности указывает на специфичность экономических взаимоотношений социума определенной территории и сформированных этими отношениями институтов на основе факторов их эволюции. В контексте излагаемой проблемы регионального развития укорененность создает естественную основу взаимодействия членов регионального сообщества по использованию ресурсов и формированию собственных экономических акторов. Для сырьевых регионов как периферии крупных корпораций принципиальным моментом является не столько специфичность этих отношений, сколько их достаточное наличие, т.е. существование развитых сетей взаимосвязей резидентов территории. Такой подход к выделению какого-либо сектора экономики позволяет сделать опору именно на человеческий потенциал региона в противовес традиционному, связанному с богатством природных ресурсов территории или накопленным промышленным потенциалом.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ УКОРЕНЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Критерии выделения резидентского, или укорененного, сектора экономики региона должны формироваться на основе владения активами членами местного сообщества и их участия в предпринимательстве. Но официальная статистика не предоставляет открытых данных по каким-либо видам собственности в региональном разрезе, а уровень предпринимательства местного населения в регионах можно оценить только по общей информации о малом и среднем бизнесе, который, однако, не идентичен тому, что обозначается понятием местного предпринимательства. Поэтому при определении границы или уровня развития указанного сектора в регионе нужно опираться не на данные о производстве, а на характеристику самого сообщества.

В системе Росстата рассчитывается структура доходов населения по регионам, включая доходы от собственности и от предпринимательства. Совокупная доля этих доходов может служить критерием субъектности местного сообщества в развитии региональной экономики на рыночных принципах. Все остальные экономические показатели – валового регионального продукта, объемов производства, доли налогов, оставляемой в регионе, и т.д. оказывают влияние на жизнь членов этого сообщества через их собственные доходы.

По названному критерию можно оценить общие тенденции в участии местного населения в предпринимательстве и владении собственностью по стране, а также в степени укорененности бизнеса в различных типах регионов или по федеральным округам. Сходные позиции по структуре доходов есть в региональной статистике других государств, что расширяет базу для сравнения, в частности, со странами, прошедшими вместе с Россией период перехода к рыночным отношениям.

Динамика уровней вовлеченности населения в рыночные отношения по названным показателям в федеральных округах за период после массовой приватизации представлена на рис. 1. Общая тенденция состоит в снижении этого уровня в среднем по стране: с 23% в 1995 г. до 10,9% в 2022 г. «Слой» доходов от собственности на

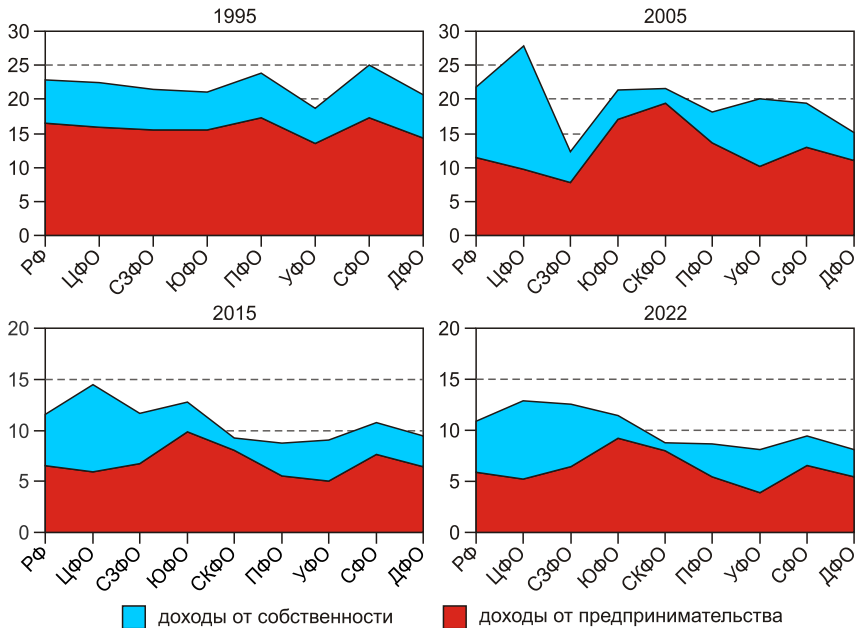


Рис. 1. Динамика доходов населения от собственности и от предпринимательства по федеральным округам Российской Федерации после массовой приватизации, %

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 172–173; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 224–227

графике для 1995 г. выглядит достаточно равномерным, с некоторым увеличением в Сибирском федеральном округе и уменьшением в Южном, где он компенсировался более высоким уровнем предпринимательства населения.

За следующее десятилетие картина изменилась: в результате перераспределения приватизированных активов по доходам от собственности резко выделился Центральный федеральный округ за счет г. Москвы, где доля этих доходов выросла до 24,6% при значительном снижении доли доходов от предпринимательства. Субъекты нового Северо-Кавказского федерального округа вместе с Южным остались лидерами по уровню предпринимательских доходов.

К 2015 г. произошло снижение по обеим позициям: почти наполовину уменьшилась доля доходов от собственности в г. Москве и, соответственно, в ЦФО, повсеместно сократилась доля доходов от предпринимательства. Это снижение в отдельных частях страны замещалось разными способами. В ее западной части доходы от собственности и предпринимательства заменялись в большей степени заработной платой, а в восточной, где уровень работы по найму был изначально достаточно высок, – социальными выплатами. В 2022 г. после пандемийного шока и усиления санкций пространственное соотношение двух категорий доходов по федеральным округам почти не изменилось, а их общий уровень снизился еще на 1–2%.

Предложенный показатель экономической укорененности бизнеса в регионах позволяет оценить конечный уровень зависимости доходов общества от активной формы участия в развитии региональной экономики, но его составные части требуют дальнейшего анализа тенденций и условий этого участия.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РЕЗИДЕНТОВ РЕГИОНА

При анализе предпринимательства в регионах оно традиционно рассматривается в форме малого и среднего бизнеса, и развитие этого сектора повсеместно провозглашается мотором развития экономики, особенно региональной. Однако само по себе предпринимательство не является показателем развития территории и может отражать не только рыночную сущность экономического поведения населения, но и сложности вхождения в рынок.

Доли доходов от предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа были сопоставлены с душевыми показателями валового регионального продукта (рис. 2). Для большинства регионов характерно несовпадение этих характеристик. Более богатые по удельному ВРП в сравнении со средним уровнем по СФО, как правило, имеют меньшую долю доходов населения, связанных с его собственной экономической активностью. В регионах с меньшим уровнем подушевого ВРП наиболее вероятным является преобладание вынужденного предпринимательства, обусловленного отсутствием других

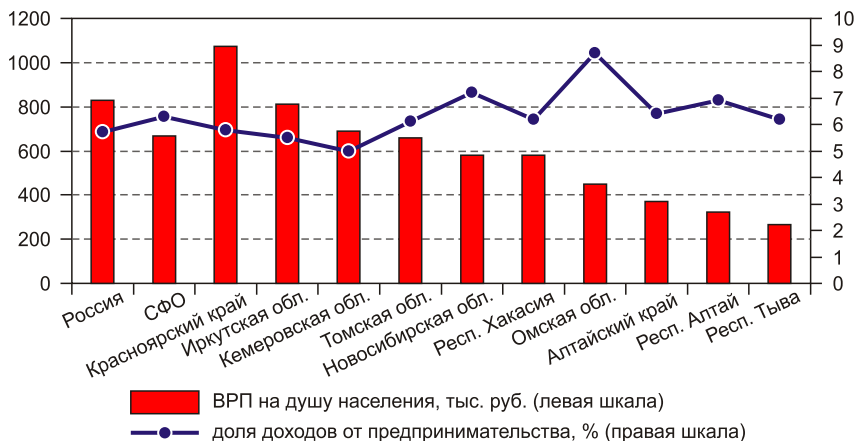


Рис. 2. Валовой региональный продукт на душу населения и уровень предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа, 2021 г.

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 224–227

источников дохода. Движет развитие добровольное предпринимательство, которое повышает статус человека в обществе и обеспечивает ему более высокое материальное благополучие по сравнению с работой по найму.

Для начинаний в бизнесе ключевой проблемой является определение сферы деятельности, подразумевающее поиск рынков сбыта продукции и услуг. Согласно обследованиям малого и среднего бизнеса, проводимым Росстатом*, последнее из которых было осуществлено в 2020 г., деятельность как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей ожидаемо связана преимущественно с торговлей и ремонтом автотранспортных средств (раздел G в ОКВЭД), на которые приходится до половины выручки. На втором месте – обрабатывающие производства и строительство (в среднем в стране и СФО по 12–13% выручки). Сельскохозяйственное производство среди сибирских регионов составляет значимую долю в местном

* URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020.

предпринимательстве только в Алтайском крае (8%). У индивидуальных предпринимателей крен в сторону обслуживания местного потребительского рынка выражен еще более отчетливо. Лидером также является торговля, но по обрабатывающим производствам и строительству заметно снижение доли выручки до 7 и 5% соответственно. Вместе с тем на второе место с долей около 9% выходит вид деятельности «Операции с недвижимостью». Помимо этого, возрастает доля дохода от транспортировки и хранения, а также от таких категорий, как деятельность профессиональная, научная и техническая, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания. В регионах Сибирского федерального округа доли выручки от торговли, обработки, строительства и транспортных услуг у индивидуальных предпринимателей выше на несколько процентов, чем в среднем по стране, вследствие ресурсной направленности их экономик, но по остальным перечисленным видам деятельности индивидуальное предпринимательство в Сибири отстает от общероссийского уровня.

Таким образом, значительная часть малого и среднего бизнеса участвует в перераспределении поступающих в регион денег от отраслей специализации и бюджетных средств. В категории перерабатывающих производств в малом и среднем бизнесе преобладает пищевая промышленность, также ориентирующаяся на местные рынки. Это можно распространить и на все предпринимательство, идущее снизу, т.е. на укорененный сектор. Для роста региональной экономики важны отрасли, поставляющие товары или услуги за пределы региона и накапливающие результаты производственной деятельности на его территории.

Промышленная специализация малого и среднего бизнеса получает наибольшее внимание со стороны региональных властей, главным образом через предоставление инфраструктуры (промышленные парки и другие формы поддержки). Основными способами помощи развитию этого сектора, согласно официальным программам, являются консультирование и содействие в кредитовании либо через бюджетные гранты, либо через компенсацию процента по кредитам. Однако местные предприятия такого профиля не могут быть массовыми, поскольку они встраиваются в сложившуюся структуру произ-

водства, которая именно в ресурсных и промышленных регионах «схвачена» отраслями специализации. Местный бизнес находит себе ниши в обслуживании этих производств, в том числе с помощью региональных администраций, однако эти предприятия в случае их успешной работы легко поглощаются структурами больших компаний и уходят из регионального сектора. Это не ведет к росту валового регионального продукта, поскольку, как пишет В.И. Нефедкин [6], концентрация корпоративной власти в регионах влечет за собой уменьшение локального контента, производимого региональными активами крупных корпораций, и сокращение регионального компонента в произведенной добавленной стоимости.

Но если вернуться к восприятию населения как субъекта региональной экономики, то для самих жителей региона наиболее предпочтительными являются виды деятельности, опирающиеся на человеческий капитал, на качественные характеристики самих агентов, их уровень образования, их мотивации и жизненный опыт. И здесь особую роль играют виды деятельности, использующие интеллектуальный труд, которые позволяют реализовывать индивидуальные притязания, сформированные уровнем и качеством образования. С другой стороны, подобные виды деятельности не требуют капитальных затрат, сопоставимых с затратами в материальном производстве, т.е. более доступны в финансовом плане. На основе данных сплошного наблюдения за малым и средним бизнесом, проводимого Росстатом, нами были выделены четыре вида деятельности: финансовая деятельность и операции с недвижимостью, участвующие в распределении ресурсов, а также деятельность в сфере информационных технологий и научные исследования, входящие в категорию так называемых деловых услуг, которые в Глобальном мониторинге предпринимательства выделяют как оказывающие наибольшее воздействие на экономическое развитие через свой инновационный потенциал.

Результаты нашего исследования показывают, что, во-первых, доля деловых услуг в структуре деятельности малого и среднего бизнеса в СФО меньше, чем в среднем по России (в 2020 г. – 0,14 и 0,8% соответственно), т.е. в ресурсных регионах с преобладанием крупных корпораций рынок таких услуг меньше. Во-вторых, пре-

обладание доли занятых над долей доходов в целом по СФО, и особенно в национальных республиках Сибири, предполагает более низкий уровень оплаты труда в частном бизнесе по сравнению с другими видами деятельности или с той же работой в соседних регионах. Все это говорит о сравнительно более узких сегментах рынка труда для квалифицированного персонала в ресурсных регионах Сибири, и местный бизнес утрачивает ниши деловых услуг, формирующие инновационное развитие территории.

СОБСТВЕННОСТЬ РЕЗИДЕНТОВ В РЕГИОНАХ

Перспективы развития предпринимательства неразрывно связаны с собственностью резидентов региона, поскольку она составляет основу при организации собственного бизнеса на фоне высокой стоимости заемного капитала, а также является источником последующих инвестиций. Понятие региональной собственности в большей части экономической литературы ограничивается представлением о ее государственном секторе, частную собственность юридических лиц и граждан в региональных границах оценить по официальной статистике затруднительно. Наибольшее внимание в региональных исследованиях привлекает собственность предприятий, вошедших в состав вертикально интегрированных корпораций. Как показывает рис. 1, значительная часть прав собственности на промышленные активы к настоящему времени ушла из регионов. Но концентрация производственного капитала и специфические основания для перерегистрации («перепрыгивания») прав собственности не изменили направления финансовых потоков, а облегчили вывод прибыли с территорий, где она зарабатывается [8]. Банковская система развивается по пути централизации активов в крупнейших банках с преобладанием государственных организаций и заметным сокращением числа региональных банков. В регионах собственная финансовая деятельность в малом и среднем бизнесе исчисляется долями процента и также сокращается. Государство стимулирует концентрацию бизнеса и финансов, так как это способствует контролю за основными экономическими отношениями и потоками капитала и в целом со-

здает условия для долгосрочных инвестиций. Однако интересы территории базирования корпораций диктуют приоритет не концентрированной, а распыленной собственности с максимально возможным числом резидентов, участвующих в прямом распределении доходов.

Собственность, учитываемая Росстатом в качестве источника доходов, представляет собой вклады и ценные бумаги, включая акции. Источником доходов населения, помимо перечисленных, выступают и другие виды собственности. Э. де Сото при анализе положения в разных странах главным первичным условием накопления капитала населением определяет собственность на недвижимость, которая при определенных обстоятельствах может превращаться в капитал, т.е. приносить доход [12]. Как уже говорилось выше, проанализировать в региональном разрезе распределение собственности на капитал, на производственные активы или на недвижимость трудно из-за отсутствия открытой статистики, но тенденции можно уловить по отдельным аспектам, например в отношении земли как физического базиса предпринимательства.

В последние годы общая площадь земель в собственности граждан сокращается, в то время как увеличивается площадь земель в собственности юридических лиц. В собственности граждан преобладают земли сельскохозяйственного назначения (в 2022 г. – 96%), при этом значительная их часть существует в виде земельных долей, т.е. эти земли функционируют в форме не крестьянско-фермерских хозяйств, а сельскохозяйственных предприятий типа акционерных обществ, включая крупные агрохолдинги, которые интенсивно консолидируют эти доли.

Вдобавок основную долю земель поселений в собственности граждан составляют личные подсобные хозяйства и садоводства, т.е. эти земли также используются для сельскохозяйственной деятельности. В определенной мере они способствуют получению доходов, однако сельское хозяйство – дотационная отрасль, и это изначально не позволяет надеяться на существенное накопление капитала на уровне домохозяйств за счет владения землей, что и показывают тенденции сокращения площадей в собственности граждан. Наиболее перспективны в этом отношении земли населенных пунктов и земли

промышленности, где создаются производства и оказываются услуги. Однако вход на земельные рынки в городах сложен, для этих регионов характерны низкая прозрачность и высокая степень административного влияния, и в этой части земельного фонда более интенсивно идет приращение земель в собственности юридических лиц (см. таблицу).

Малая доля доходов от собственности резидентов отражает проблему накопления инвестиционного капитала в регионах. Результатом централизации активов стал повсеместный поиск источников инвестиций вне самих территорий. Возможность привлекать инвесторов со стороны рассматривается как основное достоинство региональной власти и ведущий фактор региональной конкурентоспособности. Даже акцент на развитии малого предпринимательства как опоры региональных экономик говорит об априорном восприятии того факта, что в регионах денег на собственный крупный бизнес нет и быть не может. Между тем нынешнее функционирование региональных экономик без выраженных механизмов формирования собственных источников капитала и его накопления приводит либо к преобладанию колониального характера развития, либо к деградации. При этом в тени остается собственность резидентов территории, которая в лучшем случае рассматривается как один из источников благосо-

Динамика площадей приватизированных земель в России, тыс. га

Показатель	2010	2022	Прирост/убыль с 2010, %
Общая площадь земель в частной собственности	133 446,1	133 325,7	99,9
Земли в собственности граждан	121 382,0	108 718,4	89,8
Из них			
земли с.-х. назначения	117 591,5	104 057,1	88,5
Земельные доли граждан	100 136,8	74 856,4	74,8
Земли в собственности юридических лиц	12 064,1	24 607,3	203,4

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году. – М., 2011; 2023.

стояния населения, но не как фактор регионального развития, требующий не только фискального регулирования и ограничений, но и стимулов для ее коммерческого использования и накопления капитала. Активность малого и среднего бизнеса в сфере операций с недвижимостью отражает определенный уровень распространения этого рынка в регионах, но существенно не влияет на развитие предпринимательства.

УКОРЕНЕННЫЙ СЕКТОР В ПЛАНИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Представленный обзор составляющих элементов укорененности бизнеса показывает довольно пессимистичную картину дальнейшего развития этого сектора, особенно в ресурсных регионах. Программы развития моногородов – это решение крайних стадий проблемы, которая в той или иной мере присутствует в большинстве регионов России. В настоящее время органы власти субъектов Федерации и муниципалитетов формируют свои стратегии и программы вокруг корпоративных планов, «пробивая» косвенные эффекты для территории, в основном социального характера, в лучшем случае подключая местных «смежников». Однако региональное планирование должно ориентироваться именно на укорененный сектор. Региональная власть должна сменить акцент в анализе движущих сил развития территории, поставив во главу угла потенциал и запросы собственного населения, направив преимущественное внимание на возможные сферы развития предпринимательства и его финансовые и инвестиционные ресурсы, что особенно важно в регионах с отрицательной миграцией.

При разработке программ следует перейти от общих призывов по поводу развития местного предпринимательства к осознанию возможности развития конкретных его направлений и видов деятельности, необходимости поиска новых рынков. И главной заботой для региона должен стать рынок интеллектуальных услуг, что требуется для закрепления населения, в том числе наиболее активной его части, включая молодежь. Важность интеллектуальных видов деятельности

для регионов обусловлена, с одной стороны, задачей инновационного развития как всей экономики страны, так и экономик самих регионов, с другой стороны – «навесом» высокого уровня образованности населения, которым в регионах гордятся, но не знают, что с ним делать, поскольку он создает перекосы на локальных и региональных рынках труда. И здесь особую роль играют деловые услуги, которые являются одним из важнейших звеньев связи внешних для регионов корпораций и крупных производств с потенциалом местного сообщества. Это наиболее динамичная и перспективная сфера для развития инициативного предпринимательства, предъявляющая высокие требования к интеллекту, а значит, здесь может быть востребовано высшее образование, включая гуманитарное. Повышенный спрос на юридическое и экономическое образование в первые постреформенные годы означал для молодежи ожидание возможностей и надежду на самостоятельные профессиональные действия, включая развитие собственного бизнеса, но после периода централизации активов и капиталов, а соответственно, и центров принятия решений в экономике носители таких знаний в ресурсных регионах теперь рассматриваются как лишние люди для местных рынков труда.

Решить подобные задачи невозможно силами только региональных и местных администраций. Формализованные подходы к планированию и регулированию местной экономической жизни основываются на дефиците горизонтальных связей между экономическими агентами, на иерархичности взаимоотношений, что обусловлено и политическими причинами. Незавершенность реформ, торможение их завершения выгодоприобретателями первых стадий реформирования (распределение активов, земельных и других ресурсов) способствует преобладанию экспертных и профессиональных объединений охранительного, а не конкурентного характера. Для поиска новых возможностей необходимо не только публичное обсуждение перспективных направлений, но и раскрытие реальных ресурсов, связанных с собственностью, землей, капиталами. Закрытость такой информации усугубляет отчуждение основной массы населения, препятствует развитию сетевых связей, формированию доверия в деловой среде и способствует распространению коррупционных и сословных прак-

тик, снижающих конкурентность экономики региона, а значит, и ее эффективность.

Выделение резидентского, или укорененного, сектора экономики позволяет провести более точную диагностику состояния региона, поскольку расширение именно этого сектора будет означать реальное экономическое развитие территории, повышение благосостояния населения, а не только колониальное извлечение ресурсов для последующей переработки в других регионах или странах в рамках территориального разделения труда. В условиях сокращения возможностей федерального центра поддерживать регионы за счет нефтегазовой ренты местное сообщество должно увеличивать свое благосостояние собственными силами, и это направление развития должно получить адекватное институциональное оформление как в отношении распределения ресурсов, включая финансовые, так и в отношении стимулирования расширения в регионах круга бенефициаров развития.

Статья подготовлена по материалам проекта НИР Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН № АААА-А21-121012190019-9

Список источников

1. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Формирование субъектности региональных сообществ в России: социокультурный аспект // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 121–143.
2. Гуськов И.А., Васильев В.Н. Инновационное развитие в контексте интересов регионального бизнес-сообщества // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 11. – С. 53–61.
3. Зорина О.О. Эволюция взглядов на содержание и формы сетевого взаимодействия фирм // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 14. – С. 109–120.
4. Кольба А.И., Орфанди Э.В. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 601–613.
5. Кузнецова М.Н. Человеческий капитал Архангельской области: сущность, методика расчета // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 104–129.

6. *Нефедкин В.И.* Экономическая власть крупных корпораций и развитие регионов // Вопросы экономики. – 2016. – № 3. – С. 99–114.
7. *Нефедкин В.И.* Экстерриториальное и локальное в контексте регионального развития // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4 (92). – С. 69–86.
8. *Пачина Т.М., Почивалова Г.П.* Экстерриториальность капитала и сырьевые регионы: горячая проблема региональной политики // Вестник МГТУ. – 2005. – Т. 8, № 2. – С. 278–290.
9. *Перышкин М.О.* Анализ междисциплинарных концепций сетевого подхода при организации системообразующего инновационно-активного кластера // Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ): Сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2023. – С. 436–439.
10. *Полян К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
11. *Радаев В.В.* Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6, № 2. – С. 47–54.
12. *Сото Э., де.* Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М: Олимп-Бизнес, 2004. – 272 с.
13. *Цветков В.А.* Анализ проблем управления деятельности крупного бизнеса на региональном уровне // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 5. – С. 43–49.
14. *Цыренова Е.Д., Сахаровский С.Н., Целовальникова Л.Ю.* Человеческий капитал в системе родственных понятий // Вестник ВСГУТУ. – 2014. – № 6 (51). – С. 140–146.
15. *Grabher G.* The disembedded regional economy: The transformation of East German industrial complexes into Western enclaves // Globalization, Institutions and Regional Development in Europe / Ed. by A. Amin, N. Thrift. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 177–195.
16. *Granovetter M.* Economic action and social structure: The problem of embeddedness // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91, No. 3. – P. 481–510.
17. *Hess M.* “Spatial” relationships? Toward a reconceptualization of embeddedness // Progress in Human Geography. – 2004. – No. 2. – P. 165–186.
18. *Stachowiak K., Stryjakiewicz T.* Institutional approach in economic geography and its relevance to regional studies // Quaestiones Geographicae. – 2008. – Vol. 27, No. 1. – P. 7–20.

Информация об авторе

Сысоева Наталья Михайловна (Россия, Иркутск) – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (664033, Иркутск, ул. Уланбаторская, 1). E-mail: synat@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20240407

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 171–191

N.M. Sysoeva

EMBEDDED SECTOR OF THE ECONOMY IN SIBERIAN REGIONS

This study explores internal resources for territorial development based on human capital by identifying a sector of the regional economy associated with the economic activities of the local population. We use the concept of “embeddedness” of economic actions within the regional community to describe this sector. The share of income derived from entrepreneurship and property among the local population is proposed as a criterion for measuring economic embeddedness, reflecting the extent to which the regional community participates in market relations as an economic actor. The analysis highlights spatial differences in the degree of economic embeddedness, notably in Siberian resource regions where external corporations dominate the economy through raw material extraction and primary processing. The development of the embedded sector, especially in areas related to intellectual activity, plays a part in retaining the most active and educated members of the population in eastern regions. The findings can be applied to regional socio-economic planning, advocating a shift from reliance on natural resources to prioritizing human potential by fostering the growth of the embedded economy.

Keywords: embeddedness of the economy; resource region; property; entrepreneurship; intellectual activity; regional planning

For citation: Sysoeva, N.M. (2024). Ukorenennyy sektor ekonomiki v sibirskikh regionakh [Embedded sector of the economy in Siberian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 171–191. DOI: 10.15372/REG20240407.

*The research was carried out following the materials of R&D project
No. AAAA-A21-121012190019-9 of V.B. Sochava Institute
of Geography SB RAS*

References

1. Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2023). Formirovanie subyektности regionalnykh soobshchestv v Rossii: sotsiokulturnyy aspekt [Formation of regional community subjectness in Russia: A socio-cultural aspect]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 121–143.
2. Guskov, I.A. & V.N. Vasiliev. (2018). Innovatsionnoe razvitiye v kontekste interesov regionalnogo biznes-soobshchestva [Innovative development in the context of the interests of the regional business community]. Sotsialno-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge], 11, 53–61.
3. Zorina, O.O. (2016). Evolyutsiya vzglyadov na sodержanie i formy setevogo vzaimodeystviya firm [The evolution of views on the contents and forms of network cooperation between firms]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 14, 109–120.
4. Kolba, A.I. & E.V. Orfanidi. (2023). Institutsializatsiya gorodskikh soobshchestv krupnykh regionalnykh tsentrov RF v sisteme politicheskogo upravleniya konfliktami: predely vozmozhnostey [The institutionalization of urban communities of major regional centers of the Russian Federation in the system of political conflict management: Limits of possibilities]. Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science], Vol. 25, No. 3, 601–613.
5. Kuznetsova, M.N. (2022). Chelovecheskiy kapital Arkhangel'skoy oblasti: sushchnost, metodika rascheta [Human capital in Arkhangelsk Oblast: Its essence and calculation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (113), 104–129.
6. Nefedkin, V.I. (2016). Ekonomicheskaya vlast krupnykh korporatsiy i razvitiye regionov [The economic power of large corporations and regional development]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 3, 99–114.
7. Nefedkin, V.I. (2016). Eksterritorialnoe i lokalnoe v kontekste regionalnogo razvitiya [The extraterritorial and the local in regional development]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (92), 69–86.
8. Pachina, T.M. & G.P. Pochivalova. (2005). Eksterritorialnost kapitala i syryevye regiony: goryachaya problema regionalnoy politiki [Extraterritoriality of capital and raw stock regions: A hot problem of regional policy]. Vestnik MGTU [MSTU Vestnik], Vol. 8, No. 2, 278–290.
9. Peryshkin, M.O. (2023). Analiz mezhdistsiplinarnykh kontseptsiy setevogo podkhoda pri organizatsii sistemoobrazuyushchego innovatsionno-aktivnogo klastera [Analysis of interdisciplinary concepts of network approach in the organization of a system-forming innovation-active cluster]. Intellektualnaya inzhenernaya ekonomika i industriya 5.0 (EKOPROM): Sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Intellectual Engineering Economics and Industry 5.0 (ECOPROM): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, 436–439.

10. *Polanyi, K.* (2002). Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 320.
11. *Radaev, V.V.* (2008). Rynok kak perepletenie sotsialnykh setey [The market as a web of social networks]. Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal], Vol. 6, No. 2, 47–54.
12. *Soto, H., de.* (2004). Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostalnom mire [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 272.
13. *Tsvetkov, V.A.* (2012). Analiz problem upravleniya deyatel'nosti krupnogo biznesa na regional'nom urovne [Analysis of management issues of big business at the regional level]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law], 5, 43–49.
14. *Tsyrenova, E.D., S.N. Sakharovsky & L.Yu. Tselovalnikova.* (2014). Chelovecheskiy kapital v sisteme rodstvennykh ponyatiy [Human capital in the system of related concepts]. Vestnik VSGUTU [ESSUTM Bulletin], 6 (51), 140–146.
15. *Grabher, G.* (1994). The disembedded regional economy: The transformation of East German industrial complexes into Western enclaves. In: A. Amin & N. Thrift (Eds.). Globalization, Institutions and Regional Development in Europe. Oxford, Oxford University Press, 177–195.
16. *Granovetter, M.* (1985). Economic action and social structure: The problem of embeddedness. American Journal of Sociology, Vol. 91, No. 3, 481–510.
17. *Hess, M.* (2004). “Spatial” relationships? Toward a reconceptualization of embeddedness. Progress in Human Geography, 2, 165–186.
18. *Stachowiak, K. & T. Strykiewicz.* (2008). Institutional approach in economic geography and its relevance to regional studies. Quaestiones Geographicae, Vol. 27, No.1, 7–20.

About Author

Sysoeva, Natalya Mikhailovna (Irkutsk, Russia) – Doctor of Sciences (Geography), Chief Researcher at V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1, Ulanbatorskaya St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: synat@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 11.04.2024.

После доработки 20.05.2024.

Принята к публикации 27.05.2024.

И.П. Глазырина, Л.М. Фалейчик, И.А. Забелина

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ

Целью данной работы является изучение особенностей развития обрабатывающей промышленности в восточных регионах страны. Можно ли говорить о существенном влиянии «восточного вектора» регионального развития в этой динамике? В статье рассмотрены следующие аспекты экономических процессов в восточных регионах России в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг.: динамика производства, динамика производительности труда в обрабатывающей отрасли, динамика налоговых поступлений по ВЭД «Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД 2. Расчеты выполнены с учетом индекса производства.

С точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом на востоке РФ в 2017–2023 гг. опережали среднероссийские темпы, исключением был только 2022 г., хотя по регионам результаты существенно различались. Во всех дальневосточных регионах в 2022 г. производительность труда была выше, чем в 2017 г. Но по ВЭД «Обрабатывающие производства» на востоке страны в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. В условиях нынешнего ограничения предложения трудовых ресурсов это создает риски для дальнейшего развития отрасли на востоке страны.

Анализ данных Федеральной налоговой службы выявил очень существенный рост налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах в 2023 г. Это обстоятельство позитивно в целом для бюджета, но говорит о возрастающей налоговой

нагрузке на отрасль, что может уже в среднесрочном плане отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации.

Полученные результаты могут служить дополнительным аргументом в пользу расширения содержания тезиса о «повороте на восток». Главным содержанием должно стать не увеличение экспортно-импортного товарооборота, а повышение эффективности региональных социально-экономических систем в азиатской части России. То есть «поворот на восток» должен стать прежде всего «поворотом на Восток России».

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность; динамика производства; производительность труда; налоговые поступления; экономические шоки; Дальний Восток

Для цитирования: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А. Обрабатывающая промышленность на Востоке России в условиях экономических шоков // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 192–221. DOI: 10.15372/REG20240408.

ВВЕДЕНИЕ

Один из наиболее часто обсуждаемых феноменов экономики России в 2022–2023 гг. – ее структурная трансформация с опережающим ростом обрабатывающей промышленности. Целью данной работы является изучение особенностей этого процесса в восточных регионах страны. Можно ли говорить о существенном влиянии «восточного вектора» регионального развития в этой динамике? Есть ли у восточных регионов сравнительные преимущества в этом контексте?

Развитие обрабатывающей промышленности для восточных регионов имеет особое значение ввиду их исторически сложившейся природно-ресурсной специализации [1; 12]. Преобладание продукции первых переделов, незначительные объемы производства продуктов глубокой переработки сырья с высокой добавленной стоимостью стали основными причинами хронического отставания этих территорий в социально-экономическом развитии. Несмотря на природно-ресурсное богатство восточных регионов, уровень и качество

жизни их населения остаются существенно более низкими, чем в европейской части страны [9; 10]¹, и отток населения «на запад» не прекращается.

Усилия по ускорению развития Востока России целенаправленно предпринимались уже не один десяток лет [1; 2; 7; 9–11]². После 2013 г. были созданы новые институты развития Дальнего Востока, ключевым элементом которых стали преференциальные режимы для инвестирования. Они принесли ряд позитивных результатов [2], но одновременно привели к усилению сырьевой ориентации экономики [1]³. В целом можно констатировать, что, как отметил П.А. Минакир, «приблизиться к заметным результатам именно в области преобразования качества жизни и экономики на Дальнем Востоке не удалось» [8, с. 7].

Особого внимания в этом контексте заслуживает производительность труда, так как она во многом определяет характер и различия региональной экономической динамики. По виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (ОП) в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке она исторически ниже среднероссийской. В работе Л.В. Мельниковой [7] был выполнен анализ производительности труда на данных 83 субъектов РФ в разрезе восьми отраслей ОКВЭД-07 в 2011–2015 гг. и 12 отраслей ОКВЭД 2 в 2016–2021 гг., и уже отмечается влияние деспециализации в области обрабатывающих производств в азиатской части страны. В настоя-

¹ См. также: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. «Дальневосточная» инвестиционная политика и доходы граждан в разрезе основных отраслей: опыт эмпирического анализа // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 80–98. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-7-80-98.

² См. также: Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. – 2015. – № 12 (498). – С. 93–107.

³ См. также: Забелина И.А., Фалейчик Л.М. Структурные изменения в экономике восточных регионов РФ в контексте реализации новой модели развития Дальнего Востока // ЭКО. – 2021. – № 11. – С. 93–118. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-11-93-118; Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока.

щей работе мы уделяем особое внимание динамике производительности труда в обрабатывающей отрасли в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг. на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе.

РОСТ ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА

Темпы развития обрабатывающей промышленности в России демонстрируют рост по крайней мере с 2017 г. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (ООТ) в фактически действовавших ценах говорит об очень значительном росте объемов производства в РФ и ДФО в стоимостном выражении (рис. 1а).

На рисунке 1б представлена динамика этого же показателя за 2017–2023 гг. с учетом индекса производства. Его рост в России за этот период составил 45,6%. Объем отгруженной продукции (работ, услуг) по ВЭД «Обрабатывающие производства» устойчиво увеличи-

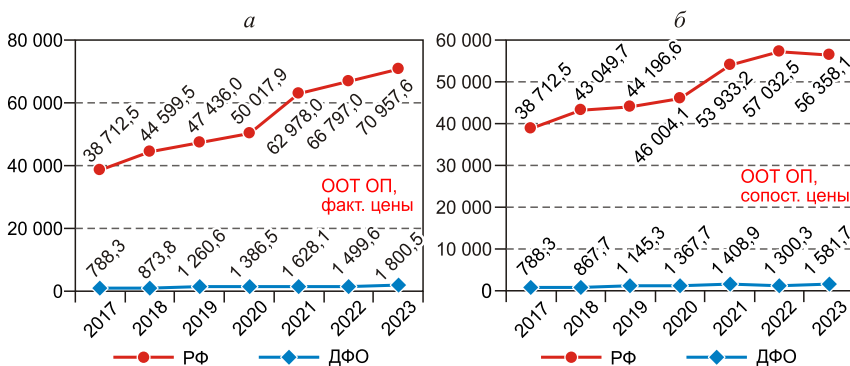


Рис. 1. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по ВЭД «Обрабатывающие производства» в фактически действовавших ценах (а) и в ценах 2017 г. (б), млрд руб.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

вался в РФ в 2017–2022 гг. и не сокращался ни в период пандемии, ни в 2022 г., но в 2023 г. уменьшился на 1,18% по сравнению с 2022 г.

Этот же показатель для Дальневосточного федерального округа также демонстрировал рост вплоть до 2022 г., когда он снизился на 7,7%, однако уже в 2023 г. рост восстановился и объемы производства превысили уровень 2021 г., и в целом за период 2017–2023 гг.

Таблица 1

**Прирост объема отгруженной продукции по ВЭД
«Обрабатывающие производства», % (в ценах 2017 г.)**

Регион	2017– 2022	2017– 2023	2017– 2023 в факт. ценах	2019– 2020	2019– 2021	2021– 2022	2021– 2023
РФ в целом	47,3	45,6	83,3	4,1	22,0	5,7	4,5
ДФО	65,0	100,7	128,4	19,4	23,0	–7,7	12,3
Иркутская обл.	38,3	47,3	59,1	0,9	19,8	8,9	16,0
Респ. Бурятия	46,8	52,5	121,7	14,8	23,2	7,8	12,0
Респ. Саха (Якутия)	8,6	6,4	20,9	–9,1	–19,6	24,7	22,2
Забайкальский край	54,6	97,2	80,2	13,0	15,4	27,2	62,2
Камчатский край	56,2	29,2	74,9	0,7	3,8	23,2	1,9
Приморский край	8,3	31,0	29,1	14,4	10,3	–12,0	6,5
Хабаровский край	61,1	80,0	103,5	17,6	29,0	–12,5	–2,2
Амурская обл.	30,5	242,4	363,2	19,9	2,8	7,2	181,3
Магаданская обл.	1 431,9	2 161,6	5 623,6	–23,3	–14,1	–29,1	4,7
Сахалинская обл.	24,6	39,5	63,8	–8,4	3,3	–2,4	9,2
Еврейская авт. обл.	42,2	–7,2	–16,2	3,3	–4,2	30,6	–14,7
Чукотский АО	3 360,1	10 045,8	11 906,0	75,6	14,5	32,1	287,4

Примечания: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста – спад показателя; жирным шрифтом выделены показатели, превышающие значение по РФ.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial).

рост составил 100,7%. При этом доля обрабатывающих производств (по стоимостному показателю объема отгруженной продукции) в ДФО не превышала 3% общероссийского объема (население ДФО в рассматриваемый период составляло 5,4–5,5% населения РФ). «Восточный вектор» развития декларировался по крайней мере с 2014 г., это было подкреплено рядом преференциальных режимов, и с точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом по ДФО в 2017–2023 гг. опережали общероссийские темпы, исключением был только 2022 г. В то же время по регионам результаты существенно различались (табл. 1).

В субъектах Федерации, ДФО и Байкальском регионе наблюдается разнонаправленная динамика объема отгруженной продукции (рис. 2). В период «ковидного шока» было незначительное снижение

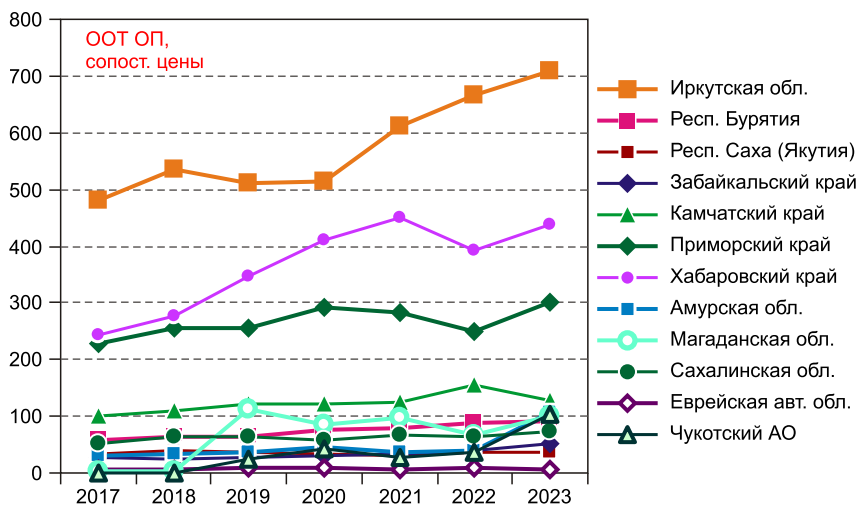


Рис. 2. Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах Востока России, млрд руб. в ценах 2017 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

в некоторых регионах. В 2022 г. в Хабаровском и Приморском краях, в Магаданской области и в ДФО в целом спад был значительным.

Более детальное представление о динамике развития обрабатывающей промышленности в восточных регионах дает табл. 1. Несмотря на «ковидный» спад и шок 2022 г., объемы производства и в 2022 г., и в 2023 г. (за исключением Еврейской автономной области) превысили уровень 2017 г. Аномальный рост в Магаданской области и Чукотском АО объясняется эффектом низкой базы, а в последнем случае еще и исключительно благоприятной ситуацией с миграцией рыбных ресурсов в 2023 г.

Превышение прироста объемов производства за период 2017–2023 гг. в фактических ценах по сравнению с приростом в сопоставимых ценах в России составило 37,7%, в ДФО – лишь 27,7%. Это говорит о том, что фактор цен на Дальнем Востоке сказался на динамике роста производства в гораздо меньшей степени.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Росстат публикует информацию, характеризующую изменение производительности труда, в том числе в региональном разрезе. Для оценки ее динамики используется индекс производительности труда по экономике, который рассчитывается как частное от деления индексов физического объема ВРП и изменения совокупных затрат труда (т.е. трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления)⁴.

Поскольку в открытых источниках информация об объемах совокупных затрат труда отсутствует, выполнить расчет абсолютных значений производительности не представляется возможным. Поэтому в исследованиях часто используется альтернативный показатель: производительность труда оценивается как отношение объема валовой добавленной стоимости к среднегодовой численности занятых [7; 11;

⁴ URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2022\(06102023\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2022(06102023).xlsx) .

13; и др.]⁵. Результаты выполненных таким образом расчетов представлены на рис. 3 (значения ВРП приведены к уровню 2017 г. с учетом разницы цен в регионах⁶).

Во всех дальневосточных регионах в 2022 г. производительность была выше, чем в 2017 г. Более высокие показатели имеют преимущественно нефтегазовые территории: Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Объем валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого в них в 2,27–4,86 раза выше, чем в целом по РФ.

Единственный регион, где производительность труда существенно снижалась во время пандемии (2020 г.), – Республика Саха (Якутия). Но в 2022 г. производительность труда значительно снизилась в Сахалинской области в связи с санкциями в нефтегазовой отрасли (рис. 4).

В число ключевых приоритетов экономического развития Дальневосточного макрорегиона входит диверсификация хозяйственных систем регионов, связанная в том числе с развитием глубокой переработки добываемых сырьевых ресурсов⁷. Обрабатывающий сектор экономики обеспечивает относительно небольшую долю в объеме добавленной стоимости, создаваемой в восточных регионах. В 2022 г. вклад ВЭД «Обрабатывающие производства» в ВРП варьировал от 0,29% в Чукотском АО до 15,92% в Республике Бурятия. Несмотря на рост объемов производства даже в сопоставимых ценах, за период 2017–2022 гг. доля обрабатывающих производств в ВРП в большинстве восточных регионов снизилась; исключением стали Республика

⁵ См. также: Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А., Богомолова Т.Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока.

⁶ Для учета региональных различий покупательной способности национальной валюты использована методика переоценки ВРП, позволяющая осуществить перерасчет показателей посредством индексов стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг [3].

⁷ См.: Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. – URL: <https://minvr.gov.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitii-dalnego-vostoka.pdf>.

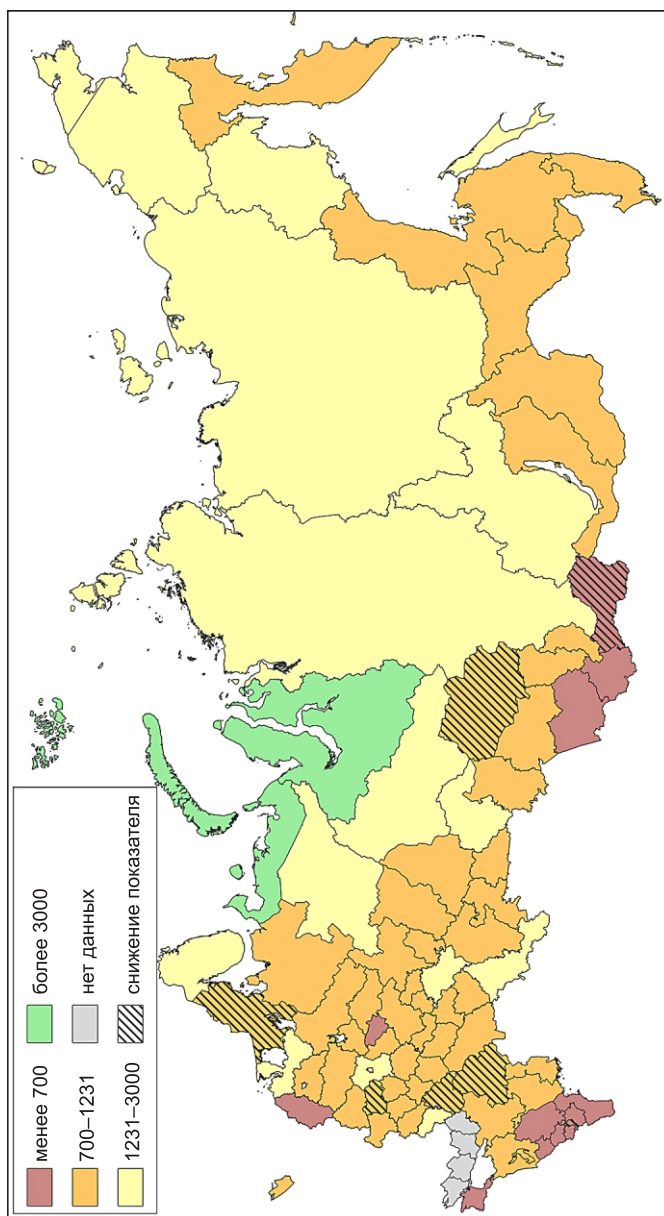


Рис. 3. Производительность труда по экономике в целом в регионах РФ в 2022 г. и ее изменение в период 2017–2022 гг., тыс. руб./чел., общероссийское значение – 1 230,93 тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

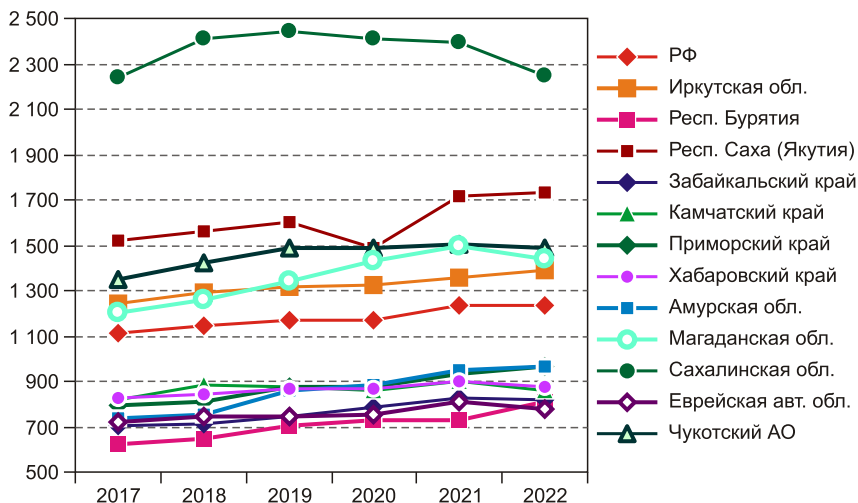


Рис. 4. Динамика производительности труда по экономике в целом в регионах Востока России, 2017–2022 гг., тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Саха (Якутия) и Магаданская область. Во многих регионах уменьшилась относительно невысокая⁸ доля работников, занятых в обрабатывающем секторе экономики, здесь исключением стали Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и Чукотский АО (табл. 2).

В 2022 г. в четверти российских регионов производительность труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» была выше, чем в целом по РФ – 1458,34 тыс. руб./чел. (рис. 5). Но на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе даже в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. Отметим, что в целом по экономике производительность труда на востоке страны выросла во всех регионах. В Камчатском

⁸ Максимальный удельный вес работников, занятых в обрабатывающем секторе, среди субъектов РФ в ДФО и Байкальском регионе имеет Иркутская область – 11,16% от общей численности занятых, что ниже общероссийского показателя – 14,05% в 2022 г.

Показатели, характеризующие развитие ВЭД

Регион	ВРП в сопоставимых ценах 2017 г. и его изменение, млрд руб., %			Численность занятых и ее изменение, тыс. чел., %		
	2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение
Амурская обл.	12,40	13,92	12,27	25,80	22,50	-12,79
Еврейская авт. обл.	3,72	3,41	-8,47	5,80	4,70	-18,97
Забайкальский край	10,54	9,31	-11,72	29,10	32,30	11,00
Иркутская обл.	156,77	169,96	8,42	130,70	125,70	-3,83
Камчатский край	12,74	6,16	-51,67	12,70	12,40	-2,36
Магаданская обл.	1,79	2,68	49,87	3,40	2,50	-26,47
Приморский край	67,16	58,99	-12,17	111,80	101,70	-9,03
Респ. Бурятия	23,27	47,40	103,64	41,70	36,90	-11,51
Респ. Саха (Якутия)	8,22	9,11	10,85	18,60	19,70	5,91
Сахалинская обл.	18,98	23,51	23,87	18,20	17,00	-6,59
Хабаровский край	50,21	51,03	1,64	74,20	65,40	-11,86
Чукотский АО	0,18	0,15	-19,92	0,50	0,50	0,00
ДФО	202,15	212,01	4,88	341,80	315,50	-7,69
РФ в целом	12 918,71	14 588,33	12,92	10 173,20	10 003,40	-1,67

Примечание: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста –
Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата

крае отмечалось наибольшее снижение производительности в обрабатывающем секторе экономики – на 50,5%. В этом регионе практически по всем подразделам рассматриваемого ВЭД произошло сокращение объемов производства. В большей степени индекс производства снизился в подразделах «Переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков», «Производство одежды», «Обработка

Таблица 2

«Обрабатывающие производства» в 2017–2022 гг.

Доля ВЭД «Обрабатывающие производства» в структуре						Производительность и ее изменение, тыс. руб./чел., %		
ВРП (в сопоставимых ценах 2017 г.), %, п.п.			численности занятых, %, п.п.					
2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение	2017	2022	Изме- нение
4,30	3,75	–0,55	6,61	5,87	–0,73	480,56	618,64	28,73
7,70	6,96	–0,74	8,63	7,50	–1,13	641,75	724,87	12,95
3,20	2,55	–0,65	6,23	7,24	1,01	362,35	288,19	–20,47
11,50	11,16	–0,34	11,93	11,44	–0,48	1 199,44	1 352,13	12,73
9,40	4,36	–5,04	7,68	7,52	–0,15	1 003,01	496,46	–50,50
1,60	2,15	0,55	3,65	2,89	–0,77	526,48	1 073,05	103,82
8,70	6,60	–2,10	11,48	10,96	–0,52	600,75	580,06	–3,44
9,80	15,92	6,12	10,89	10,08	–0,82	558,15	1 284,50	130,13
1,10	1,03	–0,07	3,78	3,87	0,09	441,86	462,45	4,66
3,00	3,80	0,80	6,44	6,17	–0,27	1 042,89	1 383,00	32,61
8,80	8,69	–0,11	10,74	9,76	–0,98	676,71	780,34	15,31
0,40	0,29	–0,11	1,47	1,48	0,01	365,37	292,59	–19,92
5,30	5,01	–0,29	8,46	8,04	–0,42	591,43	671,99	13,62
16,20	16,64	0,44	14,16	14,05	–0,11	1 269,88	1 458,34	14,84

спад показателя.

(<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>).

древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения», «Производство металлургическое» и «Производство мебели»⁹.

⁹ См.: Камчатский край в цифрах – 2022: Стат. сб. / Камчатстат. – Петропавловск-Камчатский, 2022. – С. 84.

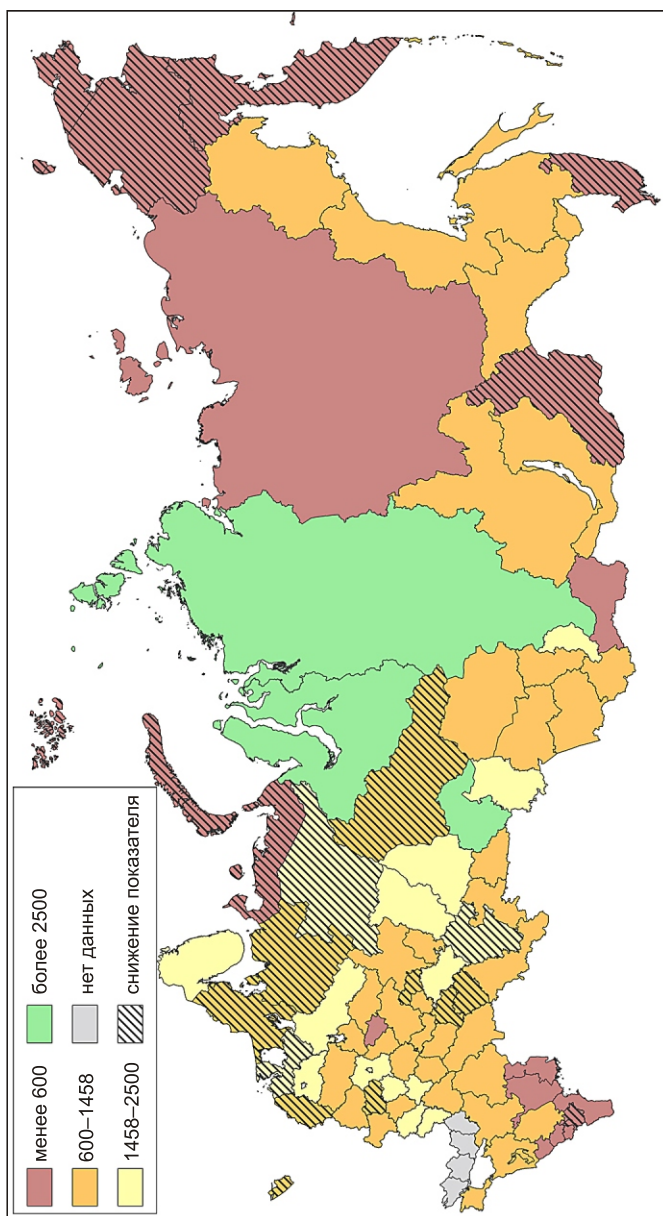


Рис. 5. Производительность труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах РФ в 2022 г. и ее изменение в период 2017–2022 гг., тыс. руб./чел., общероссийское значение – 1 458,34 тыс. руб./чел.
 Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>;
<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Сравнение рисунков 3 и 5 показывает, что количество регионов, где производительность труда снизилась в обрабатывающей промышленности, гораздо больше количества тех, где она уменьшилась в целом по экономике региона. Среди территорий с положительным ростом производительности труда можно выделить Магаданскую область и Республику Бурятию, в которых она увеличилась более чем в 2 раза. Динамика показателей в этих регионах была обусловлена как ростом вклада отрасли в ВРП, так и сокращением численности занятых. В Магаданской области наиболее заметное снижение производительности произошло в металлургическом производстве, а рост – в производстве химических веществ и химических продуктов¹⁰. В Республике Бурятии значительный рост в 2022 г. вклада обрабатывающей промышленности в ВРП и производительности труда обусловлен увеличением объемов и повышением эффективности производства строительных материалов, а также производства прочих транспортных средств и оборудования, что связано с выполнением долгосрочного контракта на поставку в КНР вертолетной техники и сборки грейдеров¹¹.

Негативные следы «ковидного шока» в динамике производительности труда в обрабатывающей промышленности отмечены в Забайкальском крае, Чукотском АО, Республике Саха (Якутия) и Приморском крае. Что касается шока 2022 г., то в целом на производительности труда в России в течение года он практически не сказался. В половине восточных регионов был рост, в Сахалинской и Магаданской областях и Республике Бурятии – значительный (рис. 6).

Сравнение результатов расчетов, представленных в табл. 2, с динамикой объемов отгруженной продукции обрабатывающих производств (см. табл. 1) позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся периода 2017–2022 гг. В целом по стране производительность труда в отрасли выросла на 14,84%, тогда как объемы увеличились на 47,3% (в сопоставимых ценах). То есть темпы роста производитель-

¹⁰ См.: *Магаданская область – 2022: Стат. сб.* / Хабаровскстат. – Магадан, 2022. – С. 140.

¹¹ URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/respublika-burjatija.pdf?ysc_lid=lv59jg949533157240.

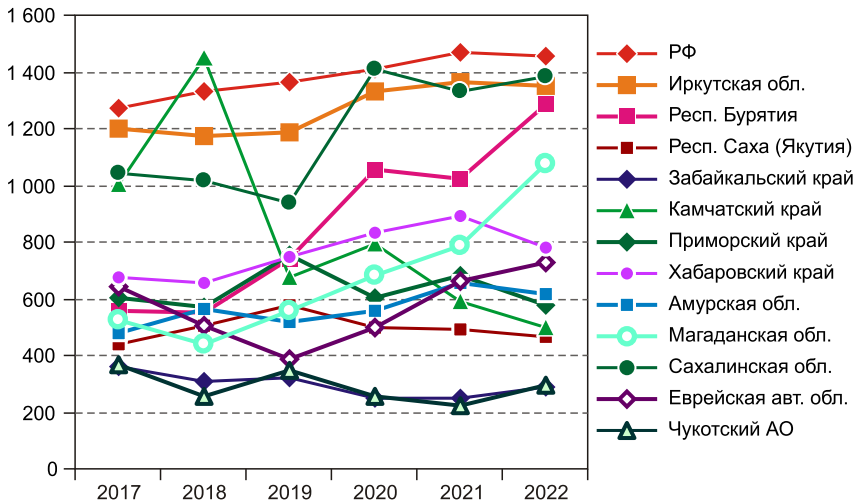


Рис. 6. Динамика производительности труда по ВЭД «Обрабатывающие производства» в регионах Востока России, 2017–2022 гг., тыс. руб./чел.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

ности труда существенно отставали от темпов роста объемов производства. В большинстве восточных регионов, даже там, где отмечался рост производительности труда, он отставал от роста объемов производства. Исключением являются Сахалин и особенно Бурятия, где рост производительности труда в обрабатывающей промышленности в период 2017–2022 гг. в 2,8 раза превысил увеличение объемов производства. Устойчивой положительной динамикой в данном регионе характеризовалась деятельность по производству прочих транспортных средств и оборудования; значительный рост объемов производства в отдельные годы наблюдался в производстве одежды, производстве резиновых и пластмассовых изделий, производстве готовых металлических изделий¹².

¹² См.: *Статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Бурятстат.* – Улан-Удэ, 2020. – С. 311; *Статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Бурятстат.* – Улан-Удэ, 2023. – С. 284.

НАЛОГОВЫЙ ПАРАДОКС

Об условиях и динамике процессов индустриализации мы можем судить в том числе по потокам налоговых платежей от обрабатывающих секторов в налоговую систему РФ (табл. 3). Общий объем поступлений налогов (в целом по экономике) в бюджетную систему России за период 2017–2023 гг. существенно вырос, он составил 51% (табл. 4). Для ДФО этот показатель равен 58%. Чтобы исключить

Таблица 3

Поступило платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации по ВЭД «Обрабатывающие производства» (строка 1087), в ценах 2017 г., млрд руб.

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РФ	3 315,01	3 331,39	3 482,90	3 537,87	3 954,00	3 450,76	4 817,48
ДФО	75,05	71,22	87,54	31,05	30,65	36,89	51,80
Иркутская обл.	42,71	36,84	39,03	36,94	45,65	35,48	33,36
Респ. Бурятия	3,30	4,94	4,49	2,13	4,24	2,19	4,02
Респ. Саха (Якутия)	1,29	1,07	1,58	1,69	1,61	2,73	3,33
Приморский край	14,66	7,38	14,28	10,49	12,91	11,37	19,06
Хабаровский край	43,99	45,38	55,32	44,32	50,44	42,42	46,16
Амурская обл.	1,98	2,41	1,81	–31,38	–38,20	–24,40	–22,37
Камчатский край	2,55	3,53	4,78	2,97	2,96	2,78	3,06
Магаданская обл.	0,62	0,61	0,56	0,73	0,68	0,70	1,40
Сахалинская обл.	2,28	2,65	2,42	2,34	2,01	2,15	3,41
Забайкальский край	3,92	2,55	1,59	–1,50	–4,93	–1,99	–4,86
Еврейская авт. обл.	0,42	0,50	0,47	0,38	0,35	0,24	0,33
Чукотский АО	0,03	0,04	0,05	0,05	0,11	0,37	0,63

Примечание: голубым цветом выделены отрицательные объемы налоговых платежей.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

Таблица 4

**Прирост поступления налоговых платежей в консолидированный бюджет
Российской Федерации, в ценах 2017 г., %**

Регион	2017– 2022	2017– 2023	2019– 2020	2019– 2021	2021– 2022	2021– 2023	2022– 2023
<i>В целом по экономике</i>							
РФ	32,3	51,3	–12,3	9,9	–1,2	13,0	14,4
ДФО	47,6	58,3	–7,7	–4,6	15,6	24,1	7,3
<i>По ВЭД «Добыча полезных ископаемых»</i>							
РФ	74,80	71,46	–31,71	17,12	7,41	5,36	–1,91
ДФО	119,13	118,34	–6,15	14,09	83,18	82,52	–0,36
<i>По ВЭД «Обрабатывающая промышленность»</i>							
РФ	4,09	45,32	1,58	13,53	–12,73	21,84	39,61
ДФО	–50,84	–30,98	–64,53	–64,99	20,35	68,98	40,41
Иркутская обл.	–16,94	–21,90	–5,34	16,96	–22,28	–26,92	–5,97
Респ. Бурятия	–33,63	21,81	–52,67	–5,74	–48,22	–4,97	83,52
Респ. Саха (Якутия)	111,62	157,93	7,26	1,91	69,87	107,05	21,88
Приморский край	–22,42	30,01	–26,54	–9,59	–11,93	47,59	67,59
Хабаровский край	–3,57	4,93	–19,88	–8,83	–15,90	–8,48	8,82
Амурская обл.	–1 333,47	–1 230,99	–1 829,21	–2 204,73	36,12	41,43	8,31
Камчатский край	9,06	20,16	–37,90	–37,93	–6,23	3,32	10,19
Магаданская обл.	12,48	124,87	30,50	22,07	3,13	106,17	99,92
Сахалинская обл.	–5,54	49,69	–3,27	–16,95	7,19	69,86	58,47
Забайкальский край	–150,76	–223,80	–194,04	–409,96	59,59	1,45	–143,88
Еврейская авт. обл.	–43,66	–20,77	–19,96	–24,95	–32,96	–5,71	40,64
Чукотский АО	1 111,86	1 981,62	–4,65	117,91	242,76	488,76	71,77

Примечания: голубым цветом выделены отрицательные значения прироста – спад показателя; жирным шрифтом выделены показатели, превышающие значение по РФ.

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

влияние инфляции, все расчеты, приводимые в этом разделе, также выполнены в ценах 2017 г.

Таблица 4 также позволяет сделать вывод о том, что реакция налоговой системы на шоки 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг. и в стране в целом, и в восточных регионах России не была одинаковой. «Ковидный шок» негативно (в разной степени) сказался на объеме налогов отрасли как в РФ в целом, так и во многих восточных регионах. Динамика на первый взгляд выглядит парадоксально: при росте обрабатывающего производства в РФ на 4,1% и в ДФО на 19,4% (см. табл. 1) налоговые поступления в 2020 г. по сравнению с 2019 г. по РФ выросли на 1,58%, а по ДФО сократились на 64,53% (см. табл. 4). Более детальный анализ по видам налогов показывает, что это связано прежде всего с возвратом экспортного НДС (рис. 7а и 7б).

В 2020 г. в ДФО значительно уменьшились поступления налога на прибыль (–38%) и в небольшой степени – НДС (–4%) (рис. 7в и 7г). Это связано в том числе с сокращением производства в период пандемии и с мерами государственной поддержки отрасли в годы пандемии в виде налоговых льгот и каникул.

К концу пандемии (2021 г.) налоговые поступления от обрабатывающей отрасли в России и в четырех восточных регионах (Иркутская область, Якутия, Магаданская область, Чукотский АО) превысили уровень 2019 г. (см. рис. 7). Этого не произошло в целом по ДФО (–64,99%). Парадоксально, однако, что в Якутии налоговые поступления выросли на 1,91% при падении объемов производства (с учетом цен) на 19,60%. Аналогичная картина – в Магаданской области: рост налоговых поступлений на 22,07% при падении объемов производства на 14,11%. В Забайкальском крае, напротив, при росте производства на 15,44% сокращение налоговых поступлений составило 409,96%, главным образом за счет возврата НДС экспортерам (см. рис. 7б). Несколько другая картина наблюдается в Еврейской автономной области (падение налоговых поступлений и объемов производства на 24,95 и 4,21% соответственно) и Чукотском АО (рост налоговых поступлений на 117,91% и объемов производства на 14,50%).

Падение налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли Сахалинской области в 2019–2021 гг. объясняется снижением мировых цен на нефть и нефтепродукты в период пандемии и сокращением спроса в странах АТР.

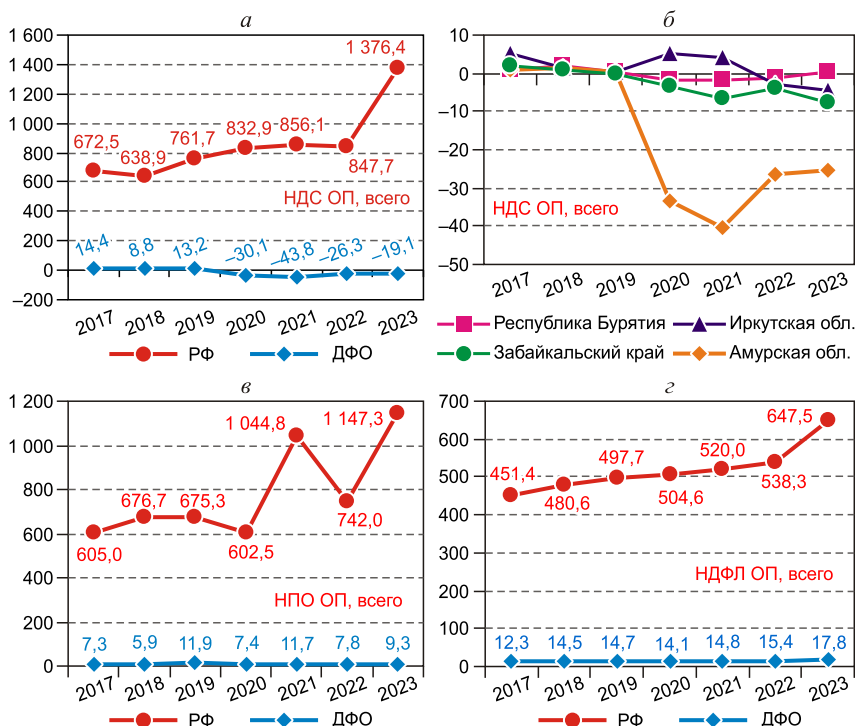


Рис. 7. Динамика объемов поступивших в консолидированный бюджет Российской Федерации федеральных налогов по ВЭД «Обрабатывающие производства» (строка 1087), млрд руб. в ценах 2017 г.: налог на добавленную стоимость, всего (а и б), налог на прибыль организаций, всего (в), налог на доходы физических лиц, всего (г)

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ФНС (https://www.nalog.gov.ru/rn87/related_activities/statistics_and_analytics/forms/)

В целом применительно к периоду 2017–2023 гг. мы можем говорить о росте налоговых платежей в консолидированный бюджет страны в целом по экономике во всех восточных регионах, за исключением Чукотского АО, а по обрабатывающей отрасли исключение составляют Иркутская область и Еврейская автономная область (см. табл. 4). Шок 2022 г. также характеризуется сокращением налоговых

поступлений по сравнению с 2021 г. в ряде восточных регионов: в целом по экономике – в семи регионах, по обрабатывающей промышленности – в шести регионах из двенадцати. В определенной степени это связано с увеличением издержек производителей вследствие санкций, об этом говорит динамика налога на прибыль (см. рис. 7в). Однако в некоторых регионах характер налоговой динамики в 2022–2023 гг. продолжает определяться объемами возврата экспортного НДС: в Иркутской, Амурской областях и в Забайкальском крае общая сумма налоговых поступлений остается отрицательной и в 2023 г.

В целом же по стране снижение налогов с предприятий обрабатывающей промышленности в 2022 г. (относительно 2021 г.) составило 12,73% (при 1,2% по экономике в целом), а в ДФО мы видим существенный рост – 20,35% (при 15,6% по экономике в целом) в условиях, когда объем производства в стране вырос (5,75%), а в ДФО, наоборот, уменьшился (–7,71%). Это может быть свидетельством возрастания удельной налоговой нагрузки на востоке страны для данной отрасли.

Расчеты показывают (см. табл. 4), что уже в 2023 г. налоговые поступления от обрабатывающей промышленности выросли и в большинстве восточных регионов превысили уровень 2021 г. Темпы этого роста в целом по стране и по ДФО выше, чем темпы роста производства (см. табл. 1): 21,84% против 4,50% в РФ и 68,98% против 12,27% в ДФО. Подобная картина наблюдается в Сахалинской и Магаданской областях, Республике Саха (Якутия), Чукотском АО, Приморском и Камчатском краях, однако там имеет место рост обоих показателей. В то же время в некоторых регионах ситуация обратная. Например, в Забайкальском крае объемы продукции обрабатывающей отрасли росли гораздо быстрее, чем налоговые платежи: 62,21 и 1,45% соответственно, то же можно сказать и об Амурской области (181,23 и 41,43%). В Иркутской области и Республике Бурятия произошло падение налоговых поступлений при росте объемов отгруженной продукции, в Еврейской автономной области и Хабаровском крае – падение обоих показателей. Главными факторами сокращения налоговых платежей стали возврат НДС и снижение рентабельности производств вследствие увеличения издержек, в том числе по заработной плате.

Отдельно стоит отметить рост НДСЛ по обрабатывающей промышленности в 2021–2023 гг. практически во всех российских регионах. В целом по стране за этот период сумма поступлений увеличилась на 24,52%, в ДФО – на 20,31% (в ценах 2017 г.). Это говорит об опережающем росте заработной платы в обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке и в целом в России по сравнению со средними показателями по экономике (за 2023 г. реальный размер средней в РФ заработной платы, по данным Росстата, увеличился на 7,8%, в 2022 г. – на 0,3%).

Наибольший рост поступлений НДСЛ по ВЭД «Обрабатывающие производства» среди восточных регионов за период 2017–2023 гг. зафиксирован в Чукотском АО (940,84%), Амурской области (202,86%) и Забайкальском крае (125,12%). Это стало следствием в том числе дефицита трудовых ресурсов, который уже официально отмечается государственными органами страны. При этом в Амурской области поступления налога на прибыль за указанный период существенно увеличились (+258,73%), а в Забайкальском крае – сократились (–22,62%), но за 2021–2023 гг. и в этом регионе наблюдался рост более чем в 3 раза.

Анализ результатов расчетов (см. табл. 4) позволяет сравнить динамику налоговых потоков за периоды 2017–2022, 2017–2023, 2022–2023 гг. и заключить, что основной рост налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах пришелся на 2023 г. Для сопоставления приведены данные о налогах по добыче полезных ископаемых, где в 2023 г. по сравнению с 2022 г. произошло снижение поступлений и в ДФО, и в целом в России. Это обстоятельство позитивно в целом для бюджета, но говорит о возрастающей налоговой нагрузке на отрасль, что при продолжении этой тенденции может уже в среднесрочном плане отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации. Усиление налоговой нагрузки может повысить риски формирования «не “экономики развития”, а “экономики выживания” с сильными элементами неэкономических принуждений» [14, с. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет необходимости приводить аргументы в пользу того, что экономика России в целом оказалась довольно устойчивой по отношению к внешним шокам последних лет, это уже отмечено и подтверждено многочисленными исследованиями и аналитическими публикациями. Однако краткосрочные результаты не гарантируют надежных положительных трендов в будущем. Поэтому важно изучать динамику ключевых отраслей и факторы, которые формируют долгосрочные тенденции. Для регионов Востока России одной из ключевых отраслей является обрабатывающая промышленность.

В данной работе рассмотрены следующие аспекты экономических процессов в восточных регионах России в период экономических шоков 2020–2021 гг. и 2022–2023 гг.: динамика производства, динамика производительности труда в обрабатывающей отрасли, динамика налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ от ее предприятий.

Оценка динамики объемов производства выполнена с учетом индекса производства по ВЭД «Обрабатывающие производства». Рост объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по данной ВЭД в России с 2017 по 2023 г. составил 45,58%, в ДФО – 100,66%. Этот рост был устойчивым в РФ на временном отрезке 2017–2022 гг., не снижался ни в период пандемии, ни в 2022 г. и лишь в 2023 г. незначительно уменьшился по сравнению с 2022 г. (на 1,18%). В ДФО этот показатель также демонстрировал рост вплоть до 2022 г., когда он снизился на 7,71%, однако уже в 2023 г. рост восстановился (21,64%). С точки зрения объемов производства процессы индустриализации в целом по ДФО в 2017–2023 гг. опережали среднероссийские темпы, исключением были только 2021 и 2022 гг. (рис. 8).

Расчеты также показали, что фактор цен на Дальнем Востоке сказался на динамике роста производства в гораздо меньшей степени, чем в целом в обрабатывающей отрасли России.

Во всех дальневосточных регионах производительность труда в целом по экономике в 2022 г. была выше, чем в 2017 г., и необходимо отметить это как позитивную тенденцию. Но по ВЭД «Обраба-

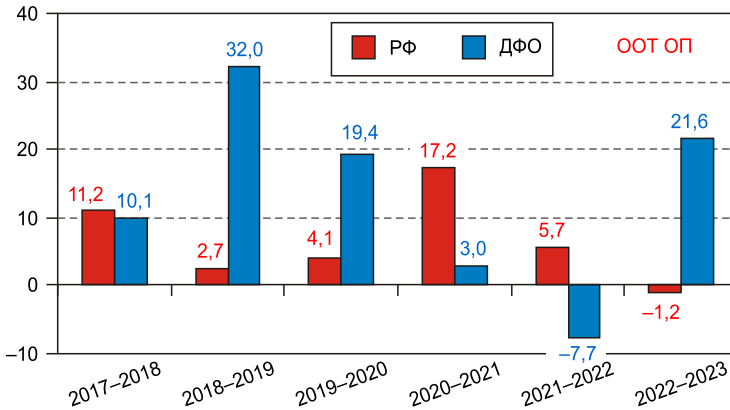


Рис. 8. Темпы прироста объемов промышленного производства по ВЭД «Обрабатывающие производства», в ценах 2017 г., %

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial)

Обрабатывающие производства» на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе в 2022 г. этот показатель был ниже среднероссийского, а в четырех регионах он снизился по сравнению с 2017 г. Это создает риски для дальнейшего развития отрасли на востоке страны, так как производительность труда в условиях нынешнего ограничения предложения трудовых ресурсов имеет первостепенное значение.

Динамика налоговых поступлений после шоков 2020 г. и 2022 г. существенно различалась (см. табл. 4), и это, несомненно, определялось характером налоговой политики, проводимой в послешоковые годы. Несмотря на рост обрабатывающего производства в РФ на 4,1% и в ДФО на 19,4%, налоговые поступления в 2020 г. по сравнению с 2019 г. по РФ выросли на 1,6%, а по ДФО сократились на 64,5%. Это непосредственно связано с мерами государственной поддержки отрасли в первый год пандемии в виде налоговых льгот и каникул. В 2023 г. мы видим кардинальный рост налоговых поступлений от обрабатывающей отрасли и в стране в целом, и в восточных регионах. Данное обстоятельство способствует наполнению бюджета, что важно в условиях возрастающих расходов в 2022–2023 гг. Но в то же

время это говорит об усилении налоговой нагрузки на отрасль, и уже в среднесрочном плане может отрицательно сказаться на ее развитии и модернизации. Налоговая реформа 2024 г. с увеличением налога на прибыль усиливает этот риск. Рост НДС в условиях напряженности на рынке труда также приведет к повышению издержек производителей и, соответственно, к сокращению их возможностей по внедрению современных технологий и наращиванию эффективности.

Сырьевая ориентация экономики большинства восточных регионов России при слабом развитии производств глубокой переработки стала одной из основных причин отставания этих регионов по комфортности жизни, несмотря на то что такие показатели, как ВРП на душу населения или инвестиционная активность, там часто выше, чем в европейской части страны. Поэтому трудно назвать региональную политику последнего десятилетия однозначно положительной, имея в виду, что «развитием можно считать положительную динамику качества жизни и качества экономики» [8, с. 10]. Часто выдвигается (больше в выступлениях должностных лиц, чем в научных исследованиях) тезис о том, что противостояние санкциям – «экономика сопротивления» – создаст новые возможности, которые в сочетании с «поворотом на восток» сформируют новые драйверы развития. Однако в такой экономике есть собственные ловушки, которые отмечаются в исследованиях (см., например, [15]).

Мы хотим подчеркнуть, что перспективы взаимодействия с Китаем для развития обрабатывающей промышленности имеют целый ряд ограничений. В работе В.Е. Селиверстова [14] справедливо отмечается, что научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая пока опирается на разные приоритеты. К этому надо добавить, что разные приоритеты в отношении модернизации экономики восточных регионов нашей страны у России и Китая мы видим уже в течение многих лет. Трудно ожидать от Китая высокой заинтересованности в создании высокотехнологичных производств даже на территории сопредельных регионов, он стремится прежде всего создавать их у себя, получая для этого масштабные и устойчивые потоки сырьевых ресурсов из России. Это и до 2022 г. проявлялось в том, что при росте товарооборота между РФ и КНР прямые

иностранные инвестиции поступали из Китая в весьма скромных масштабах [4]¹³.

В нашей работе показано, что несмотря на положительную динамику объемов производства, слабым местом обрабатывающей отрасли является производительность труда. Решение этой проблемы возможно лишь на пути технологической модернизации, однако и весь предыдущий опыт, и дополнительные препятствия санкционного характера указывают на то, что рассчитывать на сотрудничество с КНР в этих вопросах вряд ли целесообразно, по крайней мере в среднесрочном плане. Поэтому в настоящее время необходимо расширить содержание тезиса о «повороте на восток». Это не должно быть преимущественно расширение экспортно-импортного товарооборота и трансграничных взаимодействий в целом. Главным содержанием должно стать развитие горизонтальных экономических связей и кооперации между регионами, особенно в азиатской части России, для повышения эффективности экономики и качества жизни. То есть «поворот на восток» должен стать прежде всего «поворотом на Восток России».

Убедительные аргументы в пользу того, что такое понимание «восточного вектора» и корректировки на этой основе политики пространственного развития могут создать условия для «перехода на модель возобновляющегося роста социальной ценности» [14, с. 92], приводятся в работах целого ряда российских ученых [5; 6; 12; 14; 16].

Работа выполнена в рамках государственного задания ИПрЭЖ СО РАН (рег. № 121032200126-6)

Список источников

1. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д. Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 336 с.

¹³ См. также: Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Трансграничная кооперация на Востоке России: прямые иностранные инвестиции // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 243–263. DOI: 10.15372/REG20230210; Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. Some results of the “Far East” investment policy: Impact on the main sectors and personal incomes // Regional Research of Russia. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 504–513. DOI: 10.1134/S207997052370082X.

2. *Борищевский Г.А.* Влияние преференциальных режимов на развитие макрорегиона Дальнего Востока // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 103–124. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-103-124.
3. *Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С.* Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. – М.: СОПС, 2003. – 117 с.
4. *Изотов Д.А.* Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2022. – № 2 (102). – С. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.
5. *Кравченко Н.А., Маркова В.Д., Юсупова А.Т.* Сотрудничество науки и бизнеса: региональный опыт и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.
6. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.
7. *Мельникова Л.В.* Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105.
8. *Минакир П.А.* Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016.
9. *Минакир П.А.* Экономическое развитие в «ловушке» роста: случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015.
10. *Минакир П.А., Найденов С.Н.* Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.
11. *Михеева Н.Н.* Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2 (86). – С. 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605.
12. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития* / Под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – Т. 1. – 418 с. DOI: 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418.
13. *Русановский В.А., Марков В.А.* Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимосвязности // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2 (167). – С. 36–48.
14. *Селиверстов В.Е.* О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.
15. *Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.* Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 27–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42.

16. Kryukov V.A., Lavrovskii B.L., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Siberian development vector: based on cooperation and interaction // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – Vol. 31, No. 5. – P. 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

Информация об авторах

Глазырина Ирина Петровна (Россия, Чита) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а); профессор, заведующий кафедрой прикладной информатики и математики Забайкальского государственного университета (672039, Чита, ул. Александров-Заводская, 30). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Фалейчик Лариса Михайловна (Россия, Чита) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Забелина Ирина Александровна (Россия, Чита) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (672014, Чита, ул. Недорезова, 16а). E-mail: i_zabelina@mail.ru.

DOI: 10.15372/REG20240408

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 192–221

I.P. Glazyrina, L.M. Faleychik, I.A. Zabelina

MANUFACTURING INDUSTRY IN EASTERN RUSSIA AMID ECONOMIC SHOCKS

This study aims to examine the peculiarities of the manufacturing industry's development in the eastern regions of Russia. Can the "eastern vector" of regional development be considered a noteworthy factor in this dynamic? We investigate several aspects of economic processes in the eastern regions during the economic shocks of 2020–2021 and 2022–2023, including the dynamics of production, labor productivity in manufacturing, and tax revenues from manufacturing industries. The calculations are based on the production index.

In terms of production volumes, industrialization in the east of the Russian Federation generally outpaced the national average from 2017 to 2023, with the exception of 2022, though results varied significantly by region. Labor productivity in all Far Eastern regions was higher in 2022 than in 2017. However, according to the foreign economic activity (FEA) data for “Manufacturing Industries” in the Russian East, this indicator was below the national average in 2022, and in four regions, it declined compared to 2017. Given the current limited availability of labor resources, this poses risks to the continued growth of the manufacturing sector in the eastern regions.

An analysis of Federal Tax Service data revealed a substantial increase in tax revenues from the manufacturing industry both nationally and in the eastern regions in 2023. While this trend is positive for overall budget revenues, it also suggests a growing tax burden on the industry, which could negatively affect its development and modernization in the medium term.

The findings support expanding the argument for a “pivot to the east.” Rather than focusing solely on increasing exports, the priority should be on fostering horizontal economic relationships and cooperation between regions in Russia’s Asian part to improve the efficiency of regional economic systems. That is to say, a “pivot to the east” should first and foremost be a “pivot to the East of Russia”.

Keywords: manufacturing industry; production dynamics; labor productivity; tax revenues; economic shocks; Far East

For citation: Glazyrina, I.P., L.M. Faleychik & I.A. Zabelina. (2024). Obrabatyvayushchaya promyshlennost na Vostoke Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh shokov [Manufacturing industry in Eastern Russia amid economic shocks]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 192–221. DOI: 10.15372/REG20240408.

The publication is prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS (reg. No. 121032200126-6)

References

1. Antonova, N.E., N.V. Lomakina & A.D. Fayman. (2022). Prirodno-resursnyy sektor Dalnego Vostoka Rossii: “proklyatie” ili lokomotiv razvitiya? [Natural Resource Sector of the Russian Far East: “Curse” or Engine of Development?]. Khabarovsk, Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch RAS, 336.
2. Borshchevskiy, G.A. (2024). Vliyanie preferentsialnykh rezhimov na razvitie makroregiona Dalnego Vostoka [Influence of preferential regimes on the Russian Far

East development]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 2, 103–124. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-103-124.

3. *Granberg, A.G. & Yu.S. Zaytseva.* (2003). *Valovoy regionalnyy produkt: mezhr regionalnye sravneniya i dinamika* [Gross Regional Product: Interregional Comparisons and Dynamics]. Moscow, SOPS Publ., 117.

4. *Izotov, D.A.* (2022). *Integratsiya rossiyskoy ekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski* [Integration of the Russian economy with the Asia-Pacific countries: Opportunities and risks]. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2 (102), 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47.

5. *Kravchenko, N.A., V.D. Markova & A.T. Yusupova.* (2024). *Sotrudnichestvo nauki i biznesa: regionalnyy opyt i perspektivy razvitiya* [Science-business collaboration: Regional insights and development prospects]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 228–257. DOI: 10.15372/REG20240107.

6. *Kryukov, V.A. & V.E. Seliverstov.* (2022). *Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy* [Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 5, 22–40. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.

7. *Melnikova, L.V.* (2024). *Analiz strukturnykh osnovaniy mezhr regionalnoy differentsiatsii proizvoditelnosti truda* [Analysis of structural foundations of interregional labor productivity differentiation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 177–200. DOI: 10.15372/REG20240105.

8. *Minakir, P.A.* (2022). *Ternisty put na vostok: proryvy, oborachivayushchiesya tupikami* [The thorny path eastwards: Breakthroughs which turn into dead-end]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 18, No. 3, 7–16. DOI: 10.14530/se.2022.3.007-016.

9. *Minakir, P.A.* (2021). *Ekonomicheskoe razvitie v “lovushke” rosta: sluchay Dalnego Vostoka* [Economic development “trapped” in economic growth: The case of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], Vol. 17, No. 4, 7–15. DOI: 10.14530/se.2021.4.007-015.

10. *Minakir, P.A. & S.N. Naiden.* (2020). *Sotsialnaya dinamika na Dalnem Vostoke: defekt idey ili proval institutov?* [Social dynamics in the Far East: The defect of ideas or the failure of institutions?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (107), 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.

11. *Mikheeva, N.N.* (2015). *Sravnitelnyy analiz proizvoditelnosti truda v rossiyskikh regionakh* [Workforce productivity in Russian regions: Comparative analysis]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (86), 86–112. DOI: 10.15372/REG20150605.

12. *Kryukov, V.A. & N.I. Suslov* (Eds.). (2023). *Novyy impuls Aziatskoy Rossii: istochniki i sredstva razvitiya* [New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., Vol. 1, 418. DOI: 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418.

13. *Rusanovskiy, V.A. & V.A. Markov.* (2018). Zanyatost i proizvoditelnost truda v makroregionakh Rossii: prostranstvennye vzaimozavisimosti [Employment and labor productivity in macroregions of Russia: Spatial interdependence]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2 (167), 36–48.

14. *Seliverstov, V.E.* (2024). O konturakh i realistichnosti novoy modeli razvitiya Sibiri [A new model for Siberia's development: Exploring the contours and feasibility]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (121), 66–114. DOI: 10.15372/REG20240102.

15. *Smorodinskaya, N.V. & D.D. Katukov.* (2023). Iranskiy opyt prebyvaniya pod sanktsiyami: makroekonomicheskie itogi i vyvody dlya Rossii [Iranian sanctions experience: Macroeconomic outcomes and lessons for Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 6, 27–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42.

16. *Kryukov, V.A., B.L. Lavrovskii, V.E. Seliverstov, V.I. Suslov & N.I. Suslov.* (2020). Siberian development vector: based on cooperation and interaction. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 31, No. 5, 495–504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

About Authors

Glazyrina, Irina Petrovna (Chita, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia); Professor, Head of the Applied Computer Science and Mathematics Department, Transbaikal State University (30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia). E-mail: iglazyrina@bk.ru.

Faleychik, Larisa Mikhaylovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Docent, Senior Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: lfaleychik@bk.ru.

Zabelina, Irina Alexandrovna (Chita, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Senior Researcher at the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a, Nedorezov St., Chita, 672014, Russia). E-mail: i_zabelina@mail.ru.

Поступила в редколлегию 18.06.2024.

После доработки 15.08.2024.

Принята к публикации 19.08.2024.

© Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А., 2024

УДК 316.334.52

Регион: экономика и социология, 2024, № 4 (124), с. 222–252

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются социальные детерминанты консолидации городских сообществ. Цель статьи – верификация гипотез о взаимосвязи долгосрочных тенденций социально-экономического и социально-демографического развития городских сообществ в регионах российского приграничья и восприятия населением идеи социальной консолидации. На основе сопоставления данных статистики и результатов социологических исследований авторы доказывают, что отношение к консолидации не зависит от того, насколько благоприятными являются показатели демографического развития. На преобладание в общественном сознании интенции к консолидации оказывает неоднозначное воздействие фактор миграции (в случае значительной культурной дистанции она усиливается в среде коренных жителей, приобретая вид защитной реакции, короткая дистанция не побуждает к солидаризации). Выявлено, что более всего ориентированы на консолидацию «верхние» и «нижние» слои городского населения при относительной пассивности «средних», поэтому, как ни парадоксально, размывание «среднего класса» усиливает установки на солидаризацию. Способствуют их формированию и распространению информированность населения о наличии в городе элементов инфраструктуры консолидации (некоммерческие организации, общественные объединения и т.д.) и участие в их работе.

Ключевые слова: социальная консолидация; городское сообщество; социальная солидарность; инфраструктура консолидации; социологическое исследование; приграничный регион

Для цитирования: *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.* Социально-экономические детерминанты консолидации городских сообществ в приграничных регионах Центрально-Черноземной России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 222–252. DOI: 10.15372/REG20240409.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная консолидация довольно длительное время остается объектом внимания как исследователей, так и широкой общественности. За последние годы опубликовано значительное количество работ, посвященных ее анализу. В их числе публикации С.С. Аносова [1], Н.Д. Вавилиной [3], К.В. Воденко [4], М.К. Горшкова и И.О. Тюриной [5], А.Б. Гофмана [6], А.С. Капто [8], О.А. Кармадонова [9], Г.Д. Ковригиной [10], И.М. Кузнецова [11], С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова [15], П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе [17], А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина и Е.Н. Соколовой [20], В.А. Чигрина и В.В. Узунова [21] и других авторов.

Принципиально важное значение для исследования консолидации имеет разработанная О.А. Кармадоновым концепция социальной конъюнкции, представляющей собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [9, с. 11]. Противоположным конъюнкции феноменом, по мнению исследователя, выступает социальная дизъюнкция – совокупность процессов «расстройства, рассогласования, распада интеграционных средств, сопровождающихся ослаблением обоих консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [9, с. 11]. Консолидация в данном контексте интерпретируется как форма социальной конъюнкции. Значение это обусловлено тем, что солидарность, как подчеркивает Г.Д. Ковригина, одна из учеников О.А. Кармадонова, представляет собой метainститут, т.е. институт, возникающий как ответ на удовлетворение потребности в воспроизводстве общества [10, с. 19]. Эта особенность солидарности дает основание относиться

к консолидационному процессу применительно к любым сообществам как к необходимому в современных условиях фактору их развития.

В полной мере данное утверждение относится к городским сообществам, для которых, по заключению К.В. Воденко, обретение солидарности означает достижение состояния оптимальной интегрированности различных групп и слоев, имеющих общий контур действия и общие цели в социальном развитии российского общества [4].

На интеграционный потенциал солидаризации указывает и иркутский исследователь С.С. Аносов, характеризуя ее как способ обеспечения лояльности общества, способ поддержки бедных слоев населения, потенциально составляющих массовую базу социальной солидарности [1].

Исследователи обращают особое внимание на необходимость реалистического подхода к утверждению солидарных отношений, анализа его социодинамики. В частности, Н.Д. Вавилина выделяет в солидаризации четыре последовательных этапа: идентификацию, непосредственно солидаризацию, консолидацию и интеграцию. При этом каждый этап одновременно выступает как явление и как процесс, развивается самостоятельно и может быть основой для другого процесса, но может и не «вырастать» в другое состояние [3].

Вполне естественно, что социодинамика консолидации является результатом воздействия комплекса факторов, среди которых исследователи чаще всего выделяют ценностные. В работах И.М. Кузнецова содержится утверждение о том, что консолидация – результат высокого уровня ценностного консенсуса и ориентации на традиционализм [11]. Схожая позиция обосновывается и другими авторами, в частности А.Б. Гофманом [6], А.С. Капто [8], А.Д. Харичевым, А.Ю. Шутовым, А.В. Полосиным и Е.Н. Соколовой [20]. Так, А.С. Капто подчеркивает значимость для социальной консолидации «объединяющей идеологии» и «консенсуса», «базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [8, с. 259]. По мнению А.Б. Гофмана, наличие набора общепринятых и разделяемых индиви-

дами ценностей является важным условием формирования универсальной общегражданской солидарности [6, с. 160].

Нельзя не согласиться с этими утверждениями, но в то же время следует признать их неполноту, обусловленную недостаточным учетом социально-экономических предпосылок солидаризации, на которые указывают многие исследователи. Так, Н.Л. Русинова и Л.В. Панова оценивают готовность российского общества к консолидации сквозь призму проблем значительного социального неравенства, эксклюзии, ограниченности формирования социального капитала бедных слоев населения. Они заключают, что «резкое углубление экономического неравенства в современной России... привело к отчуждению значительных сегментов общества от институтов интеграции, сформировав, тем самым, не только существенные ограничения возможностей свободного участия граждан в общественной жизни; но и “запустив” механизмы социальной дезинтеграции, нашедшей свое отражение в целом ряде негативных социальных явлений, и создающей серьезные препятствия на пути консолидации нашего общества» [16, с. 221].

К аналогичным выводам приходит и Г.В. Еремичева, анализируя влияние социального неравенства на консолидационные процессы в российском обществе: «Современный уровень социального неравенства, диспропорции в распределении богатых и бедных, нерешенность насущных социальных проблем большинства крайне затрудняют процесс консолидации» [7, с. 252]. В.А. Чигрин и В.В. Узунов также подчеркивают, что «социально-экономическое неблагополучие, которое имеет совершенно отчетливое региональное измерение в России, выступает значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства» [21, с. 150]. В трактовке С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова условием консолидации является институциональное доверие, но его уровень напрямую связан с благополучием и жизненным уровнем людей [11].

Разделяя позицию упомянутых выше авторов, мы тем не менее отмечаем, что именно взаимосвязь социально-экономических факторов с консолидационными процессами в урбанизированных сообществах пока еще мало исследована как на эмпирическом, так и на

теоретическом уровне. Столь же мало изучено влияние цифровой трансформации социальных отношений на перспективы консолидации, особенно наглядно проявляющееся именно в городах. Воздействие цифровых технологий на консолидационные процессы, в том числе на локальном уровне, предметно исследуется лишь в относительно небольшом количестве работ. Так, например, Л.А. Бобова отмечает, что в современных условиях цифрового общества виртуальные средства массовых коммуникаций становятся ведущим практическим механизмом для социальной консолидации, которая «приводит к всплеску активности социальных движений и протестов. Таким образом, зарождается новый тип социальных движений – без лидеров, без иерархии, без привязки к каким-либо организациям, – деятельность которых зарождается в автономном виртуальном пространстве и моментально выходит в городскую среду» [2]. В контексте анализа влияния фактора цифровизации на консолидационные процессы в обществе заслуживает внимания статья П.С. Селезнева и В.Ш. Сургуладзе, которые рассматривают негативные аспекты такого влияния: нарастание одиночества, кризис института семьи, размывание традиционных ценностей, увеличение социального неравенства, недоверия и конфликтности за счет прекаризации труда, роботизации и финансиализации экономики и др. [17]. Эти явления существенно деформируют среду и отношения между людьми, обуславливая необходимость диагностики происходящих изменений.

Актуализации проблематики консолидации в научном дискурсе, несомненно, способствовала специальная военная операция на Украине. Большая часть исследований по этой тематике, результаты которых опубликованы в 2022–2023 гг., фиксирует рост сплоченности российского общества во время СВО (см., например, [13; 14; 22]). Однако влияние специальной военной операции на консолидационный процесс довольно специфическим образом проявляется в приграничных субъектах Российской Федерации. С одной стороны, имеются многочисленные примеры материальной и моральной поддержки участников СВО в форме как индивидуальных, так и групповых действий, которые вполне могут быть определены как микро-

практики солидарности. С другой стороны, поддержка идеи консолидации в рамках больших сообществ остается практически на одном уровне. Показательно в этой связи, что согласно проведенному нами в Белгородской, Курской и Воронежской областях в феврале 2022 г. (до начала СВО) социологическому исследованию «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», необходимость консолидации общества признавали 55,8% городских жителей Белгородской области, в октябре того же года эта доля почти не изменилась и составила 58,4%. И если в феврале 2022 г. 76,5% респондентов были готовы объединяться с другими людьми для решения местных проблем, то в октябре таких было 79,4%.

Полученные данные позволяют предположить, что несмотря на значимость фактора внешних угроз, он вряд ли является определяющим для консолидации населения субъектов РФ, по меньшей мере относящихся к Центрально-Черноземному региону, а возможно, и всей России. Скорее всего, ее перспективы зависят от более долгосрочных тенденций социально-экономического и социально-демографического характера. Целью данной статьи является оценка влияния некоторых из этих тенденций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу статьи положен анализ результатов двух социологических исследований:

1) «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды». Проведено авторами статьи в Белгородской, Курской и Воронежской областях в феврале 2022 г. методами анкетного опроса (n=1518), экспертного опроса (n=50) и фокус-группового интервью, в котором участвовали представители молодежи, работники бюджетной сферы, работники органов муниципального управления, пенсионеры, предприниматели (самозанятые), безработные (частично занятые). Исследование выполнялось для изучения когнитивных и диспозиционных оснований социальной консолидации городских сооб-

ществ, анализа ее институциональных и инфраструктурных оснований, определения уровня мотивации членов городских сообществ к конструктивному решению городских проблем, изучения имеющегося опыта объединения горожан, определения характера влияния дигитализации урбанизированной среды на социальную консолидацию;

2) «Консолидационный потенциал Белгородской области». Осуществлено Лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета методом анкетного опроса ($n=6800$) в Белгородской области в октябре 2022 г. с целью изучения специфики консолидационных процессов, протекающих в приграничном регионе – Белгородской области, которая столкнулась с серьезными вызовами и угрозами, оказавшими существенное влияние на социальные взаимоотношения.

Концептуальную основу исследований составили следующие положения.

Во-первых, реалистичное определение солидарности, учитывающее наличие двух основных подходов к трактовке данного феномена современными исследователями. Согласно первому, солидарность означает состояние общества, характеризующееся «приматом интересов коллектива над интересами личности» [12]. Сторонники второго подхода утверждают, что солидарность – это лишь «некоторая позитивная настроенность людей по отношению друг к другу, понимание того, что есть некоторое “мы”, понимание принадлежности к более широкому кругу, чем круг близких родственников» [18, с. 80].

Мы полагаем, что второй подход является наиболее адекватным реалиям современного атомизированного общества. Фактически он восходит к коммуникативной концепции солидарности Ю. Хабермаса, который связывал установление отношений солидарности именно с «неискаженностью» дискурса, т.е. с качеством коммуникаций [19, с. 158]. Поэтому в ходе исследования нами было сформулировано следующее определение солидарности: это основанная на представлении о наличии общих интересов и опыте конструктивных коммуникаций установка сознания и поведения членов конкретного сообщества, выраженная в их стремлении находить взаимопонимание и оказывать друг другу поддержку в проблемных ситуациях.

Во-вторых, разграничение понятий «солидарность» и «консолидация». Консолидация рассматривалась нами как соответствующий естественной природе человека, осуществляющийся стихийно либо целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества. В данном случае мы принимаем позицию тех исследователей, которые рассматривают консолидацию именно как процесс, означающий «объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определенных общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этнонациональной конфронтации» [8, с. 256]. Солидарность как индивидуальное качество, органичное природе человека, является не только основанием данного процесса, но и его результатом, утверждением такого типа отношений между людьми, «который является следствием осознания общности их интересов и влечет за собой моральное обязательство не вредить другим и оказывать им помощь» [23, р. 879]. В этом случае солидарность приобретает общественное значение, превращается в один из регулятивов существования социума.

При этом учитывалось, что могут осуществляться различные модели консолидационного процесса:

- стихийная – консолидация как достижение взаимопонимания между людьми вследствие их совместного проживания и наличия общих интересов;
- партнерская – управляемая консолидация как результат осознания субъектами необходимости объединения для решения своих проблем, возникающих как следствие воздействия тенденций, характеризующих их социально-экономические условия жизни, и влияния социокультурных традиций;
- административная – консолидация, осуществляемая на основе принуждения (квазисолидарность);
- утопическая – консолидация, являющаяся продуктом умозрительных мыслительных конструкций отдельных идеологов;

- имитационная (симулятивная) – консолидация как политическая декларация, направленная на достижение политических целей.

В-третьих, утверждение, что наиболее приемлемой и перспективной является партнерская модель консолидации, реализация которой в существенной степени зависит от специфики социально-экономических условий, в которых осуществляется жизнедеятельность сообществ. В нашем конкретном случае – городских сообществ. Эти условия выступают как детерминанты консолидационного процесса. В ходе экспертного опроса были выделены наиболее значимые из них, к числу которых отнесены:

1) демографическая ситуация. Значение ее определяется тем, что солидарность представляет собой социальный метainститут, т.е. институт, детерминирующий общественное воспроизводство. Следовательно, утверждение ее прямо связано с демографическими процессами;

2) иммиграция. Учитывалось, что она усиливает поликультурность локальных сообществ, затрудняя их интеграцию;

3) качество и уровень жизни. Имелось в виду, что социальное благополучие или неблагополучие сказываются на готовности и способности городских жителей к участию в решении общественных проблем.

Результаты исследований были интерпретированы с учетом статистических данных территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, проанализированных по следующим группам показателей: демографические показатели, в частности численность и динамика городского населения, компоненты изменения численности городского населения (уровни рождаемости, смертности, естественный и миграционный приросты); экономические показатели (численность и динамика малоимущего городского населения, уровень бедности и его динамика); институциональные показатели (количество и динамика социально ориентированных некоммерческих организаций, их структура, обеспеченность городского населения территориальным общественным самоуправлением).

Проверке подлежали четыре гипотезы. Первая заключалась в предположении о влиянии на восприятие консолидации со стороны демографической ситуации в регионе.

***Гипотеза 1.** Поскольку демографическая ситуация характеризуется нарастающей тенденцией естественной убыли населения с замещением коренного населения мигрантами, это существенно осложняет воспроизводство качественных характеристик городских сообществ. Отрицательная динамика естественного прироста населения в регионе должна формировать потребность в поиске социокультурных регулятивов воспроизводства населения, к числу которых и относится социальная солидарность. Следовательно, идея консолидации должна наиболее позитивно восприниматься в регионах, в которых естественная убыль выше.*

Вторая гипотеза состояла в допущении амбивалентного влияния фактора миграции на восприятие населением идеи консолидации.

***Гипотеза 2.** Чем больше миграционный прирост, тем, с одной стороны, актуальнее идея консолидации, но, с другой стороны, труднее реализация этой идеи из-за нарастания поликультурности городского сообщества.*

Согласно третьей гипотезе, готовность к консолидации существенно зависит от уровня жизни горожан.

***Гипотеза 3.** Бедность населения снижает потребность в консолидации, так как почти все ресурсы городских жителей направлены на решение проблем выживания, а идея солидаризации остается на периферии массового сознания. Более того, в бедной среде наблюдается негативная реакция на консолидационные проекты. Следовательно, в субъектах РФ с высоким уровнем бедности консолидационный проект найдет ограниченную поддержку. Но, вероятно, высокий уровень жизни также снижает желание консолидироваться, поскольку горожане, для которых он характерен, привыкли самостоятельно решать свои проблемы. Консолидация, скорее всего, наиболее возможна при опоре на средние слои населения. Однако необходимо учитывать, что для формирования проекта консолидации важным основанием выступает наличие традиций коллективной организации жизни.*

Эта гипотеза изначально рассматривалась как довольно спорная. Однако ее выдвижение опиралось на следующие аргументы. Во-первых, низкий уровень жизни людей негативно сказывается на их межличностном и, главное, институциональном доверии. Так, например, согласно исследованиям С.В. Рогачева, М.В. Ильичевой и А.В. Иванова, снижают уровень доверия к власти прежде всего те факторы, которые напрямую связаны с благополучием людей: «снижение жизненного уровня граждан» (этот фактор отметили 81,6% опрошенных), «высокая степень социального расслоения общества» (79,2%), «высокий уровень коррупции в органах власти и управления» (79,1%), «рост уровня безработицы» (78,4%), «невнимательное отношение к обращениям граждан на уровне областных органов власти, районных управ» (72,5%) [15, с. 132]. Во-вторых, исследования В.А. Чигрина и В.В. Узунова показали, что социальное неблагополучие (а оно характерно для низших страт) выступает в качестве существенного препятствия для консолидации [21]. В-третьих, исследования показывают, что нисходящая динамика уровня жизни способствует нарастанию негативистских настроений и это могло бы способствовать объединению в «борьбе за лучшую долю», но в современных условиях «негативные умонастроения и оценки базовых жизненных аспектов носят главным образом не идеологический, а прагматически-утилитарный характер» [5, с. 732].

В соответствии с четвертой гипотезой отношение к консолидации зависит от наличия в городе некоторых элементов институциональной инфраструктуры, под которой понимается комплекс организаций, учреждений, гражданских структур, способствующих сплочению местного сообщества.

Гипотеза 4. *Формирование и развитие территориального общественного самоуправления (ТОС) и социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) повышают потенциал социальной консолидации городских сообществ. СОНКО и ТОС могут выступать основой консолидационных проектов, но, очевидно, преимущественно применительно к микроуровню, на котором формулируются ценности и цели консолидации, связанные с повседневными практиками (семья, соседская община, трудовой коллектив). На этом*

уровне должны быть реализованы практики благотворительности, волонтерства и т.д. Важнейшую роль в данном процессе и играет формирование инфраструктуры консолидации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При верификации первой гипотезы анализ статистической информации показал, что начиная с 2017 г. наибольшая естественная убыль городского населения фиксируется в Курской и Воронежской областях, а наименьшая среди исследуемых регионов – в Белгородской области (рис. 1).

Результаты социологического исследования частично подтвердили гипотезу о том, что идея консолидации должна наиболее позитивно восприниматься в регионах, в которых естественная убыль выше. Так, с мнением, что российское общество нуждается в консолидации, были согласны в полной мере или преимущественно 73,3% респондентов в Курской области и 74,8% – в Воронежской, тогда как в Белгородской области их доля среди городских жителей составила только 54,8% (рис. 2). Противоположной точки зрения придержи-

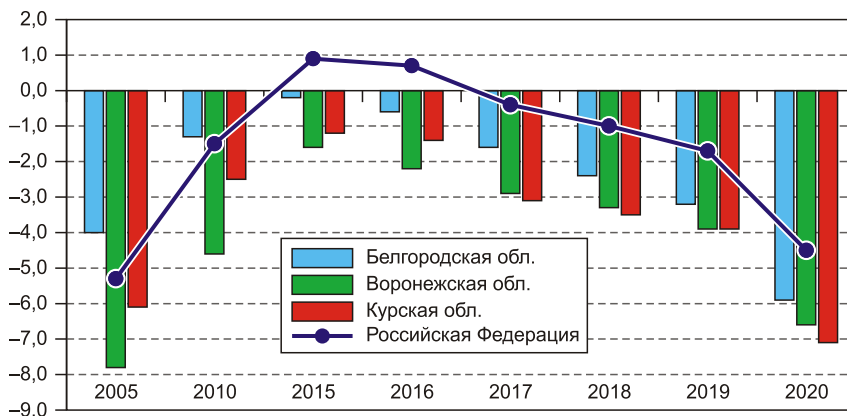


Рис. 1. Динамика значений коэффициентов естественной убыли городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

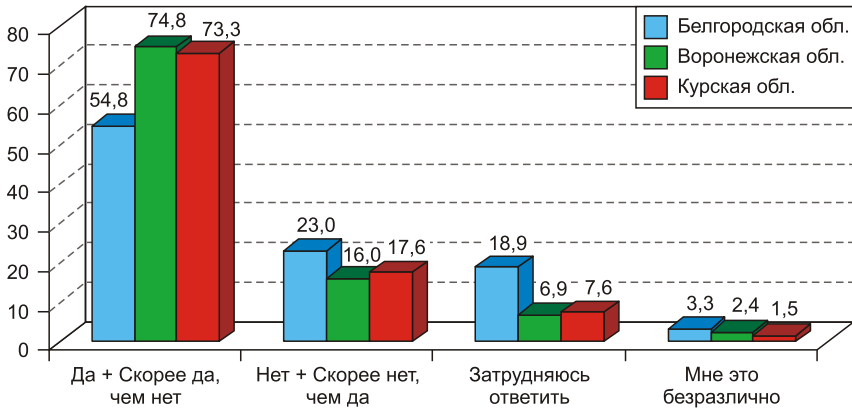


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В последнее время часто говорят, что российское общество нуждается в консолидации. Согласны ли вы с этим?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

вались 23,0% опрошенных в Белгородской области, 17,6% – в Курской и 16,0% – в Воронежской. Также необходимо отметить, что именно в Белгородской области каждый пятый (18,9%) затруднился ответить на вопрос. Это может свидетельствовать о том, что идея консолидации не является актуальной для довольно большой доли жителей данного региона.

В то же время при оценке респондентами возможности консолидации населения своего города существенных различий, связанных с местом жительства респондентов, выявлено не было: положительно ее оценивали 70,5% респондентов из Белгородской области, 70,0% – из Курской и 74,1% – из Воронежской области.

Выявленные расхождения в суждениях, по нашему мнению, не опровергают сформулированную гипотезу, поскольку оценка возможности консолидации и оценка потребностей в ней – это довольно разные вещи. Горожане могут не испытывать потребности консолидироваться, но полагать в силу тех или иных причин, что консолидация в принципе все же возможна. Оценка возможностей, скорее всего, определяется обстоятельствами, не связанными с числен-

ностью городского населения. К тому же формирование представления о невозможности консолидации предполагает ясное понимание причин этого, которое, как показал опрос, характерно лишь для относительно небольшой доли респондентов. К числу таких причин они отнесли: различия в положении людей (доходы, социальный статус, доступ к социальным благам) – это отметили 37,8% курян, 30,9% белгородцев и 29,0% воронежцев; отсутствие общих для большинства горожан ценностей – 37,2, 23,4 и 27,5% соответственно; недостаток общения людей друг с другом – 29,9, 30,6 и 22,2% соответственно (рис. 3). Наименьшую долю выборов получили варианты ответов «большая доля мигрантов» (8,6, 12,9 и 9,7% соответственно)

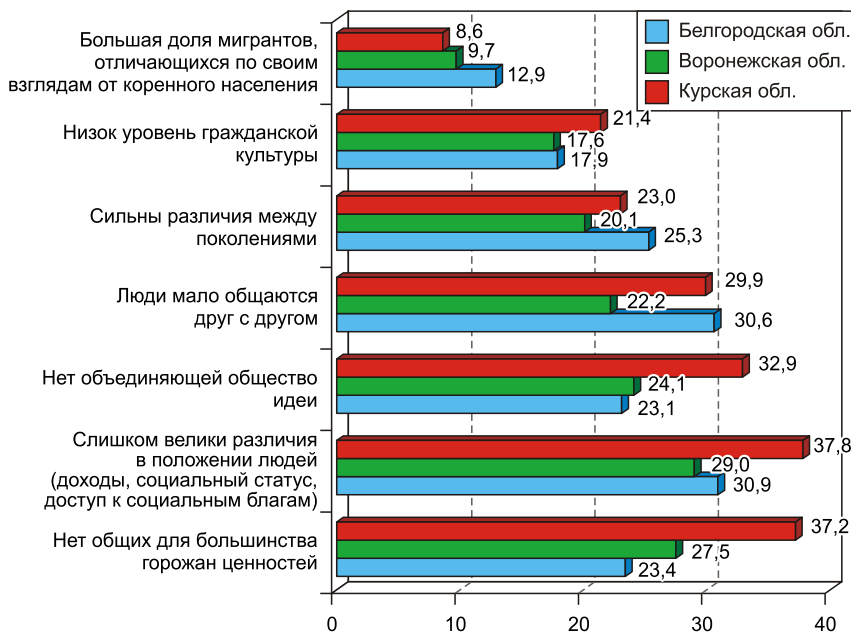


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Если нет [вы полагаете, что невозможно сегодня консолидировать (объединить) население вашего города], то почему? Укажите не более трех вариантов ответа» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

и «низкий уровень гражданской культуры» (21,4, 17,9 и 17,6% соответственно). Подчеркнем, что во всех случаях доля респондентов, выбравших какой-либо из вариантов ответа, не превысила 40%.

Таким образом, распределение ответов на вопрос о возможности консолидации не ставит под сомнение наличие связи между установкой на солидаризацию и содержанием демографических процессов в городах. Однако заслуживает внимания еще один аспект гипотезы – предположение, что востребованность консолидации определяется необходимостью поиска социокультурных регулятивов воспроизводства городского сообщества. Несмотря на то что среди специалистов существует довольно устойчивое убеждение о значимости социокультурной детерминации консолидационных процессов¹, есть основания критически отнестись к этой зависимости. Результаты нашего исследования показывают, что социокультурные запросы, в основе которых лежит стремление обрести общие (консолидирующие) ценности, у горожан выражены довольно слабо. Во многом поэтому в большинстве случаев консолидация локальных сообществ в настоящее время остается в пределах чисто символической декларации о намерениях.

При проверке второй гипотезы было установлено, что рост численности городского населения в исследуемых регионах (как и в целом в Российской Федерации) в 2005–2020 гг. обеспечивался в основном за счет миграции, масштаб которой постоянно увеличивался с 1975 г. (рис. 4).

Несмотря на общую тенденцию, коэффициент миграционного прироста имеет нестабильную динамику в разрезе отдельных регионов (рис. 5). В 2019–2020 гг. наиболее активно миграционные процессы протекали в городских сообществах Белгородской и Курской областей, в которых различаются показатели востребованности консолидации. При сравнительно низкой востребованности консолидации в Белгородской области регион характеризуется сравнительно высоким уровнем миграционного прироста. В Курской области ситуация противоположная. В Воронежской области наблюдается срав-

¹ Фактически этот подход обосновывается в относительно недавней публикации исследователей во главе с А.Д. Харичевым [20].

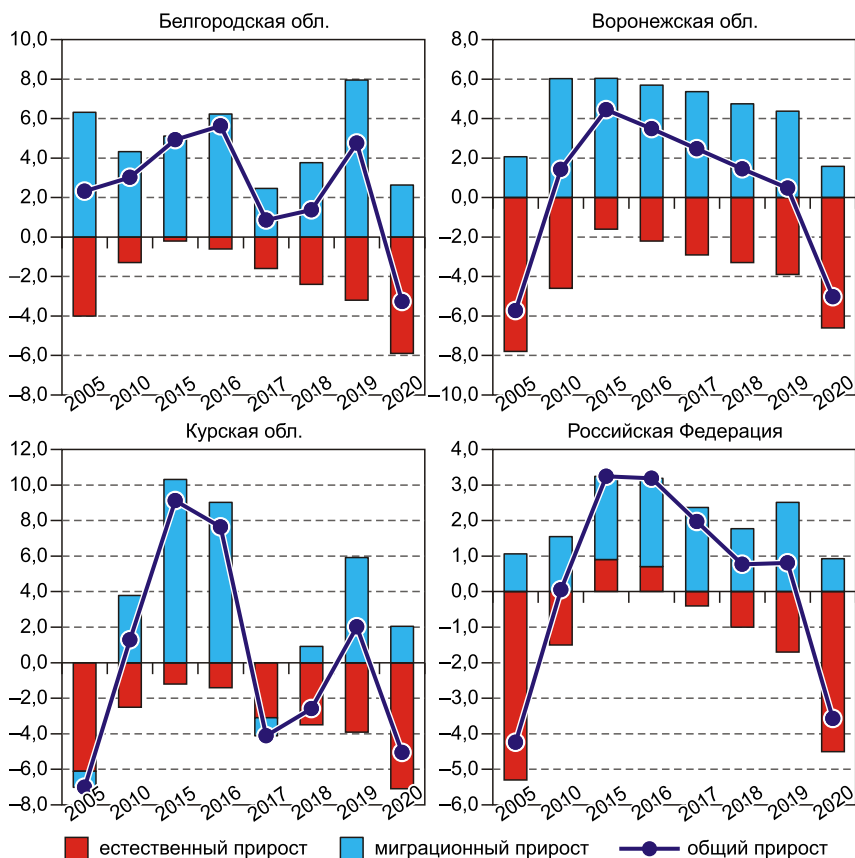


Рис. 4. Динамика и компоненты изменения численности городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

нительно низкий миграционный прирост при сравнительно высокой потребности в консолидации.

Таким образом, в первой своей части вторая гипотеза не нашла подтверждения. Скорее всего, имеет место зависимость не между численностью мигрантов и потребностью консолидации, но между структурой миграционного потока и этой потребностью. Если большин-

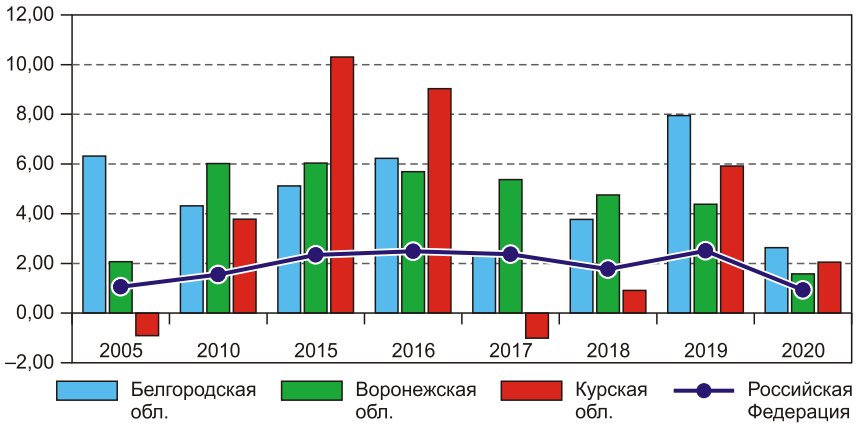


Рис. 5. Коэффициент миграционного прироста городского населения в 2005–2020 гг., %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

ство мигрантов принадлежат к родственной культурной традиции, их присутствие обычно не воспринимается коренным населением как повод рассматривать консолидацию в качестве механизма защиты собственной идентичности. Ситуация в Белгородской области объясняется тем, что основную массу мигрантов в ней составляют жители восточных регионов Украины, длительное время принадлежащих к одному и тому же социокультурному пространству – Слобожанщине. Но различия в культурных традициях, проявившиеся в ходе миграции, могут стимулировать консолидацию, поскольку актуализируют в сознании части граждан проблему определения собственной идентичности, которая рассматривается нами в качестве исходного основания для движения по консолидационному маршруту².

² На эту же зависимость указывают и другие авторы: «...Социальная идентичность определяется как субъективно проинтерпретированная социальная категория, в которую встроен человек и к которой он испытывает чувство принадлежности. Подобными социальными категориями могут являться семья, класс, пол, политическое движение, территориальная общность, этническая или национальная группа, общество, страна, государство» [20, с. 11].

Вместе с тем процесс городской идентификации протекает нелинейно. В одних случаях (Курская область) он прямо соотносится с долей населения, долго проживающего на территории региона, в других случаях (Белгородская и Воронежская области) этого не происходит (табл. 1). Большинство участников исследования являются коренными жителями или переехали в регион более 10 лет назад (рис. 6): 76,1% в Белгородской области, 76,5% – в Воронежской и 73,5% – в Курской, но доля коренных жителей в Белгородской области несколько ниже (53,7% против 60,6% в Курской области и 60,7% в Воронежской).

Вполне вероятно, что в данном случае взаимосвязи между жителями определяются прочностью и длительностью существования городских культурных традиций. Для Белгородской области характерна их относительная кратковременность (область образована в 1954 г. на преимущественно сельских территориях). В Воронежской области эти традиции должны быть объективно слабее из-за относительно больших размеров региона.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Кем вы ощущаете себя в первую очередь?» с учетом места жительства респондентов, %

Вариант ответа	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.	В с е г о
Жителем своего города	27,2	28,3	35,9	29,6
Жителем своего региона (области)	10,3	12,0	9,7	11,0
Гражданином России	47,6	46,3	38,5	44,9
Жителем СНГ	3,3	3,5	5,3	3,8
Европейцем, жителем Европы	2,2	1,7	0,3	1,5
Гражданином мира (планеты Земля)	5,7	4,4	4,7	4,9
Другое (укажите)	0,0	0,1	0,3	0,1
Затрудняюсь ответить	3,7	3,7	5,3	4,1
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

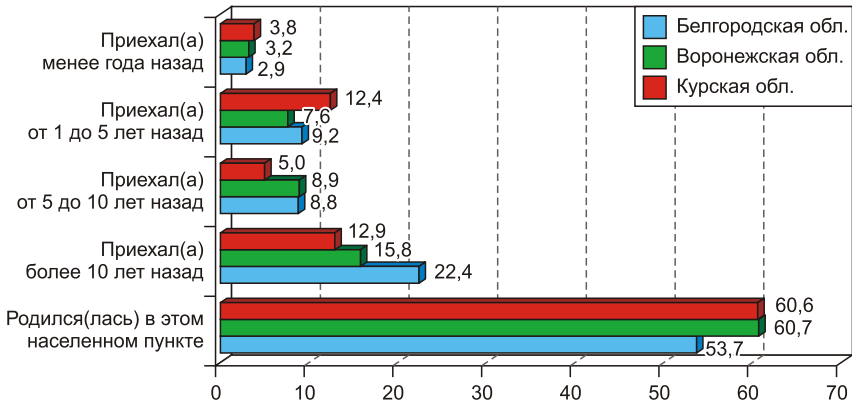


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Вы родились в данном городе или переехали сюда позже?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

При верификации третьей гипотезы мы учитывали, что согласно данным Федеральной службы государственной статистики, во всех исследуемых регионах доля городского населения с доходами ниже прожиточного минимума меньше среднероссийского значения (9,7%), наибольшее значение в 8,0% фиксируется в Воронежской области, 7,0% – в Белгородской и 6,4% – в Курской (рис. 7). Однако различия лежат в пределах статистической погрешности и можно говорить об относительной однородности рассматриваемых субъектов РФ по данному показателю.

Субъективная оценка собственного положения у респондентов также различается незначительно. Благополучной (вариант ответа «живем в достатке, ни в чем себе не отказываем») свою жизнь оценивали 17,1% горожан в Белгородской области, 19,7% – в Воронежской и 15,0% – в Курской (табл. 2). Свой уровень жизни как средний (вариант ответа «денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники») определили 56,8% участников исследования из Белгородской области, 60,6% – из Курской и 58,9% – из Воронежской. Бедными себя считали (вариант ответа «живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники»)

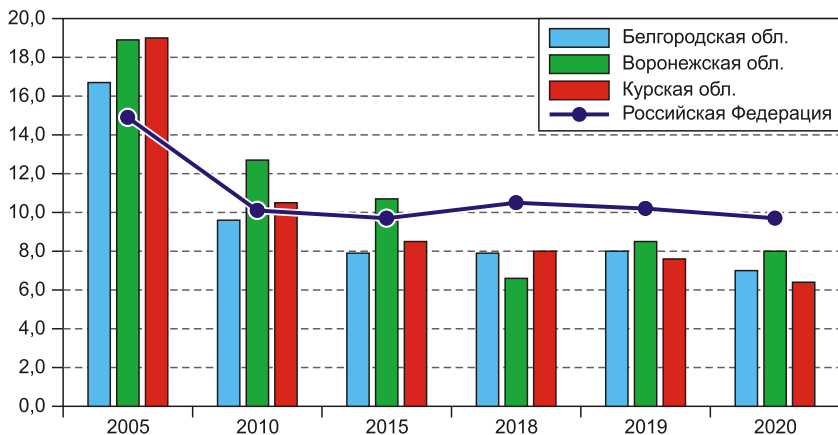


Рис. 7. Доля городского населения в общей численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Оцените уровень благосостояния вашей семьи» с учетом места жительства респондентов, %

Вариант ответа	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.	В с е г о
Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	17,1	15,0	19,7	16,7
Живем средне, денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники	56,8	58,9	60,6	58,6
Живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники	17,8	17,6	12,4	16,5
Живем крайне бедно	4,8	3,7	1,5	3,6
Затрудняюсь ответить	3,5	4,8	5,9	4,7
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

17,8% белгородских, 17,6% воронежских и 12,4% курских горожан. Признание своей абсолютной бедности (вариант ответа «живем бедно») характерно для 4,8% респондентов из Белгородской области, 1,5% – из Курской и 3,7% – из Воронежской.

Результаты социологического исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» свидетельствуют, что мнение о необходимости консолидации российского общества полностью разделяли (вариант ответа «да») 44,4% респондентов, оценивающих свой уровень благосостояния как абсолютную бедность, и 43,5% участников исследования, живущих в достатке (табл. 3). Среди оценивающих свой уровень жизни как средний (вариант ответа «денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники») таких оказалось 38,2%, а среди бедных (вариант ответа «живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники») – только 30,4%.

Таким образом, потребность в консолидации наиболее отчетливо проявляется среди наиболее бедных слоев городского населения. В несколько меньшей степени она проявляется среди наиболее богатых и средних слоев, что опровергает выдвинутую ранее гипотезу. Отрицательный результат в данном случае важен, поскольку позволяет подвергнуть сомнению тезис о средних слоях («среднем классе») как основном социальном ресурсе консолидации. Скорее можно согласиться с позицией А.С. Капто, согласно которой «субъект социальной консолидации – весь социум, общество» [8, с. 258].

В ходе проверки четвертой гипотезы было принято во внимание, что некоммерческие организации наиболее массово представлены в Воронежской области: здесь на 10 тыс. городских жителей приходится 10,6 ед. подобных объединений. В Белгородской области их 10,1 ед. (это сопоставимо со среднероссийским уровнем в 10,0 ед.), в Курской области – 8,7 ед. (рис. 8).

Однако эти сведения относятся к региону в целом. Статистические данные, касающиеся представленности общественных объединений в городах, отсутствуют. Данное обстоятельство создает препятствие для корректной проверки гипотезы. К тому же несмотря на

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В последнее время часто говорят, что российское общество нуждается в консолидации. Согласны ли вы с этим?» с учетом уровня благосостояния респондентов, %

Вариант ответа	Уровень благосостояния				В с е г о
	Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	Живем средне, денег хватает на продукты, содержание автомобиля, покупку бытовой техники	Живем бедно, денег хватает на продукты, иногда на покупку бытовой техники	Живем крайне бедно	
Да	43,5	38,2	30,4	44,4	37,4
Скорее да, чем нет	25,7	31,1	35,6	27,8	31,0
Скорее нет, чем да	14,2	13,7	14,8	14,8	14,1
Нет	4,3	4,0	4,0	5,6	4,3
Затрудняюсь ответить	11,1	10,7	10,4	5,6	10,7
Мне это безразлично	1,2	2,2	4,8	1,9	2,4
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

достаточную распространенность СОНКО, население далеко не всегда информировано об их деятельности. Уровень информированности в данном случае по регионам составил 70,5% респондентов в Воронежской области, 66,8% – в Курской и 61,2% – в Белгородской (табл. 4).

Население наиболее информировано о деятельности профсоюзов, общественных движений (волонтерские, экологические, патриотические и т.д.), ТОС, общественных советов, НКО и групп в социальных сетях (рис. 9). Менее всего граждане знакомы с деятельностью религиозных организаций, фондов социальной направленности и общественных палат.

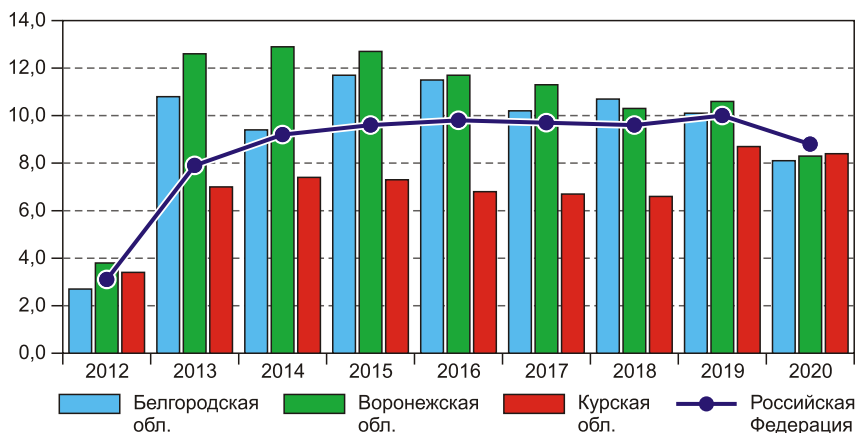


Рис. 8. Динамика количества социально ориентированных некоммерческих организаций на 10 тыс. населения в 2012–2020 гг., ед.

Источник: построено авторами на основе данных Росстата

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы: «Знаете ли вы о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем?» и «Участвуете ли вы в деятельности какой-нибудь общественной организации, являетесь ли членом какого-нибудь объединения, профсоюза и т.п.» с учетом места жительства респондентов, %

Показатель	Белгород- ская обл.	Воронеж- ская обл.	Курская обл.
Кол-во СОНКО на 10 тыс. жителей, ед.	10,1	10,6	8,7
Доля ответивших «да» на вопрос: «Знаете ли вы о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем?», %	61,2	70,5	66,8
Доля ответивших «да» на вопрос: «Участвуете ли вы в деятельности какой-нибудь общественной организации, являетесь ли членом какого-нибудь объединения, профсоюза и т.п.?», %	37,7	43,5	29,4

Источник: построено авторами на основе данных Росстата (первая строка) и результатов опроса, проведенного в 2022 г. (вторая и третья строки).

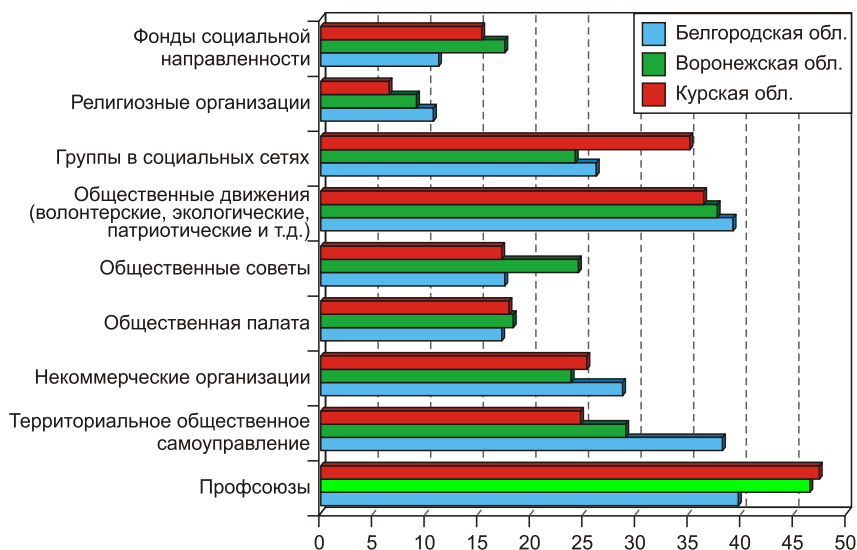


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Если да [вы знаете о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в вашем городе и активно участвующих в решении местных проблем], то о каких?» с учетом места жительства респондентов, %

Источник: построено авторами по результатам опроса, проведенного в 2022 г.

Недостаточная информированность респондентов существенно затрудняет верификацию гипотезы. Тем не менее анализ показывает следующее:

- чем выше уровень информированности городских жителей о деятельности НКО, тем более они убеждены в востребованности и необходимости консолидации. Так, среди респондентов, знающих о каких-либо общественных организациях или объединениях, функционирующих в их городе и активно участвующих в решении местных проблем, 74,7% в полной мере или преимущественно согласны с необходимостью консолидации российского общества. Среди неинформированных горожан таких только 58,3%;
- чем активнее горожане участвуют в деятельности общественных объединений, тем более утвердительно они отвечают на

вопрос о необходимости консолидационного процесса. Мнение о необходимости консолидации российского общества полностью разделяли 50,5% горожан – членов общественных организаций и объединений и только 30,2% не состоящих в них.

Таким образом, четвертая гипотеза нашего исследования нашла свое подтверждение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ, разумеется, не дает полного представления о всей совокупности социальных детерминант консолидации городских сообществ. Он позволяет судить о сложности и противоречивости данного процесса, который не допускает упрощенного подхода, основанного на презумпции административных решений. Ограниченность их возможностей подтвердил, в частности, опыт реализации в Белгородской области Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы». Осуществление Стратегии завершилось публикацией Постановления Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области “Об утверждении Стратегии “Формирование регионального солидарного общества” на 2011–2025 годы” от 24 ноября 2011 года № 435-пп», основанием для которого было заявлено исполнение ее мероприятий всеми участниками в установленные сроки. Однако объективный анализ результативности данной программы не был проведен, что говорит о недостаточной обоснованности такого заключения.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что полученные данные позволяют заключить следующее: хотя идея социальной консолидации находит наиболее значительную поддержку среди городских жителей, относящихся к наименее обеспеченным слоям населения, она будет иметь более широкую массовую базу во всех слоях городского сообщества, где этот процесс воспринимается как способ коллективных действий, направленных на обретение (или сохранение и преумножение) благополучия. Эта концепция найдет поддержку и среди представителей «верхнего класса», для которого она привлекательна способностью (не вполне очевидной) стать основанием для

сохранения общественной стабильности и минимизации социальных конфликтов. В любом случае важно, чтобы консолидация не приобрела негативный характер, не превратилась в процесс противопоставления «своих» и «чужих». Следовательно, она должна носить регулируемый и саморегулируемый характер.

Список источников

1. *Аносов С.С.* Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. – 2021. – № 2. – С. 5–20.
2. *Бобова Л.А.* Механизмы социальной консолидации в сетевом обществе // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/80/80> (дата обращения: 10.07.2023).
3. *Вавилина Н.Д.* Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 3 (103). – С. 164–194.
4. *Воденко К.В.* Городские поселения в социальном пространстве российского общества: историческая память в контексте социальной консолидации // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47, № 1. – С. 137–141. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141.
5. *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 720–739.
6. *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник – 2012: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 97–167.
7. *Еремичева Г.В.* Социальное неравенство – негативный фактор в процессе консолидации // Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. СИ РАН. – СПб.: ООО «Нестор-История», 2010. – С. 219–249.
8. *Канто А.С.* Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 1. – С. 256–265.
9. *Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – 2015. – № 2 (370). – С. 3–12.
10. *Ковригина Г.Д.* Социальная солидарность как метainститут: Дисс. ... д-ра филос. наук. – Иркутск, 2020. – 304 с.
11. *Кузнецов И.М.* Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
12. *Левин В.И.* Философия, логика и методология науки. – Пенза: ПГТА, 2010. – 66 с.

13. Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 85–96.
14. Реутов Е.В. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* – 2023. – Т. 48, № 4. – С. 704–709. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709.
15. Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* – 2022. – № 1. – С. 129–140. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.
16. Рушинова Н.Л., Панова Л.В. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества // *Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. СИ РАН.* – СПб.: ООО «Нестор-История», 2010. – С. 164–218.
17. Селезнев П.С., Сургуладзе В.Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // *Век глобализации.* – 2021. – № 4. – С. 131–144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09.
18. Филиппов А.Ф. Солидарность внутри наций, обществ, общностей? // *Метод.* – 2010. – № 1. – С. 79–97. – URL: <https://rucont.ru/efd/476602> (дата обращения: 31.08.2023).
19. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 384 с.
20. Харичев А.Д., Шутлов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // *Журнал политических исследований.* – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.
21. Чигрин В.А., Узунов В.В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // *Гуманитарий Юга России.* – 2022. – Т. 11, № 1 (53). – С. 150–159.
22. Шутпанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество.* – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8.
23. Robert P. Dictionnaire de la langue française. – P.: Le Robert, 1993.

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович (Россия, Белгород) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Гайдукова Галина Николаевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, доцент Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (199178, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., 57/43). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Шаповал Жанна Александровна (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

DOI: 10.15372/REG20240409

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 222–252

V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF URBAN COMMUNITY CONSOLIDATION IN THE BORDER CENTRAL BLACK EARTH REGIONS OF RUSSIA

This article examines the social determinants of urban community consolidation. Its goal is to test hypotheses regarding the relationship between long-term socio-economic and socio-demographic trends in urban communities within Russia's border regions and the population's perception of social consolidation. By comparing statistical data and sociological research findings, the authors demonstrate that attitudes toward consolidation are not necessarily tied to favorable demographic indicators. Migration has a mixed impact on the prevalence of consolidation in the public consciousness (when cultural distance is significant, consolidation tendencies strengthen among natives as a protective response, whereas smaller cultural distances do not encourage solidarization). The study finds that the "upper" and "lower" strata of the urban population are most inclined toward consolidation, while the "middle" class remains relatively passive. Paradoxically, the erosion of the middle class fosters stronger consolidation attitudes. Additionally, the population's awareness of the presence of consolidation infrastructure in their city (such as NGOs and public associations) and participation in these organizations contribute to the development and spread of consolidation efforts.

Keywords: social consolidation; urban community; social solidarity; consolidation infrastructure; sociological research; border region

For citation: Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2024). Sotsialno-ekonomicheskie determinanty konsolidatsii gorodskikh soobshchestv v prigranichnykh regionakh Tsentralno-Chernozemnoy Rossii [Socio-economic determinants of urban community consolidation in the border Central Black Earth regions of Russia]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 222–252. DOI: 10.15372/REG20240409.

References

1. Anosov, S.S. (2021). Effektivnost konsolidatsii: sotsialnaya politika gosudarstva [Consolidation efficiency: Social policy of the state]. Sotsiologiya [Sociology], 2, 5–20.
2. Bobova, L.A. (2014). Mekhanizmy sotsialnoy konsolidatsii v setevom obshchestve [Mechanisms of social consolidation in the network society]. Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 2 (35). Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/80/80> (date of access: 10.07.2023).
3. Vavilina, N.D. (2019). Solidarizatsiya kak sotsialnoe yavlenie i sotsialnyy protsess: regionalnyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and a social process: Regional context]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (103), 164–194.
4. Vodenko, K.V. (2022). Gorodskie poseleniya v sotsialnom prostranstve rossiyskogo obshchestva: istoricheskaya pamyat v kontekste sotsialnoy konsolidatsii [Urban settlements in the social space of russian society: Historical memory in the context of social consolidation]. NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], Vol. 47, No. 1, 137–141. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-137-141.
5. Gorshkov, M.K. & I.O. Tyurina. (2023). Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyakh sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskii i tsennostno-mirovozzrencheskiy konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology], Vol. 23, No. 4, 720–739.
6. Gofman, A.B. (2013). Solidarnost ili pravila, Dyurkgeym ili Khayek? O dvukh formakh sotsialnoy integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. In: N.E. Pokrovsky & D.V. Efremenko (Eds.). Sotsiologicheskii ezhegodnik – 2012: Sb. nauch. tr. [Sociological Yearbook 2012: Collection of scientific works]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 97–167.
7. Eremicheva, G.V. (2010). Sotsialnoe neravenstvo – negativnyy faktor v protsesse konsolidatsii [Social inequality is a negative factor in the process of consolidation]. In: Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: Sb. nauch. tr. SI RAN [Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya LLC, 219–249.

8. *Kapto, A.S.* (2015). Obyedinyayushchie tsennosti sotsialnoy konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 1, 256–265.
9. *Karmadonov, O.A.* (2015). Solidarnost, integratsiya, konyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2 (370), 3–12.
10. *Kovrigina, G.D.* (2020). Sotsialnaya solidarnost kak metainstitut: Diss. ... d-ra fil. nauk [Social solidarity as a meta-institution: Doctor of Philosophy Thesis]. Irkutsk, 304.
11. *Kuznetsov, I.M.* (2021). Osnovaniya tsennostnoy konsolidatsii rossiyan: traditsionalizm i obnovenie [Foundations of Russians' value consolidation: Traditionalism and renewal]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 8, 93–102. DOI: 10.31857/S013216250014161-0.
12. *Levin, V.I.* (2010). Filosofiya, logika i metodologiya nauki [Philosophy, Logic, and Methodology of Science]. Penza, Penza State Technological University, 66.
13. *Merzlikin, N.V. & A.V. Ivanov.* (2022). Sotsialnaya konsolidatsiya v kontekste spetsialnoy voennoy operatsii (ekspertnaya otsenka) [Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment)]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], Vol. 28, No. 4, 85–96.
14. *Reutov, Ye.V.* (2023). Vliyanie spetsialnoy voennoy operatsii na protsessy sotsialnoy konsolidatsii v Belgorodskoy oblasti [Influence of special military operation on the processes of social consolidation in the Belgorod region]. *NOMOTHIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law], Vol. 48, No. 4, 704–709. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709.
15. *Rogachev, S.V., M.V. Ilyicheva & A.V. Ivanov.* (2022). Sotsialnoe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: New opportunities and risks]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences], 1, 129–140. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140.
16. *Rusinova, N.L. & L.V. Panova.* (2010). Sotsialnye neravenstva i ogranichenost resursov sotsialnogo kapitala kak prepyatstviya konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Social inequalities and limited social capital resources as barriers to the consolidation of Russian society]. In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: Sb. nauch. tr. SI RAN* [Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society: Collection of Scientific Works of the SI RAN]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya LLC, 164–218.
17. *Seleznev, P.S. & V.Sh. Surguladze.* (2021). Tsifrovye vyzovy sotsialno-politicheskoy konsolidatsii i kollektivnoy identichnosti obshchestva [Digital challenges of social and political consolidation and collective society identity]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 4, 131–144. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.09.
18. *Filippov, A.F.* (2010). Solidarnost vnuri natsiy, obshchestv, obshchnostey? [Solidarity within nations, societies, communities?]. *Metod* [Method], 1, 79–97. Available at: <https://rucont.ru/efd/476602> (date of access: 31.08.2023).
19. *Habermas, J.* (2000). Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 384.

20. *Harichev, A.D., A.Yu. Shutov, A.V. Polosin & E.N. Sokolova.* (2022). *Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsialno-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniy i aprobatsii)* [Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (Based on research and testing materials)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], Vol. 6, No. 3, 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.

21. *Chigrin, V.A. & V.V. Uzunov.* (2022). *Osobennosti sotsialnoy konsolidatsii regionalnykh soobshchestv Yuga Rossii* [Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], Vol. 11, No. 1 (53), 150–159.

22. *Shushpanova, I.S.* (2022). *Osobennosti sotsialno-politicheskoy konsolidatsii Rossiyskogo obshchestva i gosudarstva v usloviyakh provedeniya spetsialnoy voennoy operatsii: sotsiologicheskiy analiz* [Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: Sociological analysis]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], Vol. 28, No. 4, 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8.

23. *Robert, P.* (1993). *Dictionnaire de la langue française* [Dictionary of the French language]. Paris, Le Robert.

About Authors

Babintsev, Valentin Pavlovich (Belgorod, Russia) – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor at the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: babintsev@bsu.edu.ru.

Gaidukova, Galina Nikolaevna (St. Petersburg, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Associate Professor at the RANEPa St. Petersburg – North-West Institute of Management (57/43, Sredny Ave., Vasilievsky Island, 199178, St. Petersburg, Russia). E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru.

Shapoval, Zhanna Aleksandrovna (Belgorod, Russia) – Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Associate Professor at the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University (85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia). E-mail: shapoval@bsu.edu.ru.

Поступила в редколлегию 04.03.2024.

После доработки 12.04.2024.

Принята к публикации 15.04.2024.

© Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., 2024

А.Л. Осмоловская-Суслина, С.Р. Борисова

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ РАБОТНИКОВ В СУБЪЕКТАХ РФ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Целью данной работы является анализ коэффициента покупательной способности работающего населения в России по регионам, по видам экономической деятельности и по децильным группам с акцентом на работников с относительно приемлемым уровнем заработка (т.е. людей, которые не находятся у черты бедности, но при этом не могут считаться богатыми). Подобный ракурс в научной литературе встречается достаточно редко, однако он может дополнить картину благосостояния российских работников и быть полезным как для исследователей, так и для региональных органов власти.

В работе вводятся понятия минимально необходимого и приемлемого уровней заработной платы и выполняется анализ распределения работников по децильным группам соответственно уровню покупательной способности в 85 субъектах РФ для 18 видов экономической деятельности по разделам ОКВЭД 2 для периода 2017–2022 гг. Анализ показал, что достижение работником минимально необходимого и приемлемого уровней заработной платы различается по секторам занятости. Однако в первом случае эта дифференциация в большинстве регионов со временем уменьшается, а во втором – увеличивается. Выявлены виды деятельности, наиболее и наименее благополучные с точки зрения достижения работниками приемлемого уровня заработка, а также сделаны выводы относительно регионов, имеющих выраженную отраслевую специализацию.

Ключевые слова: заработная плата; коэффициент покупательной способности; субъекты РФ; виды экономической деятельности; децильные группы работников; приемлемый уровень заработной платы

Для цитирования: Осмоловская-Суслина А.Л., Борисова С.Р. Покупательная способность работников в субъектах РФ по видам экономической деятельности // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 253–281. DOI: 10.15372/REG20240410.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что анализу благосостояния населения в России посвящено множество работ, данную тему нельзя назвать исчерпанной. Наличие социальных проблем закономерно смещает внимание исследователей в сторону изучения бедности и неравенства населения по уровню доходов [3; 5; 6; 9–12; 14; 18], однако для формирования целостной картины благосостояния российского общества может быть полезным включение в анализ дополнительных ракурсов. В частности, научную и практическую ценность может иметь обзор положения работников с условно «приемлемым» уровнем заработка, т.е. людей, которые не находятся у черты бедности, но при этом не являются богатыми. Отдельный интерес представляет также уровень доходов работающего населения в субъектах РФ в зависимости от вида экономической деятельности, поскольку сектор занятости выступает значимым фактором дифференциации зарплат [2; 4; 8; 13; 15–17].

Целью данной работы является анализ коэффициента покупательной способности (КПС) работающего населения в России по регионам, по видам экономической деятельности и по децильным группам. В фокусе внимания находятся две категории работников: с минимально необходимым и с относительно приемлемым уровнем заработка. Под покупательной способностью работника понимается отношение его заработной платы к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в заданном регионе. Отметим при этом, что в рамках настоящей работы используется предпосылка, что зарплата полностью уходит на удовлетворение потребностей самого работника, т.е. вопросы иждивенцев и состава семьи не рассматриваются.

В качестве *минимально необходимого уровня заработной платы* выбрана сумма, эквивалентная стоимости одного фиксированного на-

бора товаров и услуг¹ в месяц². Такой показатель для целей нашего исследования является более предпочтительным по сравнению с относительными показателями монетарной бедности, измеряемыми в процентах от медианного дохода³, поскольку последние не дают возможности увязать уровень дохода работника с фактической стоимостью жизни в регионе.

Понятие *приемлемого уровня заработной платы* не имеет общепринятого однозначного определения. В контексте данной работы приемлемым представляется уровень заработка, эквивалентный приобретению не менее трех фиксированных наборов, т.е. коэффициент покупательной способности равен трем. Такая заработная плата позволила бы работнику не только покрывать в текущем периоде свои базовые минимальные потребности (эквивалентные одному фиксированному набору), но и оплачивать товары и услуги не первой необходимости, а также брать на себя некоторые дополнительные финансовые обязательства (кредиты, ипотека, аренда жилья и т.п.) или совершать крупные покупки, проводить отпуск вне дома и/или делать сбережения без ущерба базовому потреблению⁴.

¹ Отказ от использования показателя прожиточного минимума в пользу фиксированного набора в качестве критерия обусловлен необходимостью межрегионального сравнения, для которого показатель фиксированного набора изначально был разработан Росстатом.

² Здесь стоит отметить, что при определении подобных показателей используется отсечение «достигается не менее чем один фиксированный набор», т.е. фактически абсолютный показатель может быть больше.

³ Относительная монетарная бедность, согласно подходу ОЭСР, представляет собой 60% от медианного располагаемого дохода домохозяйства [7]. Данная концепция лежит в основе расчета минимального размера оплаты труда [19; 20].

⁴ В частности, средний платеж по ипотечным кредитам составил в апреле 2023 г. около 30 тыс. руб. (данные компании Frank RG), что превышает размер фиксированного набора в подавляющем большинстве регионов. Средняя ставка по аренде однокомнатной квартиры, по данным компании «Циан.Аналитика», на конец 2022 г. составила немногим меньше 20 тыс. руб., что выше фиксированного набора больше чем в половине регионов. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в сентябре 2022 г., средние траты россиян на летний отпуск составили более 38 тыс. руб., что превышало стоимость фиксированного набора во всех субъектах РФ.

Вопрос приемлемого дохода освещен в научной литературе достаточно слабо. Выделяется работа В.Н. Бобкова, А.А. Гулюгиной и Н.А. Денисова [1], в которой авторы предложили методологию расчета потребительских бюджетов населения для домохозяйства (не для индивида) на основе показателя прожиточного минимума с учетом количества иждивенцев. Так, были определены бюджеты прожиточного минимума (БПМ) и границы уровней обеспеченности. В терминах БПМ выбранное в настоящем исследовании отсечение для приемлемого уровня заработной платы относится к уровню обеспеченности «ниже среднего» (три-семь БПМ).

Стоит отметить также, что несмотря на близость понятийного аппарата, «приемлемый уровень заработка» следует отличать от «желаемого уровня дохода для нормальной жизни», который определялся в результате социологических опросов населения, проведенных в рамках концепции субъективной бедности⁵. В частности, по результатам исследования, осуществленного в 2018–2019 гг. в российских городах с населением более 250 тыс. чел., размер заработной платы, достаточной, по мнению респондентов, для «нормальной» жизни⁶ (пересчитанный в терминах КПС на дату исследования), оценивался выше суммы, эквивалентной трем фиксированным наборам. Так, в городах – субъектах РФ Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе этот желаемый уровень превысил сумму четырех фиксированных наборов.

Таким образом, выбор в качестве приемлемого уровня заработной платы отсечения в три фиксированных набора, с одной стороны, является достаточно строгим, чтобы избежать занижения границы диапазона «приемлемости», а с другой стороны, его можно назвать уровнем достатка, позволяющим работнику удовлетворять потребности, описанные выше.

⁵ Концепция субъективной бедности базируется на социальных опросах. В рамках данного подхода выводы о достаточности доходов домохозяйства строятся на основании субъективных оценок респондентов.

⁶ См.: *Исследование: Каков размер достойной зарплаты?* Финансовый университет при Правительстве РФ. – URL: <http://www.fa.ru/News/2019-04-10-research.aspx>.

ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выполнения поставленных задач в качестве исходных данных использовались следующие показатели Росстата и Федеральной налоговой службы:

- средняя заработная плата по децильным группам работников (децили) за апрель 2017 г. и апрель 2023 г. в разрезе видов экономической деятельности (сектора);
- стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (фикснабор) за апрель 2017 г. и апрель 2023 г.;
- численность занятых в разрезе видов экономической деятельности (2022 г.);
- валовая добавленная стоимость (ВДС) секторов добычи и обработки (2021 г.);
- доходы консолидированного бюджета регионов по видам экономической деятельности по данным форм налоговой статистики 1-НОМ Федеральной налоговой службы (2022 г.).

Анализ проводился для 85 субъектов РФ⁷ (регионы) и для 18 видов экономической деятельности⁸ в соответствии с официальной классификацией по разделам ОКВЭД 2. Список полных названий видов деятельности, а также используемых в данной работе сокращений и буквенных обозначений представлен в Приложении. Также в исследовании используется понятие госсектора, который объединяет в себе такие виды деятельности, как госуправление (О), образование (Р), здравоохранение (Q) и культура (R)⁹.

Коэффициент покупательной способности (КПС) рассчитывается как отношение средней заработной платы к стоимости фиксирован-

⁷ По которым имеются данные как для 2017 г., так и для 2023 г.

⁸ Для всех регионов в 2017 г. отсутствуют данные по сектору госуправления (О), для трех регионов в 2017 и 2023 гг. нет данных по добыче (В), для одного региона – по водоснабжению (Е).

⁹ Поскольку выявление частного сектора в этих видах деятельности не представляется возможным, в рамках целей настоящего исследования все работники в данных сферах причислены к госсектору.

ного набора товаров и услуг в детализации по регионам, по децильным группам работников и по видам деятельности:

$$\text{КПС}_{i,j}^k = \frac{\text{Зарплата}_{i,j}^k}{\text{Фикснабор}^k},$$

где i – вид экономической деятельности; j – номер дециля; k – субъект РФ.

Основное внимание уделяется номеру дециля, средняя заработная плата в котором (в разрезе субъектов РФ и видов экономической деятельности) эквивалентна трем фиксированным наборам (далее – КПС-3). В ряде случаев для получения дополнительных выводов приводится анализ для децилей, в которых КПС работника достигает одного фикснабора (далее – КПС-1).

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ

Для оценки распределения трудовых ресурсов по секторам были проведены дополнительные расчеты. В частности, для выявления видов деятельности, в которых занята значительная часть работников региона, использовалось отсечение в 5% от всех работников региона (сектора с относительно высокой занятостью). Это позволило получить пул секторов, которые в каждом субъекте РФ концентрируют в среднем 76% всех работников (для сравнения, отсечение в 10% позволяет выделить только 30–40% от всех занятых в экономике региона, что недостаточно для получения обобщающих выводов).

Из таблицы 1 можно увидеть, что во всех или почти во всех субъектах РФ (83–85 из 85) не менее 5% сотрудников концентрируются в следующих секторах: строительство (F), торговля (G), логистика (H), образование (P) и здравоохранение (Q). Также в большом количестве регионов (58–78 из 85) значительная часть работников заняты в обработке (C), госуправлении (O) и сельском хозяйстве (A). Остальные виды деятельности, в том числе и сектор добычи (B), концентрируют в себе 5% трудовых ресурсов лишь в нескольких субъектах РФ.

Таблица 1

Региональная занятость: распределение работников по секторам экономики с относительно высокой занятостью, 2022 г.

Показатель	Раздел ОКВЭД 2															Сумма*
	A	B	C	D	F	G	H	I	J	K	M	O	P	Q		
Кол-во регионов, в которых в дан-ном секторе за-нято не менее 5% работников, ед.	58	9	78	5	85	85	83	1	1	1	4	62	84	83	—	
Распределение ра-ботников по сек-торам с высокой занятостью, % от всех работни-ков региона:																
минимум	5,3	5,6	5,0	5,2	5,0	5,9	5,2	5,5	5,3	5,4	5,0	5,2	5,6	5,0	65,2	
среднее	9,9	15,4	14,5	7,1	8,5	17,0	7,9	5,5	5,3	5,4	6,4	7,4	8,6	6,9	76,4	
максимум	21,2	23,4	23,9	13,2	16,0	23,5	12,0	5,5	5,3	5,4	8,6	12,9	22,3	11,5	86,5	

Примечание: * суммарная доля работников региона, занятых в секторах с относительно высокой занятостью.

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Обработка (C), торговля (G) и добыча (B) характеризуются в среднем наибольшей занятостью (среди регионов, в которых данные сектора концентрируют не менее 5% работающего населения).

КОЭФФИЦИЕНТ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ПО СУБЪЕКТАМ РФ И ВИДАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Переходя к анализу покупательной способности по регионам и секторам экономики, рассмотрим сначала, как выглядит распределение работников с КПС-1 (табл. 2). В подавляющем большинстве регионов (69–80 из 85) в секторах добычи (B), обработки (C), ЭГПВ

Таблица 2

КПС-1: распределение по децильным группам работников и видам экономической деятельности, 2023 г., кол-во регионов

Де- циль	Раздел ОКВЭД 2																	
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R
I	29	71	72	69	32	66	29	36	24	59	80	14	36	21	50	15	29	12
II	42	11	10	16	40	15	47	32	44	23	4	40	34	37	34	30	46	37
III	7	1	2	0	10	3	6	12	14	2	1	13	10	16	1	27	10	27
IV	2	0	1	0	2	1	2	3	1	1	0	10	4	8	0	12	0	7
V	3	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0	6	0	2	0	1	0	2
VI	2	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	1	0	0	0	0
VII	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
VIII	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
IX	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
X	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	85	83	85	85	84	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

(D) и финансов (K) КПС-1 достигается уже в I дециле. То есть ситуацию в этих секторах можно считать относительно благополучной: даже самые низкооплачиваемые работники в данных сферах в среднем имеют минимально необходимый уровень заработка. Сектора недвижимости (L), культуры (R) и образования (P), наоборот, позволяют работнику из I дециля приобрести один фикснабор лишь в 12–15 регионах из 85, в значительной же части субъектов РФ (31–40 из 85) работающие в данных секторах достигают КПС-1 не ниже III дециля. Среди видов деятельности, которые можно отнести к госсектору, для большинства регионов наиболее благополучным в терминах достижения КПС-1 является госуправление (O), следом идет здравоохранение (Q).

Таким образом, в значительной части регионов во всех секторах КПС-1 достигается в I–II децилях. Однако в существенном количестве регионов в ряде секторов более 20% работников не получают зарплаты, эквивалентной даже одному фикснабору.

Дифференциация работников по уровню зарплат в терминах КПС-3 становится еще более выраженной (табл. 3).

Сектор добычи (В) отличается наибольшим разбросом: в значительной части регионов (34 из 85) КПС-3 достигается уже во II–IV децилях, т.е. в этих субъектах РФ даже работники из левой части распределения могут позволить себе относительно достойный уровень

Таблица 3

КПС-3: распределение по децильным группам работников и видам экономической деятельности, 2023 г., кол-во регионов

Де-циль	Раздел ОКВЭД 2																	
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R
I	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
II	0	8	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
III	0	13	1	0	0	5	0	1	0	2	4	0	2	0	4	0	1	1
IV	1	13	7	1	1	14	2	4	0	1	8	1	4	1	3	0	0	0
V	0	9	14	8	3	19	1	14	0	9	16	0	11	4	8	1	3	0
VI	5	14	23	12	2	19	4	7	1	19	23	2	14	6	10	3	6	3
VII	7	8	14	21	6	14	9	21	2	17	30	6	18	13	25	3	0	3
VIII	20	7	16	24	9	6	31	18	10	15	3	15	12	16	33	9	16	6
IX	29	4	3	18	27	6	28	14	25	13	0	24	13	28	2	18	37	18
X	21	5	7	1	30	1	10	6	43	9	1	34	11	15	0	48	22	46
–	2	2	0	0	6	0	0	0	4	0	0	3	0	2	0	3	0	8
	85	83	85	85	84	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85

Примечание: «–» означает, что КПС-3 не достигается ни в одном из децилей.
Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

жизни. При этом в 16 регионах уровень КПС-3 достигается только у самых высокооплачиваемых работников сектора (децили VIII–X), а в двух регионах этот уровень достатка является недостижимым (находится выше средней заработной платы X дециля).

Такие виды деятельности, как сельское хозяйство (А), водоснабжение (Е), торговля (G), гостиницы и общепит (I), недвижимость (L), образование (P), здравоохранение (Q) и культура (R), являются наименее благополучными с точки зрения возможности получения работниками заработной платы приемлемого уровня. В этих секторах в подавляющей части регионов (68 и более) КПС-3 достигается лишь в VIII дециле или выше.

В рамках госсектора наиболее благополучным с точки зрения достижения КПС-3 (так же как и в случае КПС-1) является сектор госуправления (O). При этом для большинства субъектов РФ (69 из 85) КПС-3 в госсекторе достигается в более высоких децилях в сравнении с другими секторами.

Стоит отметить также, что существуют виды деятельности, в которых уровень КПС-3 в некоторых регионах может не достигаться вовсе: это культура (R), водоснабжение (Е), гостиницы и общепит (I), недвижимость (L), образование (P), добыча (B) и сельское хозяйство (A). Впрочем, такие случаи немногочисленны.

Отметим, что децили достижения работниками КПС-1 и КПС-3 в пределах одного региона в секторе – лидере по числу занятых и в остальных видах деятельности не сильно различаются. То есть для работника не имеет принципиального значения, является ли его сфера занятости ведущим сектором в регионе по числу занятых или нет. Некоторые различия появляются в основном для КПС-3, однако в большинстве случаев разница составляет всего один дециль (табл. 4).

Также стоит обратить внимание на различия в распределении КПС-1 и КПС-3. Разница между децилями, в которых достигаются соответственно КПС-1 и КПС-3, показывает, насколько велик разрыв между минимальным заработком и относительно приемлемым. Этот разрыв, в свою очередь, может указывать на степень сложности, с ко-

Таблица 4

Распределение регионов по достижению КПС-3 работниками секторов, ведущих по занятости, и остальных видов экономической деятельности

Остальные сектора	Сектора, ведущие по занятости								Кол-во регионов
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
IV	1	—	—	—	—	—	—	—	1
V	—	1	1	2	1	—	—	—	5
VI	—	3	2	2	2	—	—	—	9
VII	—	—	2	4	7	3	—	—	16
VIII	—	—	1	2	7	18	2	—	30
IX	—	—	—	—	—	10	7	—	17
X	—	—	—	—	—	—	5	5	10
	1	4	6	10	17	31	14	5	88

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

торой работник может обеспечить себе приемлемый уровень дохода в своей сфере занятости в заданном регионе¹⁰ (табл. 5).

Сравнение этих распределений позволяет говорить о том, что максимальный разрыв между децилями КПС-1 и КПС-3 имеет место в таких секторах, как водоснабжение (E), гостиницы и общепит (I), образование (P), здравоохранение (Q) и культура (R). В этих видах деятельности в 60 субъектах РФ из 85 разрыв составляет семь и более децилей, т.е. для обеспечения приемлемого уровня заработка работнику необходимо перешагнуть как минимум через семь децильных групп. Для работников сфер образования (P) и культуры (R) ситуация

¹⁰ Здесь необходимо сделать следующую ремарку. Когда речь идет о переходе работника в другую децильную группу, имеется в виду изменение ситуации именно у одного работника, а не у всей совокупности таких работников. Изменение ситуации для всей группы работников поменяло бы общее распределение, здесь же распределение в целом остается неизменным, т.е. заработок работника рассматривается «при прочих равных».

Таблица 5

**Распределение регионов по разнице между децилями достижения
КПС-3 и КПС-1, кол-во регионов**

Кол-во децилей	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	0	8	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2	0	13	1	0	0	6	0	1	1	2	4	0	2	0	4	0	1	1
3	1	13	7	1	1	15	2	4	0	1	8	1	6	1	3	0	0	0
4	3	11	14	9	3	22	2	18	0	9	16	2	16	6	9	2	3	0
5	6	13	23	13	2	19	6	19	3	21	26	12	24	23	16	3	6	4
6	21	11	20	24	11	13	32	32	9	23	28	30	16	27	44	18	5	13
7	37	4	16	27	27	8	34	11	30	19	3	23	17	17	9	46	50	42
8	16	7	2	10	36	1	9	0	34	9	0	13	4	10	0	15	20	24
9	1	2	2	1	4	0	0	0	7	1	0	4	0	1	0	1	0	1
10	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

осложняется еще и тем, что, как уже было отмечено выше, в значительной части регионов (36–40 из 85) КПС-1 достигается лишь в III–V децилях, т.е. для существенного числа работников в этих сферах приобретение даже одного фиксабора является проблемой.

Отдельный интерес представляет анализ размаха вариации – разницы между максимальным и минимальным децилями, в которых достигаются КПС-1 и КПС-3, по секторам в пределах одного субъекта РФ. Из таблицы 6 видно, что для большей части регионов (72 из 85) в случае КПС-1 размах вариации не превышает трех децилей, в случае КПС-3 диапазон шире – от четырех до семи децилей (для 74 из 85 регионов). Иными словами, в подавляющем большинстве субъектов РФ дифференциация между секторами у работников с КПС-1 довольно низкая, в то время как у работников с КПС-3 – высокая. Это

Таблица 6

Распределение регионов по размаху вариации децилей, в которых достигаются КПС-1 и КПС-3, 2023 г., кол-во регионов

КПС-1	КПС-3						Сумма
	3	4	5	6	7	8	
0			1	3	2	1	7
1			7	8	4	3	22
2		8	10	5	5	1	29
3	2	5	5	1		1	14
4	2	2	2	3		1	10
5			1				1
6		1					1
8		1					1
Сумма	4	17	26	20	11	7	85

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

позволяет говорить о том, что основное различие между секторами проявляется тогда, когда речь заходит о более высоком, чем минимальный, уровне заработка.

Этот результат подтверждает представление об имеющемся разрыве между заработными платами в разных секторах и может быть интерпретирован, например, следующим образом. Если человек готов получать зарплату, существенно не превышающую КПС-1, то для него не имеет особого значения, в какой именно сфере работать. Но если работник ставит перед собой цель повысить уровень жизни и иметь более высокие заработки (КПС-3 и выше), то выбор сферы деятельности приобретает критическое значение.

Поскольку размах вариации показывает разницу между максимальным (правая граница) и минимальным (левая граница) отраслевыми децилями, в которых достигается тот или иной уровень КПС в пределах одного субъекта РФ, стоит также посмотреть на динамику

данного показателя. Это дает возможность оценить, имеет ли место сближение уровня отраслевых зарплат в регионе или, наоборот, отраслевая дифференциация возрастает.

Результаты анализа динамики размахов вариации за период 2017–2023 гг. приведены в табл. 7. Для КПС-1 в подавляющем большинстве регионов разброс сокращался, т.е. с точки зрения достижения минимально необходимого уровня зарплаты сектора за рассматриваемый период стали более однородными. При этом для КПС-3 заметна обратная тенденция: в большей части регионов отраслевые различия усилились (см. табл. 7).

Однако увеличение отраслевой дифференциации происходило за счет сдвига левой границы влево, т.е. доля работников с приемлемым уровнем зарплаты в изначально более благоприятных с точки зрения КПС-3 секторах увеличилась, в то время как для наименее благополучных – не изменилась или увеличилась в меньшей степени. Как видно из табл. 8, именно такая ситуация имела место в 64 из 85 субъектов РФ. При этом в значительной части регионов (33 из 85) сдвиг влево произошел сразу на две ступени, а в 11 регионах – на три или более ступеней. Сдвиг правой границы влево был более скромным – на одну ступень и наблюдался в меньшем количестве регионов (41 из 85), и лишь одному субъекту РФ удалось уменьшить номер максимального дециля сразу на две ступени.

Таблица 7

**Распределение регионов по разнице размаха вариации в 2017 г. и 2023 г.,
кол-во регионов**

КПС-1	КПС-3			Сумма
	Разброс уменьшился	Разброс не изменился	Разброс увеличился	
Разброс уменьшился	5	14	60	79
Разброс не изменился	–	2	4	6
Сумма	5	16	64	85

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Таблица 8

КПС-3: распределение регионов в соответствии с динамикой границ распределения достижения КПС-3 по секторам в пределах одного региона за период 2017–2023 гг.

Характеристика динамики границ распределения	Сдвиг левой границы (минимального дециля), кол-во ступеней	Сдвиг правой границы, (максимального дециля), кол-во ступеней	Кол-во регионов
Разброс уменьшился	0	–1	4
	+2	0	1
Разброс не изменился	–1	–1	9
	0	0	7
Разброс вырос	–3	–2	1
	–5	–1	2
	–4		2
	–3		4
	–2		20
	–5	0	1
	–3		1
	–2		13
	–1		20

Примечание: «–» означает сдвиг границы влево (уменьшение номера дециля, в котором достигается КПС-3), «+» означает сдвиг границы вправо (увеличение номера дециля, в котором достигается КПС-3).

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Поскольку анализ, результаты которого были приведены выше, позволял оценить изменения только в максимальных и минимальных децилях КПС-3 и не затрагивал другие изменения, которые могли произойти в секторах, имеет смысл взглянуть на отраслевую динамику более детально: в сумме (табл. 9) и по отдельности (табл. 10).

Таблица 9

КПС-3: распределение регионов по количеству секторов, в которых произошли те или иные изменения за период 2017–2023 гг., кол-во регионов

Изменение положения в секторах	Кол-во секторов												
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ухудшение	66	17	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Без изменений	4	8	7	14	17	11	8	6	5	1	2	0	2
Улучшение (на 1 дециль)	0	0	0	4	5	14	13	15	11	12	5	5	1
Улучшение (на 2 и более децилей)	0	1	13	7	17	10	12	10	2	7	2	3	1

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Таблица 10

КПС-3: динамика изменений по видам деятельности за период 2017–2023 гг., кол-во регионов

Изменение положения в секторах	Раздел ОКВЭД 2																
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	P	Q	R
Ухудшение	1	4	1	0	2	1	0	1	0	0	2	4	2	2	0	0	1
Без изменений	16	17	5	23	33	4	12	14	35	18	18	36	17	16	43	24	39
Улучшение (на 1 дециль)	42	18	24	50	34	16	51	33	41	31	43	28	44	30	34	45	34
Улучшение (на 2 и более децилей)	26	43	55	12	15	64	22	37	9	36	22	17	22	37	8	16	11
Всего регионов	85	82	85	85	84	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85	85

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

В девятнадцати субъектах РФ имело место ухудшение положения работников в одном или двух секторах. При этом лишь шести секторам – ЭГПВ (D), торговле (G), гостиницам и общепиту (I), ИТ(J), образованию (P) и здравоохранению (Q) удалось избежать этого ухудшения и сохранить (или улучшить) положение своих работников во всех рассматриваемых регионах.

В значительной части субъектов РФ (42 из 85) без изменений осталось положение работников от трех до пяти секторов, при этом в трех регионах сохранился статус-кво у занятых в 9–10 секторах, еще в двух регионах – в 12 секторах. Особенным постоянством отличалось образование (P): положение работников в этом секторе с точки зрения достижения КПС-3 не изменилось в 43 из 85 субъектов. Также статус-кво в значительном числе субъектов РФ (33–39 из 85 или из 84 в случае водоснабжения (E)) сохранили такие виды деятельности, как культура (R), гостиницы и общепит (I), водоснабжение (E), недвижимость (L). Реже всего – лишь в четырех и пяти регионах соответственно без изменений оставалось положение в строительстве (F) и обработке (C).

Некоторое улучшение (КПС-3 стал достигаться в секторах на один дециль ниже) наблюдается в большинстве субъектов РФ (65 из 85) в пяти-девяти секторах. В 43–50 регионах это происходило в секторах финансов (K), профессиональной деятельности (M), здравоохранения (Q), ЭГПВ (D) и торговли (G). Также выделяется административная деятельность (N): рост зарплат в этой сфере идет весьма высокими темпами, что находит отражение в сдвиге вниз дециля достижения КПС-3. Образование (P) и культура (R) оказались наиболее инертными: улучшения в этих секторах происходят медленнее, чем в других видах деятельности, либо не происходят вообще.

Значительное улучшение (КПС-3 стал достигаться в секторах на два и более дециля ниже) в большинстве субъектов РФ (49 из 85) наблюдалось в четырех-семи секторах, в пяти регионах – в 10–12. Чаще всего подобное имело место в строительстве (F) (в 64 регионах из 85), а также в обработке (C) и добыче (B) (в 55 из 85 и в 43 из 82 регионов соответственно). Реже всего в число лидеров по улучшению ситуации попадало образование (P) – лишь в восьми субъектах РФ из 85.

КОЭФФИЦИЕНТ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ РЕГИОНАХ

Для полноты картины стоит чуть более подробно остановиться на регионах, в экономике которых явно преобладает какой-либо вид деятельности. В качестве критериев отбора использовались следующие показатели: высокая доля сектора в валовой добавленной стоимости региона и его существенный вклад в налоговые отчисления субъекта РФ в консолидированный бюджет РФ. Для обоих показателей граница отсечения была выбрана на уровне 30%.

Посредством этих критериев удалось выявить 16 специализированных регионов. Девять из них оказались с преобладанием сектора добычи и семь – с преобладанием сектора обработки¹¹.

Из таблицы 11 видно, что субъекты РФ с преобладанием добычи в основном превосходят обрабатывающие регионы по скорости достижения КПС-3 как с точки зрения секторов специализации, так и с точки зрения распределения децилей по секторам. В частности, для добывающих регионов максимальный дециль достижения КПС-3 в секторе добычи – IV, в то время как в обрабатывающих регионах КПС-3 достигается в обработке начиная лишь с V дециля. Кроме того, во всех обрабатывающих регионах присутствует не менее трех секторов, в которых КПС-3 достигается только в IX–X децилях. В шести из девяти добывающих субъектов РФ подобная ситуация имела место лишь в одном секторе.

Размах вариации по КПС-1 оставался неизменным только в одном регионе (Ленинградская область), в остальных этот показатель уменьшился¹². Для КПС-3 размах вариации в большинстве выбранных субъектов РФ вырос, в остальных остался неизменным, исключением является только Якутия, в которой он снизился.

¹¹ Также для добывающих регионов на основании данных ФНС было установлено, что львиная доля доходов от добычи обеспечивается нефтегазовым сектором (в среднем – 95,9%, минимум – 82,8%). Для обрабатывающего сектора выявление превалирующих отраслей не представляется возможным ввиду его высокой дифференцированности.

¹² В связи с этим в таблице данный показатель не представлен.

Таблица 11

Дециль достижения КПС-3 в добывающих и обрабатывающих регионах и его динамика в 2017–2023 гг.

Регион	Дециль достижения КПС-3																	Параметры сравнения 2017 и 2023*				
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	1	2	3	4
	Добывающие регионы																					
Астраханская обл.	X	III	V	VIII	X	V	IX	VII	X	IX	VI	–	VII	VII	VIII	X	IX	X	=	1	7	4
Иркутская обл.	VI	III	IV	V	VIII	III	VIII	V	VIII	VI	IV	VI	VI	VII	IV	IX	VIII	VIII	=	0	10	6
Ненецкий АО	VIII	II	V	VII	VII	IV	VI	IV	VIII	V	III	X	IV	VI	III	VIII	VI	VI	+	1	5	9
Оренбургская обл.	X	IV	VI	VIII	VIII	V	IX	VII	X	VII	VII	VIII	IX	IX	VI	X	IX	IX	+	1	6	6
Республика Коми	IX	II	VI	VII	VIII	VI	VIII	V	IX	VII	V	X	VII	VI	V	IX	VIII	IX	+	1	7	4
Сахалинская обл.	VI	II	IV	VI	VII	III	VII	IV	IX	VI	III	VII	IV	V	IV	VI	VI	VI	+	0	5	10
Ханты-Мансийский АО	X	III	IV	V	VI	V	VII	IV	VIII	V	V	VIII	V	VII	V	VII	VI	VIII	+	2	5	7
Ямало-Ненецкий АО	IX	II	III	IV	IV	IV	IV	III	VII	III	III	IV	III	IV	III	V	III	III	+	0	6	9
Республика Саха (Якутия)	IX	III	VI	VI	VII	IV	VI	V	VIII	VII	V	VIII	VI	VI	VII	VIII	VI	VII	–	0	5	7

Окончание табл. 11

Регион	Дециль достижения КПС-3																		Параметры сравнения 2017 и 2023*			
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	1	2	3	4
	Обрабатывающие регионы																					
Владимирская обл.	IX	VII	VII	IX	X	VI	VIII	IX	IX	VIII	VII	IX	VII	IX	IX	X	IX	X	+	0	6	7
Вологодская обл.	IX	VIII	V	VIII	VIII	VI	IX	VIII	X	VI	VII	IX	VII	VII	VIII	X	IX	X	+	1	9	3
Калужская обл.	IX	VII	VI	VIII	IX	V	VIII	IX	IX	VIII	VII	X	VI	IX	VIII	X	IX	X	+	0	11	2
Ленинградская обл.	VI	V	V	VI	IX	V	VII	VI	IX	VII	V	IX	V	VIII	VIII	VIII	VIII	VIII	=	0	9	8
Новгородская обл.	VIII	IV	VI	IX	X	VII	VIII	VII	X	VIII	VII	VIII	VIII	IX	VII	X	IX	X	+	1	4	7
Тульская обл.	VIII	VI	VI	VIII	IX	VI	VIII	IX	IX	VIII	V	X	VII	IX	VII	X	IX	IX	+	0	9	4
Челябинская обл.	IX	VI	V	VII	IX	VII	VII	VI	X	VI	VI	VIII	V	VII	VII	IX	VIII	X	+	0	7	7

Примечание: *1 – разница по размаху вариации («=») – размах вариации остался без изменений, «<» – уменьшился, «>» – увеличился), КПС-3; 2 – количество секторов, в которых положение работников ухудшилось с точки зрения доступности КПС-3; 3 – количество секторов, в которых положение работников улучшилось в терминах КПС-3 на один дециль; 4 – количество секторов, в которых положение работников значительно улучшилось в терминах КПС-3 (на два и более децилей).

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

В целом, специализированные регионы можно назвать относительно благополучными: за период 2017–2022 гг. имело место значительное улучшение положения работников в подавляющем количестве секторов. Добывающие регионы демонстрирует в среднем более высокие темпы улучшения, чем обрабатывающие. Среди специализированных регионов выделяется Ленинградская область, в которой положение работающих с точки зрения КПС-3 улучшилось во всех секторах, что не характерно для остальных отобранных субъектов РФ.

Ухудшение положения работников с 2017 г. в рассматриваемых регионах редко происходило более чем в одном-двух секторах, однако наблюдалось чаще в добывающих регионах: в шести из девяти против двух из семи обрабатывающих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была поставлена цель провести анализ покупательной способности работающего населения в регионах России с точки зрения получения работниками заработка относительно приемлемого уровня – трудового дохода, позволяющего приобретать не менее трех фиксированных наборов потребительских товаров и услуг в месяц (КПС-3). Подобный акцент на приемлемом доходе встречается в исследованиях достаточно редко, однако он помогает дополнить картину благосостояния российских работников, сформированную широко представленными в литературе работами по бедности и неравенству.

Основные выводы данного исследования можно сформулировать следующим образом.

1. Отраслевая дифференциация по заработным платам возрастает по мере повышения уровня ожидаемого трудового дохода. Несмотря на то что минимальный необходимый уровень заработной платы (КПС-1) достигается в большинстве регионов в первых двух децилях независимо от сектора, достижение КПС-3 во многом определяется сферой занятости. То есть если работник ставит себе целью повышение уровня жизни и получение более высоких заработков (КПС-3 и выше), выбор вида деятельности начинает приобретать критическое значение.

2. Сектора добычи (В), строительства (F) и финансов (К) можно назвать наиболее благополучными с точки зрения количества регионов, в которых КПС-3 достигается ниже IV дециля (не менее чем в 28 из 85) и выше VIII (не более чем в 18).

3. Почти половину всех видов деятельности (восемь из 18) – сельское хозяйство (А), водоснабжение (Е), торговлю (G), гостиницы и общепит (I), недвижимость (L), образование (P), здравоохранение (Q) и культуру (R) можно отнести к наименее благополучным в рассматриваемом контексте. В этих секторах в большинстве регионов (68 и более) КПС-3 достигается в VIII дециле или выше. Выделяется сектор гостиниц и общепита (I), в котором КПС-3 достигается не ниже VI дециля для всех регионов.

4. Для большей части субъектов РФ виды деятельности, относящиеся к госсектору, отличаются более высокими децилями достижения КПС-3 в сравнении с прочими видами деятельности. При этом внутри госсектора также присутствует заметная неоднородность: наиболее выигрышно смотрится госуправление (O), наименее – образование (P) и культура (R), для которых в значительной части регионов (36–40 из 85) приобретение даже одного фикснабора является проблемой (КПС-1 достигается лишь в III–V децилях).

5. Отраслевая дифференциация с точки зрения достижения КПС-3 со временем возрастает. Изменения, произошедшие за пять лет с 2017 по 2022 г., свидетельствуют, что в большей части регионов отраслевые различия усилились. Это происходило за счет улучшения положения работников в более благополучных (в контексте достижения КПС-3) секторах с одновременным сохранением положения занятых в менее благополучных видах деятельности. Иными словами, в большинстве субъектов РФ благополучные сектора со временем становятся еще более привлекательными с точки зрения достижения работниками КПС-3. Внутри одного региона могут быть как сектора, которые не претерпели никаких изменений, так и сектора, ситуация в которых существенно улучшилась (т.е. дециль достижения КПС-3 сдвинулся вниз на две ступени и более).

6. Имеет место высокая неоднородность по субъектам РФ в рамках одного вида деятельности. Наибольший разброс демонстрирует сектор добычи (В): в 34 регионах КПС-3 в добыче достигается уже во

II–IV децилях, т.е. в этих регионах даже работники из левой части распределения могут позволить себе относительно достойный уровень жизни, в то время как в 16 регионах уровень КПС-3 достигается только у самых высокооплачиваемых работников сектора (децили VIII–X), а в двух субъектах РФ этот уровень достатка является недосяжимым (находится выше средней заработной платы X дециля).

7. Работа в ведущих с точки зрения занятости секторах региона (не менее 5% занятых) практически не оказывает влияния на номер дециля достижения КПС-3.

8. Высокоспециализированные добывающие регионы в среднем выглядят более благополучными, чем обрабатывающие, но и среди них не наблюдается однородности.

Проведенное исследование позволило пролить некоторый свет на региональную и отраслевую дифференциацию российских работников в терминах децильных групп по субъектам РФ с точки зрения достижения ими минимально необходимого и приемлемого уровней заработка. Также выполненный анализ дал возможность частично ответить на вопросы о том, насколько велик разрыв между минимально необходимым и приемлемым уровнями заработка, какая доля работающего населения достигает приемлемого уровня заработка в зависимости от сектора занятости, каков разрыв между наименее и наиболее благополучными видами деятельности с точки зрения покупательной способности работников, какие изменения произошли за последние пять лет в контексте доступности КПС-3 и др.

Список источников

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Денисов Н.А. Разработка модели бюджета семьи, обеспечивающей ее экономическую устойчивость (на примере Москвы) // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 1. – С. 39–55.
2. Гришина Е.Е., Казакова Ю.М., Ляшок В.Ю. Дифференциация заработной платы в России: региональный и профессиональный аспекты // Вопросы статистики. – 2016. – № 11. – С. 45–52.
3. Гулюгина А.А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 395–406.
4. Гусева В.Е. Анализ динамики среднемесячной реальной заработной платы работников организаций в разрезе видов экономической деятельности по Россий-

ской Федерации // Экономические исследования и разработки 2019. – Пенза: Наука и просвещение, 2019. – С. 67–70.

5. Елисеева И.И., Декина М.П. Дифференциация заработной платы в Российской Федерации: территориальные особенности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 39–51.

6. Костенко О.В., Костенко П.Е. Неравенство доходов населения в России: уровень и тенденции изменения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. – 2018. – № 2. – С. 90–95.

7. Леви Г., Руиз Н. Подход ОЭСР к измерению и мониторингу бедности по доходам в разных странах: Резюме / ОЭСР. – 2014. – 17 с. – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP17_OECD_D_ru.pdf.

8. Ляшок В. Заработная плата: отраслевые различия // Экономическое развитие России. – 2017. – Т. 24, № 12. – С. 99–103.

9. Мигранова Л.А. Заработная плата в России в 2015–2021 годах // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 175–190.

10. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: Ежегодник / Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. – М.: ИЭ РАН, 2023. – Вып. 1 (202). – 166 с.

11. Наджафова М.Н. К вопросу оценки реального уровня оплаты труда в регионах страны // Экономические исследования. – 2019. – № 1. – С. 20–26.

12. Пархомчук М.А., Грязнова О.А., Гребнева М.Е., Виноградова М.И. О проблеме дифференциации уровня оплаты труда в регионах ЦФО // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 1 (34). – С. 247–250.

13. Пугачев А.А. Влияние уровня и структуры налогового бремени на неравенство граждан // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 59–77.

14. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2014. – № 5 (71). – С. 33–50.

15. Старокожева В.П., Агагычева А.В., Прошин И.А. Зарплатное неравенство: дифференциация уровней заработной платы в регионах и отраслях России // Экономика труда. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 463–484.

16. Токсанбаева М.С. Заработная плата: минимальный размер и дифференциация // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 40–49.

17. Токсанбаева М.С. Факторы формирования высокой дифференциации заработной платы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-2. – С. 184–191.

18. Brand M. The OECD poverty rate: Lessons from the Russian case // Global Social Policy. – 2021. – Vol. 21, No. 1. – P. 144–147.

19. Joe D.H., Moon S. Minimum wages and wage inequality in the OECD countries // East Asian economic review. – 2020. – Vol. 24, No. 3. – P. 253–273.

20. Müller T. Dawn of a new era? The impact of the European Directive on adequate minimum wages in 2024 // ETUI Policy Brief. – 2024. – No. 2.

Приложение

Справочник отраслей

Раздел ОКВЭД 2	Вид экономической деятельности	Краткое обозначение
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Сельское хозяйство
B	Добыча полезных ископаемых	Добыча
C	Обрабатывающие производства	Обработка
D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	ЭГПВ
E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Водоснабжение
F	Строительство	Строительство
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Торговля
H	Транспортировка и хранение	Логистика
I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Гостиницы и общепит
J	Деятельность в области информации и связи	ИТ
K	Деятельность финансовая и страховая	Финансы
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Недвижимость
M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	Профессиональная деятельность
N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Административная деятельность
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Госуправление
P	Образование	Образование
Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Здравоохранение
R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Культура

Источник: составлено авторами.

Информация об авторах

Осмоловская-Суслина Александра Леонидовна (Россия, Москва) – руководитель направления «Фискальная политика» Экономической экспертной группы (107031, Москва, ул. Петровка, 15/13); младший научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института Минфина России (125375, Москва, Настасьинский переулок, 3). E-mail: asuslina@gmail.com.

Борисова София Романовна (Россия, Москва) – эксперт Экономической экспертной группы (107031, Москва, ул. Петровка, 15/13); младший научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института Минфина России (125375, Москва, Настасьинский переулок, 3). E-mail: sofiya.borisova@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240410

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 253–281

A.L. Osmolovskaya-Suslina, S.R. Borisova

PURCHASING POWER OF WORKERS BY SECTORS IN RUSSIAN REGIONS

This paper aims to analyze the purchasing power coefficient of Russia's working population, focusing on regional differences, sectors of economic activity, and decile groups. The study specifically examines workers with a relatively acceptable level of earnings—those not living in poverty but also not considered wealthy. This approach is uncommon and underexplored, but it offers valuable insights into the welfare of Russian workers, potentially benefiting both researchers and regional authorities.

The article introduces the concepts of minimum necessary and acceptable wage levels and examines the distribution of workers across decile groups based on purchasing power. It covers 85 constituent entities of the Russian Federation and 18 sectors of economic activity, classified according

to OKVED 2, over the period from 2017 to 2022. The analysis reveals that workers' ability to achieve minimum necessary and acceptable wage levels varies by employment sector. Over time, the disparity in meeting minimum wage levels decreases across most regions, while the gap in achieving acceptable wage levels widens. The study identifies the most and least favorable sectors for achieving acceptable earnings and draws conclusions on regions with pronounced sectoral specializations.

Keywords: wages; purchasing power coefficient; constituent entities of the Russian Federation; sectors of economic activity; decile groups of workers; acceptable wage level

For citation: *Osmolovskaya-Suslina, A.L. & S.R. Borisova. (2024). Poku-patel'naya sposobnost rabotnikov v subyektakh RF po vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti [Purchasing power of workers by sectors in Russian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 253–281. DOI: 10.15372/REG20240410.*

References

1. Bobkov, V.N., A.A. Gulyugina & N.A. Denisov. (2008). Razrabotka modeli byudzheta semyi, obespechivayushchey ee ekonomicheskuyu ustoychivost (na primere Moskvy) [Development of a family budget model ensuring its economic stability (a case study of Moscow)]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 1, 39–55.
2. Grishina, E.E., Yu.M. Kazakova & V.Yu. Lyashok. (2016). Differentsiatsiya zarabotnoy platy v Rossii: regionalnyy i professionalnyy aspekty [Wage inequality in Russia: Regional and occupational aspects]. Voprosy statistiki [Issues of Statistics], 11, 45–52.
3. Gulyugina, A.A. (2023). Pokupatel'naya sposobnost denezhnykh dokhodov naseleniya Rossii v usloviyakh sovremennykh vyzovov [Purchasing power of monetary incomes of the population of Russia in the context of modern challenges]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], Vol. 19, No. 3, 395–406.
4. Guseva, V.E. (2019). Analiz dinamiki srednemesyachnoy realnoy zarabotnoy platy rabotnikov organizatsiy v razreze vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti po Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the dynamics of the average monthly real wages of the wor-

kers of the organizations in the section of economic activities in the Russian Federation]. In: *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki 2019 [Economic Research and Developments 2019]*, Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 67–70.

5. *Eliseeva, I.I. & M.P. Dekina.* (2020). *Differentsiatsiya zarabotnoy platy v Rossiyskoy Federatsii: territorialnye osobennosti [Differentiation of wages in the Russian Federation: Territorial features]*. Intellect. Innovatsii. Investitsii [Intellect. Innovations. Investments], 5, 39–51.

6. *Kostenko, O.V. & P.E. Kostenko.* (2018). *Neravenstvo dokhodov naseleniya v Rossii: uroven i tendentsii izmeneniya [Population's income inequality in Russia: The level and trends of change]*. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2, 90–95.

7. *Levy, G. & N. Ruiz.* (2014). *Podkhod OESR k izmereniyu i monitoringu bednosti po dokhodam v raznykh stranakh: Rezyume [The OECD Approach to Measure and Monitor Income Poverty Across Countries: a summary]*. OECD, 17. Available at: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP17_OECD_D_ru.pdf.

8. *Lyashok, V.* (2017). *Zarabotnaya plata: otraslevye razlichiya [Wages: Sector-specific variations]*. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Developments]*, Vol. 24, No. 12, 99–103.

9. *Migranova, L.A.* (2021). *Zarabotnaya plata v Rossii v 2015–2021 godakh [Wages in Russia in 2015–2021]*. *Narodonaselenie [Population]*, Vol. 24, No. 3, 175–190.

10. *Bobkov, V.N. & A.A. Gulyugina* (Eds.). (2023). *Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2022 god: Ezhegodnik [Monitoring of Incomes and Living Standards of the Russian Population – 2022: Yearbook]*, Iss. 1 (202), 166. Moscow, Institute of Economics RAS.

11. *Nadzhafova, M.N.* (2019). *K voprosu otsenki realnogo urovnya oplaty truda v regionakh strany [On the issue of assessing the real wage level in the country's regions]*. *Ekonomicheskie issledovaniya [Economic Research]*, 1, 20–26.

12. *Parkhomchuk, M.A., O.A. Gryaznova, M.E. Grebneva & M.I. Vinogradova.* (2021). *O probleme differentsiatsii urovnya oplaty truda v regionakh TsFO [The problem of differentiation in the regions of the CFD]*. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*, Vol. 10, No. 1 (34), 247–250.

13. *Pugachev, A.A.* (2023). *Vliyanie urovnya i struktury nalogovogo bremeni na neravenstvo grazhdan [Impact of the level and structure of the tax burden on citizens inequality]*. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, Vol. 15, No. 3, 59–77.

14. *Sobolev, E.N. & I.V. Soboleva.* (2014). *Tendentsii i faktory differentsiatsii zarabotnoy platy v rossiyskoy ekonomike [Tendencies and factors of differen-*

tiation of the salary in the Russian economy]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 5 (71), 33–50.

15. *Starokozheva, V.P., A.V. Agarycheva & I.A. Proshin.* (2022). Zarplatnoe neravenstvo: differentsiatsiya urovney zarabotnoy platy v regionakh i otraslyakh Rossii [Wage inequality: Wage differentiation in Russian regions and industries]. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], Vol. 9, No. 2, 463–484.

16. *Toksanbaeva, M.S.* (2020). Zarabotnaya plata: minimalnyy razmer i differentsiatsiya [Minimum size of wage and its differentiation]. *Narodonaselenie* [Population], Vol. 23, No. 4, 40–49.

17. *Toksanbaeva, M.S.* (2020). Faktory formirovaniya vysokoy differentsiatsii zarabotnoy platy [Factors of formation of high wage differentiation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 10-2, 184–191.

18. *Brand, M.* (2021). The OECD poverty rate: Lessons from the Russian case. *Global Social Policy*, Vol. 21, No. 1, 144–147.

19. *Joe, D.H. & S. Moon.* (2020). Minimum wages and wage inequality in the OECD countries. *East Asian Economic Review*, Vol. 24, No. 3, 253–273.

20. *Müller, T.* (2024). Dawn of a new era? The impact of the European Directive on adequate minimum wages in 2024. *ETUI Policy Brief*, 2.

About Authors

Osmolovskaya-Suslina, Aleksandra Leonidovna (Moscow, Russia) – Head of Fiscal Policy Department, Economic Expert Group (15/13, Petrovka St., Moscow, 107031, Russia); Junior Researcher at Financial Research Institute (3, Nastasyinsky Ln., Moscow, 125375, Russia). E-mail: asuslina@gmail.com.

Borisova, Sofiia Romanovna (Moscow, Russia) – Expert at Economic Expert Group (15/13, Petrovka St., Moscow, 107031, Russia); Junior Researcher at Financial Research Institute (3, Nastasyinsky Ln., Moscow, 125375, Russia). E-mail: sofiya.borisova@gmail.com.

Поступила в редколлегию 31.01.2024.

После доработки 12.04.2024.

Принята к публикации 06.05.2024.

**А.В. Мерзлов, Н.В. Воронцова,
Ю.В. Тимофеев, М.А. Страхова**

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ ГЛАЗАМИ ТУРИСТОВ И НОВЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Важнейшим резервом повышения качества жизни населения является более полное использование потенциала сельской местности для рекреационных целей, а также в качестве новых локаций для проживания. Проведенное исследование позволило выявить основные мотивы и факторы, которыми руководствуются туристы и новые сельские жители при выборе мест отдыха и проживания в сельской местности. Среди основных факторов привлекательности малых территорий оказались природа, отсутствие городской суеты, сельские традиции и культура, а также натуральные, свежие продукты. При этом отмечено, что дальнейшее развитие локальной гастрономии позволит усилить их аттрактивность. А увеличение туристического потока в сельскую местность, который, по мнению респондентов, будет расти с каждым годом, поспособствует социально-экономическому развитию села в целом.

Исследование проводилось с использованием эмпирических методов, таких как социологическое анкетирование и полуструктурированное интервью, в ходе 11-й экспедиции Ассоциации самых красивых деревень и городков России на Русский Север «Возрождаем любовь к сельской России» в период с 2 по 13 октября 2023 г. при поддержке в рамках конкурса студенческих экспедиций «Открываем Россию заново» (www.openrussia.rsv.ru) и со стороны администрации Вологодской области.

Ключевые слова: туризм в сельской местности; рурализация; гастрономия; традиции; локальные продукты; новые жители на селе; туристы; социологическое исследование; респонденты; малые (сельские) территории

Для цитирования: Мерзлов А.В., Воронцова Н.В., Тимофеев Ю.В., Страхова М.А. Сельская местность глазами туристов и новых жителей // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 282–299. DOI: 10.15372/REG20240411.

ВВЕДЕНИЕ

Осознание горожанами преимуществ рекреации и проживания в сельской местности выразилось в усиливающихся трендах на развитие туризма в сельской местности и рурализацию. Это определило актуальность более подробного исследования побудительных причин данных процессов и выявления резервов их развития.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении факторов, привлекающих в сельскую местность туристов и новых жителей. Для этого поставлены следующие *задачи*: 1) рассмотреть понятия туризма и рурализации применительно к сельским территориям; 2) провести социологическое исследование среди туристов, новых и местных жителей сельских территорий; 3) по результатам социологического исследования определить основные факторы привлекательности сельской местности с точки зрения привлечения туристов и новых жителей.

Новизна работы заключается в выявлении по результатам социологического исследования мотивов для переселения новых жителей и посещения сельских территорий туристами.

В работе были использованы *теоретические методы* (системный метод, метод индукции, метод сравнительного анализа) и *эмпирические* (анкетирование и полуструктурированное интервью).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Пандемия, подтолкнувшая распространение удаленной работы и ограничившая социальную и культурную жизнь в городах, создала благоприятные предпосылки для переезда из крупных городов в малые и в сельскую местность. В дальнейшем введенные против России

санкции и закрытие государственных границ способствовали развитию внутреннего туризма.

Президентом Российской Федерации 2 июля 2021 г. подписан Федеральный закон № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” и статью 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”», который вступил в силу с 1 января 2022 г. Указанным законом в Федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» вводится новый вид туризма – сельский туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до 30 тыс. чел., в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью получения услуг по временному размещению, по организации досуга, экскурсионных и иных услуг. Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством Российской Федерации¹.

Однако в научной среде понятие сельского туризма трактуется шире, а предлагаемое в законе определение больше соответствует понятию «агротуризм» [11; 12]. Некоторые исследователи считают, что сельский туризм представляет собой путешествие за пределами городской жизни в местности с малой численностью населения [10]. По мнению других, сельский туризм – это комплекс различных услуг, включающих в себя предоставление проживания, организацию туристических походов, а также предусматривающих непосредственное участие туриста в жизни сельского населения [5].

На взгляд авторов данного исследования, сельский туризм не ограничивается отраслевым подходом и сельскохозяйственной спе-

¹ См.: *Федеральный закон № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” и статью 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”»*. – URL: <https://base.garant.ru/401421488/>.

циффикой, так как не все сельские территории являются аграрными регионами, но при этом они способны вести туристическую деятельность. На удаленных неаграрных территориях местное население работает в основном в социальной сфере, на лесозаготовках, а также занимается охотой, рыболовством, сбором дикоросов и ведет подсобное хозяйство. Поддержка сельского туризма могла бы стать настоящим амортизатором социальных проблем этих обширнейших пространств, занимающих большую часть сельских территорий России. Однако Министерство сельского хозяйства РФ традиционно оказывает грантовую поддержку только агротуристическим проектам сельхозпроизводителей².

В соответствии с законом сельский туризм ограничивается аграрным туризмом, мы же рассматриваем его более широко. В связи с этим в данном исследовании нами используются понятия «туризм на малых территориях» и «туризм на сельских территориях». Туризм на сельских территориях развит в тех населенных пунктах, где есть инициативные граждане. Часто это бывшие горожане, которые сами были сельскими туристами и которым легче понять требования туристов. При этом они становятся примером для сельских жителей. Агротуризм больше распространен в аграрных регионах. Однако серьезным ограничением для его развития является существенная утрата культурно-исторической идентичности сельских территорий, связанная с интенсивным ведением сельского хозяйства.

Опыт Федерации самых красивых деревень и городков мира показывает, что чрезмерное развитие туризма в ущерб традиционным

² См.: *Минсельхоз* проведет заявочную кампанию на получение гранта «Агротуризм» в 2024 году. – URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-provedet-zayavochnyu-kampaniyu-na-poluchenie-granta-/#:~:text=%D0%97%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BA%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%C2%AB%D0%90%D0%B3%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC,%D0%BE%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82>.

видам деятельности рано или поздно приводит к так называемому «одиснейлендизации» сельских населенных пунктов – превращению их в туристические деревни, откуда вытесняются местные жители, что в конце концов оборачивается ухудшением общей атмосферы, ощущаемым в том числе и туристами. Для устойчивого социально-экономического развития сельских территорий важно соблюдать баланс между развитием туризма и сельским, лесным, водным хозяйством, а также другими отраслями сельской экономики. Это позволит создать диверсифицированную экономику с разнообразными и привлекательными местами для большинства жителей деревень, включая женщин и молодежь, увеличить прямой сбыт продукции, а также снизить многие риски (падение цен, пандемии и т.д.).

Без сомнения, туризм на сельских территориях выступает неотъемлемой частью их современного развития и экономической деятельности жителей села, имеющей целью достижение высокого уровня благосостояния и качества жизни [9]. Также и новые жители (руралисты) способны привнести жизнь и развитие в сельскую местность³. Под рурализацией нами понимается добровольное переселение горожан в сельскую местность, сопровождающееся ростом значения сельских территорий как места жизни, труда и приложения капитала [13].

Ассоциация самых красивых деревень и городков России⁴ большую часть времени работает в экспедиционном формате. Планирование экспедиций происходит с учетом количества и качества поданных кандидатами заявок на сертификацию⁵. В ходе экспедиции проводятся сертификация населенных пунктов, подавших заявки, прием в действительные члены Ассоциации ранее успешно прошедших сертификацию, мониторинг действующих членов, а также обучающие и исследовательские мероприятия. Помимо этого, Ассоциа-

³ См.: Мерзлов А.В., Воронцова Н.В., Панов Д.В., Серезжкин Д.А. Потенциал рурализации в современном мире // Международный научный журнал. – 2022. – № 1 (82). – С. 72–80.

⁴ См. официальный сайт Ассоциации самых красивых деревень и городков России <https://krasaderevni.ru/>.

⁵ URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=12W1r0WLMoiorPIOD-sEaJjMulZy3G_ZG&usp=sharing.

ция разрабатывает межрегиональные турмаршруты по самым красивым деревням и городкам.

Наиболее популярными являются следующие турмаршруты: 1) «Русский Север» (Ярославская, Вологодская и Архангельская области с возможными заездами в Костромскую область и Республику Карелию); 2) «Тихий Дон» (Тульская, Липецкая, Воронежская, Ростовская области); 3) «Тур де Байкал» (Иркутская область и Республика Бурятия); 4) «Истоки Руси» (Тверская, Новгородская, Ленинградская, Псковская области).

В 2024 и 2025 гг. планируются экспедиции также на Урал, Кавказ и в Забайкалье, откуда подано большое количество заявок.

Наибольшая концентрация кандидатов на членство в Ассоциации – на удаленных и труднодоступных территориях, куда не успели добраться туристы, в том числе туристы-загрязнители, а также застройщики с современными строительными материалами и, таким образом, там сохранились традиции, природная и архитектурная идентичность.

В октябре 2023 г. стартовала студенческая экспедиция «Возрождаем любовь к сельской России» (в рамках 11-й экспедиции Ассоциации самых красивых деревень и городков России на Русский Север), которая была организована по результатам конкурса «Открываем Россию заново» Высшей школы экономики при поддержке платформы «Россия – страна возможностей», программы «Больше, чем путешествие» и Министерства науки и высшего образования РФ. В двухнедельной экспедиции по городам и селам Вологодской области приняли участие будущие географы, программисты, экологи, архитекторы, специалисты в области индустрии туризма, рекламы и продвижения. Целью экспедиции было составление Национального брендового туристического маршрута по самым красивым деревням и городкам Вологодской области. Ее участники посетили Череповец, Устюжну, Устье-Кубинское, Кириллов, Ферапонтово, Сизьму, Тотьму, села Покровское и Никольское, деревню Аникин Починок⁶.

⁶ См.: Мерзлов А. Там, где живут самые красивые деревни и городки // Congress-time. – 2023. – № 4 (25). – С. 100–104. – URL: <https://congresstime.ru/number-archive/>.

В рамках экспедиции участниками также был проведен социологический опрос методами онлайн-анкетирования и полуструктурированного интервью (с использованием вопросов анкеты) с целью выявления факторов привлекательности сельской местности для переселения новых жителей и привлечения туристов. Это исследование стало одним из этапов комплексного социологического исследования «Оценка привлекательности сельской местности для переселения новых жителей и развития туризма», которое проводилось Ассоциацией самых красивых деревень и городков России в 2020–2023 г.⁷

На данном этапе было собрано 23 мнения туристов, посещающих сельскую местность, и девять мнений новых жителей. Опрос показал, что как для туристов, так и для новых жителей сельская местность привлекательна прежде всего неэкономическими факторами, что подтвердило результаты проведенных ранее Ассоциацией исследований в этой области [2]. В частности, новое исследование позволило выделить следующие факторы привлекательности сельской местности: 1) живописная природа, свежий воздух и в целом хорошая экологическая обстановка; 2) тишина, неспешность, спокойствие и умиротворение, возможность остаться наедине с природой (большинство указывают, что плюсом является тот факт, что в сельской местности проживает относительно небольшое число людей); 3) простота и добродушность сельских жителей; 4) история, традиции, быт; 5) свежие и натуральные продукты питания; 6) разнообразие животного мира; 7) местные достопримечательности.

Большинство респондентов из числа туристов отмечают, что для них очень важны окружающий пейзаж, атмосфера и история места, которое они посещают. При этом они уточняют, что значимым фактором является наличие рек, водоемов, лесов и полей, чтобы можно было собирать ягоды и грибы. Некоторые путешествуют по сельской местности с целью изучить те места, в которых когда-то проживали или бывали их родственники, «вернуться к корням». Для кого-то

⁷ См.: Мерзлов А.В., Воронцова Н.В., Мерзлова В.А., Рябушкина А.А. Оценка привлекательности сельской местности для переселения новых жителей и развития туризма // АПК: экономика, управление. – 2024. – № 3. – С. 117–125.

увидеть красоту природы в сельской местности, посетить новые деревни и села и есть главная цель всех путешествий.

Исследование выявило, что гастрономия малых территорий России еще остается важным резервом повышения их аттрактивности. Гастрономию считают одним из весомых факторов, влияющих на привлекательность сельской местности, что способствует увеличению туристских и финансовых потоков, привлечению новых жителей и в дальнейшем укреплению стабильности и устойчивому развитию территории [1]. Гастрономия позволяет человеку через кулинарные дегустации, обучение приготовлению блюд почувствовать культуру региона. Еда приоткрывает тайну духа народа, помогает понять его менталитет [4].

Опыт зарубежных стран показывает, что многие туристы едут в сельскую местность исключительно по гастрономическим маршрутам. Наибольшая часть гастрономических туров сосредоточена в Европе (Франция, Италия, Португалия, Германия). Ассоциация туризма Америки в 2012 г. провела исследование, в котором более 60% респондентов высказали готовность поехать в гастрономическое путешествие, при этом опрос показал, что гастрономические туристы тратят в путешествиях значительно больше денежных средств, в частности они готовы платить большие деньги за возможность попробовать изысканные и неповторимые блюда, приготовленные из локальных продуктов местными поварами [4]. Существуют специальные винные маршруты, маршруты, которые включают дегустацию и приготовление традиционных блюд. В странах Европейского союза уже на протяжении многих лет действует регламентационная система, которая гарантирует подлинность и качество регионального продукта, поддерживает и стимулирует производителя, позволяет сориентироваться потребителю и в целом действует положительно на развитие всего региона, сохраняя его индивидуальность и привлекая туристические потоки [3].

Гастрономия сельской местности позволяет насладиться натуральными продуктами, поучаствовать в сборе ягод, орехов и грибов, попробовать экологически чистые фрукты с дерева и овощи с грядки, приготовить какое-нибудь блюдо, попробовать гастрономические изыски, которыми славится данная местность [4]. Сюда же относится

вкусовое знакомство с так называемыми терруарами, которые определяют характер и значение той или иной территории и продукции, произведенной на ней [6]. Немаловажную роль при этом играют и местные жители территории, которые могут участвовать как в производстве локальных продуктов, так и в их потреблении, что делает сельскую местность наиболее привлекательной и для туристов, и для привлечения новых жителей.

Россия обладает колоссальным гастрономическим наследием, сформировавшимся благодаря разнообразию ее географии, флоры и фауны, культур ее народов, а также богатству истории. Это наследие малым территориям предстоит вспомнить и научиться использовать для своего развития.

В свою очередь, по мнению ученых М.В. Мирошкиной и С.В. Кондратьевой, развитие внутреннего туризма обусловлено стимулирующими и сдерживающими факторами формирования и распределения туристических потоков, среди которых они выделяют факторы природно-климатический, географический, культурно-исторический, инфраструктурный, экономический, институциональный, социокультурный и др. При этом названные авторы отмечают, что одним из ключевых является именно экономический фактор [7].

Результаты же проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что экономический фактор не имеет доминирующего значения, а наоборот, отходит на второй план в сравнении с факторами неэкономическими. По мнению туристов, горожане принимают решение посетить сельскую местность в связи с желанием: 1) отдохнуть от городской суеты, шума, рутины; 2) снять стресс и замедлить свой привычный темп жизни; 3) дышать свежим воздухом, питаться экологически чистыми продуктами; 4) почувствовать местный колорит, изучить этнические особенности и традиции местных жителей, узнать из первых уст, как устроен их быт; 5) увидеть местные достопримечательности; 6) узнать что-то новое, получить новые эмоции и ощущения; 7) вспомнить приятные и добрые моменты из детских лет.

По результатам нескольких этапов исследования были определены и характеристики новых жителей: 1) с идейными взглядами (религиозные воззрения, стереотип «русские должны жить в дерев-

не»); 2) творческие люди; 3) с высоким уровнем образования; 4) с традиционными взглядами на жизнь; 5) с высоким культурным уровнем; 6) «возвращенцы» (пенсионеры, а также те, кто ранее уехал, набрался опыта и вернулся, чтобы работать, кому есть что отдать и для кого самореализация важнее, чем комфорт в городе); 7) дачники; 8) люди с детьми; 9) фермеры; 10) молодежь с удаленной занятостью.

Респонденты отметили факторы, которые делают те или иные места наиболее привлекательными для туризма. Привлекательными являются: сельские районы, в которых местные жители сохранили свою историю и традиции; деревеньки, находящиеся в отдалении от больших городов, сохранившие свою аутентичность и колорит, имеющие место для ночевки; деревеньки с «брендом и изюминкой»; сельская местность с изобилием хвойных лесов, рек и озер.

Наиболее перспективными для заселения горожанами являются средние и дальние пригороды Москвы и Санкт-Петербурга, включая транспортные коридоры между столицами, благоприятные в климатическом отношении южные районы европейской части России и Сибири, курортные приморские территории [8].

При оценке состояния инфраструктуры, транспорта, связи, медицинского обслуживания, образования респонденты отмечают и негативные факторы. Среди них: слабо развитая инфраструктура, низкий уровень сервиса; недостаточно развитый транспорт, в частности железнодорожный, хотя иногда есть автобусное сообщение между селами; несовершенная связь (зависит от оператора); средний уровень медицинского обслуживания; средний уровень образования, при этом негативная тенденция к закрытию школ и детских садов; недостаточно хорошее качество дорог.

Важно отметить, что отсутствие дорог с твердым покрытием на большинстве удаленных сельских территорий является самым серьезным ограничением для развития сельского туризма. А ведь именно эти территории сохранили интересующие туристов идентичность и нетронутую природу.

Но несмотря на это, у большинства опрошенных ожидания от путешествия по сельской местности оправдались. Некоторые отмечают, что «чаще люди едут в сельскую местность для воссоединения с природой или окунуться в экотуризм и понимают условия, на кото-

рые идут, так что ожидания оправдываются». При этом респонденты, у которых ожидания не оправдались, указывают на то, что инфраструктура развита хуже, чем им представлялось до путешествия.

Результаты проведенного исследования также позволили составить типичный портрет туриста в сельской местности: 1) «среднестатистический работник офиса, который устал от рутины и хочет уединения на природе, [хочет] отдохнуть от больших городов, от стремительного темпа жизни»; 2) «человек, который любит посещать новые места, имеющий желание жить полной жизнью, узнавать что-то новое, получать положительные эмоции»; 3) «молодой человек, который старается получить информацию о своих корнях»; 4) «семейная пара / компания друзей 35–55 лет, с высшим образованием, работающие, увлеченные, интересующиеся»; 5) «мужчина/женщина старше 30 лет, с хорошей камерой в телефоне (фотоаппаратом), который приехал в населенный пункт», чтобы насладиться местным пейзажем, «возможно, художник, который приехал за вдохновением»; 6) «автомобилист, семейный, с большой кемпинговой палаткой, часто оставляющий после себя гору мусора»; 7) «человек, финансовые возможности которого позволяют ему путешествовать по стране или миру два-три раза в год».

Что касается новых жителей в сельской местности, то согласно результатам исследования, это, как правило, люди, имеющие высокий уровень образования и разнообразные компетенции. В переселении они ищут более высокое качество жизни, которое связывают с близостью к природе, с натуральным питанием, с возможностями самореализации, с лучшими условиями для воспитания детей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования позволили выделить основные мотивы и факторы, способствующие рурализации и развитию туризма в сельской местности. Однако вопрос темпов развития туризма в сельской местности и рурализации остается пока открытым.

Более половины респондентов считают, что спрос на туризм в сельской местности будет повышаться с каждым годом. При этом они отмечают, что важно «правильно рекламировать [сельский ту-

ризм] и проработать программу привлечения туристов в сельские поселения». Четверть опрошенных полагают, что люди поедут в ближайшее время из города в село и с целью туризма, и с целью перемещения туда на постоянное жительство. При этом высказывают мнение, что «жить в городах на постоянной основе неестественно для большей части людей, ведь многих людей тянет к единению с природой, к “земле”. Поначалу это будет туризм, который впоследствии сподвигнет на приобретение жилья, скорее всего, дачных домов».

Большинство опрошенных утверждают, что если туристы будут переезжать на село, произойдут характерные изменения: «Количество населения на селе возрастет, следовательно, увеличатся потребности в обеспечении этого населения, улучшится их социальное обеспечение, возрастет сельскохозяйственная деятельность, улучшится экономика, увеличатся рабочие места, откроются школы, детские сады». Некоторые считают, что начнет активно развиваться предпринимательская деятельность, «появится возможность у местных жителей дополнительного заработка и улучшится инфраструктура». Некоторые утверждают, что «оживут старые ремесла, мастерские, домашние хозяйства».

Часть селян видят в туристах конкурентов, загрязнителей окружающей среды, нарушающих покой местного населения. Другая часть понимают, что горожане и туристы являются источниками инвестиций и инноваций.

Также респонденты отметили, что, вероятнее всего, при приезде в село туристов у местных жителей изменятся взгляды на жизнь: они будут получать больше информации, появится стимул для развития через общение и обмен опытом.

Более половины респондентов считают, что местные жители относятся к туристам и новым жителям хорошо, но опрошенные из числа туристов отмечают также, что это отношение зависит от территориального расположения сельского поселения, от особенностей проживающих в данной местности людей. И только несколько респондентов заметили негатив и недоверие по отношению к туристам со стороны местных жителей. При этом высказывалось также мнение, что «если на местности развит туристический бизнес, то народ будет приветлив».

У большинства опрошенных возникает желание помочь сельскому населенному пункту, в котором они отдыхают. Кто-то из них уже активно помогает и делает этот населенный пункт более привлекательным, кто-то желает принять участие в социальном проекте. Есть и те, кто предлагает свои идеи, например «я бы с удовольствием обустроил глэмпинг для туристов либо кемпинг для путешествующих автодомов». Многие утверждают, что «желание помочь возникает, но все упирается в финансы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом результаты исследования показали, что туристы и новые жители не связывают привлекательность сельских территорий исключительно с сельским хозяйством и экономическими факторами. Основными целями посещения туристами малых территорий являются прежде всего отдых в экологически чистой местности, знакомство с местными культурой и традициями, а также их привлекает возможность попробовать и приобрести свежие и натуральные продукты.

Переломным моментом в повышении привлекательности малых территорий для горожан явилось осознание более высокого качества жизни на таких территориях. Оно связано с их экологическим потенциалом, с большей свободой, безопасностью и размеренным ритмом жизни вне крупных и средних городов. При этом местная гастрономия остается важным резервом повышения привлекательности малых территорий.

Исследование проводилось экспедицией «Возрождаем любовь к сельской России» (в рамках 11-й экспедиции Ассоциации самых красивых деревень и городков России на Русский Север) по результатам профессионального конкурсного отбора студенческих экспедиций «Открываем Россию заново» (<http://openrussia.rsv.ru>), реализуемого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и АНО «Больше, чем путешествие» при поддержке президентской платформы «Россия – страна возможностей» и Министерства образования и науки РФ, а также администрации Вологодской области

Список источников

1. *Балынин К.А.* Аспекты диверсификации гастрономического туризма // Сервис в России и за рубежом. – 2017. – Т. 11, № 1 (71). – С. 97–108.
2. *Воронцова Н.В., Мерзлов А.В., Мухаметзянов Р.Р., Платоновский Н.Г.* Оценка привлекательности сельских территорий с точки зрения внутренней миграции населения в России и странах ЕС // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – № 6. – С. 40–47.
3. *Воронцова Н.В., Шмидт Л.В.* Защита регионального продукта в ЕС и России // Экономика сельского хозяйства России. – 2018. – № 11. – С. 123–128.
4. *Иванов В.Д.* Гастрономический туризм как популярное направление в туристической индустрии // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2018. – Т. 3, № 2. – С. 105–113.
5. *Иощенко А.П.* Развитие зеленого туризма в России. – М.: КНОРУС, 2005. – 234 с.
6. *Леонова Н.В.* Организационно-экономические основы развития сельских территорий в странах ЕС (на материалах Франции и Германии): Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 170 с.
7. *Морошкина М.В., Кондратьева С.В.* Доступность туризма и отдыха для населения России: экономический аспект // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 3 (115). – С. 105–125.
8. *Овчинцева Л.А.* Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 296–310.
9. *Яковенко И.М., Страчкова Н.В.* Сельский туризм: систематизация понятия и осмысление тенденций // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2021. – Т. 7 (17), вып. 3. – С. 154–168.
10. *Яковенко Н.В.* Сельские гостевые дома как перспективное направление развития агротуризма в Ивановской области // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 83–90.
11. *Marcotte P., Bourdeau L., Doyon M.* Agrotourisme, agritourisme et tourisme à la ferme: Une analyse comparative // Teoros. – 2006. – Vol. 25 (3). – P. 59–67. – URL: <https://journals.openedition.org/teoros/1091#ftn1> (дата обращения: 01.12.2023).
12. *Sánchez-González D.* Elderly people in the planning of the rural tourist space in Tamaulipas // Papeles de Población. – 2008. – Vol. 14, No. 55. – P. 59–94.
13. *Vorontsova N., Merzlov A., Mukhametzyanov R., Ostapchuk T., Ivantsova N.* Impact of globalization on internal migration of population // Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy / Ed. by E.G. Popkova, B.S. Sergi. – Cham: Springer, 2022. – P. 535–543.

Информация об авторах

Мерзлов Александр Валериевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, руководитель Центра устойчивого развития сельских территорий, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49). E-mail: a.merzlov@gmail.com.

Воронцова Наталья Васильевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления бизнесом и сервисных технологий, Российский биотехнологический университет (Росбиотех) (125080, Москва, Волоколамское шоссе, 11). E-mail: leonova.n@gmail.com.

Тимофеевко Юлия Валерьевна (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры зоологии, Южный федеральный университет (344090, Ростов-на-Дону, просп. Стачки, 194/1). E-mail: ymal@sfnedu.ru.

Страхова Мария Алексеевна (Россия, Пенза) – студент кафедры маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет (440026, Пенза, ул. Красная, 40). E-mail: marusia_russia1995@inbox.ru.

DOI: 10.15372/REG20240411

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 282–299

**A.V. Merzlov, N.V. Vorontsova,
Yu.V. Timofeenko, M.A. Strakhova**

THE COUNTRYSIDE THROUGH THE EYES OF TOURISTS AND NEW RESIDENTS

The greatest opportunity to enhance quality of life lies in maximizing the potential of rural areas for recreational use and as new residential locations. This research identifies the main motives and factors influencing tourists

and new rural residents when selecting places to relax or live. Nature, the absence of city noise, rural heritage and culture, and the availability of locally sourced, healthy foods were found to be the primary factors of small rural areas' attractiveness. The study also highlights that further development of local gastronomy would enhance these areas' appeal. Respondents believe that increasing tourist flow to rural regions—which they predict will rise annually—will contribute to the socio-economic development of the countryside.

The study was conducted using empirical methods, including sociological surveys and semi-structured interviews during the 11th expedition of the Association of the Most Beautiful Villages and Towns of Russia, Reviving the Love for Rural Russia. The expedition took place in the Russian North from October 2 to 13, 2023, with support from the student expedition competition “Rediscovering Russia” (www.openrussia.rsv.ru) and the Vologda Oblast administration.

Keywords: rural tourism; ruralization; gastronomy; traditions; local products; new rural residents; tourists; sociological research; respondents; small (rural) areas

For citation: Merzlov, A.V., N.V. Vorontsova, Yu.V. Timofeenko & M.A. Strakhova. (2024). Selskaya mestnost glazami turistov i novykh zhiteley [The countryside through the eyes of tourists and new residents]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 282–299. DOI: 10.15372/REG20240411.

The study was carried out by the Reviving the Love for Rural Russia expedition (as part of the 11th expedition by the Association of the Most Beautiful Villages and Towns of Russia to the Russian North) based on the outcomes of the competitive selection of student expeditions titled “Rediscovering Russia” (<http://openrussia.rsv.ru>), organized by the National Research University Higher School of Economics alongside the More Than Trip Autonomous Non-Profit Organization, with support from the Russia – Land of Opportunity presidential platform, the Ministry of Education and Science, and the Vologda Oblast administration

References

1. *Balynin, K.A.* (2017). Aspekty diversifikatsii gastronomicheskogo turizma [Aspects of diversifying gastronomic tourism]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad], Vol. 11, No. 1 (71), 97–108.
2. *Vorontsova, N.V., A.V. Merzlov, R.R. Mukhametzyanov & N.G. Platonovskiy.* (2021). Otsenka privlekatelnosti selskikh territoriy s tochki zreniya vnutrenney migratsii naseleniya v Rossii i stranakh ES [Assessment of the attractiveness of rural areas in terms of internal migration in Russia and the EU countries]. *Ekonomika selskokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], 6, 40–47.
3. *Vorontsova, N.V. & L.V. Schmidt.* (2018). Zashchita regionalnogo produkta v ES i Rossii [Protection of a regional product in the EU and Russia]. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], No. 11, 123–128.
4. *Ivanov, V.D.* (2018). Gastronomicheskiy turizm kak populyarnoe napravlenie v turisticheskoy industrii [Gastronomic tourism as a popular destination in tourism industry]. *Fizicheskaya kultura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya* [Physical Culture. Sport. Tourism. Motor Recreation], Vol. 3, No. 2, 105–113.
5. *Ioshchenko, A.P.* (2005). *Razvitie zelenogo turizma v Rossii* [The Green Tourism Development in Russia]. Moscow, KNORUS Publ., 234.
6. *Leonova, N.V.* (2010). *Organizatsionno-ekonomicheskie osnovy razvitiya selskikh territoriy v stranakh ES (na materialakh Frantsii i Germanii): Diss. ... kand. ekon. nauk* [Organizational and economic foundations of rural development in EU countries (based on materials from France and Germany). Candidate of Economics Thesis]. Moscow, 170.
7. *Moroshkina, M.V. & S.V. Kondratyeva.* (2022). Dostupnost turizma i otdykha dlya naseleniya Rossii: ekonomicheskiy aspekt [Accessibility of tourism and recreation for people in Russia: The economic aspect]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (115), 105–125.
8. *Ovchintseva, L.A.* (2021). Novye selyane: motivy i faktory pereseleniya iz goroda v selskuyu mestnost [New villagers: Motives and factors for moving from urban to rural areas]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], Vol. 21, No. 2, 296–310.
9. *Yakovenko, I.M. & N.V. Strachkova.* (2021). Selskiy turizm: sistematizatsiya ponyatiya i osmyslenie tendentsiy [Rural tourism: Systematization of the concept and understanding of trends]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and Eco-geodynamics of Regions], Vol. 7 (17), Iss. 3, 154–168.
10. *Yakovenko, N.V.* (2015). Selskie gostevye doma kak perspektivnoe napravlenie razvitiya agroturizma v Ivanovskoy oblasti [Rural guesthouses as perspective direction of development of agritourism in the Ivanovo region]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service and Tourism: Current Challenges], Vol. 9, No. 3, 83–90.

11. Marcotte, P., L. Bourdeau & M. Doyon. (2006). Agrotourisme, agritourisme et tourisme à la ferme: Une analyse comparative [Agrotourism, agritourism, and farm tourism: A comparative analysis]. *Teoros*, 25 (3), 59–67. Available at: <https://journals.openedition.org/teoros/1091#ftn1> (date of access: 01.12.2023).

12. Sánchez-González, D. (2008). Elderly people in the planning of the rural tourist space in Tamaulipas. *Papeles de Población*, Vol. 14, No. 55, 59–94.

13. Vorontsova, N., A. Merzlov, R. Mukhametzyanov, T. Ostapchuk & N. Ivantsova. (2022). Impact of globalization on internal migration of population. In: E.G. Popkova & B.S. Sergi (Eds.). *Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy*. Cham, Springer Publ., 535–543.

About Authors

Merzlov, Alexander Valerievich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Sustainable Rural Development, Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy (49, Timiryazevskaya St., Moscow, 127434, Russia). E-mail: a.merzlov@gmail.com.

Vorontsova, Natalia Vasilyevna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor at the Department of Business Management and Service Technologies, Russian Biotechnological University (Rosbiotech) (11, Volokolamsk Highway, Moscow, 125080, Russia). E-mail: leonova.n@gmail.com.

Timofeenko, Yulia Valeryevna (Rostov-on-Don, Russia) – Candidate of Sciences (Biology), Senior Lecturer at the Department of Zoology, Southern Federal University (194/1, Stachki Ave., Rostov-on-Don, 344090, Russia). E-mail: ymal@sfedu.ru.

Strakhova, Maria Alekseevna (Penza, Russia) – student at the Department of Marketing, Commerce and Service Sector, Penza State University (40, Krasnaya St., Penza, 440026, Russia). E-mail: marusia_russia1995@inbox.ru.

Поступила в редколлегию 22.01.2024.

После доработки 28.05.2024.

Принята к публикации 05.06.2024.

УДК 332.02

Регион: экономика и социология, 2024, № 4 (124), с. 300–325

М.А. Ягольницер

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье исследуются структура и специфика слабо изученных аспектов синергии институциональных взаимодействий модели «тройной спирали», отражающей формирование инновационной экономики в России. Доказательная база строится на данных региональной статистики субъектов РФ. Используются методы многомерной классификации, проверки статистических гипотез, анализа взаимосвязей в сложных системах институциональных факторов. Выявлены существенные региональные различия в формировании инновационной экономики.

Классическая модель «тройной спирали» реализуется в менее чем 30% субъектов РФ. В большинстве регионов в инновационном секторе или доминируют промышленные предприятия, слабо взаимодействующие с научно-образовательным сектором, или научный сектор мало ориентирован на прикладные результаты. Отсутствие институциональных посредников не позволяет реализовать потенциал модели. В статье показано наличие сформированных или формирующихся институциональных сфер в российской инновационной экономике. Практическая реализация модели «тройной спирали» зависит от «окон возможностей», которые определяются сочетанием региональных факторов и институциональной политики федерального центра. Результаты исследования рекомендуется использовать при формировании региональной инновационной, кластерной политики, а также в стратегических разработках межрегионального инновационного сотрудничества.

Ключевые слова: инновационная экономика; модель «тройной спирали»; синергия; институциональные сферы; региональная экономика

Для цитирования: Ягольницер М.А. Особенности институциональных механизмов инновационного развития регионов России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 300–325. DOI: 10.15372/REG20240412.

ВВЕДЕНИЕ

Модель «тройной спирали» является уникальным средством в исследовании инноваций [18], поскольку объясняет взаимодействие таких институциональных сфер, как знание, бизнес и власть, в стимулировании технологических, продуктовых, организационных и управленческих изменений. В ее основе лежат социальные теории Зиммеля, Маркса и Вебера [16]. Первоначально модель включала три взаимодействующие спирали (институциональные сферы), но в дальнейшем предпринимались попытки ее обобщения в пространство со многими спиралями. Например, введение четвертой спирали осуществлено в работе Э. Караяниса и Д. Кэмпбелла [14].

Современное развитие концепции «тройной спирали» М. Ранга и Г. Ицковиц [26] представили как аналитическую конструкцию, которая объединяет ключевые особенности сложных инновационных систем. Такие системы характеризуются тремя основными аспектами: компонентами систем, взаимосвязями между компонентами и функциями систем. Центральная идея модели «тройной спирали» состоит в том, что в дополнение к межведомственному сотрудничеству, которое осуществляется в рамках традиционных функций рассматриваемых институтов (знания, бизнес, государство), институт способен «совмещать функции других институтов» [9]. Например, промышленные предприятия производят товары и услуги, но также начинают развивать научные исследования или поддерживать их развитие и обучать своих сотрудников. Совмещение трех институциональных сфер формирует гибридные организации, которые способ-

ствуют продвижению инноваций [15]. В теоретическом обзоре идее «совмещения» будет уделено большее внимание.

Исследованиям «тройной спирали» посвящено большое количество работ за рубежом и в России, тем не менее ощущается недостаток исследований синергии ее институциональных сфер [20; 22]. В основе концепции синергии, впервые введенной Х.И. Ансоффом [3], лежит представление о сотрудничестве между элементами сложной системы, обеспечивающем больший суммарный эффект по сравнению с суммой выгод, которые каждый из этих элементов мог бы получить по отдельности.

В предлагаемом эмпирическом исследовании, проведенном на региональной статистике, ставится цель проверить влияние синергии институциональных измерителей, формируемых в «тройной спирали», на инновационное развитие регионов России.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выше упоминалось, что ключевым механизмом «тройной спирали» является совмещение функций (исполнение нетрадиционных функций) институциональными участниками. Ю. Цай и Ц. Лю [11] в своем исследовании, посвященном анализу роли университета как институционального предпринимателя в региональных инновационных системах, предложили объяснение этого механизма путем объединения двух концепций институциональной теории: институциональной логики [29] и институционального предпринимателя [6]. Под институциональной логикой понимаются общие концептуальные и нормативные рамки, которые задают принципы поведения участников инновационной системы на местах [28]. Институциональные предприниматели – это отдельные субъекты, а также организации инновационной сферы, которые не только иницируют различные изменения в институциональном окружении, но и активно участвуют в осуществлении таких изменений [6]. Следовательно, когда объекты из сфер знаний, производства (услуг) и органов власти берут на себя функции объектов из других сфер, это способствует созданию множества институциональных сред, благоприятствующих институцио-

нальному предпринимательству. Примером являются объекты инновационной инфраструктуры: индустриальные парки, технопарки, инновационные парки, структуры венчурного финансирования инновационной деятельности и др.

Для анализа моделей взаимодействия между различными участниками «тройной спирали» авторами исследований [24; 25; 30] использовалась теория социальных сетей. При ее применении в контексте инноваций было высказано предположение, что стимулирование инноваций в рамках сетей требует сочетания как сильных, так и слабых связей [2; 13; 23]. При этом, как утверждают авторы работы [5, р. 212], «слабые связи способствуют генерированию новых идей, в то время как сильные связи способствуют их эксплуатации (внедрению новых идей)».

Модель тройной спирали представляет собой сложную, динамическую сетевую систему инновационного развития, значительно отличающуюся от традиционных моделей, для которых характерно одностороннее сотрудничество между научными кругами и промышленностью. В новой парадигме также придается большее значение действиям правительства, чем в традиционных моделях [17].

В связи с этим Л. Лейдесдорф [21] отмечал, что наличие потенциальных участников «тройной спирали» и даже связей между ними не обязательно означает, что результат этих взаимодействий будет положительным с точки зрения генерации знаний, инноваций и предпринимательства. Это связано с неверно трактуемой особенностью модели «тройной спирали», в которой взаимодействия отождествляются не просто с сотрудничеством, а с взаимодействием в рамках трехсторонних сетевых связей [10].

Что касается государства, то оно заинтересовано в продвижении инноваций в частных компаниях с целью повышения их конкурентоспособности. И.М. Бодас-Фрейтас и Н. фон Тунцельманн [8] обратили внимание на то, что государственная поддержка фирм в области внедрения инноваций может быть оказана двумя способами. С одной стороны, путем предоставления финансовой поддержки для этой цели (обучение, исследования и модернизация). С другой стороны, путем создания соответствующих структур для предоставле-

ния технологических консультаций, консультативной помощи или информации, поддерживающих распространение инноваций. Эти авторы также утверждают, что хорошая координация различных направлений деятельности в области государственных инвестиций необходима для достижения согласованности целей и потоков знаний между различными участниками и, следовательно, для более широкого внедрения инноваций фирмами.

Сотрудничество в сфере бизнеса может принимать различные формы: вертикального сотрудничества с клиентами или поставщиками; институционального сотрудничества с фирмами, входящими в одну группу; горизонтального сотрудничества с фирмами, конкурирующими в одном секторе. Взаимодействие компаний с потребителями облегчает прогноз изменения спроса и снижает риски, связанные с продуктовыми инновациями, а сотрудничество с поставщиками помогает улучшать качество и/или снижать затраты в результате технологических инноваций. Стратегия инновационного сотрудничества между конкурирующими фирмами может обеспечить им взаимную выгоду или преимущества, такие как доступ к знаниям и технологическим навыкам, совместное создание и распространение знаний, повышение эффективности использования ресурсов или изучение новых рыночных возможностей [27].

Сотрудничество государства и бизнеса с университетами и научно-исследовательскими центрами повышает вероятность появления инноваций на рынке. Получение государственных грантов на НИОКР способствует заключению соглашений о сотрудничестве с другими фирмами. А соглашения о сотрудничестве позволяют фирмам распространять и внедрять внешние знания для стимулирования инноваций в своих продуктах и процессах. Соответственно, различные стороны, участвующие в сотрудничестве в области бизнес-инноваций с точки зрения «тройной спирали», могут предоставить дополнительные знания, ресурсы и навыки [4; 7].

Таким образом, в результате взаимодействий в рамках «тройной спирали» появляются гибридные организации, связывающие три ключевые институциональные сферы (университеты и научные учреждения, промышленность, правительство) инновационной эконо-

мики [12; 17; 19]. Они и реализуют важнейший принцип этой модели – «совмещение ролей» (или «принятие на себя роли другого»).

В нашем эмпирическом исследовании, опирающемся на периодически публикуемые данные рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации [1], ставится цель выявить причины неравномерности инновационного развития в различных регионах России, используя идеологию «тройной спирали». При этом модель рассматривается как системная конструкция, образованная взаимодействующими институциональными сферами знаний, бизнеса и государства.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой исследования послужил аналитический доклад об инновационном развитии субъектов Российской Федерации [1], содержащий информацию в разрезе 85 субъектов РФ по 55 показателям, сгруппированным в пять укрупненных блоков. Блок 1 «Социально-экономические условия инновационной деятельности» содержит 13 показателей, объединенных в три подгруппы. Блок 2 «Научно-технический потенциал» включает 14 показателей в четырех подгруппах. Блок 3 «Инновационная деятельность» представлен девятью показателями в трех подгруппах. Блок 4 «Экспортная активность» содержит семь показателей в двух подгруппах. Блок 5 «Качество инновационной политики» состоит из 12 показателей в трех подгруппах.

В блоке 5 подгруппа «Нормативная правовая база научно-технической и инновационной политики» включает четыре качественных показателя: наличие (отсутствие) стратегии научно-технологического и инновационного развития; наличие (отсутствие) выделенных территорий развития научно-технической и инновационной деятельности; наличие (отсутствие) регионального закона о науке, технологиях и инновациях; наличие (отсутствие) разработанной программы поддержки науки, технологий и инноваций. Подгруппа «Организационное обеспечение научно-технической и инновационной поли-

тики» содержит два качественных показателя: наличие (отсутствие) координационного органа по научной, научно-технической и инновационной политике; наличие (отсутствие) созданных региональных институтов развития науки, технологий и инноваций. Подгруппа «Участие в федеральной научно-технической и инновационной политике» включает шесть количественных показателей (приведены ниже в табл. 3). Более детально со списком показателей и источниками их получения можно ознакомиться в докладе [1, с. 17–20].

В качестве *методики исследования* использовался статистический анализ данных, а конкретно методы многомерной классификации (в частности, метод *k*-средних*), методы проверки статистических гипотез и анализа взаимосвязей (корреляционный анализ для количественных переменных и анализ сопряженности для качественных). Все количественные показатели подлежали нормированию: «значения показателей по каждому региону определялись как отношение разницы между значениями показателей в регионе и минимальными значениями показателей по всем регионам к разнице между максимальными и минимальными значениями данных показателей по всем регионам» [1, с. 53].

Перед проведением классификации выборки осуществлялся отбор наиболее информативных с позиции классификации показателей. К ним были отнесены

- наиболее варьирующие показатели (коэффициент вариации превышал 30%);
- показатели, распределения которых были далеки от одновершинного;
- показатели, содержательная интерпретация которых соответствовала бы инновационному развитию по модели «тройной спирали», т.е. которые описывали характеристики ее действующих акторов: бизнеса, учебных и научно-исследовательских организаций, правительственных и неправительственных агентов.

* Метод неконтролируемого обучения. Позволяет разделить произвольный набор данных на заданное число кластеров так, чтобы объекты внутри одного кластера были достаточно близки друг к другу, а объекты разных кластеров не пересекались.

Ни одна модель не позволяет понять и измерить экономику, основанную на знаниях, если она не включает в свой анализ базовые компоненты институциональной и организационной структуры, основанной на знаниях, которые стали бы фундаментом разработки модели. Однако отметим, что из состава классификационных показателей намеренно были исключены показатели блока 5 «Качество инновационной политики». Цель этого приема – продемонстрировать значимость достигаемой синергии взаимодействующих институциональных сфер участников «тройной спирали» и их влияния на инновационное развитие регионов в Российской Федерации. Другими словами, определялись ли при создании институтов складывающиеся социально-экономические условия инновационной деятельности, образовательный и научно-технический потенциал и оказали ли институты значимое влияние на результативность инновационной деятельности. Выявить, как формировались и использовались «окна возможностей» для эффективной инновационной деятельности в российских регионах.

Выбранные классифицирующие показатели инновационного развития представляют четыре блока и их основные подблоки: 1) социально-экономические условия инновационной деятельности (основные макроэкономические показатели и образовательный потенциал населения); 2) научно-технический потенциал (финансирование научных исследований и разработок, кадры науки); 3) инновационную деятельность (активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций, результативность инновационной деятельности); 4) экспортную активность. Учитывая характер классифицирующих показателей, нетрудно заключить, что они представляют и необходимые для инноваций ресурсы (образовательный потенциал; обеспеченность научными кадрами; активность в области инновационной деятельности), а также результативность инновационной деятельности (долю инновационной продукции и ее экспорта).

В результате многомерной классификации были получены типологии, представленные четырьмя типами субъектов РФ (табл. 1).

Отметим, что полученные нами типологии отличаются от типологий доклада [1]. Отличие вызвано тем, что, во-первых, мы использовали не весь набор показателей, а только самые варьирующие.

Таблица 1

Распределение субъектов Российской Федерации по типологиям

Типология 1	Типология 2	Типология 3	Типология 4
<i>Республики:</i> Крым, Мордовия, Удмуртия <i>Края:</i> Алтайский, Краснодарский <i>Области:</i> Белгородская, Брянская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Курская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Тамбовская, Тверская, Тюменская	<i>Республики:</i> Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Чувашия <i>Края:</i> Пермский <i>Области:</i> Архангельская, Владимирская, Калужская, Курганская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская <i>Города:</i> Москва, Санкт-Петербург	<i>Республики:</i> Бурятия, Карелия, Хакасия <i>Края:</i> Красноярский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский <i>Области:</i> Вологодская, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Костромская, Ленинградская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Сахалинская, Смоленская	<i>Республики:</i> Адыгея, Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балка- рия, Калмыкия, Карачаево-Черке- ссия, Коми, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Чеченская <i>Края:</i> Забайкальский, Камчатский <i>Области:</i> Амурская, Астраханская, Магаданская <i>Автономные округа:</i> Ненецкий, ХМАО – Югра, ЯНАО <i>Города:</i> Севастополь

Источник: расчеты автора по данным доклада [1].

Во-вторых, мы намеренно исключили из классифицирующих признаков все показатели блока 5 по причине, отмеченной ранее. В-третьих, отдельные составляющие обобщенного рейтинга, по которому формировались типологии доклада [1], очень сильно различаются между собой, и последующее их сведение в обобщенный рейтинг достаточно сильно искажает положение отдельных регионов в типологиях. В подобной ситуации совпадение принадлежности регионов к типологиям будет наблюдаться лишь для полярно различающихся объектов. В-четвертых, в такой ситуации проблематичным становится

выявление взаимосвязей институциональных сфер «тройной спирали», определяющих качество инновационной политики.

В таблице 2 приведен состав участвовавших в многомерной классификации показателей.

Таблица 2

Значения показателей инновационного развития российских регионов

Показатель	Средние значения показателей в типологиях			
	Типология 1	Типология 2	Типология 3	Типология 4
Доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности, %	0,39	0,68	0,28	0,06
Доля занятых в высокотехнологичных наукоемких отраслях сферы услуг, %	0,13	0,31	0,11	0,09
Численность студентов программ высшего образования на 10 тыс. чел. населения, чел.	0,49	0,62	0,48	0,36
Доля затрат на исследования и разработки в ВРП, %	0,10	0,27	0,07	0,05
Доля бизнеса в финансировании исследований и разработок, %	0,22	0,22	0,17	0,07
Доля занятых в сфере исследований и разработок, %	0,13	0,38	0,11	0,08
Доля молодых исследователей (до 35 лет), %	0,57	0,65	0,47	0,38
Доля инновационных организаций, %	0,41	0,46	0,20	0,17
Доля малых инновационных предприятий, %	0,57	0,55	0,49	0,18
Доля инновационной продукции, %	0,28	0,27	0,15	0,06
Доля инновационной продукции с использованием российских результатов интеллектуальной деятельности, %	0,10	0,32	0,05	0,001
Доля экспорта в объеме инновационной продукции, %	0,08	0,12	0,30	0,001

Источник: расчеты автора.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Характеризуя типологии в пространстве показателей блоков 1–4, можно отметить, что регионы типологии 2 по всем показателям мажорируют регионы других типологий. Регионы типологии 4 практически по всем классифицирующим характеристикам отстают от регионов других типологий, а регионы типологий 1 и 3 занимают промежуточные позиции, различаясь между собой лишь некоторыми показателями.

Обращает на себя внимание и характер распределения субъектов РФ в полученных типологиях по федеральным округам (рис. 1). Наибольшая концентрация регионов с лучшими значениями показателей инновационного развития наблюдается в Приволжском (девять субъектов) и Центральном (семь субъектов) федеральных округах, что практически составляет 70% от общего количества регионов типологии 2. Остальные регионы, относящиеся к этой типологии, распределились между Северо-Западным, Уральским и Сибирским федеральными округами. Регионы с самыми низкими относительными показателями инновационного развития сконцентрировались в Северо-Кавказском, Дальневосточном и Южном федеральных округах.

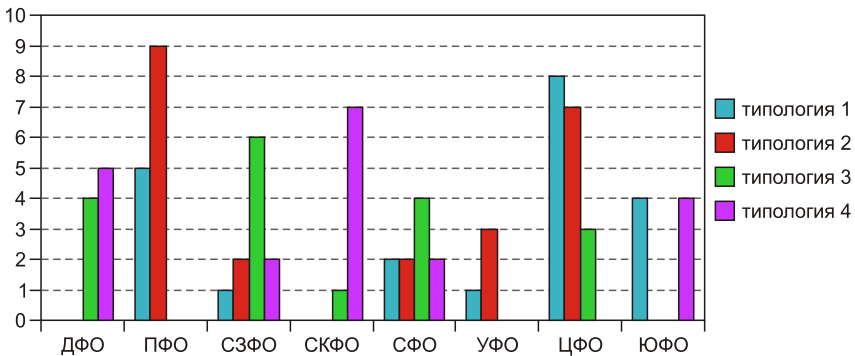


Рис. 1. Распределение типологий субъектов Российской Федерации по федеральным округам

Источник: расчеты автора

В дальнейшем мы более подробно остановимся на причинах этого явления.

Следующий шаг используемого подхода – выявление особенностей взаимодействия институциональных сфер «тройной спирали» в полученных типологиях регионов, различающихся показателями инновационного развития. Для этого осуществлялся анализ взаимосвязей показателей блока 5 «Качество инновационной политики» (шесть качественных и шесть количественных показателей в региональном разрезе).

В таблице 3 приведены средние значения количественных характеристик качества различных институциональных участников инновационного развития регионов, а также результаты проверки гипотез о значимости их различий для полученных на предыдущем шаге типологий регионов. Отметим, что и для институциональных показателей наблюдается полное доминирование типологии 2 над типологией 4. Также нет статистически значимых различий всех институциональных показателей типологий 1 и 3. Однако наблюдаются значимые различия в этих типологиях с типологией 2 по количеству поддерживаемых научных, научно-технических и инновационных проектов, по объемам их финансирования и по количеству поддерживаемых государством территорий промышленного развития.

Рисунок 2 иллюстрирует рассчитанные значимые взаимосвязи показателей качества институциональной среды для регионов типологии 1. Особенность взаимодействующих институциональных сфер «тройной спирали» в рассматриваемом типе регионов заключается в том, что в блоке нормативных показателей инновационной политики отсутствуют взаимосвязи части институциональных показателей (наличие стратегии инновационного развития, наличие программы инновационного развития и наличие регионального закона о поддержке научно-технологической и инновационной деятельности). В то же время в регионах наблюдаются взаимосвязи между некоторыми показателями нормативно-правовой базы и организационного обеспечения инновационного развития (наличие выделенных в схемах территориального планирования территорий научно-технологической и инновационной деятельности и создание координирующих

Таблица 3

Количественные характеристики институциональных показателей

Характеристика	Средние значения характеристик в типологиях				Значимость различий средних значений характеристик в типологиях					
	1	2	3	4	1, 2	1, 3	1, 4	2, 3	2, 4	3, 4
Число научных, научно-технических и инновационных проектов с федеральной поддержкой	0,35	0,46	0,30	0,18	+	–	+	+	+	+
Число территорий развития научно-образовательной деятельности с федеральным статусом	0,45	0,48	0,43	0,34	–	–	–	–	+	–
Федеральное финансирование научных, научно-технических и инновационных проектов	0,35	0,46	0,30	0,18	+	–	+	+	+	+
Число территорий инновационного развития с федеральным статусом	0,45	0,48	0,43	0,34	–	–	–	–	+	–
Число территорий промышленного развития с федеральным статусом	0,32	0,47	0,27	0,13	+	–	+	+	+	+
Число объектов инновационной инфраструктуры поддержки МСП	0,45	0,48	0,43	0,34	–	–	–	–	+	–

Примечание: «+» – различия в показателе статистически значимы на уровне 0,05; «–» – различия статистически незначимы.

Источник: расчеты автора.

органов по науке, научно-технической и инновационной политике, а также наличие созданных региональных институтов развития науки, технологий и инноваций).

Поимо этого, на выделенных территориях инновационного развития финансирование научных, научно-технологических и иннова-

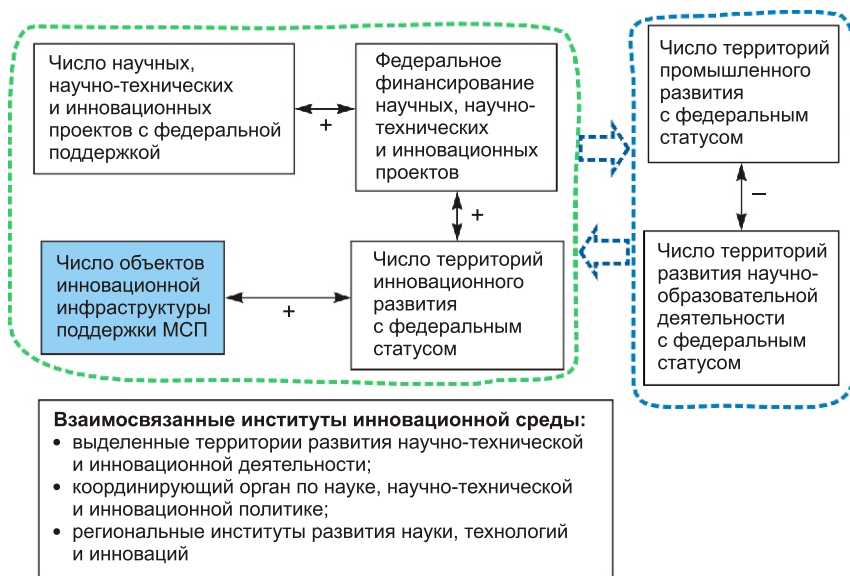


Рис. 2. Взаимосвязи показателей качества институциональной среды в типологии 1

Примечания: 1) знаки «+» и «-» отражают статистически положительные и отрицательные взаимосвязи количественных показателей; 2) штриховыми линиями выделены блоки взаимосвязанных количественных показателей качества институциональной среды, штриховыми стрелками указаны связи между блоками, которые оказались статистически незначимыми на уровне 0,05

Источник: построено автором на основе анализа взаимосвязей показателей

ционных проектов направлено главным образом на развитие инновационной структуры поддержки малых и средних предприятий. Что касается создания территорий промышленного развития и территорий научно-образовательной деятельности, то их развитие идет в противофазе. Вероятно, на рассматриваемых территориях развитие научно-образовательной деятельности связано преимущественно с государственным финансированием в соответствии с национальными и федеральными проектами и программами, в то время как промышленное развитие предполагает совместное финансирование подобных проектов, в которых участие бизнеса или пока отсутствует,

или очень незначительно. И что самое важное, наблюдается очень слабое (на уровне статистической ошибки) одновременное взаимодействие всех трех институциональных сфер: бизнеса, научно-образовательного комплекса и государства. Значимая господдержка инновационного развития в основном сосредоточена на инновационной инфраструктуре, на взращивании стартапов, которые из-за прекращения финансовой поддержки со стороны государства при отсутствии поддержки со стороны бизнеса не могут вырасти в успешные инновационные компании.

Рассмотрим особенности взаимодействия институциональных показателей в типологии 2 – в совокупности регионов с лучшими средними показателями инновационного развития (рис. 3). Особенностью нормативной базы институтов регионов этого типа является взаимосвязь таких важных региональных нормативных показателей, как существование регионального закона о науке, технологиях и ин-

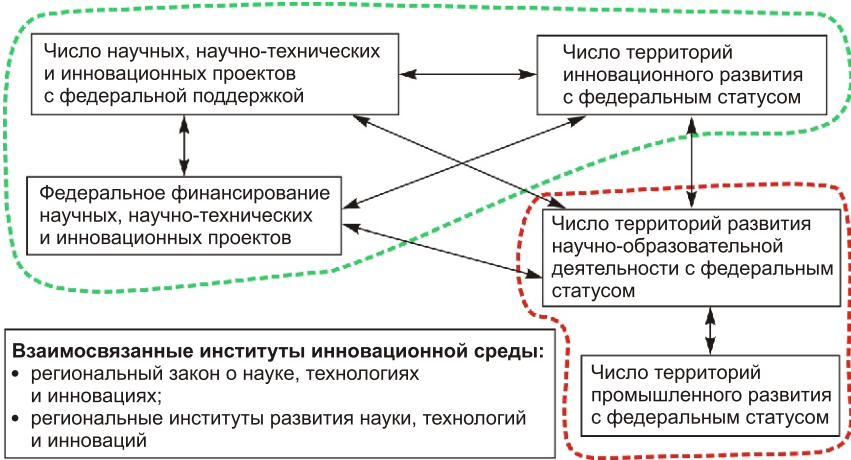


Рис. 3. Взаимосвязи показателей качества институциональной среды в типологии 2

Примечания: 1) все указанные связи на рисунке имеют положительный знак и являются статистически значимыми; 2) штриховые линии имеют тот же смысл, что и на рис. 2

Источник: построено автором на основе анализа взаимосвязей показателей

новациях и, что чрезвычайно показательно, наличие созданных в соответствии с этим законом региональных институтов развития науки, технологий и инноваций. Это позволяет, как мы видим из рис. 3, увязать усилия федеральных властей с местными инициативами и тем самым добиться синергии от взаимодействия всех элементов «тройной спирали». В отличие от регионов типологии 1, в которых инновации развиваются в результате усилий государства по созданию инновационной инфраструктуры, но процесс «затормаживается» на стадии стартапов из-за отсутствия механизмов поддержания инновационного роста, в регионах типологии 2 осуществляется системное взаимодействие всех выделенных показателей качества инновационной политики (институциональных сфер «тройной спирали»). Тем самым достигается синергия в инновационном развитии регионов.

Поскольку российские регионы типологии 3 практически по всем показателям инновационного развития не отличаются от регионов типологии 1, на типологии 3 мы не будем останавливаться подробно. Отметим только, что, как и в типологии 1, в формировании механизмов инновационного развития наблюдаются усилия федерального центра, направленные на поддержку развития инновационной инфраструктуры малого и среднего бизнеса. Однако они не подкрепляются поддержкой со стороны крупного бизнеса и региональных властей, о чем свидетельствует отсутствие взаимосвязей между показателями нормативно-правовой базы научно-технической и инновационной политики (рис. 4). Также, в отличие от регионов типологии 1, в рассматриваемых регионах отсутствуют связи между нормативно-правовыми показателями институтов, формирующих инновационную среду. Создается впечатление, что они существуют чисто номинально, а не как ориентиры созидательной деятельности.

Еще одним различием типологий 1 и 3 является то, что в последней имеет место, хотя и слабая, связь между формированием территорий инновационного развития и развитием там научно-образовательной деятельности. А вот участие бизнеса в создании промышленных территорий инновационного развития, хотя бы на уровне слабого системного взаимодействия между всеми элементами «тройной спирали», как в типологии 1, не наблюдается. Интересы бизнеса

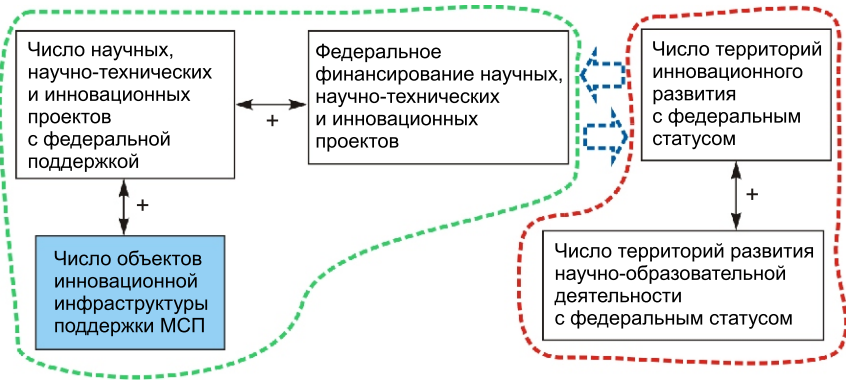


Рис. 4. Взаимосвязи показателей качества институциональной среды в типологии 3

Примечание: штриховые линии и стрелки имеют тот же смысл, что и на ранее приведенных рисунках

Источник: построено автором на основе анализа взаимосвязей показателей

к инновациям или не существует, или он очень слаб, чтобы сформировать значимую тенденцию.

И наконец, рассмотрим типологию регионов, характеризующуюся достаточно низкими средними показателями инновационного развития. Выясним причины этого явления с позиций институционального взаимодействия элементов «тройной спирали».

На рисунке 5 показано взаимодействие институциональных факторов инновационной среды совокупности регионов типологии 4. Региональное представительство (60%) формируется субъектами Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. Схематически территориального планирования предусматриваются выделение в этих субъектах территорий научно-технической и инновационной деятельности, а также разработка соответствующих региональных институтов. И как мы видим, связь между этими процессами существует. Более того, наблюдается значимая связь между государственной поддержкой и ростом числа инновационных научно-технических проектов в регионах. При этом поддержка проектов создания территорий развития научно-образовательного потенциала находится

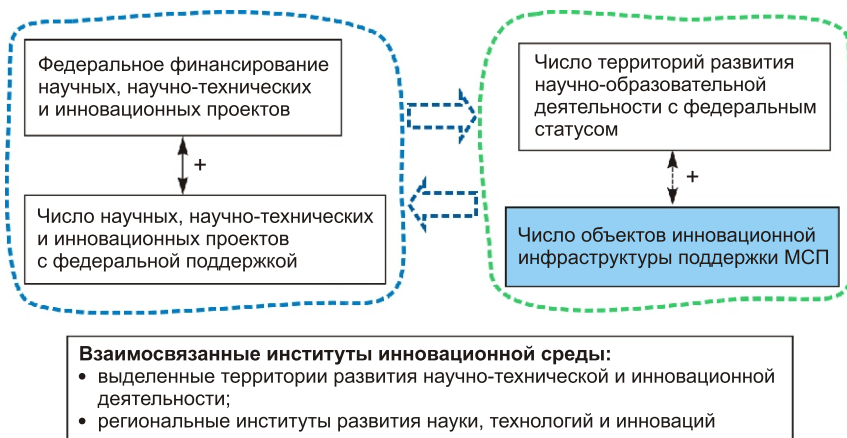


Рис. 5. Взаимосвязи показателей качества институциональной среды в типологии 4

Примечание: штриховые линии и стрелки имеют тот же смысл, что и на ранее приведенных рисунках

Источник: построено автором на основе анализа взаимосвязей показателей

в противофазе с поддержкой инфраструктуры инновационного развития малого и среднего предпринимательства. При такой особенности финансового обеспечения процессов создания кадрового потенциала инновационной системы и ее научно-производственной инфраструктуры вряд ли следует ожидать больших прорывов в развитии практических инноваций. Даже при правильном институциональном нормотворчестве.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Региональные особенности формирования структуры инновационной экономики по теоретической модели «тройной спирали» наиболее наглядно проявляются в проектах создания инновационных территориальных кластеров, которые поддерживались Министерством экономического развития РФ с 2012 г., и проектах инновационных промышленных кластеров, поддерживаемых Министерством

промышленности и торговли РФ с 2015 г., когда был составлен их реестр. Российский опыт свидетельствует, что в большинстве случаев создание кластеров и формирование кластерной политики инициируются государственными органами и преимущественно основываются на зарубежной практике. Это приводит к слабо ориентированной государственной поддержке, которая распространяется на все регионы, в результате чего распределяемые финансовые ресурсы чаще всего оказываются довольно скромными, а результаты инновационного развития – низкими.

Проведенный нами анализ показателей качества инновационного развития регионов демонстрирует существенную региональную дифференциацию как по имеющимся возможностям создания инновационной экономики (образовательный и научно-технический потенциал, производственный и инфраструктурный потенциал), так и по результатам инновационной деятельности. И эта ситуация, за исключением небольшого числа кластерных программ, главным образом федеральных, которые были направлены на тщательный отбор технологических кластеров для финансирования на основе конкретного «окна возможностей» внутри кластера и за его пределами, к сожалению, превалировала в российских регионах.

Создавшиеся благоприятные условия, наблюдаемые в регионах типологии 2, отражали готовность научно-исследовательских коллективов принять участие в инновационном предпринимательстве, при этом некоторые из них превращались в специализированные инновационные фирмы. Окрепшие инновационные фирмы уже самостоятельно (или с существенно меньшей господдержкой) способны расширять масштабы деятельности и укреплять связи с научно-образовательным комплексом в регионе (регионах) присутствия. Системное взаимодействие элементов «тройной спирали», подкрепленное взаимосвязанными институтами инновационной среды (особенно регионального уровня), наблюдаемое в регионах типологии 2, позволило создать эффективную структуру «тройной спирали». В регионах других типологий в инновационном секторе доминировали крупные корпорации, которые имели лишь слабые связи с академическими

исследованиями (типология 1). В регионах типологии 3 большинство научных структур занимались фундаментальными исследованиями и мало интересовались вопросами прикладных исследований. Вследствие этого потенциал модели «тройной спирали» не мог быть полностью реализован.

Проведенное исследование показало наличие всех институциональных сфер модели «тройной спирали» и для российской экономики. Однако ее практическая реализация зависит от возникающих «окон возможностей», которые определяются региональными факторами и дирижистской политикой федерального центра.

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект
«Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков
в России и ее восточных регионах: методология, анализ,
прогнозирование», № 121040100284-9*

Список источников

1. *Рейтинг* инновационного развития субъектов Российской Федерации / Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В. и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт статистических исследований и экономики знаний. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – Вып. 8. – 260 с.
2. *Abrahamson E., Rosenkopf L.* Social network effects on the extent of innovation diffusion: A computer simulation // *Organization Science*. – 1997. – No. 8 (3). – P. 289–309. DOI: 10.1287/orsc.8.3.289.
3. *Ansoff H.I.* Corporate Strategy: An Analytic Approach to Business Policy for Growth and Expansion. – McGraw-Hill, 1965. – 241 p.
4. *Badillo E.R., Llorente F., Moreno R.* Cooperation in R&D, firm size and type of partnership: evidence for the Spanish automotive industry // *European Journal of Management and Business Economics*. – 2017. – No. 26 (1). – P. 123–143. DOI: 10.1108/EJMBE-07-2017-008.
5. *Barrie J., Zawdie G., Joao E.* Assessing the role of triple helix system intermediaries in nurturing an industrial biotechnology innovation network // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 214. – P. 209–223. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.12.287.
6. *Battilana J., Leca B., Boxenbaum E.* How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship // *The Academy of Management Annals*. – 2009. – No. 3 (1). – P. 65–107. DOI: 10.1080/19416520903053598.

7. Belderbos R., Carree M.A., Diederer B., Lokshin B., Veugelers R. Heterogeneity in R&D co-operation strategies // *International Journal of Industrial Organization*. – 2004. – No. 22 (8-9). – P. 1237–1263. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2004.08.001.
8. Bodas Freitas I.M., von Tunzelmann N. Mapping public support for innovation: a comparison of policy alignment in the UK and France // *Research Policy*. – 2008. – No. 37 (9). – P. 1446–1464. DOI: 10.1016/j.respol.2008.05.005.
9. Cai Y., Etzkowitz H. Theorizing the triple helix model: Past, present, and future // *Triple Helix Journal*. – 2020. – No. 6 (1). – P. 1–38. DOI: 10.1163/21971927-bja10003.
10. Cai Y., Lattu A. Triple helix or quadruple helix: Which model of innovation to choose for empirical studies? // *Minerva*. – 2022. – Vol. 60. – P. 257–280. DOI: 10.1007/s11024-021-09453-6.
11. Cai Y., Liu C. The role of university as institutional entrepreneur in regional innovation system: Towards an analytical framework // *Examining the Role of Entrepreneurial Universities in Regional Development* / Ed. by M.T. Preto, A. Daniel and A. Teixeira. – Hershey, PA: IGI Global, 2020. – P. 133–155.
12. Cai Y., Pugh R., Liu C. A framework for analysing the role of innovation policy in regional innovation system development // *International Journal of Innovation and Regional Development*. – 2017. – No. (7) 4. – P. 237–256.
13. Capaldo A. Network structure and innovation: The leveraging of a dual network as a distinctive relational capability // *Strategic Management Journal*. – 2007. – No. 28 (6). – P. 585–608. DOI: 10.1002/smj.621.
14. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st-century fractal innovation ecosystem // *International Journal of Technology Management*. – 2009. – No. 46 (3/4). – P. 201–234.
15. Champenois C., Etzkowitz H. From boundary line to boundary space: The creation of hybrid organizations as a Triple Helix micro-foundation // *Technovation*. – 2018. – Vol. 76. – P. 28–39. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.11.002.
16. Etzkowitz H. *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation in Action*. – New York; London: Routledge, 2008.
17. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: From National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations // *Research Policy*. – 2000. – No. 29 (2). – P. 109–123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.
18. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The triple helix. University–industry–government relations: A laboratory for knowledge-based economic development // *EASST Review*. – 1995. – No. 14 (1). – P. 14–19.
19. Etzkowitz H., Zhou C. *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship*. – 2nd ed. – London; New York: Routledge, 2018. – 342 p.
20. Kravchenko N.A., Yusupova A.T., Ivanova A.I., Yagolnitsa M.A. Location, technological level, and partnerships as conditions for company growth // *Regional Research of Russia*. – 2024. – No. 14 (2). – P. 306–315. – DOI: 10.1134/S207997052460015X.

21. *Leydesdorff L.* The triple helix, quadruple helix, ..., and an N-tuple of helices: Explanatory models for analysing the knowledge-based economy? // *Journal of the Knowledge Economy*. – 2012. – No. 3 (1). – P. 25–35. DOI: 10.1007/s13132-011-0049-4.
22. *Leydesdorff L., Perevodchikov E., Uvarov A.* Measuring triple-helix synergy in the Russian innovation systems at regional, provincial, and national levels // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. – 2015. – No. 66 (6). – P. 1229–1238. DOI: 10.1002/asi.23258.
23. *Michelfelder I., Kratzer J.* Why and how combining strong and weak ties within a single interorganizational R&D collaboration outperforms other collaboration structures // *Journal of Product Innovation Management*. – 2013. – No. 30 (6). – P. 1159–1177. DOI: 10.1111/jpim.12052.
24. *Peng F., Zhang Q.Q., Han Z.L., Ding Y., Fu N.N.* Evolution characteristics of government-industry-university cooperative innovation network of electronic information industry in Liaoning province, China // *Chinese Geographical Science*. – 2019. – No. 29 (3). – P. 528–540. DOI: 10.1007/s11769-019-1047-x.
25. *Pinto H.* Connecting the triple helix space: Actor–network creation and institutionalisation of knowledge transfer offices // *Triple Helix*. – 2017. – No. 4 (1). DOI: 10.1186/s40604-017-0045-1.
26. *Ranga M., Etzkowitz H.* Triple Helix systems: An analytical framework for innovation policy and practice in the knowledge society // *Industry and Higher Education*. – 2013. – No. 27 (4). – P. 237–262.
27. *Ritala P., Kraus S., Bouncken M.* Introduction to competition and innovation: contemporary topics and future research opportunities // *International Journal of Technology Management*. – 2016. – No. 71 (1-2). – P. 1–9. DOI: 10.1504/IJTM.2016.077985.
28. *Scott W.R., Kirst M.W., Biagi M., Sipes L.* Introduction // *Higher Education and Silicon Valley* / Ed. by W.R. Scott, M.W. Kirst et al. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2017. – P. 1–15.
29. *Thornton P.H., Ocasio W., Lounsbury M.* The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure and Process. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 248 p.
30. *Yoon J., Park H.W.* Triple helix dynamics of South Korea’s innovation system: A network analysis of inter-regional technological collaborations // *Quality & Quantity*. – 2017. – No. 51 (3). – P. 989–1007. DOI: 10.1007/s11135-016-0346-x.

Информация об авторе

Ягольницер Мирон Аркадьевич (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17). E-mail: miron@ieie.nsc.ru.

DOI: 10.15372/REG20240412

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 300–325

M.A. Yagolnitser

FEATURES OF INSTITUTIONAL MECHANISMS IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

This paper investigates the structure and specific features of the under-explored synergies in institutional interactions within the triple helix model, which reflects the development of Russia's innovative economy. The evidence is based on regional statistics from the constituent entities of the Russian Federation. Multidimensional classification methods, statistical hypothesis testing, and the analysis of relationships in complex institutional systems are employed. The study reveals significant regional disparities in the formation of an innovative economy.

The classic triple helix model is implemented in less than 30% of Russia's regions. In most of them, the innovation sector is either dominated by industrial enterprises that interact poorly with the scientific and educational sectors, or the scientific sector is insufficiently focused on applied outcomes. The lack of institutional intermediaries hampers the model's full potential. The article highlights the presence of both established and emerging institutional spheres in Russia's innovation economy. The practical implementation of the triple helix model depends on so-called "windows of opportunity," determined by regional factors and federal institutional policies. The study's findings are recommended for use in shaping regional innovation and cluster policies, as well as in strategic planning for interregional innovation cooperation.

Keywords: innovative economy; triple helix model; synergy; institutional spheres; regional economy

For citation: *Yagolnitser, M.A. (2024). Osobennosti institutsionalnykh mekhanizmov innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii [Features of institutional mechanisms in the innovative development of Russian regions].*

Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 300–325. DOI: 10.15372/REG20240412.

This research was carried out with the plan of research work of IEIE SB RAS, project “Integration and interaction of meso-economic systems and markets in Russia and its eastern regions: methodology, analysis, forecasting”, No. 121040100284-9

References

1. Abashkin, V.L., G.I. Abdrakhmanova, S.V. Bredikhin et al.; L.M. Gokhberg (Ed.). (2023). Rejting innovatsionnogo razvitiya subyektov Rossiyskoy Federatsii [Rating of Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation], Iss. 8. Moscow, HSE Institute for Statistical Research and Knowledge Economy, 260.
2. Abrahamson, E. & L. Rosenkopf. (1997). Social network effects on the extent of innovation diffusion: A computer simulation. *Organization Science*, 8 (3), 289–309. DOI: 10.1287/orsc.8.3.289.
3. Ansoff, H.I. (1965). *Corporate Strategy: Business Policy for Growth and Expansion*. McGraw-Hill, 241.
4. Badillo, E.R., F. Llorente & R. Moreno. (2017). Cooperation in R&D, firm size and type of partnership: Evidence for the Spanish automotive industry. *European Journal of Management and Business Economics*, 26 (1), 123–143.
5. Barrie, J., G. Zawdie & E. Joao. (2019). Assessing the role of triple helix system intermediaries in nurturing an industrial biotechnology innovation network. *Journal of Cleaner Production*, 214, 209–223. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.12.287.
6. Battilana, J., B. Leca & E. Boxenbaum. (2009). How actors change institutions: Towards a theory of institutional entrepreneurship. *The Academy of Management Annals*, 3 (1), 65–107. DOI: 10.1080/19416520903053598.
7. Belderbos, R., M.A. Carree, B. Diederer, B. Lokshin & R. Veugelers. (2004). Heterogeneity in R&D co-operation strategies. *International Journal of Industrial Organization*, 22 (8-9), 1237–1263. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2004.08.001.
8. Bodas Freitas, I.M. & N. von Tunzelmann. (2008). Mapping public support for innovation: A comparison of policy alignment in the UK and France. *Research Policy*, 37 (9), 1446–1464. DOI: 10.1016/j.respol.2008.05.005.
9. Cai, Y. & H. Etzkowitz. (2020). Theorizing the triple helix model: Past, present, and future. *Triple Helix Journal*, 6 (1), 1–38. DOI: 10.1163/21971927-bja10003.
10. Cai, Y. & A. Lattu. (2022). Triple helix or quadruple helix: which model of innovation to choose for empirical studies? *Minerva*, 60, 257–280. DOI: 10.1007/s11024-021-09453-6.

11. *Cai, Y. & C. Liu.* (2020). The role of university as institutional entrepreneur in regional innovation system: Towards an analytical framework. In: M.T. Preto, A. Daniel & A. Teixeira (Eds.). *Examining the Role of Entrepreneurial Universities in Regional Development*. Hershey, PA, IGI Global, 133–155.
12. *Cai, Y., R. Pugh & C. Liu.* (2017). A framework for analysing the role of innovation policy in regional innovation system development. *International Journal of Innovation and Regional Development*, 7 (4), 237–256.
13. *Capaldo, A.* (2007). Network structure and innovation: The leveraging of a dual network as a distinctive relational capability. *Strategic Management Journal*, 28 (6), 585–608. DOI: 10.1002/smj.621.
14. *Carayannis, E.G. & D.F.J. Campbell.* (2009). “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st-century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 46 (3/4), 201–234.
15. *Champenois, C. & H. Etzkowitz.* (2018). From boundary line to boundary space: The creation of hybrid organizations as a triple helix micro-foundation. *Technovation*, 76, 28–39. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.11.002.
16. *Etzkowitz, H.* (2008). *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation in Action*. New York & London, Routledge.
17. *Etzkowitz, H. & L. Leydesdorff.* (2000). The dynamics of innovation: From National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy*, 29 (2), 109–123.
18. *Etzkowitz, H. & L. Leydesdorff.* (1995). The triple helix. University–industry–government relations: A laboratory for knowledge-based economic development. *EASST Review*, 14 (1), 14–19.
19. *Etzkowitz, H. & C. Zhou.* (2018). *The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship*. 2nd Edition. London & New York, Routledge, 342.
20. *Kravchenko, N.A., A.T. Yusupova, A.I. Ivanova & M.A. Yagolnitser.* (2024). Location, technological level, and partnerships as conditions for company growth. *Regional Research of Russia*, 14 (2), 306–315. DOI: 10.1134/S207997052460015X.
21. *Leydesdorff, L.* (2012). The triple helix, quadruple helix, ..., and an n-tuple of helices: Explanatory models for analysing the knowledge-based economy? *Journal of the Knowledge Economy*, 3 (1), 25–35. DOI: 10.1007/s13132-011-0049-4.
22. *Leydesdorff, L., E. Perevodchikov & A. Uvarov.* (2015). Measuring triple-helix synergy in the Russian innovation systems at regional, provincial, and national levels. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 66 (6), 1229–1238. DOI: 10.1002/asi.23258.
23. *Michelfelder, I. & J. Kratzer.* (2013). Why and how combining strong and weak ties within a single interorganizational R&D collaboration outperforms other collabo-

ration structures. *Journal of Product Innovation Management*, 30 (6), 1159–1177. DOI: 10.1111/jpim.12052.

24. *Peng, F., Q.Q. Zhang, Z.L. Han, Y. Ding & N.N. Fu.* (2019). Evolution characteristics of government-industry-university cooperative innovation network of electronic information industry in Liaoning Province, China. *Chinese Geographical Science*, 29 (3), 528–540. DOI: 10.1007/s11769-019-1047-x.

25. *Pinto, H.* (2017). Connecting the triple helix space: Actor–network creation and institutionalisation of knowledge transfer offices. *Triple Helix*, 4 (1). DOI: 10.1186/s40604-017-0045-1.

26. *Ranga, M. & H. Etzkowitz.* (2013). Triple helix systems: An analytical framework for innovation policy and practice in the knowledge society. *Industry and Higher Education*, 27 (4), 237–262.

27. *Ritala, P., S. Kraus & M. Bouncken.* (2016). Introduction to competition and innovation: Contemporary topics and future research opportunities. *International Journal of Technology Management*, 71 (1-2), 1–9. DOI: 10.1504/IJTM.2016.077985.

28. *Scott, W.R., M.W. Kirst, M. Biag & L. Sipes.* (2017). Introduction. In: W.R. Scott, M.W. Kirst et al. (Eds.). *Higher Education and Silicon Valley*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1–15.

29. *Thornton, P.H., W. Ocasio & M. Lounsbury.* (2012). *The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure and Process*. Oxford, Oxford University Press, 248.

30. *Yoon, J. & H.W. Park.* (2017). Triple helix dynamics of South Korea's innovation system: A network analysis of inter-regional technological collaborations. *Quality & Quantity*, 51 (3), 989–1007. DOI: 10.1007/s11135-016-0346-x.

About Author

Yagolnitser, Miron Arkadievich (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia). E-mail: miron@ieie.nsc.ru.

Поступила в редколлегию 14.05.2024.

После доработки 06.09.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

© Ягольницер М.А., 2024

А.С. Кузавко

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ В УСЛОВИЯХ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

В статье представлены результаты исследования некоторых элементов экономики регионов российско-белорусского приграничья: внешней торговли, конкуренции, рынка труда. В процессе исследования была проверена рабочая гипотеза о возникновении положительных и отрицательных последствий для экономики регионов российско-белорусского приграничья по итогам строительства Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации. Посредством статистического и социологического методов исследованы как уже возникшие, так и потенциально возможные изменения во внешней торговле хозяйствующих субъектов из российско-белорусского приграничья. Опросы руководителей организаций позволили выявить преобладание межотраслевой торговли резидентов приграничья над внутриотраслевой. Также выделены основные группы торгуемых товаров. В результате межгосударственной интеграции изменился уровень конкуренции в приграничье, что приводит к трансформации бизнеса и определяет необходимость поиска новых ниш в ряде отраслей экономики. В статье представлены статистические и социологические данные о рынках труда в приграничных белорусских и российских регионах. Выводы, полученные по результатам исследования, могут быть использованы органами власти приграничных регионов для корректировки внутренних стратегий развития, а также дорожных карт строительства Союзного государства. Автором исследования предлагается разработать межгосударственную стратегию социально-экономического развития регионов российско-белорусского при-

граничья, направленную на поддержание положительных и нивелирование отрицательных последствий приграничных интеграционных процессов.

Ключевые слова: приграничье; межгосударственная интеграция; международная торговля; экономика приграничных регионов; Союзное государство; конкуренция; рынок труда; стратегия развития

Для цитирования: Кузавко А.С. Актуальные аспекты трансформации экономики российско-белорусского приграничья в условиях межгосударственной интеграции // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 326–354. DOI: 10.15372/REG20240413.

ВВЕДЕНИЕ

Изменение геополитической обстановки в мире повлияло на понимание процесса глобализации и его значимость. Отношения с западным миром значительного количества стран, в том числе Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, переживают этап качественной, в ряде случаев необратимой дезинтеграции. На этом фоне процессы интеграции с рядом стран постсоветского пространства, азиатскими странами и большинством стран Глобального Юга, наоборот, активизировались. В контексте возможной дальнейшей экономической интеграции Российской Федерации с другими дружественными странами важно исследовать опыт российско-белорусской интеграции, которая осуществляется 24 года и характеризуется значительным сближением экономических систем двух государств. Поэтому объектом исследования в статье является экономика российско-белорусского приграничья. Сделанные выводы, вероятно, дадут возможность повысить эффективность принимаемых интеграционных решений, касающихся экономики приграничных территорий.

В исследовании проверяется гипотеза о том, что межгосударственная интеграция России и Беларуси привела к росту конкуренции на приграничных рынках, структурным изменениям на потребительском рынке, перетоку трудовых ресурсов в регионы с более высокой оплатой труда, усилению кооперации между белорусскими и российскими организациями, повлияла на изменение межгосударственной

торговли в приграничье и между странами в целом. Исходя из гипотезы цель исследования – выявление и описание изменений, произошедших в экономике приграничных регионов. Научная задача заключается в получении из данных социологии и статистики подтверждений произошедших за время интеграции изменений в ряде составляющих экономики: внешней торговле, конкуренции, рынке труда.

Известные экономические исследования свидетельствуют о положительных и отрицательных последствиях межгосударственной экономической интеграции. О.В. Буторина [1] систематизировала взгляды исследователей, стоявших у истоков изучения европейской интеграции. Среди них она выделила теоретиков неолиберального (Вильгельм Репке, Андреас Предоль, Жак Денио, Морис Аллэ и др.) и неокейнсианского (Бела Балашша, Джон Пиндер, Ян Тинберген и др.) толка. Первые считали, что достаточно снять торговые и валютные ограничения, и здоровые рыночные силы сами создадут единое экономическое пространство, подобное национальному. Вторые предполагали изменение экономической среды с формированием надгосударственных органов экономического регулирования. Представитель неолиберального подхода Джейкоб Винер [14] выделил преимущества от создания таможенных союзов, описав последствия сохранения международных торговых барьеров. Также им были сформулированы «эффект создания торговли» (trade creation) и «эффект отклонения торговли» (trade diversion). В первом случае подразумевается замещение неэффективных внутренних производителей импортом из внешних стран-партнеров товаров сравнимого качества, но произведенных с более низкими издержками. Второй эффект связан с вытеснением с рынка стран-партнеров товаров, производимых в странах, не участвующих в интеграционном объединении, но имеющих более низкую себестоимость производства. Наличие положительных и отрицательных эффектов межгосударственной интеграции для экономики в целом на уровне интуиции говорит о наличии аналогичных процессов на региональном уровне внутри стран-участниц.

Необходимо заметить, что в большинстве исследований результат интеграционных процессов проецируется в первую очередь на изменение торговли между странами, хотя положительные и отрицатель-

ные эффекты могут проявляться для государств и в других сферах экономики, а также в политике, культуре, социальных процессах и др.

Контекст межгосударственной интеграции не учитывает региональную специфику, ведь в моделях международной торговли страны рассматриваются как точки в пространстве, а потому эти модели и не подходят для учета эффекта интеграции в отношении экономико-географического положения регионов. Основным результатом применения традиционных и новейших торговых моделей является то, что интеграция посредством уменьшения торговых препятствий увеличивает международную торговлю, которая влияет на международную модель специализации производства. При этом национальные границы выступают тарифным препятствием для наращивания экономического взаимодействия. Гравитационные модели доказали, что расстояние может значительно влиять на объемы торговли между странами [10]. В условиях Российской Федерации, занимающей по территории первое место в мире, расстояние является важным фактором, изменяющим объем международной двусторонней торговли. Для приграничных регионов межгосударственная торговля может быть экономически целесообразна, в то время как в масштабах страны она нерентабельна. Помимо расстояния, международные торговые модели не учитывают мобильность факторов производства, которая является неотъемлемым элементом интеграции и особенно сильно может влиять на занятость и переток капитала на приграничных территориях.

В основе проведенного нами исследования лежала гипотеза о возникновении положительных и отрицательных последствий для экономики регионов российско-белорусского приграничья в процессе интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации. Проверка рабочей гипотезы потребовала численного (количественного) измерения параметров хозяйственной деятельности в регионе. Анализ статистических данных, выполненный нами ранее¹, подтверждает отставание ряда экономических показателей приграничных регионов России и Беларуси от средних для стран значений. К такому же вы-

¹ См.: Кузавко А.С. Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе // Региональные исследования. – 2020. – № 4 (70). – С. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-4.

воду приходят и другие исследователи: А.П. Катровский [5] и К.А. Морачевская [7, с. 267–274]. Однако это отставание может быть обусловлено не только интеграционным эффектом, но и рядом других факторов, например межстоличным положением².

Подробный обзор региональных исследований (теорий и концепций, которые отражают региональные эффекты, возникающие в процессе развития международных и интеграционных экономических связей, в том числе на приграничной территории) представлен в одной из наших работ³. Возможно, результаты проведенных исследований повлияют на содержание политических решений и тем самым увеличат преимущества, получаемые приграничными территориями от межгосударственной интеграции.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Получить более точные данные о трансформации экономики российско-белорусского приграничья под влиянием межгосударственной интеграции предполагалось посредством интервьюирования представителей бизнеса в шести регионах: Брянской, Смоленской, Псковской областях РФ и Витебской, Гомельской, Могилевской областях РБ.

Задачи социологического исследования:

- выявить факты изменения условий ведения внешнеторговой деятельности резидентами российско-белорусского приграничья в результате интеграции;
- установить, какой рынок сбыта более приоритетный для организаций, участвующих в опросе;
- выявить факты изменения внутриотраслевой конкуренции в приграничных регионах в результате интеграционных процессов;

² См.: Кузавко А.С. Особенности развития потребительского рынка в Московско-Минском межстоличье // Региональные исследования. – 2022. – № 1 (75). – С. 93–101.

³ См.: Кузавко А.С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 108–130.

- описать межотраслевые и внутриотраслевые процессы кооперации хозяйствующих субъектов российско-белорусского приграничья при создании новых товаров или выпуске существующих в условиях импортозамещения;
- собрать информацию о внутриотраслевых изменениях, в частности относительно обеспечения трудовыми ресурсами, произошедших в приграничье под влиянием интеграции России и Беларуси.

Методом фокусированного личного интервью были опрошены 120 представителей бизнеса в названных выше шести приграничных регионах. Выборка организаций и индивидуальных предпринимателей формировалась в соответствии со следующими правилами:

- стремление к равному соотношению числа опрошенных из малых, средних и крупных организаций;
- стремление к дифференциации опрошенных по видам экономической деятельности;
- наличие косвенных или прямых предпосылок того, что потенциальный участник исследования взаимодействует с контрагентами из сопредельной региону его регистрации страны;
- выбор участников опроса из числа резидентов российско-белорусского приграничья.

Заранее сформированный перечень вопросов позволил стандартизировать ответы респондентов и получить обобщенную информацию по значимым для исследования аспектам. Интервью проводились: в письменной форме в виде ответов на открытые вопросы; в форме личного интервью на экономических форумах и ярмарках; в форме ответов на вопросы аудиосообщениями в мессенджерах и социальных сетях. Опрос проводился с октября по декабрь 2023 г.

Из принявших участие в исследовании представителей бизнеса топ-менеджеры составляли 87%, менеджеры среднего звена – 13%. Младший управленческий персонал и рядовые сотрудники не опрашивались. Среди организаций, которые представляли респонденты, к одной и той же отрасли относились от двух до четырех в зависимости от региона.

Важным условием проверки достоверности полученных данных является сопоставление результатов опросов экспертов с материалами государственной статистики о социально-экономических процессах в российско-белорусском приграничье, однако не всегда это возможно сделать по объективным причинам отсутствия таких статистических данных. В статье приведена статистика, имеющаяся в открытом доступе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При оценке межгосударственной интеграции одним из наиболее значимых экономических блоков выступает международная торговля. Как было выявлено в наших предыдущих исследованиях⁴, большая часть торговых операций между Беларусью и Россией приходится на столичные регионы. Это характерно как для российских, так и для белорусских регионов. К аналогичному выводу пришли также белорусские исследователи Т.С. Вертинская и Н.А. Абрамчук [2].

В ходе интервьюирования было установлено, что наибольший интерес для белорусских организаций представляет работа в столичном регионе России (отметили 83% респондентов). При этом белорусские организации активно регистрируют филиалы в российском приграничье, с тем чтобы работать на территории всей страны. Хозяйственные формы таких организаций могут быть различными. Для упрощения выхода на рынок и получения преференций на российской территории организации регистрируются на российских граждан или россияне являются формальными учредителями вновь создаваемых хозяйствующих субъектов. Во многом поэтому достаточно сложно оценить количество организаций с белорусским капиталом на российском рынке, а статистические данные не всегда показывают реальный приток инвестиций из Беларуси. Капитал российских организаций и предпринимателей, зарегистрированных в приграничных регионах России, в противоположном направлении движется не так активно. Это обусловлено тем, что белорусский рынок менее при-

⁴ См.: Кузавко А.С. Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе.

влекателен, чем рынок соседних российских регионов. Среди основных причин этого явления российские респонденты называют: более низкий платежеспособный спрос в Беларуси; сложности с регистрацией бизнеса в Беларуси; более строгий надзор за предпринимательской деятельностью; «зарегламентированность» отдельных видов экономической деятельности. Однако представители сферы услуг и общепита отмечают, что если работать на территории Беларуси под узнаваемым российским брендом, то потенциальный успех проекта будет выше.

Сопоставление статистических и социологических данных показывает высокий уровень кооперации между организациями России и Беларуси. Структура внешней торговли отдельными видами товаров (табл. 1) свидетельствует о преобладании промежуточных товаров. Однако их доля снижается с 68,4% в 2005 г. до 52,6% в 2022 г. по белорусскому экспорту и с 71,9 до 64,5% за тот же период по импорту в Беларусь.

Таблица 1

**Структура внешней торговли отдельными группами товаров
по Республике Беларусь, %**

Группа товаров	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Инвестиционные товары:						
экспорт	12,0	11,2	8,4	11,1	10,3	13,0
импорт	9,8	9,9	11,3	11,5	10,0	8,2
Промежуточные товары:						
экспорт	68,4	64,5	67,8	56,3	59,7	52,6
импорт	71,9	72,1	63,6	61,1	64,7	64,5
Потребительские товары:						
экспорт	19,0	21,9	21,3	27,1	24,0	29,7
импорт	17,1	16,1	27,3	25,4	22,2	25,4

Источники: Регионы Республики Беларусь, 2023: Стат. сб. – Минск, 2023. – Т. 1. – С. 621; Внешняя торговля Республики Беларусь, 2018. – Минск, 2018. – С. 34.

Ё. Сиодзава и Т. Фудзимото [12; 13] в своей торговой модели, которую называют «новой» новой теорией торговли, анализируют, как конкурируют между собой иностранные производственные площадки, принадлежащие одним и тем же или разным фирмам, расположенным в разных странах мира. Сиодзава сумел дать новое объяснение тому, почему объем торговли промежуточными товарами увеличивается при снижении транспортных расходов. В теориях этих авторов уделяется внимание промежуточным товарам, рост торгового обмена которыми наблюдается в последние десятилетия в рамках процессов глобализации. Если в мировых масштабах эта тенденция будет сокращаться, то в сохраняющихся очагах межгосударственной интеграции внутриотраслевая и межотраслевая торговля промежуточными товарами будет возрастать. Данный вывод подтверждается результатами проведенного нами исследования относительно российско-белорусской торговли.

В ходе социологического опроса было установлено, что наибольшую долю организаций, закупающих промежуточные товары в соседней стране, составляют крупные компании. Представители малого и среднего предпринимательства стремятся закупать комплектующие и сырье на территории государства, резидентами которого они являются. Это обусловлено тем, что крупные предприятия приобретают промежуточные товары большими партиями, а соответственно, удельные издержки транспортировки и юридического оформления сделки для них незначительны. Поэтому большинство из них взаимодействуют с российскими поставщиками на постоянной основе.

Среди промежуточных товаров, которые в рамках межгосударственной торговли с Беларусью приобретают российские компании, зарегистрированные и работающие в российском приграничье, можно выделить: запасные части и комплектующие для автотранспорта и машиностроительного оборудования; семена, удобрения и средства защиты растений; полимерную продукцию; мясо птицы для переработки; сухое молоко; строительные материалы.

Респонденты отмечают, что поставка запасных частей для автомобильной техники, осуществляемая параллельным импортом через Республику Беларусь, обходится дешевле, чем их можно приобрести

в Российской Федерации. На это указали все четверо опрошенных представителей организаций, занимающихся грузоперевозками в России.

Развитый сельскохозяйственный сектор Беларуси, а также сохранившаяся система лабораторий по выведению семян делают белорусских аграриев значимыми контрагентами для организаций из российского приграничья. Опрошенные представители отрасли из Смоленской и Брянской областей заявили, что чаще приобретают семена у белорусских аграриев, в редких случаях – внутри российского рынка.

Выделение в рамках проведенного исследования сотрудничества по купле-продаже промежуточных товаров в российско-белорусском приграничье, на первый взгляд, в некоторой степени противоречит выводам, сделанным А.Б. Себенцовым: «Новая производственная кооперация в пограничье носит единичный характер и скорее является еще одним способом проникновения на соседние рынки. Среди крупных совместных проектов можно назвать только Брянсксельмаш, Амкодор-Брянск, Смолсельмаш – предприятия, осуществляющие российскую сборку дорожной и сельскохозяйственной техники из белорусских компонентов» [6, с. 1153]. Дело в том, что участники рынка действительно не имеют твердых подписанных соглашений о кооперации, равно как и совместные производства в приграничье являются скорее исключением. Однако, как было показано выше, перемещение промежуточных товаров через границу продолжает опережать поставки товаров конечного потребления. Это обусловлено не сотрудничеством в рамках крупных контрактов и крупноузловой сборки, а множеством небольших мелкооптовых закупок контрагентов. Кроме того, организации, расположенные в приграничье, ищут партнеров на всей территории соседней страны по критериям экономической выгоды, а не географической близости. То есть гравитационные силы столичных регионов приводят к формированию связей не внутри приграничья, а со столичными регионами в результате интеграции⁵. В Беларуси сохранились крупные производственные предприятия, в то время как в российском приграничье советские заводы уступили место множеству малых и средних организаций, которые

⁵ См.: Кузавко А.С. Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе.

зачастую производят тот же товар. Поэтому сотрудничество и закупки компонентов осуществляются между белорусскими и российскими контрагентами без акцентирования внимания на месте юридической регистрации партнера.

Интервьюирование, проведенное в Витебской, Гомельской и Могилевской областях Беларуси, позволило выделить промежуточные товары, приобретаемые местным бизнесом в Российской Федерации: сырье для обрабатывающего производства (полимеры, красители, металлопрокат, твердые сплавы, ткани, фурнитура); комплектующие для организации производственного процесса (инструменты, компоненты); другие виды сырья.

Таким образом, промежуточные товары реализуются организациями российско-белорусского приграничья преимущественно в рамках межотраслевой торговли. Она предполагает обмен между странами продукцией различных отраслей [4]. Внутриотраслевая торговля является скорее исключением, чем правилом, и встречается в основном в пищевом, сельскохозяйственном, а также машиностроительном производстве.

Тем не менее, как видно из табл. 1, за прошедшие 20 лет структура международной торговли изменилась в сторону увеличения доли потребительских товаров и снижения доли промежуточных. Представляется правильным считать, что интеграционный процесс приводит к созданию единых рынков, на которые производители поставляют товары без посредников. Организации без опыта международной торговли предпочитают экспорт или совместное предприятие на территории принимающей страны [3], что и подразумевает появление посредника. С каждым новым этапом интеграции пропадает необходимость выстраивать цепочки поставки компонентов в дополнительно созданные сборочные цеха, расположенные в соседнем государстве, для того чтобы уменьшить таможенные и налоговые сборы. При этом респонденты не всегда замечают эти изменения (рис. 1).

По своей сути, межгосударственная интеграция создает «экономическую дорогу», которой начинают пользоваться организации, не всегда понимая, в результате чего она появилась и какие преференции обеспечила. В интервью респонденты чаще упоминали преимущества частного порядка, затрудняясь сформулировать положительные

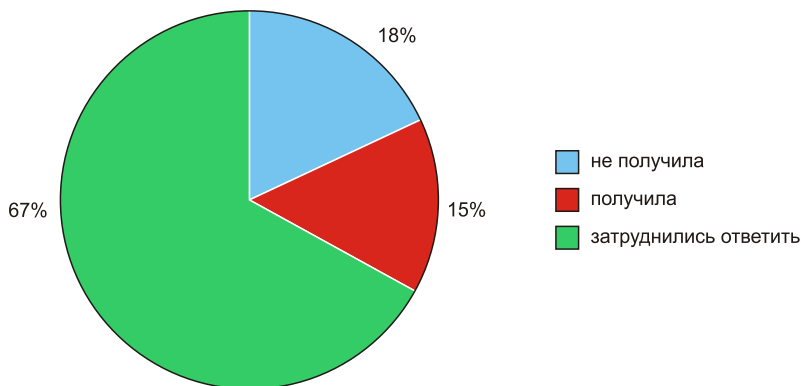


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Получила ли преимущества ваша организация в результате создания Союзного государства России и Беларуси?»

Источник: результаты опроса, проведенного автором

аспекты интеграции для бизнеса. И все же наиболее часто упоминаемое преимущество – свобода перемещения товаров через российско-белорусскую границу. Результатом этой свободы стала трансформация потребительского рынка в приграничных регионах, особенно в российско-белорусском приграничье⁶. Наиболее заметным изменением стало то, что его заполнили продовольственные товары из Беларуси.

Изменения в правилах международной торговли под действием интеграционных процессов влияют на конкурентные силы на региональном уровне. Безбарьерная среда для перемещения товаров, произведенных в разных экономических условиях, создает ценовой дисбаланс на сформировавшемся объединенном рынке. Цели интеграции могут быть различны как для разных международных союзов, так и для стран внутри этих союзов. Одним из ключевых элементов региональной политики Европейского союза стала «территориальная сплоченность», направленная на устранение социально-экономичес-

⁶ См.: Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В. Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2019. – 159 с.

ких различий на всей его территории [11]. Однако очевидная политическая предвзятость интеграционных решений наглядно демонстрирует отрицательные экономические эффекты для отдельных отраслей экономики. Забастовки фермеров в Европе в 2023–2024 гг. явно это подтверждают.

Не является исключением и российско-белорусская интеграция, которая также порождает экономические диспропорции и трансформирует конкурентную среду в ряде отраслей. Существует мнение, что в ее основе лежит обмен экономических льгот для Беларуси на геополитические и геоэкономические преимущества для России [8; 9].

В рамках реализации интеграционного процесса важно учитывать возможные экономические эффекты для принятия решений, нейтрализующих их негативную часть. Проведенные интервью показали, что в ряде отраслей российского пограничья интеграция привела к росту конкуренции. На рисунке 2 представлены результаты опроса руководителей белорусских и российских компаний в приграничье, которые оценивали влияние компаний из соседней страны Союзного

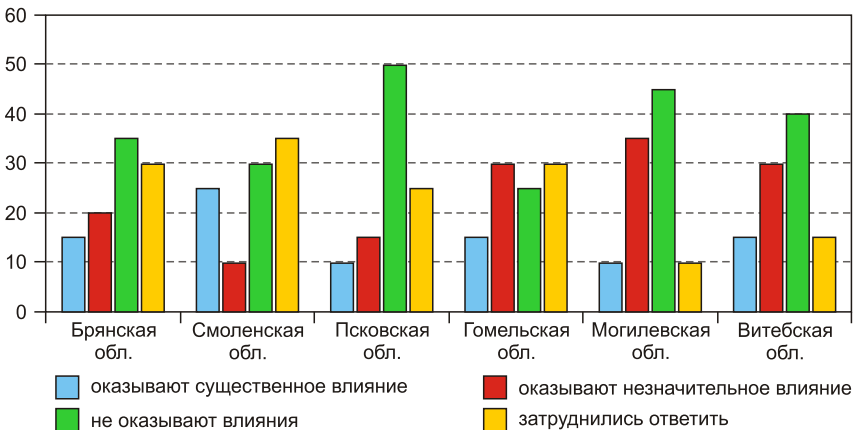


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какое влияние оказывают российские/белорусские организации на уровень конкуренции в регионе вашей работы?», %

Источник: результаты опроса, проведенного автором

государства на уровень конкуренции в регионе своей постоянной работы.

Исследование показало, что уровень конкуренции в приграничных регионах возрастает из-за возможной работы на нем организаций из соседнего государства. В Брянской, Смоленской и Псковской областях наибольшее влияние со стороны белорусских организаций ощущается в транспортной и строительной отраслях. Белорусские компании готовы предоставлять в приграничье услуги сопоставимого с внутривнутрироссийским уровнем качества по более низкой цене. Выявлено, что в российском пограничье белорусские конкуренты оказывают наибольшее влияние на ниши, где традиционно работает малый и средний бизнес. Иная ситуация в белорусском пограничье. Наибольшее конкурентное давление российские компании оказывают в металлургической отрасли, в производстве текстиля, в нефтяной и химической промышленности. Конкуренция по итогам интеграции возросла для средних и крупных производственных, а также торговых компаний.

В ряде отраслей представители приграничного бизнеса имеют обоюдные претензии к конкурентам из соседнего государства. Приведем соответствующие высказывания: *«...Достаточно большое влияние оказывают на нашу работу в отрасли продажи яйца куриного также и российские птицефабрики, производители яйца куриного, они зачастую очень сильно сбрасывают цену, тем самым перебивают нашу цену, создавая конкуренцию в сбыте яйца белорусских птицефабрик»* (представитель птицефабрики из Витебской области); *«Белорусские производители получают преференции от государства. В частности, Могилевский КСИ за счет субсидий получает ценовое преимущество на смоленском рынке строительных материалов, вынуждая местные организации искать другие рынки сбыта»* (представитель строительной отрасли из Смоленской области).

Проведенные наблюдения в российско-белорусском приграничье и результаты предыдущих исследований⁷ свидетельствуют о широком присутствии белорусского продовольствия на российском рынке.

⁷ См.: Кузавко А.С. Особенности развития потребительского рынка в Московско-Минском межстоличье.

Это контрастирует с мнением респондентов, которые не видят конкурентного давления со стороны поставщиков молока и других продовольственных товаров. В то же время в российском пограничье отмечается дефицит сырого молока, который нивелируется поставками молочных продуктов из Беларуси. Российские производители продовольствия, принимавшие участие в интервьюировании, приспособились за время межгосударственной интеграции к ее последствиям. Они нашли свою нишу на конкурентном рынке. В основном это фермерские хозяйства и небольшие предприятия. Крупные же российские производители в российско-белорусском приграничье столкнулись с ростом конкуренции в начале процесса интеграции. Те из них, кто не смог сформировать неценовое конкурентное преимущество, вынуждены были уйти с рынка из-за притока дешевых, но в то же время достаточно качественных продуктов из Беларуси.

Образовавшаяся в результате межгосударственной интеграции конкурентная среда в приграничных регионах повлияла на выбор вектора развития их резидентами. В ходе интервьюирования выявлено, что российские компании больше ориентированы на развитие в регионах своей регистрации и других регионах России. Белорусский бизнес в большей степени ориентирован не только на работу на внутреннем рынке, но и на активное продвижение продукции на российский рынок (рис. 3). По оценкам как белорусских, так и российских респондентов, рынок в Российской Федерации более емкий, поэтому он более привлекателен.

Менее привлекателен в условиях интеграции российский рынок для белорусских организаций, производящих или реализующих на территории Беларуси продукцию, которая дороже, чем в Российской Федерации. Например, для производителей изделий из металла, для поставщиков морепродуктов и др.

Одинаково привлекательны российский и белорусский рынки для белорусских производителей потребительских товаров, так как они имеют устоявшуюся сеть реализации продукции на территории Беларуси и пытаются завоевать долю рынка в России.

Организации из российского приграничья ориентированы в основном на российский рынок. Для малого бизнеса Беларусь практи-

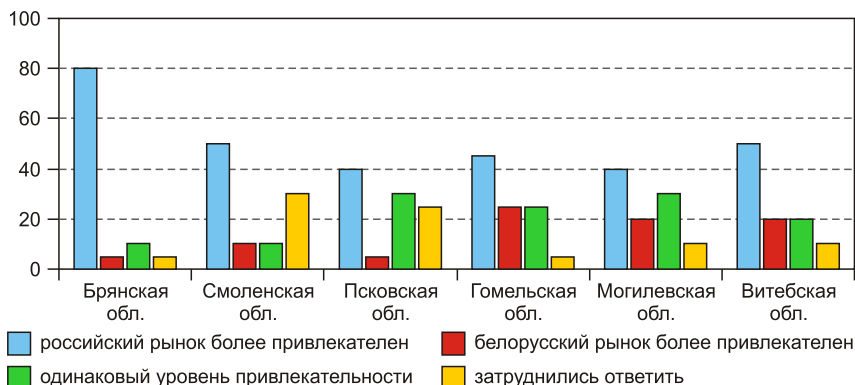


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какой рынок для вас более привлекателен в случае расширения бизнеса: российский или белорусский?», %

Источник: результаты опроса, проведенного автором

чески не интересна, средний и крупный бизнес в большей степени заинтересован в выходе на белорусский рынок. Организации в сфере туризма, работающие с региональными туристическими продуктами, одинаково ориентированы на российских и белорусских клиентов.

Таким образом, межгосударственная интеграция Беларуси и России открыла возможности для выхода на российский рынок белорусских организаций и сформировала предпринимательскую целесообразность этого выхода, в то время как для российских компаний белорусский рынок интересен лишь в нескольких отраслях хозяйственной деятельности и в основном для крупного бизнеса.

Общей актуальной проблемой для бизнеса в российско-белорусском приграничье является дефицит кадров. Об этом заявляют большинство респондентов (рис. 4).

Российские организации из приграничья, сталкивающиеся с нехваткой трудовых ресурсов, пытаются решить проблему за счет найма белорусских граждан. При этом опыт таких организаций свидетельствует о более высоких профессиональных качествах белорусских работников по сравнению с россиянами. Среди наиболее востребованных специальностей в российском приграничье называются

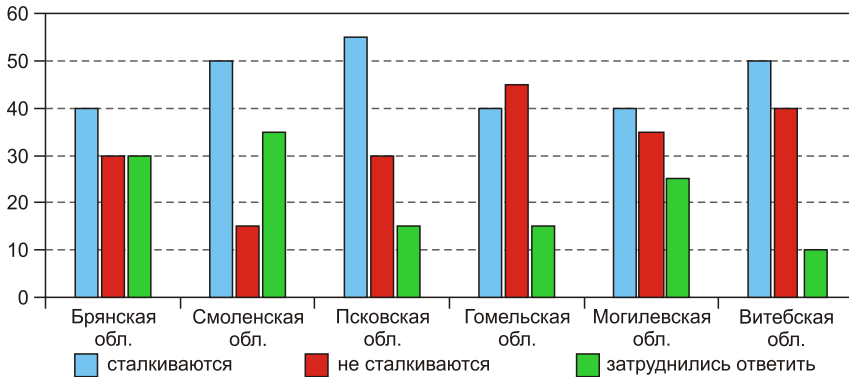


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Сталкиваетесь ли вы в своем регионе с нехваткой человеческих ресурсов?», %

Источник: результаты опроса, проведенного автором

чаще всего водители, трактористы, специалисты высокой квалификации в производственных сферах. Белорусские респонденты указывают на нехватку кадров рабочих специальностей, в том числе швей. Наем сотрудников из России для белорусских организаций является исключением из общей практики (рис. 5). Российский персонал, по их мнению, менее компетентен и ответственен, чем белорусский.

Упрощение перемещения трудовых ресурсов в результате интеграционного процесса привело к притоку белорусских специалистов на российский рынок. Основной поток трудовой миграции наблюдался во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов после принятия Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства от 24.01.2006 (ред. от 03.03.2015)⁸. При этом многие из мигрантов на сегодняшний день получили российское гражданство и в статистике не будут учитываться как иностранная рабочая сила. Между тем опрос показал, что российские организации

⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79643/.

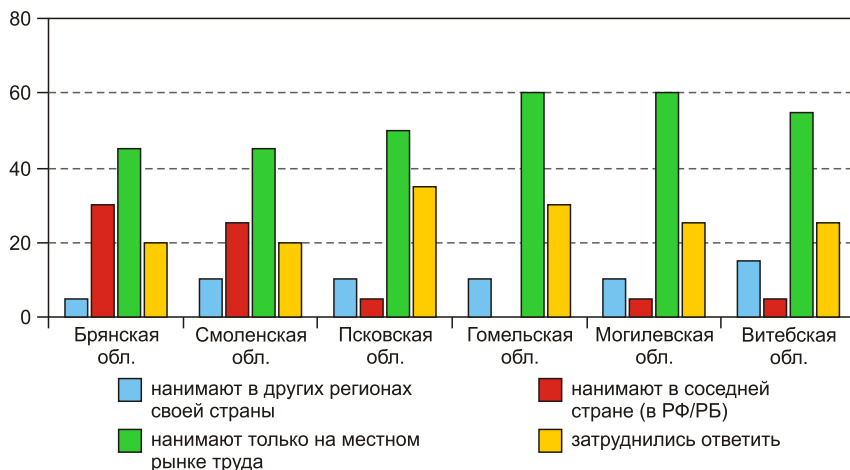


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Используете ли вы возможность найма сотрудников в сопредельных регионах?», %

Источник: результаты опроса, проведенного автором

знают биографию своих сотрудников и приветствуют наем работников, обучавшихся или ранее работавших в Беларуси.

Выявленные в ходе интервьюирования тенденции подтверждаются статистическим анализом (табл. 2). В приграничных регионах наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности трудовых ресурсов. Уровень безработицы находится на историческом минимуме в 2022 г. Это обусловлено тремя основными причинами. Первая – демографические проблемы в приграничье, связанные со снижением численности населения из-за демографического кризиса и миграционного оттока в столичные регионы. Вторая причина – последствие пандемии новой коронавирусной инфекции. Третья – начало специальной военной операции, что привело к дефициту рабочей силы по ряду специальностей в России, где мужское население было частично мобилизовано, и в Беларуси, где повысилась нагрузка производственных предприятий, работающих в кооперации с российским военно-промышленным комплексом.

Таблица 2

Анализ показателей рынка труда в российско-белорусском приграничье

Показатель	2010	2013	2015	2017	2019	2021	2022
<i>Смоленская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	993,0	975,2	964,8	953,2	925,7	900,3	886,9
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	622,7	605,2	591,5	570,1	532,9	513,4	502,5
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	11,8	10,9	10,4	8,7	9,8	6,5	4,4
Уровень безработицы, %	7,4	5,2	6,2	5,7	5,3	5,0	3,5
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	478,0	642,2	385,1	450,2	483,1	496,0	608,6
<i>Псковская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	673,4	658,3	644,7	632,8	617,5	605,1	596,9
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	409,1	403,4	385,0	365,8	360,2	350,8	329,1
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	13,4	13,0	13,1	12,9	12,3	10,3	6,4
Уровень безработицы, %	9,5	7,0	6,9	6,5	5,1	4,7	4,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	477,5	620,1	353,6	405,5	454,8	480,2	568,5
<i>Брянская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	1286,5	1253,6	1232,9	1220,5	1200,2	1182,6	1164,6
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	729,7	711,8	684,2	653,9	631,1	618,5	601,5
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	10,9	10,3	8,7	6,2	5,7	4,8	3,5
Уровень безработицы, %	8,0	5,2	4,6	4,4	3,8	3,4	3,2

Продолжение табл. 2

Показатель	2010	2013	2015	2017	2019	2021	2022
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	406,0	595,9	355,7	424,1	461,2	483,1	595,3
<i>Могилевская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	1095,1	1067,2	1056,8	1045,5	1029,3	1014,9	1000,9
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	684,8	655,2	636,1	620,1	598,7	591,0	588,2
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	24,7	25,4	25,0	26,5	24,6	24,9	26,0
Уровень безработицы, %	...	...	6,4	8,0	5,4	5,9	4,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	365,9	510,7	364,1	315,7	426,6	451,7	496,5
<i>Витебская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	1227,0	1197,5	1183,0	1165,2	1142,9	1120,4	1103,8
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	763,6	733,9	712,6	675,1	666,2	654,0	650,4
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	23,8	26,1	25,5	21,3	24,5	23,8	25,5
Уровень безработицы, %	...	...	5,3	6,4	3,6	5,0	4,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	365,9	507,5	365,0	356,1	436,3	465,0	513,3
<i>Гомельская обл.</i>							
Численность населения на начало года, тыс. чел.	1438,1	1421,7	1415,1	1408,1	1394,0	1375,3	1357,9
Численность трудовых ресурсов, всего, тыс. чел.	897,7	858,6	833,7	805,7	793,7	787,2	784,7
Доля свободных трудовых ресурсов в экономике региона, %	24,9	23,1	23,1	18,5	22,4	23,7	24,9

Окончание табл. 2

Показатель	2010	2013	2015	2017	2019	2021	2022
Уровень безработицы, %	...	...	6,0	6,1	5,3	3,6	3,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, долл. США	386,8	542,3	383,3	374,6	457,3	491,5	541,7

Примечание: доля свободных трудовых ресурсов рассчитана автором путем деления разницы между численностью трудовых ресурсов и численностью рабочей силы на численность трудовых ресурсов и переведена в проценты; среднемесячная номинальная заработная плата работников переведена в доллары США автором на основании официальных среднегодовых обменных курсов Национального банка Беларуси и Банка России.

Источники: данные Национального статистического комитета Беларуси (<http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>, дата обращения: 27.02.2024) и Росстата (<https://fedstat.ru/>, дата обращения: 27.02.2024).

Превосходство российских регионов в стоимости рабочей силы подтверждает результаты интервьюирования в части того, что организации из России активнее замещают вакансии белорусскими работниками, чем белорусские организации – россиянами. При этом разница между российскими и белорусскими регионами в средней заработной плате в долларах США сокращается. Респонденты отмечают, что дестабилизация в российско-украинских отношениях позволила привлечь на рынок труда Союзного государства значительное количество высококвалифицированных кадров с Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам исследования можно выделить положительные и отрицательные последствия для экономики регионов российско-белорусского приграничья по итогам строительства Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации (табл. 3).

Санкционное давление на Россию и Беларусь привело к росту кооперации между организациями как крупного бизнеса, так и малого. Сохранившаяся производственная база позволяет российским организациям заместить часть импортных компонентов за счет приобретения белорусских комплектующих и оборудования.

Таблица 3

**Положительные и отрицательные последствия для экономики регионов
российско-белорусского приграничья по итогам строительства Союзного
государства**

<i>Для российских приграничных регионов</i>	<i>Для белорусских приграничных регионов</i>
<i>Положительные последствия:</i> 1) за счет притока белорусских товаров увеличение объема предложения на потребительском рынке; 2) появление новых возможностей для кооперации в создании продукции; 3) приток потенциальных инвесторов; 4) расширение рынка поставщиков; 5) приток квалифицированной дешевой рабочей силы	<i>Положительные последствия:</i> 1) за счет притока российских товаров увеличение объема предложения на потребительском рынке; 2) появление новых возможностей для кооперации в создании продукции; 3) приток потенциальных инвесторов; 4) расширение рынка поставщиков; 5) снижение барьеров выхода на более емкий рынок с большей покупательной способностью
<i>Отрицательные последствия:</i> 1) рост конкуренции в транспортной, строительной, пищевой отраслях и сельском хозяйстве; 2) снижение потребности белорусских организаций в кооперации с приграничными регионами за счет свободного выхода на столичный рынок	<i>Отрицательные последствия:</i> 1) рост конкуренции в металлургической, нефтехимической, легкой промышленности; 2) отток кадров в Российскую Федерацию из-за более высокой заработной платы

Источник: составлено автором на основании проведенного исследования.

Свободное перемещение товаров и выравнивание условий работы российских и белорусских организаций на внутреннем рынке обеих стран сокращает торговлю промежуточными товарами и увеличивает поставку потребительских товаров.

Общей проблемой для экономики приграничья является дефицит кадров, который вследствие свободного перемещения трудовых ресурсов распространился с российских на белорусские регионы. Здесь нужны общие подходы к формированию единого рынка труда и созданию системы подготовки кадров в приграничье, учитывающие потребности макрорегиона и стимулирующие обмен специалистами

востребованных профессий. Это один из аспектов для проработки в рамках стратегии социально-экономического развития российско-белорусского приграничья.

Внешняя торговля между регионами России и Беларуси дифференцирована по направлениям экономических интересов организаций, являющихся их резидентами. Производственные и торговые компании белорусского приграничья стремятся поставить свою продукцию на более емкий, по их мнению, российский рынок. В основном торговые потоки идут между столичными регионами, но из-за географической близости происходит наиболее полное насыщение приграничного рынка потребительскими товарами белорусского производства, которые по ряду причин стоят меньше российских аналогов. Поэтому растет конкуренция в ряде отраслей экономики приграничья. Изменить ситуацию может общая стратегия социально-экономического развития приграничных регионов Союзного государства, в которой будут согласованы меры поддержки бизнеса и критерии выделения субсидий местным производителям, а также учтены региональные аспекты экономической безопасности.

Можно предложить некоторые элементы такой стратегии социально-экономического развития приграничных регионов Союзного государства. Стратегическая цель развития регионов российско-белорусского приграничья – преодоление периферийности социально-экономического положения регионов и выравнивание показателей экономического развития до средних по Союзному государству значений за счет сглаживания негативных эффектов межстоличного положения и межгосударственной интеграции, а также за счет использования возможностей приграничного сотрудничества регионов двух независимых государств.

Показателями достижения поставленной стратегической цели могут быть

- ВРП на душу населения не ниже среднего значения по регионам Союзного государства;
- отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму не ниже 300%;

- превышение уровня совокупного товарооборота между регионами российско-белорусского приграничья в размере 50% от товарооборота между Россией и Беларусью.

Основываясь на положениях союзной программы в области единых правил конкуренции, необходимо создать единые условия ведения бизнеса в российско-белорусском приграничье. Стратегия развития российско-белорусского приграничья должна содержать описание единого механизма предоставления субсидий в рамках Союзного государства на приграничных территориях. Это позволит исключить конкуренцию субсидируемых Россией и Беларусью товаропроизводителей, работающих в рамках единого рынка с идентичными институциональными условиями, но получающих разную поддержку от своих государств.

Важным направлением приграничного сотрудничества и межгосударственного взаимодействия являются общие туристические проекты. Их реализация требует создания единой правовой среды для организации туристской деятельности в регионах российско-белорусского приграничья. В стратегии должны быть прописаны возможные сценарии развития туризма в приграничных регионах. Необходима проработка туристических маршрутов, объединенных общими темами (например, д. Чижево Смоленской области – родина Г.А. Потемкина и белорусский малый город Кричев, где расположен Дворец Потемкина). Это создаст общие возможности по привлечению туристов и сформирует функции для населенных пунктов разного типа, что в результате позволит поддерживать их экономику.

В условиях межстоличного положения организации – резиденты российско-белорусского приграничья конкурируют не только между собой, но и со столичными организациями, стремящимися расширить рынок сбыта своей продукции. Для противодействия этому процессу, а также для увеличения количества совместных проектов российских и белорусских предприятий должна быть разработана в рамках стратегии развития российско-белорусского приграничья программа поддержки промышленности, направленная на закрепление специализации производства, а также на стимулирование внутриотраслевой и межотраслевой кооперации. Предприятия приграничья, имея мень-

ший конкурентный потенциал в сравнении со столичными организациями, не должны конкурировать между собой, они могут объединять усилия в рамках кооперации для реализации эффекта масштаба. Благодаря этому они могут, во-первых, получить возможность сохранить рыночные позиции в приграничье и, во-вторых, выйти на рынки других регионов Союзного государства. В случае если в ряде отраслей невозможна кооперация, то представляется целесообразным закрепить специализацию регионов в российско-белорусском приграничье. Иначе поддержка конкурирующих между собой организаций превращается в соревнование бюджетов приграничных регионов. Предоставление поддержки, например субсидий, должно распространяться на предприятия, работающие в отрасли специализации региона. Стратегия развития российско-белорусского приграничья должна содержать обоснование специализации регионов по отраслям. Критериями могут быть наличие в регионе значительных производственных мощностей, трудовых ресурсов, ресурсной базы, инфраструктурная обеспеченность и др.

В результате произойдет закрепление за каждым регионом российско-белорусского приграничья отраслей специализации с целью оптимизации поддержки производителей, которые теперь будут конкурировать не между собой, а с федеральными и республиканскими организациями. Также станет возможным проведение единой кластерной политики в приграничье с целью кооперации для выпуска новых товаров (в том числе в рамках импортозамещения), использования эффекта масштаба при заказе сырья и отгрузке через общие дистрибутивные каналы.

Таким образом, разработка надгосударственного стратегического документа в российско-белорусском приграничье должна уменьшить отрицательные для его экономики последствия межгосударственной интеграции и межстоличного положения, усилить кооперацию и внутриотраслевую связанность регионов. Стратегия даст возможность реализовать потенциал интеграции и повысить уровень конкурентоспособности приграничных регионов.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-78-10163 (<https://rscf.ru/project/23-78-10163>)*

Список источников

1. Буторина О.В. Европейский союз: модель для сборки // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 6. – С. 184–191.
2. Вертинская Т.С., Абрамчук Т.А. Перспективы развития межрегиональных торговых связей Беларуси, России и Китая в условиях региональной интеграции // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 190–218.
3. Володин Ю.В., Подковыров П.А. Стратегия выхода на международные рынки: анализ немецких и российских компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 4. – С. 20–35. DOI: 10.17747/2078-8886-2018-4-20-35.
4. Гурова И.П., Ефремова М.В. Внутриотраслевая и межотраслевая торговля СНГ // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 3 (16). – С. 30–39.
5. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С. 128–136.
6. Себенцов А.Б., Морачевская К.А., Карпенко М.С. Российско-белорусское пограничье: противоречия интеграции и трансграничной регионализации. От дружбы к сотрудничеству? // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2023. – Т. 87, № 8. – С. 1143–1162. DOI: 10.31857/S2587556623080150.
7. Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / Под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой, Ц. Мадры. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2017. – 362 с.
8. Ушкалова Д.И. Процессы регионализации на постсоветском пространстве: вызовы российско-белорусской интеграции. – М.: ИЭ РАН, 2010. – 222 с.
9. Шурубович А.В. Российско-белорусская интеграция вновь на перепутье // Мир перемен. – 2020. – № 1. – С. 165–179.
10. Baier S., Standaert S. Gravity Models and Empirical Trade // Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. – 2020. – March 31. – URL: <https://oxfordre.com/economics/display/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-327> (дата обращения: 27.02.2024).
11. Ruidisch R. Territorial cohesion and border areas // Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances / Ed. by A. Lechevalier, J. Wielgohs. – Bielefeld, 2013. – P. 95–110.
12. Shiozawa Y. The new theory of international values: An overview // A New Construction of Ricardian Theory of International Values / Ed. by O. Shiozawa, T. Tabuchi. – Singapore: Springer, 2017.
13. Shiozawa Y., Fujimoto T. The nature of international competition among firms // Industrial Competitiveness and Design Evolution / Ed. by T. Fujimoto, F. Ikuine. – Tokyo: Springer Japan, 2018.
14. Viner J. The Customs Union Issue. – N.Y., 1950.

Информация об авторе

Кузавко Антон Сергеевич (Россия, Смоленск) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Смоленского государственного университета (214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4). E-mail: akuzavko@gmail.com.

DOI: 10.15372/REG20240413

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 326–354

A.S. Kuzavko

CURRENT ASPECTS OF ECONOMIC TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER REGION UNDER INTERSTATE INTEGRATION

The article presents the results of a study examining key economic aspects of the Russian-Belarusian border regions: foreign trade, competition, and the labor market. The research explores the hypothesis that both positive and negative effects have emerged in the region's economy due to the formation of the Union State of Belarus and Russia. Using statistical and sociological methods, the study underscores changes in foreign trade among economic entities in these border regions. Surveys of entrepreneurs reveal that inter-industry trade in the borderlands prevails over intra-industry trade, with key groups of traded goods highlighted. Interstate integration has also affected the level of competition, driving business transformation and prompting the search for new niches in various economic sectors. Additionally, the article presents statistical and sociological data confirming a labor shortage in the border regions. The findings can assist regional authorities in adjusting internal development strategies and roadmaps related to the Union State's construction. We propose to draft a supranational strategy for the socio-economic development of the Russian-Belarusian border regions, aimed at capitalizing on the positive effects and mitigating the negative consequences of interstate integration.

Keywords: borderland; interstate integration; international trade; economy of border regions; Union State; competition; labor market; development strategy

For citation: *Kuzavko, A.S. (2024). Aktualnye aspekty transformatsii ekonomiki rossiysko-belorusskogo prigranichyia v usloviyakh mezhgosudarstvennoy integratsii* [Current aspects of economic transformation in the Russian-Belarusian border region under interstate integration]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 326–354. DOI: 10.15372/REG20240413.

*The study was funded by the Russian Science Foundation grant
No. 23-78-10163, <https://rscf.ru/project/23-78-10163>*

References

1. *Butorina, O.V. (2004). Evropeyskiy soyuz: model dlya sborki* [European Union: an assembly model]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs], 6, 184–191.
2. *Vertinskaya, T.S. & T.A. Abramchuk. (2022). Perspektivy razvitiya mezhregionalnykh torgovykh svyazey Belarusi, Rossii i Kitaya v usloviyakh regionalnoy integratsii* [Prospects for interregional trade relations between Belarus, Russia, and China in the context of regional integration]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 190–218.
3. *Volodin, Yu.V. & P.A. Podkovyrov. (2018). Strategiya vykhoda na mezhdunarodnye rynki: analiz nemetskikh i rossiyskikh kompaniy* [International market expansion]. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment* [Strategic Decisions and Risk Management], 4, 20–35. DOI: 10.17747/2078-8886-2018-4-20-35.
4. *Gurova, I.P. & M.V. Efremova. (2012). Vnutriotraslevaya i mezhotraslevaya torgovlya SNG* [Intra-industry and inter-industry trade among CIS countries]. *Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Journal of Eurasian Economic Integration], 3 (16), 30–39.
5. *Katrovskii, A.P. & G.V. Ridevskii. (2013). Prostranstvennaya ekonomicheskaya asimetriya kak faktor rossiysko-belorusskogo transgranichnogo regiona* [Spatial economic asymmetry as a factor of the development of Russian-Belarusian border region]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 3, 128–136.
6. *Sebentsov, A.B., K.A. Morachevskaya & M.S. Karpenko. (2023). Rossiysko-belorusskoe pograniche: protivorechiya integratsii i transgranichnoy regionalizatsii. Ot druzhby k sotrudnichestvu?* [Russia–Belarus borderland: Contradictions of integration and cross-border regionalization. From friendship to cooperation?]. *Izvestiya Ros-*

siyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], Vol. 87, No. 8, 1143–1162. DOI: 10.31857/S2587556623080150.

7. *Vardomskii, L.B., L.I. Popkova & C. Madry* (Eds.). (2017). *Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: traditsii i innovatsii* [Development Strategy of Border Areas: Traditions and Innovations]. Kursk, Kursk State University, 362.

8. *Ushkalova, D.I.* (2010). *Protsessy regionalizatsii na postsovetском prostranstve: vyzovy rossiysko-belorusskoy integratsii* [Regionalization Processes in the Post-Soviet Space: Challenges of Russia-Belarus Integration]. Moscow, Institute of Economics RAS Publ., 222.

9. *Shurubovich, A.V.* (2020). *Rossiysko-belorusskaya integratsiya vnov na pereputye* [Russian-Belarusian integration is at the crossroads again]. *Mir peremen* [The World of Transformations], 1, 165–179.

10. *Baier, S. & S. Standaert.* (2020). Gravity models and empirical trade. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance, March 31. Available at: <https://oxfordre.com/economics/display/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-327> (date of access: 27.02.2024).

11. *Ruidisch, R.* (2013). Territorial cohesion and border areas. In: A. Lechevalier & J. Wielgoths (Eds.). *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances*. Bielefeld, 95–110.

12. *Shiozawa, Y.* (2017). The new theory of international values: An overview. In: O. Shiozawa & T. Tabuchi (Eds.). *A New Construction of Ricardian Theory of International Values*. Singapore, Springer.

13. *Shiozawa, Y. & T. Fujimoto.* (2018). The nature of international competition among firms. In: T. Fujimoto & F. Ikuine (Eds.). *Industrial Competitiveness and Design Evolution*. Tokyo, Springer Japan.

14. *Viner, J.* (1950). *The Customs Union Issue*. New York.

About Author

Kuzavko, Anton Sergeevich (Smolensk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economics, Smolensk State University (4, Przhevalsky St., Smolensk, 214000, Russia). E-mail: akuzavko@gmail.com.

Поступила в редколлегию 04.03.2024.

После доработки 28.05.2024.

Принята к публикации 05.06.2024.

© Кузавко А.С., 2024

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2024 г.

К 300-летию Российской академии наук		
<i>От главного редактора.</i> К 300-летию РАН: вклад российской и сибирской экономической науки	1	3–12
<i>Крюков В.А.</i> Российская академия наук и изучение экономики Сибири: от описания и осмысления к проектированию направления развития в меняющихся условиях	1	13–65
<i>Селиверстов В.Е.</i> О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири	1	66–114
<i>Лексин В.Н.</i> «Другая страна» и ее региональная политика	1	115–149
<i>Коломак Е.А.</i> Региональная проекция агломерационной экономики в России	1	150–176
<i>Мельникова Л.В.</i> Анализ структурных оснований межрегиональной дифференциации производительности труда	1	177–200
<i>Клиторин В.И.</i> Сибирское отделение АН СССР: история успеха	1	201–227
<i>Кравченко Н.А., Маркова В.Д., Юсупова А.Т.</i> Сотрудничество науки и бизнеса: региональный опыт и перспективы развития	1	228–257
<i>Горяченко Е.Е., Черкашина Т.Ю., Мосиенко Н.Л., Малов К.В., Фадеева О.П.</i> Человек на территории: пространственный анализ в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы	1	258–288
Региональная политика и экономические проблемы федерализма		
<i>Суспицын С.А.</i> Градиенты эволюции многорегиональной системы России	2	3–26
<i>Воронов Ю.П.</i> Тайга идет на север	3	5–23
<i>Буфетова А.Н.</i> О пространственной неоднородности и пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России	4	3–33
<i>Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А.</i> Налоговые поступления в Российской Федерации: отраслевые и региональные структурные сдвиги	4	34–64

<i>Васильев Д.К., Лимонов Л.Э.</i> Неравномерное развитие регионов России в контексте инфраструктурной финансиализации	4	65–89
<i>Ершов Ю.С., Мельникова Л.В.</i> Сибирский периферийный округ: стабильность или стагнация?	4	90–119
Экономические проблемы развития регионов		
<i>Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю.</i> Прогноз устойчивости экономики Кузбасса в условиях системных вызовов	2	27–46
<i>Байдаков А.Н., Звягинцева О.С.</i> Многоуровневое позиционирование аграрно-территориальных систем	2	47–80
<i>Яковлева П.Э., Корнилова Ю.С.</i> Конкурентоспособность региона через призму показателей региональной экономики (на примере Нижегородской области)	3	24–52
<i>Маркин М.Е., Вишнякова В.А.</i> Условия для ведения бизнеса в Саранске до и после чемпионата мира по футболу 2018 года	3	53–74
<i>Иванов П.А.</i> Оценка экономической специализации региона на основе метода TOPSIS	4	120–142
<i>Халимова С.Р.</i> Оценка вклада компаний разного возраста и размера в развитие региональных рынков	4	143–170
<i>Сысоева Н.М.</i> Укорененный сектор экономики в сибирских регионах	4	171–191
<i>Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Забелина И.А.</i> Обработывающая промышленность на Востоке России в условиях экономических шоков	4	192–193
Социальные проблемы регионального развития		
<i>Попова Л.А., Зорина Е.Н.</i> Демографические аспекты старения населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости	2	81–104
<i>Ильдарханова Ч.И., Архангельский В.Н., Абдульязнов А.Р., Ершова Г.Н.</i> Самосохранительное поведение населения Республики Татарстан в контексте ожидаемой продолжительности жизни	2	105–136
<i>Уксусов М.А., Александрова Е.В.</i> Социальная активность молодежи Арктики: практики, тематическая повестка и медиа-образ	2	137–156
<i>Бабкин Р.А., Медведникова Д.М.</i> Пространственная трудовая мобильность как индикатор для структурирования Московской агломерации	2	157–181
<i>Вавилина Н.Д., Шпигунова Ю.М.</i> Социальное дистанцирование как процесс социального взаимодействия в условиях мегаполиса	3	75–97

<i>Степуть И.С., Аверьянов А.О., Хотеева Е.А., Симакова А.В., Шабаетва С.В.</i> Мотивационные драйверы миграции населения (на примере молодежи Арктической зоны России)	3	98–125
<i>Кабашева И.А., Рудалева И.А.</i> Здоровьесберегающее поведение населения в регионах с разным качеством жизни	3	126–153
<i>Чикова Е.В., Бородкина О.И.</i> Актуальные проблемы развития третьего сектора социальных услуг на Дальнем Востоке (на примере Хабаровского и Приморского краев)	3	154–178
<i>Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.</i> Социально-экономические детерминанты консолидации городских сообществ в приграничных регионах Центрально-Черноземной России	4	222–252
<i>Осмоловская-Суслина А.Л., Борисова С.Р.</i> Покупательная способность работников в субъектах РФ по видам экономической деятельности	4	253–281
<i>Мерзлов А.В., Воронцова Н.В., Тимофеев Ю.В., Страхова М.А.</i> Сельская местность глазами туристов и новых жителей	4	282–299
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики		
<i>Балакина Г.Ф., Кибалов Е.Б., Пятаев М.В., Шибикин Д.Д.</i> Железнодорожные проекты Сибири и транспортная проблема Республики Тыва: системный анализ возможных решений	3	179–201
<i>Ягольницер М.А.</i> Особенности институциональных механизмов инновационного развития регионов России	4	300–325
<i>Кузавко А.С.</i> Актуальные аспекты трансформации экономики российско-белорусского приграничья в условиях межгосударственной интеграции	4	326–354
Трансграничные взаимодействия в Северной и Северо-Восточной Азии		
<i>Тулохонов А.К., Михеева А.С., Лубсанова Н.Б.</i> Первая конференция по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР: уроки для современности	1	289–301
<i>Аюшеева С.Н., Лубсанова Н.Б., Михеева А.С., Максанова Л.Б.-Ж., Батомункуев В.С.</i> Стратегические основы и механизмы «зеленого» развития стран и регионов Северной Азии	2	182–209
<i>Сунь Чжуанчжи.</i> Гармонизация развития стран Евразии в контексте реализации и модернизации стратегической инициативы «Пояс и путь»	3	202–221

Эколого-экономические проблемы регионального развития		
<i>Бурматова О.П.</i> Методологические основы подхода к прогнозированию экологических последствий формирования экономики региона	1	302–329
<i>Мельникова Т.Б., Савицкая О.Е., Вострикова М.М., Асриев С.В., Пьянкова А.Ю.</i> Оценка восприятия социокультурных ценностей особо охраняемых природных территорий населением городов	2	210–236
<i>Верченко Д.Ю., Пыжжев А.И., Курбатова М.В.</i> Факторы загрязнения воздуха от стационарных источников в муниципальных образованиях регионов Сибири	3	222–250
<i>Ненашева М.В.</i> Оценка климатических рисков для жизнедеятельности сельского населения Европейского Севера (на примере Приморского района Архангельской области)	3	251–273
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития		
<i>Олифир Д.И.</i> Определение специализаций экономики в муниципальных районах Санкт-Петербургской агломерации	2	237–267
<i>Петрова И.В., Шатохин Д.А., Паксиваткина В.А.</i> Инициативное бюджетирование в реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации	3	274–293
Научная жизнь		
<i>Гильмуллин В.М.</i> XVII Международная научно-практическая конференция РОЭЭ «Глобальные вызовы и национальные экологические интересы: экономические и социальные аспекты»	1	330–339
Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Марка Константиновича Бандмана. Экономический потенциал востока России, региональные проблемы и их решение (Новосибирск, 21–22 мая 2024 г.)	1	340–341
Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Марка Константиновича Бандмана. Экономический потенциал востока России, региональные проблемы и их решение (<i>Е.А. Коломак</i>)	2	268–271



Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> ,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
<http://sibran.ru/journals> .

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://recis.ru/> , Издательства СО РАН <http://sibran.ru/> , Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.hse.ru/region> .

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес редакции и издательства:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через агентства «Пресса России», «Урал-Пресс», АО «Международная книга-периодика» и Издательство СО РАН.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals> .

Выпускающий редактор *С.Р. Халимова*

Редактор *Е.Б. Артемова*

Компьютерная верстка и техническое редактирование *Т.Г. Чуевой*
Перевод *В.О. Панна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 26 ноября 2024 г. Выход в свет 26 декабря 2024 г.

Формат бумаги 60 84 1/16. Цифровая печать.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 20,25.

Тираж 148 экз. Заказ № 100. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

The journal was first issued in 1963. It was published under the title of Bulletin of Siberian Branch of AS USSR: Social Sciences. In 1993, it was registered as an independent scientific publication, Region: Economics and Sociology. The journal is issued on a quarterly basis.

Publisher: Federal State Budgetary Scientific Institution
Institute of Economics and Industrial
Engineering (IEIE), Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences (SB RAS)

Founders: Siberian Branch RAS,
IEIE SB RAS,
Executive Office of the Interregional
Association «Siberian Accord»

Editor-in-Chief

V.E. Seliverstov, Doctor of Economics, e-mail: sel@ieie.nsc.ru

Deputy Editors-in-Chief

T.Yu. Bogomolova, Candidate of Sociology, e-mail: bogtan@rambler.ru

V.I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, e-mail: suslov@ieie.nsc.ru

Managing Editor

S.R. Khalimova, Candidate of Economics, e-mail: sophiakh@academ.org

Executive Editor

E.S. Kopylova, e-mail: yes@ieie.nsc.ru

Members of Editorial Board

J. Bański, Doctor of Sciences (Poland); *B. Batbuyan*, Doctor of Sciences (Mongolia); *J. Bachtiler*, Professor (UK); *N.D. Vavilina*, Doctor of Sociology (Russia); *T.S. Vertinskaya*, Candidate of Economics (Belarus); *V.M. Heyets*, Member of the National Academy of Sciences (Ukraine); *B.S. Zhikharevich*, Doctor of Economics (Russia); *E.A. Kolomak*, Doctor of Economics (Russia); *N.A. Kravchenko*, Doctor of Economics (Russia); *Zh.A. Kulekeev*, Candidate of Economics (Kazakhstan); *V.V. Kuleshov*, Member of the RAS (Russia); *Yu.G. Lavrikova*, Doctor of Economics (Russia); *V.N. Leksin*, Doctor of Economics (Russia); *L.V. Melnikova*, Candidate of Economics (Russia); *P.A. Minakir*, Member of the RAS (Russia); *N.N. Mikheeva*, Doctor of Economics (Russia); *A.S. Novoselov*, Doctor of Economics (Russia); *I. Pálné-Kovács*, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary); *A.N. Pelyasov*, Doctor of Geography (Russia); *B.N. Porfiriev*, Member of the RAS (Russia); *B.G. Saneev*, Doctor of Engineering (Russia); *S.V. Soboleva*, Doctor of Economics (Russia); *S. Tabata*, Professor (Japan); *G.A. Untura*, Doctor of Economics (Russia); *O.P. Fadeeva*, Candidate of Sociology (Russia)

Publisher's address: 17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: region@ieie.nsc.ru, yes@ieie.nsc.ru

© IEIE SB RAS, 2024

© SB RAS, 2024

Индекс 43708 (каталоги «Пресса России» и «Урал-Пресс»)

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи:

- Система региональной политики: концепция и реальность
- Развитие энергетики арктической зоны Красноярского края как драйвер наращивания социально-экономического потенциала территории
- Вызовы и угрозы устойчивому развитию региона в сфере доходов населения: методика оценки и результаты апробации
- Ценности «горнозаводской цивилизации»: отражение в представлениях работников промышленных предприятий Свердловской области
- Сибирь – Центральная Азия: экономические и научно-технические взаимодействия
- Экономическое взаимодействие стран Центральной Азии и России: современные вызовы
- Транспортно-логистическая инфраструктура Новосибирского узла как основа взаимодействия с Китаем и странами Центральной Азии
- Отражение целей и задач циркулярной трансформации инфраструктуры туризма в документах стратегического планирования
- Экологическая трансформация российской индустрии гостеприимства: оценка текущего состояния и выявление инструментов стимулирования (по результатам экспертного опроса)
- Развитие методологии теоретических и прикладных исследований проблем регионального и муниципального управления
- Цифровая трансформация предприятий Свердловской области в рамках нацпроекта «Производительность труда»: проблемы и перспективы реализации

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Каждой статье присваивается **индекс DOI** – идентификатор цифрового объекта.

С правилами для авторов и требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на официальном сайте журнала «Регион: экономика и социология» **<http://recis.ru>**.

Полнотекстовая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и Издательства СО РАН <http://sibran.ru/journals>.

Условия подписки на бумажную версию журнала или полнотекстовую сетевую версию в Интернете публикуются на сайте <http://sibran.ru/journals>.

Подписку на журнал также можно оформить во всех почтовых отделениях России, стран СНГ и Балтии по Каталогам газет и журналов агентств «Пресса России» и «Урал-Пресс» (индекс 43708).

Журнал издается ежеквартально на английском языке с названием ***Regional Research of Russia*** и включает переводы статей по региональной экономике, региональной социологии и другим направлениям региональных исследований. Журнал RRR включен в Международную базу данных **Scopus**. Для подписки на RRR следует обращаться в издательство Springer (www.springer.com, e-mail: journals-ny@springer.com).

Журнал «Регион: экономика и социология» включен в Перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикацию работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.